

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

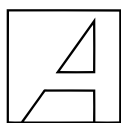
Konrad
Adenauer
Stiftung

**Н
Ц**

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АН РУз
КООРДИНАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЦЕНТР ПО ВОПРОСАМ
НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ УЗБЕКИСТАНА АН РУз

Konrad
Adenauer
Stiftung

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

Ответственные редакторы и составители
А.К. Аликберов, М.А. Рахимов

Москва
ИВ РАН
2018

УДК 93
ББК 63.3(0)64
Н 72

**Издание осуществлено при поддержке
Фонда имени Конрада Аденауэра (Германия)**

Редакторы-составители: А.К. Аликберов, М.А. Рахимов

Н 72 Новейшая история Центральной Азии: Проблемы теории и методологии: сб. статей / вступ. ст., подгот., отв. ред.-сост. А.К. Аликберов, М.А. Рахимов / Российская акад. наук. Ин-т востоковедения. Ин-т истории АН РУз. — М.: Институт востоковедения РАН, 2018. — 304 с. — ISBN 978-5-89282-789-8

ISBN 978-5-89282-789-8

Сборник статей включает в себя исследования по теории и методологии исторической науки на основе материалов новейшей истории Центральной Азии, выполненные в рамках научной программы Института истории Академии наук Республики Узбекистан, «Центра новейшей истории» по проведению научных конференций, международных и региональных «круглых столов» и экспертных встреч с участием исследователей из различных стран Европы и Азии. Проект издания книги осуществлен с участием Института востоковедения РАН (Москва) при финансовой поддержке Фонда им. Конрада Аденауэра (ФРГ).

Книга предназначена для исследователей и студентов, будущих историков, этнологов, культурологов, дипломатов, политологов, интересующихся проблемами новейшей истории стран Центральной Азии, а также междисциплинарными аспектами теории и методологии истории.

© А.К. Аликберов
© М.А. Рахимов
© Институт востоковедения РАН
© Институт истории АН РУз
© КМЦВНИ АН РУз

ISBN 978-5-89282-789-8

Содержание

5 ВВЕДЕНИЕ

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ

**12 А.К. АЛИКБЕРОВ
НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ
ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ**

**31 Л.Б. АЛАЕВ
ОСНОВНЫЕ ОШИБКИ МАРКСА КАК ПОЛИТЭКОНОМА**

**42 В.С. ХАН
О БАЗОВЫХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПРИНЦИПАХ
И ПРОБЛЕМАХ ОБЩЕСТВЕННО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

**64 А.С. ТАТЫБАЕВ
ДИХОТОМИЯ ВОСТОК–ЗАПАД
В СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ПАРАДИГМЕ**

**71 Р.Ю. ТУРСУНОВА
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ИССЛЕДОВАНИЯ ДУХОВНОСТИ**

ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ ТЕОРИИ ИСТОРИИ
К СТРАНАМ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

**86 М.А. РАХИМОВ
НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ УЗБЕКИСТАНА
В СИСТЕМЕ ВЗАИМОСВЯЗИ РЕГИОНАЛЬНЫХ
И ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ**

**99 Р.М. АБДУЛЛАЕВ
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ УЗБЕКИСТАНА:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

**116 Ш.Б. МУХАМЕДОВ
К НЕКОТОРЫМ ПАРАДИГМАМ
В НОВОЙ ИСТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

**132 Ж.Б. САЛОМОВ
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ
ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ СТРАН**

- 145 Р.Р. НАЗАРОВ
**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ
ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ И МЕЖЭТНИЧЕСКИХ
ОТНОШЕНИЙ В УЗБЕКИСТАНЕ**
- 163 И.А. ФУКАЛОВ
**ВЛИЯНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ
НА ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ
КЫРГЫЗСТАНА И КАЗАХСТАНА**
- 175 С.М. АДЫЛХОДЖАЕВА
**ВОПРОСЫ ПОСТРОЕНИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА
И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СТРАТЕГИИ
РАЗВИТИЯ УЗБЕКИСТАНА**
- МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ ПОЛЕ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ*
- 196 Т.В. МАРМОНТОВА, А.Т. СЕРИКБАЕВА
**ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ РЕГИОНОВЕДЕНИЯ
В КАЗАХСТАНЕ**
- 208 М.С. ИСАКОВА
**АРХИВНОЕ ДЕЛО В УЗБЕКИСТАНЕ: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ
И ПЕРСПЕКТИВА РАЗВИТИЯ**
- 227 А.М. МАЛИКОВ
**СОВРЕМЕННАЯ ЭТНОЛОГИЯ В СТРАНАХ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
ИССЛЕДОВАНИЙ И МЕТОДОЛОГИЯ**
- 247 Д.Б. САЙФУЛЛАЕВ
**ТРАДИЦИОННЫЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ
К ИЗУЧЕНИЮ ДИПЛОМАТИИ**
- 260 Р.Ф. ФАРМОНОВ, С.М. АЛ-ЛАВАТИ
**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
И СУЛТАНАТОМ ОМАН**
- 271 С.А. РАХИМОВ
**ИССЛЕДОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
И ФАКТОРОВ СТАБИЛЬНОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**
- 287 М.С. ТУХТАЕВА
**О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ТРАДИЦИИ ИЗУЧЕНИЯ
ИСТОРИИ ИСКУССТВА УЗБЕКИСТАНА СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА**
- 300 **СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ**

ВВЕДЕНИЕ

После распада СССР и разрушения более или менее сбалансированной, но при этом антагонистической биполярной системы миропорядка философы и теоретики науки в очередной раз, уже который после В.С. Соловьева¹, заговорили о кризисе философии. А.А. Зиновьев заявил о крахе марксизма и гибели утопии, охарактеризовав события начала 1990-х гг. как русскую трагедию². Обсуждение этого кризиса затронуло европейскую мысль от марксизма до постмодернизма³, а также философию от феноменологии, эмпирицизма, холизма, герменевтики, психологизма и эпистемологии до трансцендентального идеализма⁴. Общим в этих дискуссиях оставалось требование вернуться к логике и критическому реализму⁵, а также убеждение в абсолютной несостоятельности марксистской теории. А.М. Хазанов даже сравнил ее с «мертвой лошадьё», которую он не желает «хлестать»⁶.

¹ См.: Соловьев В.С. Кризис западной философии. По поводу «Философии бессознательного» Гартмана (Статья первая). М.: Ред. Православного обозрения, 1874; см. также: *Solovyov V. The Crisis of Western Philosophy: Against the Positivists*. Translated and edited by Boris Jakim. New York: Lindisfarne Press, 1996.

² Зиновьев А. А. Русская трагедия. М.: Алгоритм, 2007.

³ *Crises in Continental Philosophy*. Ed. by A. B. Dallery, Ch. E. Scott, P. H. Roberts. Albany, N.Y.: State University of New York Press, 1990 (287 с.).

⁴ Подробнее об этом см.: Мегилл А. Историческая эпистемология / пер. с англ. М. Кукарцевой, В. Кашаева, В. Тимонина. М., 2007.

⁵ *McCarthy M.H. The Crisis of Philosophy: Emerson in the Twenty-first Century*. Albany, N.Y.: State University of New York Press, 1990.

⁶ Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. С. 18.

Чуть позже выяснилось, что марксистская теория истории может быть еще востребована в XXI в.,¹ но в тот период в гуманитарных науках во всем мире царил некоторая неопределенность и растерянность.

На разломе эпох в первую очередь пострадали гуманитарные дисциплины, которые выполняли социальный заказ и потому были тесно связаны с государственной идеологией: одни из них впоследствии были полностью ликвидированы (история КПСС, научный атеизм и др.), а другие претерпели заметную трансформацию, пытаясь перейти на новый язык социального описания (например, история СССР, новейшая история и др.). В связи с этими событиями некоторые исследователи поспешили заявить о «методологическом кризисе исторической науки» как об общеизвестном явлении².

В научных кругах постсоциалистических и особенно постсоветских стран до сих пор существует острый и не до конца удовлетворенный запрос на теорию³. Такое положение дел обусловлено разными причинами: дальнейшим развитием гуманитарных и общественных наук, глобализацией науки, выразившейся во взаимопроникновении методов и подходов Запада и Востока, продолжающейся конкуренцией т.н. «больших теорий» между собой. Существующие теории не дают четких критериев, которые были бы в одинаковой мере применимы ко всем явлениям, событиям и фактам. Историкам вместе либо приходится участвовать в разработке новых теорий и подходов, либо ограничиваться некоторым набором известных научных методов (системного и др.), либо с некоторыми оговорками использовать те или иные модификации известных теорий, прежде всего формационной, цивилизационной и модернизационной.

Самостоятельно отбирая наиболее значимые, актуальные и перспективные для себя принципы известных теорий и добываясь их систематического единства, начинающий историк, не имеющий достаточного опыта практических исследований, нередко попадает в ловушку. Принципы и подходы разных теорий имеют в своей основе совершенно различные критерии, а цельность любой методологии, как известно, обеспечивается единством принципов, критериев и понятийного аппарата.

¹ Marxism History-Writing for the Twenty-First Century. Ed. by Ch. Wickham. New York, 2007. См. также: Уикхем К. Что марксизм сделал для истории Средневековья и что он еще может сделать? // Средние века. 2007. Вып. 68(1).

² См., например: Савин А.Э. Методология истории и трансцендентальная философия: постановка проблемы // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 300 (1). С. 64.

³ Пути России. Новые языки социального описания: сборник статей; под ред. М.Г. Пугачева, В.П. Жаркова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. Том XIX.

Продолжающееся углубление предметной специализации исторической науки, которую С.И. Посохов назвал историографическим диагнозом¹, дает не только очевидный положительный эффект, выражающийся в том числе и в постоянном расширении тематики междисциплинарных исследований, но и некоторый негативный. Все чаще исследователи приходят к пониманию того, что один предмет должен изучаться одновременно многими науками, но в их тесном взаимодействии². Кроме того, анализ исторического материала выявляет в каждом аспекте проблемы новые грани, относящиеся к различным классам социальных феноменов, при изучении которых каждая дисциплина допускает невольные искажения объективной реальности из-за специфики «собственного» предмета. Погоня за спецификой исследуемого частного нередко приводит к тому, что упускается специфика единого целого, поскольку научные дисциплины, изучающие частные аспекты (например, политические, этнические, религиозные, правовые и др.) единого целого (социального), методологически и предметно давно разобщены.

Новейшая история является неотъемлемой частью новейшей истории человечества, она тесно переплетена с региональными и глобальными процессами. Объявив независимость, государства Центральной Азии взяли курс на коренное преобразование всей политической и социально-экономической системы. Этот процесс проходил в условиях сложных политических, мировоззренческих и социально-экономических трансформаций. В ходе преобразовательных реформ возникло немало проблем и трудностей, обозначивших серьезные вызовы времени.

В свете этих условий стратегически важное значение обретает теоретическое и практическое изучение новейшей истории, рассмотрение современных процессов в широком комплексе таких научных дисциплин, как история, политология, международные отношения, экономика, социология, психология, антропология и др. Научное осмысление этих процессов в значительной мере связано с детальным критическим анализом существующего понятийно-методологического арсенала исторической науки и, соответственно, обновлением теоретического потенциала всех научных направлений, занимающихся исследованием различных сюжетов новейшей истории. На современном этапе развития исторической науки заметным явлением ста-

¹ Посохов С.И. «Фрагментация» как историографический диагноз // Профессия – историк. К юбилею Л. П. Репиной. М.: Аквилон, 2017. С. 152–177.

² См., например: Кедров Б.М. О современной классификации наук // Вопросы философии, 1980. № 9.

новится её теоретическое обогащение. В теоретическом арсенале всё большее место занимает междисциплинарность, т.е. использование в изучении прошлого методов различных общественных наук.

Историческая наука на всём постсоветском пространстве в последние четверть века постепенно начала выходить из состояния некоторой методологической растерянности, в которой она пребывала накануне и в первые годы после распада СССР. Однако теоретико-методологическое переоснащение исторического знания после отказа от концептуальных ориентиров в виде господствующих на протяжении многих десятилетий марксистских приоритетов, как показала практика, оказалось довольно непростым делом. Этот процесс потребовал и продолжает требовать со стороны специалистов серьёзных интеллектуальных усилий, направленных на практическое переосмысление теоретической базы исторической науки и на упорядочение её терминологии.

Игнорирование методологии как излишней рефлексии, или полное освобождение от «диктатуры метода», к которому призывал наиболее заметный, наряду с Имре Лакатосом, представитель методологического анархизма Пол Фейерабенд¹, совершенно бесперспективны: подчинение содержания работы общим методологическим принципам является признаком академического труда.

* * *

Данная книга представляет собой уникальный в своем роде проект, в котором в достаточной мере нашли отражение самостоятельные методологические поиски исследователей новейшей истории народов Центральной Азии. Изучение проблематики темы осуществлялось в рамках научной программы Института истории Академии наук Республики Узбекистан с 2013 по 2017 гг. с участием исследователей из Германии, Индии, Казахстана, Кыргызстана, России, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана, Франции и при финансовой поддержке Фонда им. Конрада Аденауэра (ФРГ).

Важным событием проекта стало проведение в сентябре 2015 г. Институтом истории Академии наук Республики Узбекистан и Реги-

¹ Идея «науки без метода» оправдывается целью абсолютной свободы научного творчества, в первую очередь — от диктатуры методологии, взамен которой предлагаются ничем не ограниченный научный реализм (в т.ч. материализм как сверхреализм) и инструментализм, теоретический плюрализм, релятивизм, структурализм и критический рационализм, основанный на духовных ценностях. Тем не менее Фейерабенд имел в виду не нигилистическое отрицание метода как такового, а свободную конкуренцию методов и идей. См.: *Feyerabend P. Against Method*. London, 1975; *Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки*. М., 1986; *Preston J. Feyerabend: Philosophy, Science and Society*. Cambridge: Polity Press, 1997.

ональным Представительством Фонда Конрада Аденауэра Международной научной конференции «Изучение новейшей истории: методология, подходы и концепции» в Ташкенте. Модераторами научных сессий этой конференции имели честь выступить ответственные редакторы этой книги. К участию в работе конференции были приглашены ведущие специалисты из разных стран в области истории, географии, политологии, социологии, антропологии, юриспруденции, международных отношений, образования, чьи интересы и научные исследования связаны с изучением новейшей истории. В рамках конференции были заслушаны доклады ведущих исследователей по актуальным вопросам изучения и разработки междисциплинарных подходов новейшей истории, которые после их тщательной доработки и составили основу данного научного сборника.

Для удобства читателя статьи в этой книге объединены в рамках трех разделов. Первый раздел включает в себя общетеоретические исследования. Статья А.К. Аликберова вводит в общую проблематику темы. Известный российский востоковед Л.Б. Алаев в статье, написанной специально для данного сборника, концентрирует внимание на уязвимые места в экономической теории Маркса, которая, как известно, использовалась как базис для марксистской концепции истории. В.С. Хан расширил рамки теории истории до общей теории гуманитарных наук, последовав примеру Н. И. Кареева¹, в предметном отношении более точно охарактеризовав их как «общественно-гуманитарные науки» (ОГН). А.С. Татыбаев предпочел рассматривать традиционную дихотомию Восток–Запад вместо новомодной Север–Юг, поскольку с точки зрения цивилизационной теории в пространстве от Пиренейского полуострова до Дальнего Востока, с Центральной Азией между ними, именно это направление социокультурного взаимодействия было и остается определяющим. Замыкает раздел историографическая статья Р.Ю. Турсуновой о теоретических аспектах проблемы духовности.

Второй раздел демонстрирует удачное сочетание теоретического и эмпирического материалов на примере стран Центральной Азии. Открывает его статья М.А. Рахимова о новейшей истории Узбекистана, рассматриваемой автором в системе взаимосвязи региональных и глобальных процессов. Анализ политического аспекта теории истории продолжается в статьях Р.М. Абдуллаева, Я.Б. Саломова, И.А. Фукалова, этнического аспекта — в статье Р.Р. Назарова, правового — в статье С.М. Адилходжаевой. Содержание статьи Ш.Б. Мухамедова выходит за пределы хронологических рамок новейшей истории, отчасти под-

¹ Кареев Н. И. Из лекций по общей теории истории. Ч. I. Теория исторического знания (Историка). СПб./Пг.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1913.

тверждая тезис о том, что к историческому познанию, независимо от его хронологии, должны быть применимы единые методы и подходы.

Завершающий раздел о междисциплинарном поле новейшей истории, точнее, исторического знания, как определил его Ф. Цвикки¹, представлен материалами по регионоведению (Т.М. Мармонтова, А.Т. Серикбаева), архивистике (М.С. Исакова), этнологии (А.М. Маликов), дипломатии (Д.Б. Сайфуллаев), международным отношениям (Р.Ф. Фармонов, С.А. ал-Лавати, С.А. Рахимов), истории искусства (М.С. Тухтаева).

* * *

Редакторы данного сборника видели свою задачу в максимально точном сохранении всего объема ценного эмпирического материала по новейшей истории Центральной Азии, самостоятельных теоретических подходов и системы аргументации, а также оригинального стиля авторов. По этой причине сохранены ссылки авторов на официальные документы и политические декларации, которые в ходе работы обновлялись. Мы также попытались сократить до минимума долю пересказов известных концепций истории и методологических подходов, чтобы они не заслоняли оригинальные подходы самих авторов. Современные работы по теории истории большей частью носят обзорный характер, поэтому полностью избежать этого оказалось невозможным.

Надеемся, что книга может быть полезной как для специалистов по Центральной Азии, так и методологов истории и метатеории гуманитарных наук – хотя бы для того, чтобы зафиксировать нынешний уровень теоретического осмысления новейшей истории в странах Центральной Азии преимущественно специалистами из этих стран, этакий «взгляд изнутри».

Д-р Томас Кунце,

региональный уполномоченный представитель
Фонда имени Конрада Аденауэра
по Центральной Азии.

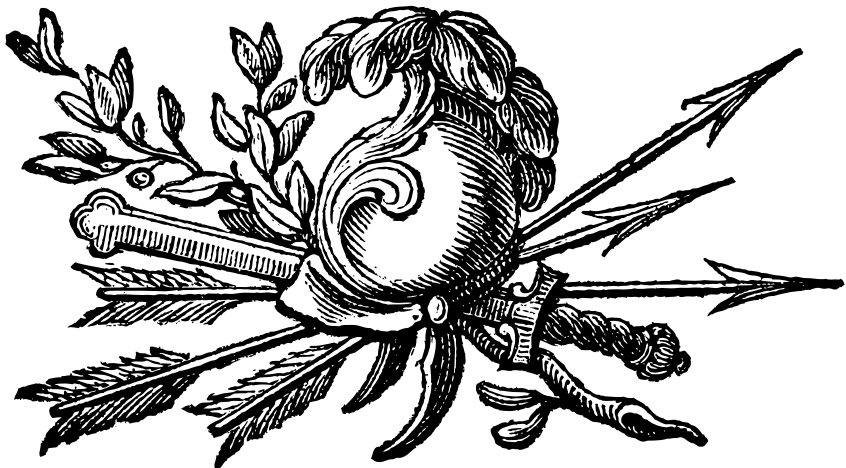
А. К. Аликберов,

заместитель директора Института востоковедения РАН.

М. А. Рахимов,

директор Координационно-методического центра
по вопросам новейшей истории Узбекистана при АН РУз.

¹ *Zwicky, Fritz. Discovery, Invention, Research through the Morphological Approach. Transl. from the German edition (Munich, 1966). Toronto: Collier-Macmillan Canada Ltd., 1969.*

**ОБЩИЕ ВОПРОСЫ
ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ
ИСТОРИИ**

А.К. АЛИКБЕРОВ

**НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ
И МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ**

Нужна ли истории общая методология?

Подчинение содержания работы общей методологии является признаком академического труда. Игнорирование методологии вообще как излишней для самодостаточного наблюдателя рефлексии неизбежно порождает противоречия в результатах исследований, снижая тем самым их фактическую ценность. Учитывая, что историческая наука во многих странах в той или иной степени связана с государственной идеологией и даже во многом формирует её (вследствие своей идейно-политической функции, а также функции социальной памяти), историки вынуждены самостоятельно определять методологические основы своего исследования, опираясь на разные теории и концепции, которые не всегда в достаточной степени согласованы. В связи с этим возникает вопрос: должна ли методология истории выполнять функцию единственно верного «руководства к действию», как, например, в свое время марксизм в его ленинской интерпретации, или достаточно того, чтобы исследователь самостоятельно отбирал наиболее актуальные и перспективные для своей темы концепции истории и добивался их систематического единства?

Разрушение в начале 1990-х гг. биполярного мироустройства привело к развалу конфронтационной конструкции противостояния двух противоположных по содержанию философских систем. В кругах интеллектуалов в очередной раз после В.С. Соловьева заговорили о

кризисе философии, но не только западной. Со сложностями в выборе общетеоретических принципов, адекватных состоянию современной науки, в первую очередь столкнулись историки и обществоведы из стран бывшего коммунистического блока. Особенно сильно пострадали гуманитарные дисциплины, выполнявшие социальный заказ и обслуживавшие определенную идеологию. Из исторических дисциплин в самом уязвимом положении оказалась новейшая история.

Если кризис философии еще может ставиться под сомнение, то крах марксистской идеологии и методологии истории в постсоветских странах становится все более очевидным. В научных кругах этих стран существует неудовлетворенный запрос на теорию¹, поскольку популярные теории не дают четких критериев, которые были бы в одинаковой мере применимы ко всем явлениям, событиям и фактам. Исследователям либо приходится ограничиваться более общим системным подходом, либо с некоторыми оговорками использовать те или иные модификации известных теорий, прежде всего формационной, цивилизационной и модернизационной, выделяя из них содержательные принципы, на основе которых анализируются исторические проблемы.

Согласно расхожему утверждению отсутствие идеологии — это тоже идеология. Выступать против идеологии вообще, как системы концептуально оформленных взглядов и идей, совершенно бессмысленно, поскольку без нее существование человека и общества невысказано. Однако идеология неприемлема как основа методологии науки — прежде всего потому, что она дает «искажённое отражение социальной действительности»², пусть и в благих целях, чтобы «представить саму социальную действительность как укрытие от некоей травматической, реальной сущности»³. Методологические подходы научного исследования должны быть очевидно идеологически нейтральными, ибо истинность любой определенной идеологии или идеологемы относительна — даже идея Бога, которая представляется абсолютной истиной только религиозным людям. Сама по себе такая задача практически неразрешима, если не использовать по отношению к объекту исследования тот же понятийный аппарат и семантический ряд, который объект использует для описания самого себя.

¹ В частности, такой запрос был ясно обозначен на состоявшемся в России международном симпозиуме «Пути России: Новые языки социального описания» (Москва, март 2012 г.).

² *Mannheim Karl. Ideologie und Utopie. Bonn, 1929. P. 45–46.*

³ *Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М.: Художественный журнал, 1999. С. 52.*

Теория и философия истории

Как известно, история имеет дело с достоверными историческими фактами, философия — с размышлениями, а религия — с верой. Бертран Рассел, а вслед за ним и академик А.А. Гусейнов определяют философию как ничейную (ничью) землю, расположенную между наукой и религией. Границы этой земли не всегда четко очерчены, поэтому философский дискурс имеет не меньшее значение, чем научный или религиозный¹. Карл Ясперс обосновал и ввел в общественные науки понятие «философской веры»², которое имеет самое прямое отношение к гносеологии — из-за невозможности эмпирически, или экспериментально (физически), а не экзистенциально, т.е. метафизически, решить основную проблему философии. Если в Средние века философия была служанкой богословия³, то на исходе Нового времени начала обслуживать науку, пока с течением времени сама не стала наукой.

Философия превратилась в науку отчасти с помощью логики, отчасти благодаря предметной специализации отдельных ее разделов. Для историков каждый из разделов философии имеет разное значение, так же как и ее методы. Например, метод познания окружающего мира с помощью размышления, который практикует философия, в исторической науке совершенно неприемлем, в то время как историк не может обойтись без философии истории, все большедвигающейся от размышлений о конечном смысле человеческой истории в сторону философского обобщения исторических явлений.

Между методологией истории и философией истории существует теснейшая связь, однако они далеко не тождественны между собой. Философия истории, с тематикой которой соприкасаются и историк, и социолог, и религиовед, и культуролог, занимает среди гуманитарных дисциплин особое положение, особенно в том ее высоком значении, которое было заложено Гегелем. С одной стороны, она является частью академической философии, а с другой — использует в построении своих концепций экзистенциальные, т.е. непредметные методы, в определенной мере зависящие от личного опыта, знаний и особенностей восприятия наблюдателя. Последнее как раз и отличает эту науку не только от социологии истории, хотя они и находятся в определенной степени взаимозависимости, но и от самой исторической науки.

¹ Гусейнов А.А. Этика // Гусейнов А.А. Избранные труды. М. 2012. С. 12.

² Jaspers, Karl Theodor. Der philosophische Glaube angesichts der Offenbarung. Munchen, 1962; Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 443–445.

³ Новая философская энциклопедия: В 4 т. / под ред. В.С. Стёпина. М.: Мысль, 2001.

Развитие философии истории связано с общими философскими подходами к истории, или большими теориями¹. Методология истории гораздо конкретнее: она выявляет исторические закономерности и использует их для выявления целостной картины явления, события или факта; определяет понятийный аппарат, четко разграничивая семантику каждого термина; формирует методики исторического исследования, которые наилучшим образом позволяют решать стоящие перед историком задачи; предлагает критерии критического подхода к источникам и др. Однако у методологии и философии истории есть и общие проблемы. В частности, до сих пор продолжается дискуссия о том, что такое история.

Методология истории учитывает, что смысл исторического факта и его интерпретация не только не тождественны, но и находятся по отношению друг к другу в определенной степени корреляции. В чем задача истории: ограничиться сбором и систематизацией исторических фактов и событий или показать на основе источников, как предлагал методолог истории Леопольд фон Ранке, «как было на самом деле»?² Иначе говоря, перед историком стоит непростая дилемма: выступить в качестве статиста или фиксировать события, давая им объективные, насколько это возможно, оценки? Как же в таком случае определять критерии объективности?

Поскольку метод науки предполагает анализ предмета изучения, а не простую его констатацию, история не только выявляет и фиксирует факты, но и интерпретирует их. Чаще всего момент совершения факта и период его интерпретации сильно разнесены по времени, по месту, что в значительной степени расширяет горизонты для различных толкований и оценок одного и того же факта. Именно поэтому принципы методологии истории должны быть одинаково применимы к событиям древней, средневековой, новой и новейшей истории, где бы они ни происходили.

Место формационной теории в методологии истории

Одна из самых влиятельных материалистических теорий — классическая формационная, или марксистская — изначально строилась по моделям европейской истории, поэтому она лучше всего соответс-

¹ См.: Семенов Ю.И. Философия истории (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). М., 2003.

² Подробнее об этом см.: Krieger, Leonard. Ranke: The Meaning of History. Chicago: University of Chicago Press, 1977; Powell J. M. and Iggers G.G. Leopold von Ranke and the Shaping of the Historical Discipline. Syracuse, 1990.

твует исторической хронологии европейских народов. Чтобы вписать остальные народы в единую канву всемирной истории, разделенной на формации, марксистская традиция разработала целый ряд теорий, в различной мере объясняющих исключения из теории формаций. В их числе — теория об азиатском способе производства¹, или концепция первобытного способа производства². Особые условия прописывались для отсталых с точки зрения марксизма обществ. Для обоснования возможности их ускоренного общественного развития была разработана теория о переходе от одного строя к другому, более развитому, минуя промежуточные стадии.

Кризис марксизма в конце XX в. вынудил поздних советских, а затем и российских методологов истории искать пути обновления теории формаций в сторону ее большей универсализации, чтобы она более адекватно отражала ход исторического процесса. На этом этапе были предприняты попытки изменить число формационных стадий, от шести формаций, где между первобытностью и рабовладением располагался «азиатский (политарный) способ производства» (И.Ю. Семенов)³, до четырех, «большой феодальной формации» вместо рабовладельческой и феодальной (Ю.М. Кобищанов)⁴, и даже двух формаций — единой докапиталистической, или «сословно-классового общества», и капиталистической (В.П. Илюшечкин)⁵. Отдельного внимания заслуживают концепции последовательных фаз исторического развития, которые так или иначе основываются на марксистских положениях⁶. Эти и другие теории представляют собой ценный опыт переосмысления большого массива исторического материала и в этом смысле оказались востребованными у многих историков.

¹ Нуреев Р.М. Азиатский способ производства и социализм // Вопросы экономики. 1990. № 3. С. 47–55. Васильев Л.С. Что такое «азиатский» способ производства? // Народы Азии и Африки 1988. № 3. С. 65–75.

² Румянцев А.М. Возникновение и развитие первобытного способа производства. М., 1981.

³ См.: Семенов И.Ю. Об одном из типов традиционных социальных структур Африки и Азии: прагосударство и аграрные отношения. — Государство и аграрная эволюция в развивающихся странах Азии и Африки. Ред. В. Г. Растяльников. М.: Наука, 1980. С.126–164.

⁴ Кобищанов Ю.М. Теория большой феодальной формации // Вопросы истории 4–5 (1992): 57–72.

⁵ Илюшечкин В.П. Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах. М.: Наука, 1990.

⁶ Например, И.М. Дьяконов (Пути истории: от древнейшего человека до наших дней. М., Восточная литература, 1994. С. 68–70) выделил 8 таких фаз: первобытную, отдельно первобытнообщинную, раннюю древность, имперскую древность, средневековье, стабильно-абсолютистское постсредневековье, капиталистическую фазу, посткапиталистическую фазу. Критерии выделения этих фаз были подвергнуты резкой критике (И.Ю.Семенов и др.).

Проблема, однако, лежит в другой плоскости — в истории человечества ни одна из формаций не существовала в чистом виде, даже в тех обществах, которые были взяты в качестве моделей. Тем более что связь социальной организации общества и способа производства, являющегося важнейшей характеристикой материального типа общества¹, далеко не абсолютна: это доказывается хотя бы тем, что в индустриальных обществах в определенных условиях возникают рецидивы «феодалного» и даже «рабовладельческого строя». С другой стороны, отношения феодала и его вассалов отражают в большей степени политические, внеэкономические отношения в обществе, которые являются лишь производными от общественных отношений, а не наоборот. Другие определения, сыгравшие в свое время позитивную роль в общественных науках («рабовладельческий строй», «капитализм», «социализм» и др.), в наибольшей степени указывают лишь на способ распределения материальных благ. Это значит, что методология истории должна представлять лишь самые общие принципы на максимально высоком уровне обобщения.

Еще одна проблема формационных теорий связана с понятийным аппаратом. Речь даже не о том, устарели или нет эфемерные определения типа «феодализм», а о том, насколько они адекватны при специфике каждого общества, как, например, в данном случае разница между ленными владениями (*феодами*) в средневековой Европе и институтом *икта* на Востоке. Кроме того, в какой степени правомочны описания исторических типов социальной организации с помощью терминов, содержащих современные значения и потому не вполне учитывающих ее продолжительную социальную историю (ср.: «военная демократия» и др.)? Таким образом, понятийный аппарат исторического исследования должен иметь корректную, четко определенную и однозначно понимаемую исследователями семантику.

Методология исторического исследования должна обладать внутренней целостностью и завершенностью. Попытки соединить в одной плоскости преимущества наиболее влиятельных теорий современности, имеющих совершенно разные системы координат, предпринимались не раз, особенно применительно к формационной теории, господствовавшей в социалистических странах, и цивилизационной, распространенной на Западе. Однако, как отметила Н.Я. Бромлей, «формация и цивилизация — <...> разные “срезы” в развитии общества как целостной системы. Формация — это социоэкономическая категория, цивилизация — социокультурная. И только изучение их

¹ Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 13. М., 1959. С. 6–8.

в неразрывной взаимосвязи и взаимообусловленности может дать и научно обоснованные теоретические концепции, и ценностные практические выводы»¹. Другие исследователи, например Л.И. Рейснер, отличают социально-экономический подход марксизма от ценностно-институционального подхода цивилизационной теории. Чтобы совместить эти два подхода, Л.И. Рейснер пришлось отойти от теории пяти формаций и вернуться к Марксову же делению истории на две формации: первичную и вторичную². Предложенная схема позволяет в известной степени сбалансировать различные аспекты исследований, однако и она не безупречна. В частности, в полной мере не преодолены как семантическая многозначность, так и смысловая ограниченность многих марксистских терминов, оправданные только при изучении вполне определенных аспектов общественных процессов; кроме того, игнорируются идеалистические подходы, чрезвычайно важные при изучении религии.

Цивилизационные подходы

Цивилизационная теория сегодня активно вытесняет формационную, прежде всего в области новейшей истории, этнологии и культурологии. Однако она также не лишена недостатков. Основной недостаток цивилизационных теорий, по признанию их последователей, заключается в том, что многие теоретические принципы формулируются с помощью категорий, содержание которых не вполне определено. В частности, границы между «цивилизованностью» и «нецивилизованностью» всегда очень условны: то, что считается цивилизованным в одной социальной группе общества, в другой социальной группе того же общества может быть воспринято как бескультурье, не говоря уже о различных обществах. Именно по этой причине предложение Норберта Элиаса объяснять абсолютно все явления действительности в терминах «цивилизованного» или «нецивилизованного»³ кажется малопродуктивным, хотя и удобным, в исследованиях, которые ставят целью выявление характерных особенностей конкретных обществ.

Более того, продолжает оставаться дискуссионным и само понятие цивилизации. Признание тезиса о том, что именно религии обусловили специфику цивилизаций, заставляет исследователей обращать

¹ Бромлей Н.Я. К вопросу о соотношении понятий «цивилизация» и «формация» (Пolemические записки) // Цивилизации. Вып. 1. 1993. С. 225.

² Рейснер Л.И. Историческое общество как единство формационного и цивилизационного начал // Цивилизации. Вып. 1. 1993. С. 59–60.

³ Elias Norbert. What is Sociology? L.: Hutchinson, 1978. P. 3.

внимание на особенности самих религиозных систем. Необходимость адекватного выявления этих особенностей в свою очередь требует выработки общих критериев не только со стороны философов, культурологов, историков и социологов, но и религиоведов, этнологов и других специалистов. Это нужно в том числе и для выработки единого для всех дисциплин языка социального описания, поскольку, как указывают сами методологи междисциплинарного подхода, язык отдельных дисциплин, или «очищенный» условный метаязык, уже не может функционировать в качестве теоретического. Поэтому общий язык гуманитарных наук должен обладать терминологической четкостью, семантической точностью своих понятий и категорий, особенно для исторически динамичных обозначений, сложных по составу абстракций и собирательных названий.

Такие обозначения, как «верховная власть», «политическая элита», «демократическая форма правления», «гражданское общество», становятся своего рода «троянскими конями», как только их начинают применять в обобщениях без учета специфики конкретного явления или предмета. Такие категории приобретают содержательное значение только при их «заземлении», непосредственной привязке к конкретным условиям, персоналиям, социуму или стране. С другой стороны, многие религиозные названия и определения, которыми приходится оперировать при изучении религии и общества, например, «христианский», «исламский» и др., с точки зрения герменевтики являются собирательными: они приобретают содержательное значение только на самом высоком уровне конфессиональной консолидации. В реальной жизни каждый человек или явление имеет более точную характеристику, в том числе и конфессиональную: в христианстве — католическую, православную, протестантскую, еще точнее — лютеранскую, кальвинистскую и др.; в исламе — суннитскую или шиитскую, внутри суннизма — ханафитскую или шафиитскую, и т.д. Еще больше усложняет эту ситуацию исторический опыт взаимодействия культур. На личном уровне важнее всего оказывается актуальность социальных связей в данном конкретном месте и в рамках определенного времени.

Христианская мораль и исламская этика также всегда абстрактны, конкретны лишь морально-этические установки определенной школы или автора. Поэтому политические процессы или социальные явления, имеющие место в обществах, где господствует ислам, не совсем корректно называть мусульманскими только на основании конфессионального происхождения участников этих процессов; это ведет к неправомерным отождествлениям и, как следствие, ошибочным выводам и заключениям. Равное использование определений

«исламская культура» или даже «исламская страна» и по отношению к поликонфессиональным и сравнительно более светским обществам, где ислам представляет собой историческую доминанту, но уже потерявшую свою системообразующую роль, и по отношению к обществам, которые на государственном уровне руководствуются религиозным законом (*шари'атом*) и официально называются исламскими, выхолащивает разницу между ними, весьма значимую внутри самих этих обществ.

Методология истории не может содержать оценки и противопоставления, особенно в сфере культур разных народов. Оценки в категориях «прогресс» и «регресс», «культура» и «варварство» бессмысленны, если: 1) не обозначены координаты, в которых происходит оценка; 2) оцениваемое явление многозначно, состоит из разных компонентов. Возникает вопрос, можно ли вообще сравнивать культуры и использовать метод сравнительного изучения, учитывая соображение «отца культурологии» Лесли Уайта о том, что культура — одновременно и единый феномен, и класс феноменов.¹ Еще сложнее обстоит дело с общественными процессами: они и едины, и многослойны, многозначны и многоаспектны одновременно, в кажущемся своем единстве противоречивы, представляя собой единство и борьбу противоположностей. Оценочный релятивизм — один из немногих недостатков, присущих сравнительным классификациям истории, таким как, например, европоцентричное разделение истории на эпоху дикости, варварства и цивилизации, предложенное в 1768 г. шотландским философом Адамом Фергюсоном, «отцом современной социологии»².

Культуры не статичны, они подвержены динамическим изменениям, происходящим под воздействием самых разных факторов. Компаративный подход не ставит целью сравнение одной культуры с другой на предмет выявления более или менее развитого, противопоставляя «дикие племена» «цивилизованным» обществам. Оценки в категориях положительного–отрицательного, прогрессивного–регрессивного, добра–зла, имеющие ценность внутри конкретной культуры, в частности ее этических учений, в широком философском контексте весьма условны и относительны. Безусловно, это не означает, что культуры не подлежат сравнительным оценкам вооб-

¹ *Уайт Л.* Теория эволюции в культурной антропологии // *Уайт Л.* Избранное: Эволюция культуры. М.: РОССПЕН, 2004. С. 592.

² *Ferguson Adam.* An Essay on the History of Civil Society. Ed. by Fania Oz-Saltberger. Cambridge University Press, 1995. P. xxviii. О личности А. Фергюсона и его вкладе в основание социологии см.: *Willcox, William Bradford and Arnstein, Walter L.* The Age of Aristocracy, 1688 to 1830. A History of England, edited by Lacey Baldwin Smith (Sixth Edition, 1992 ed.). Vol. III. Lexington, MA, 1966. P. 133.

ще. Лесли Уайт настаивал на том, что «культуры можно оценивать», но «делать это нужно по объективным критериям»¹. В гуманитарных исследованиях наиболее продуктивным представляется тезис о самодостаточности и самоценности любой культуры и религии, независимо от того, является ли культура, например, светской или религиозной, «традиционной» или «современной», городской или сельской. Такой подход не только позволяет учитывать все типы и аспекты социальных отношений, в том числе и те, которые прежде выпадали из поля зрения, но и переводит усилия исследователя в плоскость конструктивного научного анализа.

Противопоставление культуры и бескультурия чаще всего исходит из вполне определенных критериев архетипов культуры. Более универсальная категория цивилизованности приобретает признаки семантической определенности лишь при ее противопоставлении нецивилизованности, иначе говоря, дикости. Само по себе такое противопоставление малопродуктивно, если не рассматривать диалектику взаимодействия этих двух начал в процессе продолжительной исторической эволюции. Дикость и одичание — категории живой природы, характеризующие не только животных, но и человека на определенной стадии его развития. Как способ поведения, передающийся через научение, а не генетически, культура возникла в животном мире задолго до появления первобытной человеческой общины. Другое дело, что культурный способ адаптации к среде, т.е. через воспитание и обучение, стал доминирующим именно в человеческом сообществе. В реальной действительности дикость как бескультурие и культура существуют лишь в сложном синтезе друг с другом, который имеет различное содержание не только в разных обществах, но и в социальных прослойках (стратах) одного и того же общества, вплоть до уровня отдельного индивида. Сравнительно-исторический контекст проблемы еще более усложняет наши представления о таком синтезе, демонстрируя поразительное сочетание парадоксов, частичного взаимоотталкивания и совпадения культурных архетипов разновеликих культур сначала при их соприкосновении друг с другом, а затем при их взаимодействии на расстоянии или в «плавильном котле». В реликтовых формах проявления дикости и одичания и сегодня проявляются во всех обществах, где в большей, где в меньшей степени. Данное обстоятельство в значительной степени снижает методологическую ценность категории цивилизации для исторического исследования, требующей предельной семантической точности определений.

¹ Уайт Л. Теория эволюции в культурной антропологии. С. 586.

Цивилизационную теорию сложно назвать целостной и завершенной из-за многогранности понятий «цивилизация» и «культура», которую невозможно преодолеть полностью: культура так же многогранна, как и человек в своей деятельности. С точки зрения творческих интенций человека определения культуры и вовсе неисчерпаемы. Кроме того, в разработке положений теории принимают участие представители разных научных школ и взглядов на исторический процесс. В результате методологические подходы теории основаны либо на эволюционизме, либо на функционализме, они либо западноцентричны, либо этноцентричны, либо опираются на ценности религиозных систем, имеющих различные, порой противоречащие друг другу идеологические ориентиры. В научной литературе отмечаются и другие слабые стороны цивилизационной теории, а именно — наличие множества оговорок и идеологических пристрастий у исследователей, заставляющих их по-разному объяснять схожие явления в различных культурах.

Роль других теорий и концепций в методологии истории

Третья после формационной и цивилизационной теория современности — модернизационная — выделяет в истории общества периоды модернизации, приспособления к новым условиям. При этом она игнорирует множественные моменты адаптации, когда отдельные новации сами становятся традицией: одни — более устойчивой, другие — мимолетной, имеющей определенные временные рамки.

Противопоставление традиции и новации, традиционализма и модернизма, архаичных и развитых обществ не всегда корректно. Определение традиционного общества во многом условно: категория традиционности актуализируется лишь при сопоставлении ее со сравнительно большей нетрадиционностью (модернизмом и др.); степень традиционности того или иного общества выражает лишь определенный этап в эволюции конгломерата местных общин, совокупность которых в каждом обществе имела собственную специфику — благодаря в том числе и реальному содержанию его синкретической духовной (религиозной) основы.

Сторонники модернизационной теории рассматривают модернизацию как инструмент постоянного обновления общества, сложный глобальный процесс, протекающий во всех ключевых сферах его жизнедеятельности и характеризующийся структурно-функциональной дифференциацией и образованием соответствующих форм интеграции. Ясно, что модернизируется общество, его социальная органи-

зация и отношения, экономическая система, так называемый способ производства, а религия лишь приспосабливается к общественным изменениям. Однако религия играет активную социальную роль в той степени, в какой она обусловлена объективными потребностями самого общества. Поэтому в сложном процессе постоянного обновления общества и религии не всегда можно четко выделить причинно-следственные связи.

Допуская, что методология истории может включать в себя выводы и заключения, основанные на умозрительных схемах и конструкциях, созданных путем математического, геометрического или иного типа моделирования, мы не находим доказательных оснований для концепций, которые целиком построены на их фундаменте. Трудно отвергать саму конструктивистскую идею о возможностях влияния власти на процессы в обществе и религии (и наоборот), сомнителен лишь прямолинейный конструктивизм как метод гуманитарной науки. И дело здесь не только в игнорировании причинно-следственных связей исторического процесса, детерминированности исторических событий, а также самой идеи эволюции социальной организации, хотя уже этого было бы вполне достаточно.

Философский конструктивизм представляет собой гносеологический подход, в котором познание предмета воспринимается не как отражение, а как активное построение интерпретации (модели) мира субъектом. В отличие от предметов точных наук, в историческом процессе много противоречивых, неоднозначных явлений, которые требуют к себе диалектического подхода, что существенно ограничивает возможности этого подхода. Такой конструкт в чистом виде возможен лишь в виртуальном, а не реальном пространстве. В мировосприятии человека мир идей, или интеллектуальный мир, существует параллельно с материальным (физическим) и чувственным, хотя и составляет с ними неразрывное единство.

Антропологический конструктивизм рассматривает этносы и нации как некие конструкты, созданные волей отдельных личностей (лидеров) или социальных групп (господствующего политического класса). При этом источником, двигателем процессов трансформации признаются не объективные потребности общественного развития, которые, собственно, и определяют социальные действия власти, а сами эти действия. Безусловно, такие действия, оторванные от объективных потребностей обществ, в том числе волевые или волюнтаристские, не раз имели место в истории, несколько ускоряя движение общества по заданному направлению, но они никогда не приводили к необходимым результатам. Общественные процессы поддаются управлению только в рамках тех параметров, которые задаются на-

зрелыми, объективными потребностями в общественном развитии (см. примеры в разделе о стадиях эволюции социальной организации). В рамках таких параметров конструктивизм не только плодотворен — его корректное использование позволяет государству проводить научно обоснованную социальную политику. Именно поэтому сегодня конструктивистские подходы проповедают множество самых разных школ и направлений.

Принцип моделирования используется и в концепциях эволюционистов о спиралевидном развитии человечества, которые в настоящее время либо отброшены, либо серьезно переосмысливаются. Так, вместо обычной спирали предлагаются конусообразные спирали, расширяющиеся кверху по мере развития общественных процессов¹. Однако попытка изобразить идею спирали графически обнаруживает основной ее недостаток: идеальные симметричные геометрические формы в достаточной мере не отображают всю сложность и разновеликость исторических событий, не учитывают разрывы пространственно-временных связей, мутации, необъяснимые трансформации. Типологически схожие явления содержательно никогда не были полностью идентичны друг другу. С другой стороны, они протекали в разное время и в различных местах, а главное, в совершенно различных условиях.

Выступая против концепции исторических законов, противники эволюционистов утверждают, что повсеместное наличие фактора межплеменного, межэтнического или международного взаимовлияния, который в научной литературе называется диффузией, противоречит теории эволюции культуры, «обрубает корни любой теории исторических законов»². Сторонники диффузии, отрицающие сам факт эволюции, признают все изменения в обществах не эволюционными, а трансформационными. Представление о том, что любое развитие эволюционно, не совсем корректно, считают они, подразумевая под диффузией полное вытеснение одного другим.

Одна культура не только влияет на другую: в некоторых аспектах она полностью вытесняет старые процессы, результат предыдущей эволюции, заменяя их совершенно новыми, как правило, более прогрессивными с точки зрения объективных общественных потребностей. Однако в некоторых иных аспектах новые отношения буквально *накладываются* на другие, создавая немыслимые симбиозы традиции (собственные культурные архетипы) и новации (как акты

¹ См., напр.: Авдеев Р.Ф. Философия информационной цивилизации. М.: ВЛАДОС, 1994.

² О ходе этой дискуссии см.: Уайт Л. Избранное: Эволюция культуры. М.: РОССПЭН, 2004. С. 581.

влияния чужеродных культурных архетипов, развитие которых породило эти новые отношения). Впоследствии такие симбиозы воспринимаются как особенности данной культуры. Этот процесс, как, впрочем, и то, почему в одних случаях отношения в таких симбиозах осмысливаются обществом в традиционных понятиях, архаичных или обновленных, а в других — модернистских (инновационных) или иных, в т.ч. языком нового социального описания, показывает, что в реальности взаимодействие различных культур представляет собой гораздо более сложный социокультурный феномен, который до конца еще не изучен.

Новые явления и процессы, поначалу абсолютно чужеродные, хотя и не всегда сразу приживаются, но практически сразу же начинают эволюционировать. Поэтому скорее всего правы те, кто считает, что в исторических процессах имеет место не только эволюция, но и диффузия, наличие фактов диффузии не отрицает эволюции, так же как и эволюция не отрицает диффузии. В то же время существование определенных закономерностей и общих тенденций в историческом процессе никем не оспаривается.

Выявление закономерностей в непрерывном потоке исторического процесса, который в каждом социуме и даже внутри различных его социальных институтов имел свои особенности, невозможно без системного подхода — надежного инструмента междисциплинарных исследований. В этом отношении обращает на себя внимание динамично развивающаяся мир-системная теория, которая, соединив воедино достоинства системного анализа, эволюционной теории и цивилизационных подходов, лучше других, по крайней мере, на данном этапе, объясняет практические проблемы и сложные реалии глобализирующегося мира, показывая комплексную эволюцию социальных систем, а не отдельных социумов, в их сложном взаимодействии друг с другом¹. Определенные сомнения вызывают лишь исключительные претензии теоретиков на раскрытие законов истории, установление ее циклов², ведь исторические закономерности — совсем не то же самое, что законы истории, как и то, что стадии и этапы — не то же самое, что циклы. Вопрос о том, насколько точно эта новая социальная теория объясняет сложные исторические явления и отдельные факты, требует специального изучения.

¹ Разработка мир-системной теории началась в 1970–1980 гг. и продолжается до сих пор. См.: *Wallerstein, Immanuel. World-Systems Analysis. World System History: Encyclopedia of Life Support Systems*, edited by George Modelski. Oxford: UNESCO/EOLSS Publishers, 2004.

² См.: *Коротаяев А.В., Комарова Н.Л., Халтурина Д.А. Законы истории. Вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография, экономика, войны. 2-е изд. М.: УРСС, 2007.*

Общественные процессы адекватно объясняются лишь тогда, когда в полной мере учитываются качественные изменения, происходившие под воздействием различных факторов, в том числе внешних сил, но внутри самих обществ. Иными словами, недостаточно наблюдать за эволюцией или трансформацией общества. Не менее важно понимание скрытых механизмов взаимовлияния различных элементов друг на друга, логики изменения исходных ориентиров и целей в ходе самого процесса, совокупности факторов случайности (ведь наука, в отличие от религии, не считает, что все заранее предопределено), роли личности с учетом осознанных или неосознанных его акциденций, а главное — выявление смысла в каждом конкретном процессе, где, когда, как долго и в каком именно сегменте общественной жизни он бы ни протекал.

Все влиятельные теории и философские подходы, несмотря на их внутренние противоречия, единодушно сходятся на одном, а именно: все общества подвержены трансформации, внешним и внутренним изменениям. Эти изменения можно считать эволюционными, если революцию рассматривать в качестве резкого скачка эволюции. Если различать эволюцию и революцию как качественно разные типы изменений, то достаточно акцентировать внимание на самих изменениях. Диффузия — это тоже трансформация, она может затрагивать всю систему или какие-то ее аспекты. В одном случае диффузия прерывает одну эволюцию и заменяет ее другой, а другом случае вся система может находиться на стадии эволюционных изменений. Общественное развитие универсально не по форме и содержанию, поскольку его определяют различные религии и культуры, а по общим закономерностям, движущим силам, скрытым механизмам, целям и тенденциям. Этот универсализм основан в том числе и на единстве человеческой природы.

Претензии существующих теорий на исключительность

Методология истории является не догмой, а наукой о методах, входящей в число общих вспомогательных исторических наук. Поэтому ее положения можно и нужно проверять в ходе исследований, подвергать сомнению, особенно если они адекватно не объясняют достоверные исторические факты или события.

Критическое отношение к существующим большим теориям, долгое время служившим историкам в качестве методологии, не означает, однако, признания их недостаточности, ущербности или ошибочности. И не только потому, что в таком случае пришлось бы считать сомнительными результаты всех предшествующих трудов по истории общества и религии, что само по себе абсурдно. Наука движется впе-

ред от одного уровня понимания к другому, более высокому, по мере накопления фактического материала естественно переосмысливаются старые и нарабатываются новые методы и методики его обработки, более адекватные состоянию науки, качественно улучшается научный инструментарий.

Каждая теория или умозрительная схема, содержащая в себе рациональное зерно и потому ставшая популярной, оказывалась для своего времени прорывной. Формационные подходы предоставляют фундаментальную основу для изучения классовых отношений в обществах, цивилизационные подходы специально заточены для исследования многообразных проблем культурного развития человечества. Вопросы технологического развития обществ плодотворнее решать средствами модернизационной и информационной теорий, а проблемы взаимодействия в современном мире — в парадигмах мир-системной теории. Однако если суммировать высказывания критиков всех влиятельных теорий, то они сходятся в том, что претензии на абсолютную универсальность и исключительность формационной, цивилизационной, модернизационной или любой другой теории совершенно необоснованны.

Претендуя на всеобщий универсализм, существующие теории выдвигают на первый план какое-либо одно из проявлений жизнедеятельности человека (способ производства, культура/цивилизация, уровень экономического развития общества и др.) и абсолютизируют его в ущерб всем остальным. При этом они не только вступают в противоречие друг с другом, но и предлагают чрезмерно преувеличенный взгляд на тот или иной аспект, элемент или проявление общественного развития, искажая тем самым как реальные приоритеты и иерархии внутри обществ (структурные искажения), так и механизмы взаимодействия, цели и мотивации (функциональные искажения). Однако научные подходы не совместимы с претензиями на абсолютную универсальность и, соответственно, на абсолютную истину. Это как раз отличает науку от религии, которая считает собственные доктрины единственно истинными, а значимость их для людей — всеобщей и универсальной.

Взаимосвязь и взаимообусловленность всех проявлений социальности в историческом процессе

Чтобы избежать абсолютизации грани одного явления, методология истории не должна выделять в качестве доминанты какую-либо одну сторону или аспект социального явления или общественного процесса. Напротив, она должна рассматривать их в совокупности и

диалектическом единстве взаимных связей и отношений. Такую мысль, в частности, высказал известный российский востоковед Л.Б. Алаев, когда он в своей отчасти автобиографической книге сделал попытку подвести итог собственных исследований в области изучения общины, критически переосмыслив свой многолетний опыт в этой области. Обобщающее исследование, содержащее марксистские характеристики общины, завершается, однако, оригинальной периодизацией истории человечества, выполненной на основе цивилизационной теории¹. Примечательно, что одно из итоговых размышлений автора подвергает сомнению обе теории, на основе которых была написана его книга. Так, Л.Б. Алаев предложил, что «представление о приоритете того или иного фактора (экономического, духовного и т.п.) следует, *по крайней мере на время*, отбросить и заменить его представлением о некоей степени корреляции между всеми сторонами и проявлениями социальности. Религиозная, правовая, политическая, экономическая история каждая имеет свою логику, но имеется также и логика взаимообусловленности, прослеживаемая на больших исторических отрезках»². Эта идея позволяет видеть внутреннюю взаимосвязь между всеми аспектами исторического процесса, при этом не абсолютизируя ни один из них.

Научное исследование предполагает анализ и обобщение (синтез) предмета изучения, абстрагирование и конкретизацию, выделение множества частного из единого целого, и сведение множества частного в единое целое. В данном случае сказанное означает признание того, что политические, этнические, конфессиональные и иные процессы представляют собой различные аспекты единого общественного процесса. Для выявления какой-либо логики в общественных процессах необходимо разложить их на отдельные многозначные компоненты, или аспекты, которые Шпенглер считал религиозным, духовным, политическим, социальным и экономическим стилями культуры³, и рассматривать их не только отдельно друг от друга, но и

¹ В качестве определяющих критериев стадиальности в этой периодизации приводятся революции как качественные моменты эволюции, приведшие к широким цивилизационным изменениям. Согласно Л.Б. Алаеву, человечество прошло четыре качественно отличных этапа: 1) период первобытного строя; 2) неолитическую революцию и период очаговых цивилизаций (IV — сер. I тыс. до н.э.); 3) «железную революцию», «осевое время» (по К. Ясперсу) и период империй и мировых религий (сер. I тыс. до н.э. — сер. II тыс. н.э.); 4) промышленную революцию и период национальных государств и экуменических или синкретических религиозных систем (2-я половина II тыс.). Пятый этап — период всемирной цивилизации — еще не наступил, но «признаки его возможности в будущем уже просматриваются». См.: Алаев Л.Б.: община в его жизни. История нескольких научных идей в документах и материалах. М., 2000. С. 562–563.

² Алаев Л.Б.: община в его жизни. С. 564.

³ Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Образ и действительность. М., 1993. С. 187.

в их тесной диалектической взаимосвязи и взаимообусловленности. Это базовое требование междисциплинарного системного подхода, который успешно и повсеместно используется в научных дисциплинах, в том числе гуманитарных.

Логические связи внутри каждой системы представляются более понятными по мере увеличения степени дробности составляющих ее компонентов. Детальный анализ большего числа специфических феноменов культуры дает лучшее представление о явлениях культуры более общего порядка. Вместе с тем при наличии множества частного необходим общий знаменатель, центральный элемент, или ось, на которую нанизывается вся система социальных связей и отношений. В истории, как и во всех гуманитарных науках, такой элемент очевиден. При всем многообразии общественных или исторических процессов, или явлений культуры, в центре внимания исследования общества и религии должен находиться единственный источник всех социальных действий, в том числе общественных и религиозных, — это сам человек, который является и субъектом, и объектом истории. Общий взгляд на *Ego* должен учитывать все его социальные связи и отношения, права и обязанности, в том числе обязательства, которые накладываются на него обществом.

В историческом процессе ничего не происходило без участия человека, вне его социальных связей и отношений, вне рамок общества. Любой акт, событие или явление в человеческом обществе — результат осознанного или бессознательного социального действия конкретного индивида. Понятие социальной связи в обязательном порядке предполагает факт взаимодействия между людьми, участие в общественном процессе не одного, а двух и более индивидов. Иными словами, различные проявления социальных связей и отношений тесно переплетены друг с другом не только структурно (статистический аспект), но и функционально (динамический аспект). Оба эти аспекта объединены в феномене организации, которая является неотъемлемым свойством реальной действительности. Существуют различные виды организации (физическая, биологическая и др.), социальная — одна из них. Лесли Уайт, один из основоположников культурологии, считал социальную организацию общей категорией, для которой человеческая социальная организация — лишь частный случай¹.

Из сказанного следуют два вывода. Первый, функциональный: базовые принципы, необходимые для понимания функционирования человеческой социальной организации (частное), должны быть общи-

¹ Уайт Л. Теория эволюции в культурной антропологии // Уайт Л. Избранное: Эволюция культуры. М.: РОССПЕН, 2004. С. 609.

ми для всех социальных систем (общее). Второй, структурный: основу методологии истории, изучения общества, социальных институтов (в том числе религии), общественных (в том числе конфессиональных) процессов должны составлять стержневые элементы конструкции самой социальной организации, а не явления или процессы, вторичные по отношению к ней, составляющие ее причинно-следственные связи или даже обуславливающие ее изменения (способ производства, архетип культуры и др.). Первичным элементом социальной организации является конкретный индивид, а ее первичной организационной формой — община, восходящая к первобытной родовой общине, а через нее — к тому, что некоторые исследователи называют «первобытным человеческим стадом», или праобщиной¹. Подобный подход обеспечивает единство исторического процесса, предлагая его как прямое продолжение доисторического периода.

Современная методология истории все чаще определяет объект исторической науки как совокупность обществ, составляющих человечество², а ее предмет — как изучение закономерностей развития общества (а также её отдельных аспектов, явлений)³. Для адекватного отражения диалектики исторического процесса и его закономерностей описание далекого или сравнительно недавнего прошлого того или иного народа или общества должно строиться, очевидно, с учетом историй по возможности большего числа местных общин, составляющих народ или общество, совокупности их горизонтальных и вертикальных связей друг с другом, включая как минимум политически консолидирующую народ или общество вертикаль власти и общественные институты, социальные страты, общественную, родо-племенную и этническую специфику, особенности культуры, религиозные и правовые традиции, а также другие проявления социальности, имевшие место за изучаемый период. Учет всех аспектов общественных процессов, включая политические, этнические, религиозные, экономические, культурные, не выделяя один из них в ущерб другим, а исходя из их особой внутренней логики взаимодействия и взаимовлияния, позволит историческому познанию получить объективное, достоверное и надежно верифицируемое знание о прошлом конкретного общества, а также сбалансированно оценивать события, свидетелями которых мы сами являемся.

¹ См.: *Георгиевский Э.В.* К вопросу о характере и степени конфликтности в первобытном стаде // Сибирский юридический вестник. 2005. № 3.

² *Келле В.Ж., Ковальзон М.Я.* Теория и история (Проблемы теории исторического процесса). М., 1981. С. 2–15; *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. М., 1987. С. 42–45.

³ *Барг М.А.* Категории и методы исторической науки. М., 1984. С. 5–25; *Иванов В.В.* Методология исторической науки. М., 1985. С. 26–51.

Л.Б. АЛАЕВ

ОСНОВНЫЕ ОШИБКИ МАРКСА КАК ПОЛИТЭКОНОМА

Главной задачей отечественного обществоведения является не защита полуразрушенных бастионов марксизма, а освобождение от марксистского наследия. Мы, бывшие советские, или постсоветские, ученые, пропитаны как губки догмами, впитанными в ходе нашего научного воспитания.

В качестве примера: мой друг и постоянный оппонент Л.С. Васильев, недавно ушедший от нас, первоначально скрывал свой антимарксизм, потом, напротив, начал его демонстрировать, но в его последних сочинениях, тем не менее, сохраняются марксистские догмы, которые он воспроизводит как единственно правильные. Мною была сделана попытка показать это в рецензии на его книгу «Всеобщая история»¹.

В то же время нескончаем поток работ, авторы которых пытаются примирить марксизм с современностью. В издательстве URSS публикуется серия монографий «Размышляя о марксизме», которая уже сейчас включает более сотни, а может быть, и двух сотен изданий. Приемыв отмывания марксизма от того, что сейчас нам не нравится, не так много, они повторяются из книги в книгу. Один из приемов — стремление обойти наиболее явные недочеты теории.

Базисом ошибочных положений служит, как мне представляется, пронизывающий марксизм европоцентризм. Маркс был ориенталистом в том понимании, которое придал этому слову Э. Саид. Неизбывная слабость марксизма заключается в том, что он выдается за всеох-

¹ См.: Восток. 2009. № 2. С. 209–220.

ватывающую теорию исторического процесса, но соотносится только с западноевропейской историей. Упоминаемые Марксом формации — это этапы западноевропейского процесса, как он его понимал. Даже Восточная Европа была населена, по его мнению, «неисторическими народами»¹, тем более не имели истории народы Востока. Даже «азиатский способ производства», в его понимании, меньше всего относится к Азии: он будто бы существовал в Европе до Античности².

Вопрос о специфике эволюции разных обществ остается в стороне. Он не был разработан в изначальном марксизме, он остался неразработанным и впоследствии. Для изначального марксизма это объяснимо. Теория создавалась тогда, когда Западная Европа — это и был мир, хотя и с придатками в виде первых колониальных владений. Мировая история была почти идентична истории Западной Европы. Маркс в экономических рукописях 1857–1858 гг. набрасывает тезис: «Влияние средств сообщения. Всемирная история существовала не всегда; история как всемирная история — результат»³. Таким образом, он и не собирался распространять открытые им, как он полагал, законы истории на весь мир.

Но последователи Маркса имели достаточно времени, чтобы заняться вопросом об особенностях эволюции разных народов. Однако они этого не сделали, поскольку были заняты только и исключительно обоснованием единой линии развития, предписанной всему человечеству.

В результате ничего иного, кроме общих закономерностей, марксисты в своем арсенале не имеют, и история человечества представляется им как большое количество совершенно одинаковых движений по одной и той же шкале. Каждая «страна» (а что это такое в исторической перспективе — совершенно непонятно) самостоятельно преодолевает предназначенные всем ступени, в лучшем случае отличаясь от других «запаздыванием», «местными особенностями» или «внешними влияниями». Чтобы как-то согласовать между собою разнообразие форм, появляющиеся в ходе мирового исторического процесса, приходится выбирать (теоретически никак не подкрепленные) «типичные» или «эталонные» общности (Греция и Рим — для первой классовой формации; Северная Франция — для феодализма; Англия — для капитализма), по отношению к которым все остальные

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 6. С. 181–183, 293, 294.

² Мною подробно разобран этот вопрос в уже упоминавшейся рецензии на книгу Л.С. Васильева, а также в книге «Сельская община: “Роман, вставленный в историю”»: Критический анализ теорий общины, исторических свидетельств ее развития и роли в стратифицированном обществе. М.: ЛЕНАНД, 2016. С. 27–34.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. С. 736.

становятся «недоразвитыми» или «нетипичными», «отклоняющимися» или «многоукладными».

Эта слабость теории проистекает из еще более глубокого порока: неразличения реальности и понятия. Маркс унаследовал от Гегеля позицию панлогизма. Им обоим казалось, что мир разумен и философия и наука способны адекватно *отразить* его разумность. Идеальное и реальное в принципе совпадают. Для Гегеля идеальное есть «*иногобытие предмета, его субъективное бытие*». Маркс, утверждая, что его диалектический метод является «*прямой противоположностью*» гегелевскому, фактически говорит то же самое: «*Идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней*»¹. Возникла отрасль марксистской философии — *теория отражения*.

Получалось, что *модели формаций* — это и есть реальные общества. Маркс мог бы поставить вопрос о различии, например, феодализма и капитализма в Англии и во Франции. И тогда перед ним встала бы задача отделить **реальный** феодализм или капитализм от **понятия** феодализма или капитализма. Но он не имел времени заняться этим вопросом. И оставил своих последователей перед трудной задачей.

А.Я. Гуревич еще в советское время предлагал развести понятие *феодальной формации* и реальность средневековой Западной Европы². Его позиция была близка к советскому *творческому* марксизму, хотя он сам вряд ли согласился бы с такой классификацией. Однако все попытки превратить марксизм в нормальную теорию были встречены в штыки. До сих пор для многих отечественных методологов то, что сформулировал Маркс, существовало «*на самом деле*». Например, утверждается, что *понятие* имеет *прообраз* в действительности. Этот прообраз — «*один из вариантов однопорядковых исторических явлений*». Так, античное рабство достигло высшей степени развития в Древнем Риме. «*Самой передовой (!? — Л. А.) страной феодальных отношений в западноевропейском средневековье была Франция*», «*страной классического капитализма эпохи нерегулируемого рынка была Англия*» и т.д. Отсюда делается вывод, что, взяв *типичный* случай, мы можем понять **все** подобные случаи. «*Зрелая, наиболее развитая форма исторической реальности является ближайшим прообразом исторического понятия*». «*Развитая историческая реальность содержит наиболее полно то, что неявно выражено в других ее вариантах...*». «*Поэтому данная историческая реальность является*

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 21

² Гуревич А.Я. Теория формаций и реальность истории // Вопросы философии. 1990. № 11.

ключом к пониманию иных ее форм и разновидностей, в этом смысле она и составляет основу исторического познания»¹. Таким образом, провозглашается, что основу исторического познания составляют поиски **общего** в разных обществах и отбрасывание всего специфического, т.е. исторической **реальности**.

Но упомянутые выше слабости теории объясняются состоянием тогдашней общественной науки в Европе. Поистине справедлива часто звучащая формула, что «Маркс стоял на уровне науки своего времени». Его нельзя упрекать в том, что он использовал в конструировании своей историософской схемы (концепции формаций) выводы таких своих предшественников, как Кристоф Келлер, Ж.-Ж. Руссо, Адам Смит, К.А. де Сен-Симон. Марксистская теория формаций — это всего лишь изложение особым языком давно принятого в Европе деления истории на Древность (Античность), Средневековье и Новое время, осознанного затем как периоды господства рабовладения, крепостничества и свободного наемного труда.

К. Маркс все это отлично осознавал. Вот как он оценивает новаторство своей теории: «Что касается меня, то мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов в современном обществе, ни та, что открыл их борьбу между собою. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты — экономическую анатомию классов. То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что **существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства**, 2) что **классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата**, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к **обществу без классов**»².

Понимание классовой борьбы Марксом и Энгельсом тоже может быть оспорено. Они упирали на **борьбу**, в то время как на протяжении большей части истории классы **сотрудничали**, иначе общества не могли бы существовать. Но эти положения служат скорее выражением мировоззрения, чем результатом анализа, научным выводом. Марксистский прогноз обострения классовой борьбы, а затем ее исчерпания не осуществился, но история не кончилась. Кто знает, не осуществится ли он позже. Повторяю: это из области мировоззрения, это прогноз, а не вывод. Маркс действительно всей душой ненавидел капитализм, и это отражалось в его сочинениях.

¹ Смоленский Н.И. Теория и методология истории. 2-е изд. М.: «Академия», 2008. С. 207.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 28. С. 424, 427. (Выделено Марксом. — Л. А.)

В данной статье мы рассмотрим не те проблемы, которыми Маркс профессионально не занимался. Речь пойдет о дисциплине, в которой он был специалистом и новатором — о политэкономии.

Прежде всего вызывает сомнения **трудовая теория стоимости**, которую Маркс заимствовал у А. Смита, но не развил в духе своей же концепции о ведущей роли производительных сил. Предложив измерение стоимости продукта (товара) общественно необходимым рабочим временем, потраченным на его производство, Маркс не учел роль творческого труда, роль изобретений, роль творческих личностей в экономическом процессе¹. В некоторых пассажах Маркса слышится прямо-таки враждебное отношение к творчеству: *«Исключительная концентрация художественного таланта в отдельных индивидах и связанное с этим подавление его в широкой массе есть следствие разделения труда»*. *«В коммунистическом обществе не существует живописцев, существуют лишь люди, которые занимаются живописью как одним из видов своей деятельности»*².

В работах Маркса встречаются разные расшифровки понятия *производительные силы*, в том числе и учитывающие роль умственно-го труда, т.е. творчества, но все же превалирует их узкое понимание как *материальных производительных сил*, как прежде всего *орудий труда*, как *hardware*, как мы сказали бы сейчас.

Между тем, если подходить к понятию *производительные силы* серьезно и проследить историю технологического роста, станет совершенно ясно, что производительная сила заключена в человеке, в его уме, хозяйственных и нравственных установках. В его **душе**, если искать один обобщающий постулат.

Материалистическая установка в решении экономических вопросов сыграла серьезную негативную роль в практике индустриализации СССР, когда строительство заводов понималось как *развитие производительных сил*, в то время как творческому развитию личности советского человека не уделялось внимания. Напротив, всячески подавлялись оригинальность мышления, инициативность, стремление к новому, все то, что составляет действительное развитие производительной силы человека. Советский человек воспитывался как пассивное существо, полностью доверяющее мудрости руководства. Поэтому, в частности, никто и пальцем не пошевелил, когда советский строй рушился. Люди знали, что *«партия всегда права!»*.

¹ Бессодержательность понятия «абстрактный труд» и трудовой теории стоимости в целом показаны в книге: Колонтаев А.П. Труд в политэкономической концепции Маркса. М.: ИВ РАН, 2001.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 393.

Возникла глубоко ошибочная концепция индустриализации, провозглашавшая необходимость преимущественного развития *производства средств производства* и лишь во вторую очередь — *производства средств потребления*. Эта *вторая очередь* до них так и не дошла.

Понятно, что не теория диктовала политику, а политика находила себе приличествующее теоретическое обоснование. Плановая экономика, которую пытались ввести в России, по определению не могла подчинить себе тысячи мелких предприятий и их хозяев. Такие попытки тоже делались, но никогда не приводили к желаемому советскими руководителями результату. Проще было от развития мелкой и легкой промышленности вообще отказаться. Интересы потребителя постоянно приносились в жертву интересам подготовки к войне.

Но теория возникла еще во времена Маркса и пригодилась в ходе «*социалистического строительства*» и воспитания «*советского народа*».

Еще более значимое упущение Маркса-политэконома заключалось в том, что он в свое время отступил от собственного метода анализа, представив класс капиталистов только эксплуататорским. Он должен был бы «вычислить» *общественно необходимое рабочее время*, которое тратится **на управление** производством, организацию экономической инфраструктуры; учесть **квалификацию** капиталистов и менеджеров (развить свою собственную формулировку о «*сложном труде*») и ввести в знаменитую формулу $c + v + m$ еще один знак для **зарплаты капиталиста**, а затем еще вычесть из прибыли (m) суммы, вновь инвестируемые в экономику, то есть идущие на пользу всему обществу. И вот только тогда мы бы узрели прибыль, присваиваемую капиталистом именно как владельцем капитала и потребляемую паразитически. Как это вычислить, я не знаю, и никто не знает. Практически этот вопрос решен: часть прибыли фирмы выдается акционерам в качестве дивидендов, а другая часть идет на инвестиции. Но как это выразить в теоретических формулах, неясно.

Первые советские политэкономы в 20-х гг. пытались применить свои марксистские знания и вычислить *общественно необходимое время* для разных изделий, чтобы в Советском Союзе платить рабочим, которые тогда стали *господствующим классом*, **правильную** зарплату, а не ту, которую платит капиталист-эксплуататор. Ничего не вышло. Но если получилось бы все это вычислить, дивиденды получили бы теоретическое основание, а ученые получили бы инструмент определять процент *паразитического потребления*. И встал бы вопрос о более справедливом распределении прибыли. Но, чтобы ее перераспределить в интересах всего общества, возможно, достаточно крепких профсоюзов и забастовочного движения, а не революций? Практика западных стран показывает, что да, достаточно.

Ошибочным именно с теоретической точки зрения (что касается практики, то это другая проблема — сюжет о надеждах Маркса на революцию) оказался его **тезис об относительном и абсолютном обнищании рабочего класса**. Как политэконом, причем политэконом **разоблачительного направления**, он должен был бы понимать, что капиталисты в погоне за прибылью должны **сбывать** произведенные товары. Для этого необходим *платежеспособный спрос*. У населения должны быть деньги, для чего рабочим надо поднимать зарплату. Так что **абсолютное улучшение материального положения масс** является **объективным законом** того самого капитализма, который исследован в «Капитале».

И вот вам результат: мы видим, что в развитых (бывших капиталистических) постиндустриальных странах 50–70% цены продукта составляют расходы на выплату заработной платы¹. Почасовая зарплата в России в 2016 г. **в разы** меньше, чем зарплата рабочих в большинстве европейских стран². Это — скажем осторожно — отдаляет перспективы пролетарской революции.

Менее очевидной, особенно для того времени, была **ошибка в оценке соотношения мелкого и крупного производства**. Об этом уже говорилось, но теперь мы подойдем к этой проблеме с другой стороны. Апология крупного производства в марксизме — это родимое пятно *прогрессизма* XIX в., неоправданная экстраполяция в будущее тенденций того времени. Шел бурный процесс фабричного строительства и вытеснения кустарного и вообще ручного производства. Маркс заключил, что этот процесс пойдет до конца, и обозвал мелкие производства *низшими формами капиталистического предпринимательства*.

В то же время, как умный и эрудированный человек, К. Маркс не мог не понимать, какая творческая энергия заключена в мелком производстве. Вот что он писал в своей главной книге, «Капитале»: *«Частная собственность работника на его средства производства есть основа мелкого производства, а мелкое производство составляет необходимое условие для развития общественного производства и свободной индивидуальности самого работника. Правда, этот способ производства встречается и при рабовладельческом, и при крепостном строе, и при других формах личной зависимости. Однако он достигает расцвета, проявляет всю свою энергию, приобретает*

¹ Хайтун Сергей. Трампы как зеркало постиндустриальной контрреволюции // Независимая газета. 21.11.2016.

² Башкатова А. Почасовая оплата в России — самая низкая по европейским меркам // Независимая газета. 27.04. 2017.

адекватную классическую форму лишь там, где работник является свободным частным собственником своих, им самим применяемых условий труда, где крестьянин обладает полем, которое он возделывает, ремесленник — инструментами, которыми он владеет как виртуоз».

Капиталистическая система имеет свои недостатки, но и одно неоспоримое (в том смысле, что его никто не оспаривал, в том числе и Маркс) достоинство: она порождает конкуренцию, а следовательно, постоянное стремление к развитию, новаторству. Маркс, как мы только что видели, понимал благотворный импульс, который идет от мелкого производителя, но отбрасывал это понимание, так как стремился вперед, к апофеозу индустриализма. Вслед за процитированным выше почти поэтическим пассажем он вспоминает свою теорию: *«Этот способ производства предполагает раздробление земли и остальных средств производства. Он исключает как концентрацию этих последних, так и кооперацию, разделение труда внутри одного и того же производственного процесса [а почему труд надо разделять именно в пределах одного производственного процесса? — Л. А.], общественное господство над природой и общественное регулирование ее (Sic! — еще один маркер мышления XIX в. — Л. А.), свободное развитие общественных производительных сил». «Последний (т.е. этот способ) должен быть уничтожен, и он уничтожается»¹.*

Сейчас стало очевидным, что мелкое производство и в сельском хозяйстве, и в промышленности, и в сфере услуг не исчезает, а процветает в условиях НТР и является необходимым дополнением крупной промышленности. Более того, прочна лишь та экономика, которая опирается на фундамент развитого мелкого производства, и будущее имеет лишь такое крупное производство, которое выросло из мелкого.

Здоровая экономика представляет собой пирамиду, основанием которой служат миллионы мелких предприятий. Они основываются, разоряются, растут, подпитывают крупный бизнес новыми идеями, некоторые из них становятся не мелкими, а средними, а потом, глядишь, и крупными. Понятно, что по мере преодоления этажей этой пирамиды фирм становится все меньше, но именно так и строится пирамида, твердо стоящая на земле.

Советская экономика была подобна перевернутой пирамиде, стоявшей на вершине. Понятно, что она оказалась почти вся просто ненужной при переходе к рыночной экономике. Утешает только то, что долго простоять в таком положении она все равно бы не смогла.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 771. (Выделено мною. — Л. А.)

Сейчас в России возникает осознание важности мелкого и среднего бизнеса для экономики. Дня не проходит без заявления того или иного экономиста, министра, премьер-министра о необходимости поддерживать и развивать мелкий бизнес. Так что теоретическая ошибка преодолена, но сохраняется страх перед миллионами самостоятельных хозяев, которые будут независимы от государства и которыми трудно будет управлять. Поэтому угнетение частного сектора продолжается. Продолжаются поиски «точек роста» в виде громадных проектов, а народная энергия, которая могла бы фонтанировать, заглушается.

В этом контексте нужно решительно пересмотреть характерный для марксизма критический, если не сказать уничижительный, взгляд на крестьянство как на отживающий класс, носитель консерватизма, «идиотизма», «всеобщей посредственности» и т.п. Многочисленные откровенные высказывания на этот счет К. Маркса и Ф. Энгельса хорошо известны, и их можно не цитировать.

Принято считать, что В.И. Ленин выдвинул идею союза рабочего класса и крестьянства в России. Однако это была чисто тактическая линия, продиктованная не пониманием роли крестьянина как мелкого хозяина, а признанием численного преобладания этого класса. «Прочно опираться» Ленин призывал только на бедноту, то есть на пауперизированные, по существу деклассированные, слои сельского населения, на тех, кого мир называл *лодырями*. Размышляя о крестьянстве, Ленин отмечал его двойственность. Крестьянин, во-первых, труженик, но, во-вторых, хозяин (*хозяйчик*, презрительно говорил Ленин), «*ежеминутно рождающий капитализм*», и именно эта его вторая, наиболее ценная для экономики, сторона вызывала подозрение, насмешки, а затем и репрессии.

Конечно, большевики уничтожали крестьянство не только потому, что осуществляли теорию Маркса, и совсем не потому, что хотели заменить мелкое производство крупным. Они **боялись** крестьянства, потому что крестьянин — самостоятельный человек, не зависящий от государства, потому что он действительно рождает капитализм, т.е. нормальную экономику, действующую на основе законов рынка, а не указаний Госплана или секретаря райкома.

Отсюда и многомудрые рассуждения Сталина о грядущей замене товарообмена продуктообменом, о двух типах собственности в Советском Союзе: общенародной и колхозно-кооперативной, и о том, что, когда они сольются, тут и наступит коммунизм.

На крестьянстве держится вся история. Все эти империи, цивилизации, формации (включая даже последнюю, название которой еще не придумано) возникали, формировались и существовали благодаря

крестьянству, жили грабежом крестьянства. Начиная с неолитической (сельскохозяйственной) революции вплоть до, по крайней мере, конца XIX в. крестьянство снабжало средствами всех безумных завоевателей и радикальных реформаторов, либералов и консерваторов, всех строителей Царства Божия на Земле. Справный крестьянин, особенно кулак, — это по определению творческая личность.

Требуется пересмотра и роль, приписываемая марксизмом рабочему классу. После того как ему был выдан марксизмом аттестат коммунистической зрелости, рабочий класс доказал лишь то, что он может играть конструктивную роль как сила внутри так называемого буржуазного общества. Борясь за улучшение своего экономического положения, рабочий класс в развитых странах гармонизирует отношения труда и капитала, а следовательно, и все общество в целом. Во всех развитых странах рабочий класс через определенные политические партии вполне успешно отстаивает свой высокий жизненный уровень, иногда даже нанося ущерб экономическому развитию этих стран.

Но рабочий класс не доказал (а если вдуматься — доказал обратное), что он может осуществить свою «диктатуру» в интересах общества в целом и привести его к процветанию. Никогда не было приведено, а со временем не прибавилось, аргументов в пользу того, что рабочий класс хоть в чем-то обладает качествами, возвышающими его над другими классами и социальными слоями.

Не доказал он и свой интернационализм. Маркс в простоте душевной считал, что у пролетариата «нет отечества». И начал создавать Интернационал. Можно проанализировать истоки этого взгляда на рабочий класс. Во-первых, экономические: глобализация началась уже тогда, и рабочие уже отличались значительной мобильностью (по сравнению с другими классами и социальными слоями), а капитал действительно уже в XIX в. не имел отечества. Во-вторых, психологические. Маркс недооценивал значение национального вопроса и был с юношества нацелен на **мировую** революцию. Но здесь уже сама история поправила Маркса. Уже ко Второму Интернационалу в нескольких странах создались сильные социал-демократические партии, ориентированные вполне национально и к Первой мировой войне *растацившие* Второй Интернационал. Кажется, не только большевиков поразило голосование германских социал-демократов в 1914 г. за военные кредиты, но это надо было принять: социал-демократам национальные интересы оказались ближе, чем классовые.

В отличие, скажем здесь же, от коммунистических партий в период Второй мировой войны, которые вынуждены были *колебаться вместе с линией Коминтерна*, что означало на практике превращение их в обслуживающий персонал, агентов Советского Союза. Был избоб-

ретен изумительный слоган *пролетарский интернационализм*, что и означало на практике деятельность в интересах одной из держав.

Особая роль рабочего класса — это один из наиболее безосновательных и вредных мифов, порожденных марксизмом. Из экономического анализа капитализма, проделанного Марксом, не вытекает особая миссия рабочего класса и неизбежность пролетарской революции.

Дискуссия о значении марксизма для современности значительно затрудняется тем, что сторонники его непреходящей ценности не хотят видеть реалий. Трудно спорить с человеком, который упорно утверждает, что черное — это белое. До сих пор маститые ученые исходят из того, что классовые антагонизмы в странах Запада обостряются, что рабочий класс там имеет революционные потенции. До сих пор они уверены в том, что в Советском Союзе существовал социализм, т.е. формация более высокая (по всем показателям), чем капитализм. До сих пор не осознано, что *реальный социализм*, как он в то время назывался, был системой, обреченной на крах, потому что она не стимулировала ни экономии сырья, энергии, рабочей силы, ни совершенствования качества и уменьшения цены продукта, ни повышения качества жизни. Это была экономика дефицита: всегда чего-нибудь не хватало, чего-нибудь нельзя было *достать* (ключевой глагол для советского человека).

Я уж не говорю о милитаризации производства и общественного сознания, омертвлявшей и то, что было еще живого в этой экономике. Это другая тема.

Если это — **социализм**, то кому он нужен?

В.С. ХАН

О БАЗОВЫХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПРИНЦИПАХ И ПРОБЛЕМАХ ОБЩЕСТВЕННО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Вводные замечания

После распада СССР общественно-гуманитарные науки (ОГН) претерпели следующие изменения:

- произошел отказ от многих советских идеологем;
- получили очертания новые базовые идеи и методологические подходы;
- в тематическое поле вошли ранее не разрабатываемые направления;
- введено в оборот большое количество новых эмпирических материалов, в том числе и ранее закрытых документов.

Практически во всех учебниках и научных публикациях говорится о новом облике ОГН в годы независимости, которые зиждутся на принципиально иных методологических подходах. В связи с этим обсуждение вопроса о том, что собой представляют эти подходы и какова нынешняя логико-эпистемологическая ситуация в ОГН на постсоветском пространстве в целом, представляется назревшим и актуальным.

Выводы статьи основаны на знакомстве автора с ситуацией в исторической науке, философии, социологии и этнологии. Если же говорить о территориальном срезе, то независимо от того, из какой страны представлены те или иные примеры статьи, ее выводы применимы к большей части постсоветского пространства. А если говорить

о Центральной Азии, то описанная ситуация имеет характер чуть ли не *регионального инварианта*, хотя в каждой из стран региона есть некоторые свои особенности.

Особенности ОГН в транзитный период и отношение к советскому наследию

Итак, в чем главная особенность ОГН на постсоветском пространстве? Ответ прост и заключается в том, что мы живем в эпоху перемен, что обуславливает транзитный характер ОГН.

Тогда возникает другой вопрос, а в чем методологические особенности транзитного состояния в ОГН в условиях смены общественно-политической системы? Нам представляется, что эти особенности могут быть описаны следующим образом:

— возникновение вакуума или ситуации методологической неопределенности на ранних этапах переходного периода (отказ от старых парадигм и отсутствие новых);

— заполнение методологического вакуума политико-идеологическими элементами (научным считается то, что работает на «колесо истории» — на стратегические ориентиры новых государств и, прежде всего, идеологию государственного строительства); в силу этого развитие ОГН становится привязанным к задачам этого строительства;

— снижение строгих критериев научности (на первый план выходят «революционные» и идеологические аргументы, которые начинают определять базовые идеи и эмпирический материал в ОГН), в силу чего наука представляется общедоступным полем деятельности (любой чиновник способен определять «правильность» или «неправильность» тех или иных научных взглядов);

— эклектичность как следствие теоретико-методологической неопределенности;

— радикализм или «болезнь роста» как следствие того же порядка;

— сохранение родовых пятен прежней науки;

— создание национальных версий ОГН.

Признавая все изменения, обозначенные в вводных замечаниях, тем не менее, можно и нужно говорить о том, *насколько далеко и в чем* ушли современные ОГН в Центральной Азии от советской науки. Данный вопрос не случаен, поскольку после распада СССР ОГН на постсоветском пространстве строятся на основе официального дистанцирования от советской науки и даже диаметрального противопоставления ей.

Конечно, из академической лексики исчезли такие понятия, как «социализм», «научный коммунизм», «общественно-экономическая формация», «классовый подход» «пролетарский интернационализм» (и просто «интернационализм»), «дружба народов», «религиозно-феодалные пережитки» и другие. В научных изданиях и докладах на конференциях обществоведы подчеркивают, что они отошли от марксизма-ленинизма и выработали новые методологические подходы. Общий пафос этих заявлений заключается в том, что ОГН в СССР были идеологизированы, в то время как в годы независимости они базируются на «объективном» и «научном» подходах, которые и соответствуют «современной мировой» науке¹.

В силу массового характера этих заявлений зададимся вопросом: действительно ли методологические подходы и понятийный аппарат советской ОГН канули в Лету? Ведь декларация отказа не всегда означает, что отказ реализуется на практике. Мне представляется, что, несмотря на декларацию оппозиции советской науке и идеологии, в ОГН на постсоветском пространстве, и особенно в странах Центральной Азии, можно обнаружить явные следы советского наследия (как по форме, так и по содержанию).

Сердцевиной советской ОГН и идеологии является «марксизм»/«марксизм-ленинизм». Я ставлю данные понятия в кавычки, потому что вопрос об аутентичности марксизма и советского марксизма-ленинизма отнюдь не простой. Сам Маркс, ознакомившись с взглядами ряда своих последователей, объявивших себя марксистами, вынужден был заявить: «Я знаю только одно, что я не марксист»². Что касается советского марксизма-ленинизма, то Эрих Фромм, один из его компетентных критиков, писал: «Русские коммунисты присвоили себе марксистскую теорию и попытались убедить мир, что они в своей теории и практике являются последователями Маркса... хотя на деле все стоит как раз наоборот»³. Такую же оценку советского марксизма-ленинизма можно найти и в других работах западных экспертов⁴. Иначе говоря, можно говорить о различных «марксизмах», настолько отличающихся друг от друга (западный неомарксизм, маоизм, северокорейское чучхе, христианский марксизм, фрейдомарксизм и т. д.), что возникает вопрос: «А об одном ли учении идет речь?»

¹ Что означает данное понятие, никто не объясняет, но на практике каждый под ним понимает свои собственные взгляды.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т 37. С. 370.

³ Фромм Э. Душа человека. М., 1992. С. 378.

⁴ Marcuse H. Soviet Marxism: a Critical Analysis. New-York: Columbia University Press, 1958; Stojanović S. From Marxism to Post-Marxism // Culture and Modernity: East-West Philosophic Perspectives. Ed. by E. Deutsch. Honolulu: University of Hawaii Press, 1991.

Таким образом, существуют взгляды Маркса и существуют «марксизмы». Почему мы обращаем внимание на данное различие? Дело в том, что когда обществоведы СНГ говорят, что они отказались от марксизма/марксизма-ленинизма, то под этим многими из них понимается вся интеллектуальная традиция от Маркса до работ советских, китайских, северокорейских и иных «марксистов». Иначе говоря, марксизм видится как гомогенная, с небольшими различиями, традиция. Любой, кто использует марксистскую фразеологию, может быть причислен к «марксизму» независимо от того, насколько это согласуется с взглядами самого Маркса. Даже если некоторые различия внутри марксизма и признаются, они не имеют принципиального характера. Таким образом, в одной лодке оказываются Сталин, Ким Ир Сен, Дьёрдь Лукач и Теодор Адорно. Как правило, такое понимание марксизма вытекает из незнания трудов, определяющих ту или иную «марксистскую» традицию, будь то работы Маркса, Ленина, Мао Цзэдуна, Ким Ир Сена, Франкфуртской школы, Г. Маркузе, Э. Фромма и т. д.

Возьмем к примеру *философию*. Даже в советское время многие центральноазиатские преподаватели философии не читали трудов основоположников марксизма, а свои лекции готовили на основе учебников. Эта традиция продолжается по сей день, тем более игнорирование или критика классиков марксизма стали негласной нормой. Однако советские учебники по философии до сих пор востребованы: как говорится, старый конь борозды не портит. Если обратиться к лекционным курсам по философии, читаемым в годы независимости, то можно обнаружить, что содержание многих тем по-прежнему близко к советским учебникам как по духу, так и по терминологическому аппарату. Приверженность (конечно, не декларируемая) советской философии объясняется тем, что многие преподаватели вузов не знали и преимущественно до сих пор не знают современных западных философов.

В связи с этим вспоминается одна история из практики моего преподавания философии в Институте повышения квалификации при Ташкентском государственном университете (1988–1997). В начале 1990-х годов я читал спецкурс по западной философии XX века в группе, состоявшей из преподавателей различных вузов. Придя в аудиторию, я обнаружил, что вся группа на месте. На мою похвальную реплику по поводу стопроцентной посещаемости один из слушателей пояснил, что все хотят послушать о современных западных школах, так как в вузах дана установка обновить лекционные курсы в соответствии с «требованиями времени», не читать марксистско-ленинскую философию, а давать учебный материал согласно «современным тенденциям в мировой философии».

Прослушав лекцию о неопозитивизме и постпозитивизме, слушатели признались, что они мало что поняли, и попросили рассказать о какой-нибудь философии, которая «полегче». А после лекции по экзистенциализму один пожилой преподаватель, выражая общее мнение, попросил: «А нельзя ли рассказать о какой-нибудь философии, которая похожа на марксистскую, но на самом деле таковой не является. Ведь мы всю жизнь были марксистами и преподавали только марксистско-ленинскую философию, и других философий не знаем. Ее сейчас запрещают читать, а вот если бы была похожая философия, но не марксистская, нам было бы легче».

Таким образом, люди, считавшие себя приверженцами определенной философии, были готовы легко променять ее на другую. Соответственно, возник вопрос о характере этой приверженности, о том, в какой мере эти преподаватели действительно были марксистами и знакомы с марксизмом «из первых рук». И я спросил, кто из аудитории читал такие труды классиков этого учения, как «Немецкая идеология», «Святое семейство», «Анти-Дюринг», «Материализм и эмпириокритицизм», и был поражен, когда из всей группы менее трети подняли руки. Когда же я поинтересовался, насколько поднявшие руки знают эти работы, чтобы мочь их обсуждать, то половина опустила руки. Тогда я спросил, а есть ли в группе люди, кто брал в руки «Капитал», основное произведение Маркса. Таковых оказалось двое. На вопрос, чему посвящена 1-я глава, и эти две руки опустились.

Складывалась парадоксальная ситуация: преподаватели, которые всю жизнь читали в вузах «марксистско-ленинскую философию» были не знакомы или мало знакомы с произведениями ее классиков. Тогда на основе чего они читали свои лекции? Оказалось, по ответам слушателей, на основе учебников, а иногда некоторых научных работ советских философов.

На деле отказ от «марксистско-ленинской» философии после распада СССР для многих преподавателей философии, особенно в Центральной Азии, имел *формальный* характер, а именно: не использование имен Маркса, Энгельса, Ленина, а также категорий «научного коммунизма». Однако многие понятия и методологические подходы, правда значительно упрощенные, остались в арсенале и по-прежнему используются в духе советской философии.

Или возьмем *этнографию/этнологию* (культурную антропологию). В Узбекистане, несмотря на *внешнюю* критику советской примордиальной теории этноса, эта теория по-прежнему является базовой в учебной литературе. Попытка же рассмотреть, например,

этногенез и нациогенез узбеков через призму конструктивизма¹, распространённого в западной антропологии, не только не увенчалась успехом, но и была подвергнута критике со стороны местных академических кругов².

Приверженность советским традициям ярко бросается в глаза по используемой **фразеологии** и **экспрессивно-аксиологической лексике**, заменяющих академический категориальный аппарат.

По стилистике и терминологии многие современные тексты, особенно в области социологии, политологии и новейшей истории, и особенно в Центральной Азии, очень близки к советской фразеологии: «поступательное развитие», «прогрессивные мыслители», «в братской семье народов», «подрастающее поколение», «высокие нравственные ценности», «истинные ценности», «отдельные недостатки», «духовный гнет», «вековая мечта», «коренные преобразования», «общественное сознание», «мировая общественность», «мирный созидательный труд», «самоотверженный труд», «бдительность», «верность курса», «беззаветно» и т. д. Стилистической нормой является использование большого количества терминов в превосходных степенях — «огромный», «беспрецедентный», «широкомасштабный», «процветание», «всемирное признание», «незыблемость», «широчайшие возможности», «все необходимые условия», и др.

Я вижу, по крайней мере, три основные причины, почему в период независимости преподавание ОГН продолжает сохранять родовые пятна советского обществознания.

Первая причина, о ней уже было сказано, — это незнание зарубежных школ среди большинства преподавателей ОГН, особенно в областных вузах. Некоторые из них только слышали имена западных мыслителей, а некоторые — даже не слышали. Преподаватели не знают иностранных языков, количество западной литературы даже в университетских библиотеках столиц стран СНГ ограничено, а в областных библиотеках ее вообще нет. Переводов этой литературы на национальные языки тоже нет. Для этой категории преподавателей, а она составляет большинство, остается одно — пользоваться советской литературой или современной отечественной, которая написана преимущественно на основе советско-российских источников. Конечно, сегодня есть Интернет, где можно найти зарубежные источники

¹ Ильхамов А. Археология узбекской идентичности // Этнический атлас Узбекистана. Стамбул, 2002; Он же: Археология узбекской идентичности // Этнографическое обозрение. 2005. № 1.

² Алимова Д. А., Арифханова З. Х., Аширов А. А., Назаров Р. Р. Еще раз о проблемах этнологии в Узбекистане (в дополнение к дискуссии) // Этнографическое обозрение. 2006. № 3. С. 117–119.

в русских переводах. Но здесь возникает другая проблема: например, в Центральной Азии количество людей, знающих русский язык, значительно уменьшилось. И даже если знают, зачастую это бытовое знание, чего явно недостаточно, чтобы читать Гегеля, Хайдеггера или Бурдьё. В силу этого в большинстве работ по ОГН ссылки на иностранных ученых и зарубежные издания либо отсутствуют, либо крайне незначительны и представлены исключительно формально — в виде дежурных ссылок. И только очень немногие преподаватели ОГН более или менее представляют содержание тех или иных западных доктрин.

Поскольку большинство обществоведов не знает западных теорий, то оперирование этими теориями подменяется игрой в слова. Так, дискуссии относительно известных теорий ведутся не по самому содержанию теорий, а исключительно по их заголовкам («Столкновение цивилизаций», «Конец истории» и т. д.), что спускает их с академического уровня на обывательский. Так, на конференциях можно часто слышать критику теории столкновения цивилизаций С. Хантингтона. Вся проблема заключается в том, что дискуссанты не читали саму книгу (это солидный труд из 368 страниц), а слышали о ней из каких-то других источников, в результате чего их «мнение» теряет всякую ценность, поскольку не имеет никакого отношения к тексту американского ученого. Или часто можно слышать на тех же конференциях из уст профессоров, что они отказались от формационного подхода и взяли на вооружение цивилизационный подход (кстати, теория С. Хантингтона основана на цивилизационном подходе). На проверку оказывается, что эти профессора смутно представляют, что такое цивилизационный подход (равно как и формационный, если не сводить его к схематичной «пятичленке») и не читали ни О. Шпенглера, ни А. Тойнби, ни П. Сорокина и, как выше было отмечено, ни С. Хантингтона.

Незнание зарубежных теорий и методологий также связано с *отсутствием потребности* в них. Как можно прочесть во многих диссертациях, защищенных по ОГН, их теоретико-методологической основой являются труды президентов соответствующих стран.

Например, о какой потребности в зарубежных теориях в области *исторической науки* может идти речь в Туркменистане и Таджикистане, если их президенты (Э. Рахмон и покойный С. Ниязов) пишут исторические статьи и фолианты? А ведь в них дается толкование специальных вопросов исторической науки, таких как этимология этнонимов и топонимов, обоснование исторических дат, направление и состав миграционных потоков, возраст и ареалы происхождения того или иного народа и т. д. Если учесть авторитарный характер политических систем данных стран и тот факт, что авторами являются руководители государств, то подобные труды не оставляют места дис-

куссиям, гипотезам и альтернативному видению истории. Все историки должны заниматься только подтверждением изложенных главой государства взглядов на историю.

Вторая причина заключается в особом положении представителей старшего поколения в местном научном сообществе, что было также типичным как для советской ОГН, так и для системы функционирования знания в досоветский период. Сегодняшние «патриархи» делали свою карьеру в советское время. Многие из них и тогда не знали западных теорий. Требование использования западных (т. е. неизвестных) концепций создало для них ситуацию дискомфорта и угрозы своему научному авторитету (хотя отсутствие такового никогда не мешало посредственным ученым занимать высокие административные позиции в научных и образовательных учреждениях).

В этой ситуации их реакция заключалась в следующем: либо блокировать новые теории и понятия, либо упрощать их. Упрощение есть способ разрушить целостность теории, свести сложное к простому, и, в конечном счете, интегрировать эти «простые элементы» в свой тип привычного (догматичного) знания. Такое упрощение, в отличие от научной популяризации, является выхолащиванием и вульгаризацией исходного знания. Так было в советское время, когда выхолащиванию и вульгаризации, а затем догматизации подвергся марксизм¹, то же самое происходит и сегодня — поменялся лишь объект приложения этих процедур.

Третья причина связана с особенностями системы образования и функциями ОГН на постсоветском пространстве. Известно, что в СССР ОГН имели не только научно-познавательную функцию, но и идеологическую. После распада СССР у элит новых государств появилась потребность в легитимации новых идеологий и проводимого политического курса. Для этого как нельзя лучше подходил прежний, отлаженный способ формирования лояльного и определенным образом ориентированного мышления посредством новых концепций в ОГН, а затем их внедрения в систему образования и средства массовой информации.

Научные стандарты versus идеология

Как и в СССР, так и после его распада, на ОГН сильное влияние оказывает идеология. Особенно это заметно в Центральной Азии. Советская идеология, начавшая с конца 80-х годов сдавать свои позиции, полно-

¹ Типичным примером упрощения, выхолащивания и вульгаризации марксизма являются работы Сталина.

стью утрачивает свое влияние. Освобождение от ее всевластия и эйфория свободы, казалось, поставили точку над всякими идеологиями. Даже сам термин «идеология» вызывал отторжение, ему была противопоставлен термин «деидеологизация». Во многих конституциях стран СНГ был введен принцип идеологического и политического плюрализма, а в некоторых прямо указывалось о недопустимости возведения какой-либо идеологии в ранг государственной или обязательной¹. Однако по прошествии ряда лет независимого развития, можно говорить о том, что во всех постсоветских странах в явной или не явной форме имеет место становление государственных идеологий (или их контуров).

Вновь сформированные (или формирующиеся) идеологии на постсоветском пространстве имеют как особенные, так и общие черты, обусловленные различными факторами. Это принадлежность к определенным культурам и цивилизациям, этнический состав населения, конфессиональная принадлежность титульной нации, отношение к прошлому, векторные ориентации в современном геополитическом пространстве и другие. Эти черты, (снова же, как особенные, так и общие), существуют на трех уровнях: государственном, надгосударственном (групповом) и уровне постсоветского пространства в целом.

Если говорить об уровне постсоветского пространства в целом, то все государственные идеологии бывших советских республик возникают на основе диаметрального противопоставления советской идеологии². Для всех них характерно возведение национальных ценностей в ранг государственной политики³. Для всех них характерна радикальная ревизия прошлого и целевая ориентация на «достойное место в мировой цивилизации» в будущем.

Если говорить о надгосударственном (групповом) уровне, то наблюдается региональное единство в идеологических приоритетах Латвии, Литвы и Эстонии — в понимании недавней истории⁴, в проза-

¹ См. Конституции Беларуси, Молдовы, России, Таджикистана, Украины, Узбекистана.

² Необходимо заметить, что, несмотря на декларирование оппозиции советской идеологии, в новых идеологических конструктах и по форме, и по содержанию можно обнаружить некоторую преемственность с прежней идеологией.

³ Исключение, может быть, составляет только Россия, в силу ее этнического разнообразия и федеральной политики мультикультурализма. Но и в ней, в рамках национально-административных образований (Татарстан, Башкортостан, Северный Кавказ и др.), приоритетная ориентация на национальные ценности имеет место.

⁴ Например, в политической лексике прибалтийских стран получили легализацию такие понятия как «оккупанты», «мигранты» по отношению к русским, проживающим в этих странах, или понятие «не-граждане» для тех, кто въехал в эти страны до вхождения их в состав СССР. У правящей элиты этих стран свой взгляд на Вторую мировую войну, когда местные военные формирования в составе фашистской армии рассматриваются как участники освободительного движения.

падной ориентации в политике и в декларируемых ценностях. Этого не скажешь о славянском, кавказском и Центральном-Азиатском регионах, где межгосударственные разногласия в выше обозначенных сферах носят существенный характер. Надо отметить, что надгосударственный уровень не сводится к территориально-региональному. Есть общее в политических программах ряда стран, которые не принадлежат к одному региону, но имеют одинаковые проблемы, например, проблему сепаратистских территорий или проблему противостояния этнокультурных территорий (Молдова, Грузия, Азербайджан, запад и юг Украины, север и юг Кыргызстана). Все бывшие советские республики можно также разделить на прозападные, пророссийские и нейтральные (мультивекторные).

Для стран Центральной Азии характерны увеличение удельного веса титульного этноса и снижение этнического разнообразия, что порождает вопрос: а останутся ли данные государства через пару поколений гетерогенными¹?

Имеется идеологическая специфика и на государственном уровне. Так, Туркменистан стоит особняком от других стран СНГ: 1) это так называемая политика и идеология нейтралитета, 2) официальный культ личности Туркменбаши, а после его смерти — нынешнего Аркадага, 3) крайний национализм. Все это обусловило соответствующие особенности государственной идеологии. Во-первых, это национализм, возведенный в закон. Так, согласно Конституции Туркменистана президентом страны может быть только туркмен. В «Рухнама» и речах президента понятия «народ Туркменистана» является эквивалентным по объему понятию «туркменский народ»². Такого рода официальный национализм в сочетании с культом личности привел к политике туркменской самодостаточности и «нейтралитета», по ряду пунктов очень близкой к идеологии опоры на собственные силы (чучхе) в КНДР.

Если же мы возьмем Казахстан, то здесь основа формирования идеологических конструктов совершена иная. На развиваемую Казахстаном идеологию евразийства и интеграционизма в СНГ повлияли особенности национального состава страны, где число не-казахов

¹ В Казахстане доля титульного этноса возросла с 40,1% в 1989 г. до 63,1% в 2009 г., в Кыргызстане — с 52,4% в 1989 г. до 72,4% в 2013 г., в Узбекистане — с 71,4% в 1989 г. до 82,7% в 2010 г., в Таджикистане — с 62,3% в 1989 г. до 84,3% в 2010 г., в Туркменистане — с 72% в 1989 г. до 85,6% в 2012 г. — См. данные переписей, а также статистические данные и экспертные оценки, если переписи не проводились.

² В «Рухнама» обращения «Мой любимый народ!», «Соотечественники!» являются синонимами обращений «Братья туркмены!», «Туркмены!», «Туркменский народ!», «Моя родная туркменская нация!», «Мой любимый туркменский народ!».

было сопоставимо с численностью титульного этноса, ее территориальное расположение и более ощутимые процессы демократизации.

Вновь созданные идеологии легли в основу внутренней и внешней политики независимых государств. Их мощное влияние просматривается в оформлении улиц и офисов, средствах массовой информации, системе образования, в официальных и повседневных речах (на торжественных собраниях, свадебных застольях и т. д.). И конечно же — в общественно-гуманитарных науках.

К чему ведет сращение науки с идеологией?¹ *Во-первых*, к потере научной самостоятельности и заданности результатов «научного поиска» (понятно, что при заданности о научном поиске не может быть и речи). Особенно это касается Центральной Азии. В России все же наблюдается достаточно широкий разброс академического и идеологического плюрализма. Многие же обществоведческие работы в Центрально-Азиатском регионе, особенно по социологии, политологии и новейшей истории, носят вторичный и комментаторский характер, представляя собой не новаторские исследования, а обоснование задним числом текущей политики и речей президентов стран региона. Это ведет к потере инструментализма и эвристичности науки, распространению компиляторства, эпигонства и плагиата. Знание зарубежных школ и течений становится не обязательным, что, в свою очередь, ведет к замкнутости, а значит — к провинциализму науки в данной стране.

Во-вторых, к декларативному и лозунговому характеру научных работ, что отражается в формулировках тем диссертационных исследований.

В-третьих, к подмене *темы* исследований *направлениями* исследований, что делает более явным их соответствие идеологическим клише. Тем самым решение научных проблем подменяется эмпирическим сбором «материала» по определенному направлению.

В-четвертых, к включению в ткань научной аргументации выдержек из работ или речей руководителя государства и образцов житейской мудрости. Зачастую они используются в качестве основного аргумента. Подобная форма «доказательства» являлась распространенной и в советском общественном знании. С точки зрения логической формы это *непосредственная дедуция* конкретных выводов по специфическим научным темам из общих постулатов (идеологических клише, высказываний авторитетов, пословиц), служащих легитимацией этих выводов².

¹ А в случае «Рухнамы» мы видим полную подмену науки идеологией.

² На этом, в частности, строилось уничтожение генетики в период сталинизма, когда конкретное обсуждение результатов локальных экспериментов подменялось общими спекулятивными рассуждениями на основе цитат классиков марксизма и работ Сталина.

В-пятых, к обеднению категориального аппарата и его сращиванию с публицистическим (идеологическим) и обыденным языком, повсеместному использованию трафаретных идеологических клише. Терминологическая простота делает ОГН общедоступными и дает возможность управлять ими, даже если управляющие не имеют соответствующего образования. В то же время многие категории, используемые в современных зарубежных обществоведческих исследованиях и имеющие важное методологическое значение, практически не встречаются в отечественных публикациях, либо весьма редко.

В-шестых, к трансформации методологических основ исследований (замене научных теорий идеологическими конструктами). В основе любой научной методологии лежит та или иная теория, или совокупность неких научных концептуальных положений. Отсутствие таковых ведет к потере одной из главных особенностей современной науки — теоретичности. Как результат, в ОГН начинают доминировать дескриптивизм и поверхностные индуктивно-эмпирические обобщения. В этом отношении показательны диссертации, защищенные по отношению Узбекистана с другими странами или международными организациями, содержание которых сведено к констатации эмпирических фактов (причем, селективных) — подписанных документов, объема товарооборота, количества СП, визитов правительственных делегаций, дней культуры и т. д. Таким же дескриптивизмом страдают и диссертации по этнологии, которые лишь описывают материальную и обрядовую культуру.

В-седьмых, к идеологической селекции эмпирического материала или подгонки его под поставленные задачи, что также было характерно для советской науки. Возьмем, к примеру, *социологию*. В исследованиях, посвященных межнациональным отношениям, выборка зачастую берется в соответствии с пропорциональным представительством (или близким к нему) этнических групп в составе населения республики, города или организации, где проводится исследование. Подобный подход, где большинство опрошиваемых совпадает с этническим большинством, что составляет 70–80%, может быть оправдан при изучении деятельности транспортных или коммунальных служб. Однако в области национальной политики и межнациональных отношений, когда необходимо выявить их точечное восприятие различными этническими группами, подобная методология не работает.

Например, в одном из проведенных в Узбекистане опросов по выявлению межнациональной толерантности ташкентцев (2008 г.), было опрошено 414 человек: 74,6% узбеков, 10,5% русских, 7% казахов, 3,5% татар, 2,6% таджиков, 1,8% представителей других на-

циональностей¹. Сама структура выборки такова, что любой более или менее консолидированный ответ узбекских респондентов будет автоматически означать более 70% удельного веса мнения всех опрошенных ташкентцев. С одной стороны, с этим можно согласиться, если речь идет о состоянии дорог столицы. Но поскольку речь идет о межнациональной тематике, было бы неправильным считать, что оценка узбекских респондентов по данному вопросу в целом отображает общественное мнение многонационального города (здесь понятие «многонациональный» имеет принципиальное значение), что автоматически вытекает из структуры выборки. В самом методологическом подходе уже изначально заложено искажение репрезентативности результатов.

Видимо, авторы опроса были заинтересованы не столько в реальной картине происходящих процессов, сколько в создании некоей «хорошей», идеологически выверенной картинки. Но точное документирование восприятия этническими группами национальной политики и межэтнических отношений — это та необходимая эмпирическая основа, на которой и может делаться научный диагноз этнополитических процессов и строиться выверенная национальная политика.

В-восьмых, в результате снижения и вымывания строгих научных стандартов, к распространению квазинаучных элементов и мифов. Особенно они получили распространение в исторической науке².

(1) *Прошлое и настоящее*. Прошлое занимает особое место в современных идеологических конструктах и ОГН независимых государств. «Правильно» понятое, оно становится легитимацией настоящего — статусных позиций этнических групп и проводимой государственной политики. Это проявилось в концепции *безусловного исторического права* титульной нации на доминирование в данном государстве. Хотя узбеки, казахи, туркмены, таджики и киргизы веками жили на территории Центральной Азии, сегодня в новых государствах — через ОГН — обосновывается мысль об историческом праве титульной нации на территорию данного государства.

Так, в Конституции Казахстана в преамбуле записано: «Мы, народ Казахстана, объединенный общей исторической судьбой, созидавая государственность на исконно казахской земле...» В чем смысл идеи исторического права данного этноса на «исконную» землю? Прежде всего — в легитимации доминирования в современном государстве.

¹ Агзамходжаев И., Карамян М. Межнациональная толерантность ташкентцев (по результатам социологического исследования) // Общественное мнение. Права человека. 2009. № 2 (46).

² См.: Масанов Н. Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И. В. Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. Алматы, 2007.

Обсуждая идею государственной идеологии Казахстана об «интегрирующей роли казахской культуры» для всех народов страны, известный казахский ученый Н. Масанов писал: «Следуя этому, в общественном сознании казахов устойчиво утвердилась идеология, в соответствии с которой казахи как коренной этнос имеют безусловное право на политическое доминирование на территории Казахстана. Их язык становится государственным языком, а казахская культура играет интегрирующую роль для «всех этнических групп в стране». Следовательно, представители казахского этноса обладают «естественным» и «историческим» правом занимать высшие правительственные посты и получать преференции в отношении высшего образования, продвижения по службе, изучения своей культуры и истории»¹.

Конечно, такого рода подход предполагает академическое обоснование. В связи с этим японская исследовательница Нацуко Ока пишет: «История была мобилизована, чтобы помочь идее, что только казахи имеют право претендовать на статус коренного народа Казахстана»².

Чтобы обосновать право на доминирование, вводится понятие «автохтонного населения», или «коренного этноса»³. В связи с этим возраст данного народа начинает искусственно удревяться. А главным аргументом становятся труды и речи президентов стран региона. Так, в «Рухнама» мы читаем: «Туркмены потому великий народ, что сумели заставить своих и чужих историков признать свой возраст — 5000 лет»⁴. В Таджикистане президент заявляет, что «таджикская история и цивилизация» насчитывает более 5000 лет⁵. Не трудно догадаться, что эти цифры начинают тиражироваться в учебниках и

¹ Masanov N. Perceptions of Ethnic and All-National Identity in Kazakhstan // The Nationalities Question in Post-Soviet Kazakhstan. Middle East Studies Series. No. 51. Tokyo: IDE-JETRO. P. 25.

² Oka N. 2002 Nationalities Policy in Kazakhstan: Interviewing Political and Cultural Elites // The Nationalities Question in Post-Soviet Kazakhstan. Middle East Studies Series. No. 51. Tokyo: IDE-JETRO. P. 111.

³ В строгом смысле слова разделение на коренные народы и мигрантов относительно, поскольку вся история человечества является историей миграций. Сколько лет должны люди проживать на данной территории, чтобы считаться коренными? Далекие (и не так далекие) предки этнических групп, проживающих сегодня на той или иной территории когда-то были тоже мигрантами. Ссылки на изначальную территорию этногенеза также проблематичны. В Центральной Азии нет «чистых» этнических территорий, которые изначально принадлежали только одной этнической группе. Кроме того, в образовании современных центральноазиатских народов участвовали различные этнические компоненты из ареалов за пределами границ нынешних центральноазиатских государств.

⁴ Сапармурат Туркменбаши. Рухнама. Ашхабад: Туркменская государственная издательская служба, 2005. С. 67.

⁵ <http://www.prezident.tj/rus/vistupleniy040906.htm>

научных изданиях. В связи с этим известный узбекистанский археолог Э. В. Ртвеладзе пишет: «Однако это полностью противоречит всем данным исторической и других наук. Наука до сих пор абсолютно не располагает данными не только о языке племен Средней Азии в то время, но и о названиях народов, обитавших здесь, каковые появляются только в VII — VI вв. до н.э. и содержатся в «Авесте», в трудах древнегреческих историков и в наскальных надписях ахеменидских царей. Что же касается названий современных народов Средней Азии, то они появляются лишь в эпоху Средневековья»¹.

Прошлое стало яблоком раздора. Одни и те же государства в древней и средневековой истории Центральной Азии стали предметом ожесточенных дискуссий между народами-соседями по поводу их этнической принадлежности. То же самое наблюдается и по отношению к выдающимся мыслителям и политическим деятелям Центральной Азии. Этноцентристские модели истории Центральной Азии стали базисными элементами новых государственных идеологий и академических теорий².

(2) *Прошлое и будущее*. В идеологических конструкциях современных центральноазиатских государств определенным образом понятое прошлое выступает в качестве естественного и логически оправданного моста к определенно ожидаемому будущему. Идея *великого будущего* постулируется как логическое следствие из идеи *великого прошлого*. «Характерной чертой этноцентрического мышления, — пишет А. Кусаинов, — является ориентация на прошлое, которое принимает образ “светлого будущего”»³. Прошлое становится формой легитимации притязаний на «достойное место в мировой цивилизации»⁴. Как отмечает президент Таджикистана: «Почитание прошлого — это одно наше крыло, а наши сегодняшние заслуги по обустройству Родины прадедов и обеспечению спокойной жизни для народа — это другое

¹ Ртвеладзе Э.В., Сагдуллаев А.С. Современные мифы о далеком прошлом народов Центральной Азии. Ташкент: O'zbekiston, 2006. С. 7–8.

² Э. Ртвеладзе называет эти концепции как основанные на принципе этнической исключительности, основными признаками которых являются: 1) древнейшая государственность; 2) древность народа и его самоназвание; 3) гипертрофированный ареал государства или границ и территории расселения народа; 4) неоправданное возвеличивание своего народа и принижение значимости других народов. — См.: Ртвеладзе Э.В., Сагдуллаев А.С. Современные мифы о далеком прошлом народов Центральной Азии. Ташкент: O'zbekiston, 2006. С. 6–9.

³ Кусаинов А.А. Исторический процесс сквозь призму этноцентризма // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Материалы конференции. Волгоград, 2003. С. 86.

⁴ С точки зрения современных парадигм, в основе которых лежит гуманистическое понимание перспектив мировой цивилизации, подобная постановка вопроса выглядит довольно странной, поскольку любой народ и любое государство имеет право на «достойное место в мировой цивилизации», а не только те, что имели «великое прошлое».

крыло, и оба они вознесут нашу нацию в высокий полет к процветающему и достойному будущему»¹. Эта легитимация имеет разные формы: от концепции ускоренного социально-экономического развития (Казахстан) до концепций процветающего и достойного будущего (Таджикистан), великого будущего (Узбекистан) и «Золотого Века» (Туркменистан).

О принципах научного мышления

Большинство обществоведов на постсоветском пространстве следуют методологическим принципам, выработанным в советской науке².

Принцип объективности. Может ли обществознание быть объективным и научным? В СССР объективное знание — идеал науки, в конечном счете совпадающий с советской наукой, в то время как в западном обществознании на протяжении всего XX века происходило осознание проблематичности достижения объективности. Различные обществоведы работают в разных методологических парадигмах: марксистской, позитивистской, постмодернистской и т. д. Принципиально невозможно объективное исследование в рамках отдельной работы. Объективность предполагает выход за рамки национальной, географической, религиозной и государственных парадигм, в то время как большинство исследований основано на них.

Возьмем центральноазиатскую *историю*. Историки региона клянутся в объективности, которая в подавляющих случаях на проверку оказывается ее этноцентристской версией (казахской, киргизской, таджикской, туркменской, узбекской). Этноцентризм является одним из базовых принципов обществознания в постсоветских национальных республиках и национально-административных образованиях России.

Если же говорить о западных подходах, то американский историк А. Мегилл отмечает: «Объективность — это не единый концепт, а множество концептов, которые не могут быть полностью сведены к одному базовому. <...> Сколько же в действительности существует концепций объективности? Или, по крайней мере, сколько существует концепций объективности, применимых к историческому знанию?»³

¹ Рахмонов Э. Арии и познание арийской цивилизации. — <http://www.prezident.tj/rus/baromadho.htm>

² Я не говорю о марксистских принципах, поскольку вопрос о соотношения взглядов Маркса и советской версии (версиях) марксизма требует отдельного рассмотрения.

³ Мегилл А. Историческая эпистемология / пер. с англ. М.: «Канон+»: «Реабилитация», 2007. С. 367–368.

Данная точка зрения сегодня является доминирующей в зарубежных исторических трудах, основанных на принципах относительности и методологического плюрализма. В работах же историков марксистской ориентации и некоторых других направлений (это характерно и для многих современных работ в СНГ) принцип объективности изначально постулируется как один из основополагающих принципов научного исследования. Достаточно обратиться к введениям соответствующих диссертаций по общественным наукам (раздел «Методологическая основа исследования»). Однако анализ текстов показывает, что, как правило, реализуемые в них идеи — это персональная точка зрения автора (зачастую весьма субъективная). Под флагом «объективности» нередко излагаются прямо противоположные идеи. Необходимо иметь в виду, что объективность принципиально не может быть достигнута в рамках отдельной работы или концепции (нельзя объять необъятное), её достижение тождественно всему длительному *процессу* развития исторического знания.

Что касается философии, то здесь стоит вопрос не только объективности, но и принципиальной возможной научности — соответствия принятым академическим стандартам. Так, являются ли научными философия Ницше или неотомизм (философия католицизма)? Если нет, то существует ли научная философия? В советский период все было просто — да, это марксистско-ленинская философия. Но сегодня бывшие марксисты-ленинцы дистанцируются от нее. Так как же быть? Становится ясно, что если мы начнем оценивать философию с точки зрения академических стандартов, то все оригинальные философские идеи и их создатели потеряют всякую ценность для человечества. Не случайно за рубежом философию относят не к общественным наукам (*social sciences*), а к гуманитарному знанию (*humanities*).

Принцип методологического монизма. Советское обществознание базировалось на методологическом монизме, научной версией которого объявлялся марксизм-ленинизм. Справедливости ради необходимо отметить, что все предшествующие европейские философские системы стояли на том же. Гегель именно свою философию считал истиной в последней инстанции, как, впрочем, любой другой философ, создававший свою систему.

Методологический монизм рассматривает существующие инструменты познания, подходы, выводы к изучаемым явлениям через призму «истина–ложь».

Соответственно социально-исторические процессы оцениваются в рамках *дихотомизма* или бинарного радикализма, через призму черно-белого восприятия: по принципу «или–или», «положительно–отрицательно», «истинно–ложно». Конечно, данный способ *оценоч-*

ного восприятия был присущ всем историческим эпохам. В XX веке он стал выражением противостояния двух мировых социально-политических систем. Мышление времен холодной войны является по своей сути дихотомическим. Дихотомизм — характернейшая черта и советского общественнознания, где все социально-исторические, экономические и политические процессы рассматривались либо как прогрессивные, либо как реакционные. Данный тип мышления основан на формально-логических законах противоречия и исключенного третьего, сформулированных Аристотелем.

Однако еще в XVII в. Кант показал, что с переходом рассудка (эмпирического мышления) в сферу разума (теоретического мышления) субъект познания сталкивается с антиномиями (конъюнкцией противоречащих и в то же время в равной мере обоснованных суждений)¹. После Канта стало ясно: «Несовместимость... существует не только между истиной и не истиной, но и в рамках самой истинности и неистинности»².

Дальнейшим этапом в развитии диалектики антиномий стала логика Гегеля, в которой закон исключенного третьего был подвергнут критике³. Согласно Гегелю: «Истинное... значение антиномий заключается вообще в том, что все действительное содержит в себе противоположные определения и что, следовательно, познание... предмета в понятиях как раз и означает познание его как конкретного единства противоположных определений»⁴. Тем самым Гегель показал, что построение теоретической системы мышления антиномично в своей основе, что стало одним из постулатов современной методологии науки.

Исследования по истории науки подтверждают, что антиномии и их разрешение на путях синтеза являются закономерной стадией в развитии как естествознания, так и общественнознания. Классическим примером является признание корпускулярно-волнового дуализма света. Данный вывод выходит за рамки эмпирического мышления, признававшего либо волновую природу света, либо корпускулярную. Позднее корпускулярно-волновой дуализм был обнаружен по отношению к электронам и другим элементарным частицам. Это привело к выводу, невозможному в рамках эмпирического мышления, но являющемуся важнейшей частью современной теоретической физики: частица есть волна, а волна есть частица. В более широком плане, вы-

¹ Антиномия в символической логике записывается так: $A \ \& \ (\sim A)$ и читается: «А и не-А».

² Оруджев З.М. Формально-логическое и диалектическое противоречие: различие структур // Диалектическое противоречие. М., 1979. С. 81.

³ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. М., 1974. С. 277.

⁴ Там же. С. 167.

ходящем на уровень методологических требований, необходимость данного типа мышления в физике была постулирована в *принципе дополнительности* Бора.

Современные исследования показывают, что мышление по типу «или–или» не способно объяснить всю сложность исторических процессов. Ответы на вопрос, что есть истинно, а что — нет, равно как ответы на вопрос, что хорошо, а что плохо, с точки зрения современной методологии могут быть разными, в зависимости от того, в какой системе координат (гносеологической, ценностной и социальной) обсуждается данный вопрос, от масштаба исторического времени, мега- и микротрендов и т. д. Речь идёт о *принципе множества рассмотрения истории* и *принципе противоречивости перспектив*¹. В зарубежные социальные и гуманитарные науки уже давно проникли идеи *относительности* и *многозначной логики*.

Большинство западных историков стоят на позициях принципиальной проблематичности истинности отдельного социогуманитарного исследования (используемых в нем методологических подходов, интерпретаций и полученных результатов). Как писал в XX в. известный французский историк Р. Арон, «ничто не доказывает, что существует только *одна* интерпретация человека, секты, общества, эпохи, что только она является приемлемой или более приемлемой, чем остальные»².

Нашим обществоведам также необходимо отказаться от устаревшего дихотомического мышления.

Принцип историзма. Согласно данному принципу, исторические события и процессы должны рассматриваться в строгом конкретно-историческом контексте с точки зрения того, как эти события и процессы возникли, как они развивались и к чему они привели.

Требование историзма как методологического принципа возникает и развивается в эпоху Просвещения (Вико, Вольтер, Руссо, Дидро) как оппозиция телеологизму Средневековья, а затем в немецкой классической философии (Гегель, Маркс), философии жизни (Дильтей) и других направлениях философской и исторической мысли. В современной интерпретации принцип историзма направлен против весьма нередкого в исторической науке и публицистике явления, когда авторы применяют к оценке событий прошлого мировоззренчес-

¹ Попп С. Изложение истории и общественно-политические преобразования. Ведущие концепции новейшей дидактики истории в Германии: множество, противоречивость, смена перспектив // История и самосознание, III: изложение истории в Узбекистане и Германии. Ташкент: Фан, 2008. С. 170.

² Арон Р. Избранное: Измерения исторического сознания. М.: Российская политическая энциклопедия 2004. С. 39.

кие представления, поведенческие стереотипы и моральные нормы своего времени, забывая или сознательно игнорируя конкретно-исторический контекст эпохи, в которой протекали изучаемые события.

Методологическая значимость принципа историзма признаётся не во всех исторических направлениях. Так, в *презентизме* (от англ. *present* — настоящее) — одном из направлений западной историографии — историческая реальность принципиально не может быть реконструирована такой, какой она была «на самом деле», она интерпретируется и конструируется каждым историком и каждой эпохой заново, исходя из потребностей данной эпохи. Иначе говоря, настоящее (понятия, оценки и т.д.) не только может, но и постоянно вторгается в описание прошлого¹.

Принцип линейности. Долгое время исторический процесс рассматривался как линейный, или линейный, — в виде прямой восходящей линии, где каждый этап является закономерным следствием предыдущего. XX век ввёл понятие нелинейного развития — сначала в естественных науках, а затем и применительно к общественным наукам, включая историю². Поэтому зарубежные историки всё чаще говорят о нелинейной (синергетической) исторической динамике. Исторический процесс сегодня рассматривается зигзагообразно, где каждая очередная точка отсчёта представлена в виде куста, где каждая веточка — альтернативный вектор развития. Причём на переход системы из одного состояния в другое (а таких состояний может быть несколько) может повлиять даже небольшое микрособытие (флуктуация). В отечественных исторических исследованиях необходимо отходить от принципа линейного развития и, исходя из новых методологических требований, брать на вооружение принципы *синергетики*.

Принцип эмпирического обоснования. Известно, что факты, эмпирический материал играют важнейшую роль в обосновании выдвигаемых концептуальных конструкций.

Осуществляется процедура обоснования посредством *индукции*. Данный метод находится в активном арсенале и исторической науки, имеющей дело с фактами. Однако еще в XVIII веке Д. Юм показал проблематичность индукции, которую в XX веке назвали «скандалом в философии». В XIX веке несостоятельность абсолютизации индукции была доказана в рамках диалектической логики (Гегель, Энгельс).

¹ См.: Савельева И.М., Полетаев А.В. О пользе и вреде презентизма в историографии // «Цепь времён»: Проблемы исторического сознания. М.: ИВИ РАН, 2005. С. 63–88.

² См.: Бородкин Л.И. Историческая синергетика: ещё раз о роли личности в истории // XXI век: актуальные проблемы исторической науки: Материалы международной научной конференции. Минск: БГУ, 2004. С. 305–307; История и синергетика: Методология исследования / отв. ред. С.Ю. Малков, А.В. Коротаев. М., 2005.

А в XX веке индуктивизм был подвергнут критике со стороны К. Поппера, а также марксистов.

Строгость индуктивных выводов возможна лишь в случаях *полной индукции*, когда вывод о множестве делается на основе знания обо всех элементах данного множества, что представляет собой лишь определенную область научных умозаключений. В остальных случаях можно говорить лишь о вероятных индуктивных выводах. Как пишет А.И. Ракитов: «В мире индуктивных рассуждений почти всегда царствует большая или меньшая неопределенность»¹. Поэтому в современной методологии науки надежность индуктивных обобщений принимается лишь в ограниченной области.

Индуктивные обобщения является причиной ошибки *post hoc, ergo propter hoc* («после этого, следовательно, по причине этого»). К сожалению, отечественные работы в области до сих пор не редко грешат этой ошибкой.

Ориентация на индукцию как метод получения новых знаний тесно связана с *эмпиризмом*. Не случайно многие исследования в области социологии, политологии и новейшей истории страдают поверхностными эмпирическими обобщениями. Надо иметь в виду, что охват фактов должен быть как можно большим и не селективным (хотя это не решает проблематичности индукции). Речь идет о *всесторонности рассмотрения предмета* как принципе научного познания, который предполагает включение в эмпирический базис всех фактов, а не только тех, которые устраивают автора. Однако самый беглый просмотр публикаций по истории, политологии и социологии показывает, что многие из них изобилуют выборочным подбором эмпирического материала и построенными на нем поверхностными и односторонними обобщениями

Для многих работ по ОГН характерны и другие распространенные в советском обществознании логические процедуры: (1) *непосредственная дедукция* локальных выводов из общих идеологических положений и (2) активное использование *аналогии* в виде поговорок и других образцов житейской мудрости, служащих легитимацией выводов, хотя в логике известно, что аналогия не обладает доказательной силой.

¹ Ракитов А. И. Послесловие. Философия, индукция и вероятность // Кайберг Г. Вероятность и индуктивная логика. М.: «Прогресс», 1978. С. 361.

Заключение

Описанная в статье методологическая и логико-эпистемологическая ситуация отражает, с точки зрения автора, *массовое* состояние ОГН на постсоветском пространстве. Конечно, она не имеет никакого отношения к элитной прослойке обществоведов, чьи работы могут удовлетворить самого взыскательного читателя. Выступления этих ученых на международных конференциях всегда вызывают неподдельный интерес. Сегодня появилась внушительная прослойка молодых ученых, получивших образование или стажировавшихся за рубежом, владеющих языками, знающих зарубежную литературу, сумевших выработать навыки по-настоящему научного, творческого мышления, свободного от вируса национализма, устаревших методологических подходов и идеологических штампов. Вопрос заключается в том, чтобы поднять методологический и квалификационный уровень обществоведческого корпуса в СНГ в целом, особенно в провинциальных университетах.

А.С. ТАТЫБАЕВ

ДИХОТОМИЯ ВОСТОК–ЗАПАД В СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ПАРАДИГМЕ

На всем протяжении развития западных гуманитарных наук как в идеологическом, так и научном дискурсах постоянно проявлялись описательный и дихотомный подходы в сравнении культурных феноменов, относящихся как к локальным культурам, так и к крупным географическим и историко-культурным пространствам. На протяжении столетий в рамках описательного подхода накапливались, интерпретировались и репрезентировались представления о культурах «других–чужих» народов. Уже к концу XIX века объем накопленной информации обусловил потребность в ее концептуальном упорядочении, что и происходило прежде всего в рамках дихотомных сопоставлений Запада и Востока. Запад остро нуждался в культурно-историческом самоопределении в процессе глобальной колониальной экспансии. В соответствии с этим подходом Запад и Восток выделялись как два фундаментально различных типа социокультурного развития. Это принципиальное различие постулировалось именно на общетипологическом уровне, на котором стирались дифференциации конкретных социумов этнического, культурного, религиозного или национального уровня. До сегодняшнего дня, по выражению Эдварда Саида, «практически непоколебимой остается некая всеобъемлющая идентичность под названием “Восток” и такого же рода идентичность под названием “Запад”»¹.

¹ Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006. С. 395.

Он утверждал, «что сам Восток — это конституированная сущность и что представление, будто существуют географические пространства, населенные совершенно “другими” людьми, которых надо определять на основе соответствующей этому географическому пространству религии, культуры или расовой сущности, — это в высшей степени спорная идея»¹. Исток такой идеи он видел в культурно санкционированной или политически мотивированной традиции использовать предельно широкие генерализации, при помощи которых реальность подразделяется на группы: языки, расы, типы, цвета, ментальности, притом каждая такая категория — не столько нейтральное обозначение, сколько оценочная интерпретация.

В основе подобных категорий лежит жесткая бинарная оппозиция «наших» и «их», причем первые всегда посягают на последних (вплоть до того, чтобы превратить «их» в исключительно зависимую функцию от «наших»). Относительно недавно Сэмюэль Хантингтон амбициозно актуализировал культурно-историческую парадигму цивилизационных исследований в терминах геополитики и потенциально глобального столкновения западной цивилизации с ее универсалистскими претензиями с двумя крупнейшими «восточными» цивилизациями: дальневосточной, опирающейся на колоссальный экономический динамизм, и исламской, переживающей мощный демографический взрыв².

Ставшая мировым бестселлером книга Хантингтона пришлось на благоприятную почву и вызвала неутихающие дебаты не только в среде профессионального экспертного сообщества, но и в мировых медиа и кругах мировой общественности. Фактически же эта книга сформировала новый дискурс, особенно в политологической литературе, журналистике и массовом сознании как на Западе, так и на Востоке. Он базируется на цивилизационной парадигме международных отношений и претендует на выдвижение глобального сценария мирового развития в обозримой перспективе. Есть вполне реальная угроза того, что теория Хантингтона может разделить участь самоисполнившегося пророчества, ибо если люди на Западе и мы на Востоке поверим в неминуемый конфликт цивилизаций, то этот глобальный сценарий неизбежен со всеми вытекающими отсюда весьма драматическими последствиями.

Совершенно очевидно, что книгу Хантингтона можно отнести не столько к жанру строгого академического исследования (хотя она на это явно претендует), сколько к виду политической и идеологической публицистики или даже (что еще хуже) к разряду «больших стратегий». По существу, в ней речь идет о стратегическом планировании в глобальном

¹ Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006. С. 498–499.

² См.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2005.

масштабе, когда нации-государства и этносы играют роль тактических единиц в борьбе за глобальное доминирование. Именно поэтому, при всей обоснованности учета культурных и религиозных факторов в современных международных отношениях Запада и Востока (что, несомненно, надо признать), ни мы на Востоке, ни люди на Западе не можем признать эту парадигму как основу реальной внутри- и внешнеполитической практики. Иначе долг правящих элит всех западных, мусульманских и дальневосточных стран — готовить свои народы к неминуемому и долгосрочному взаимному конфликту. Тем более что концепция Хантингтона, впрочем, как и вся культурно-историческая парадигма цивилизационных исследований (Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби), на которой она базируется, не раз подвергалась содержательной критике методологического и фактологического характера. Во-первых, выделяемый Хантингтоном набор цивилизаций так же условен и произволен, как и у всех остальных классиков культурно-цивилизационной парадигмы. Совершенно очевидно, что у них нет четких эмпирически фиксируемых критериев цивилизаций (которые, кстати, давно, со времен Гордона Чайлда, выработаны в стадияльных подходах в изучении цивилизаций археологами). Именно поэтому в их теориях цивилизации понятия предельно размыты в методологическом смысле, т.е. они, строго говоря, неоперационны и трудно применимы в корректном анализе социальной реальности. Еще Питирим Сорокин совершенно справедливо указывал на то, что: «Социальные общности, называемые в работах этих ученых “цивилизациями” или “высокими культурами”, относятся не к одному и тому же типу социальных систем, а к различным типам. Некоторые из них, такие как татарская (П. Сорокин имеет, видимо, в виду тюркскую — А. Т.), греческая или арабская представляют лишь языковые или этнические группы, объединенные общим языком или этническим происхождением. Такие группы обычно живут по соседству, зачастую имеют общих предков (реальных или мифических) и почти никогда не составляют единого государства. Другие предполагаемые «цивилизации» являются всего лишь чистыми государственными объединениями либо общностями, основанными на соединении государственного и языкового единства. Такие «цивилизации», как исламская или православная, являются в основном религиозными общностями, а такие, как дальневосточная или месопотамская, состоят из нескольких сложных многофакторных образований. И наконец, некоторые из общностей, считающихся “цивилизациями”, такие, как выделенная А. Тойнби античная, представляют собой, по существу, социокультурные смеси различных языковых, государственных, религиозных, экономических и территориальных общностей или вообще не организованное население. У этих ученых отсутствует системная классификация

социальных групп, и поэтому в одной «цивилизационной корзине» оказываются самые гетерогенные социальные образования и целостные культуры»¹. Это означает, что выделение «цивилизаций» из громадного массива других культурных комплексов и их классификация производятся в отсутствие единого научного основания, на базе самых различных, а иногда просто неопределенных критериев. Самое серьезное методологическое возражение этим теориям, таким образом, состоит в том, что они смешивают культурные системы с социальными системами. В результате название «цивилизация» как наклейка или ярлык дается существенно разным социальным группам и их общим культурам — то этническим, то религиозным, то государственным, то территориальным, то различным многофакторным группам, а то и даже конгломерату различных обществ с присущими им совокупными культурами. В результате такой интеллектуальной операции совокупной культуре данных групп приписывается мнимая смысловая согласованность и детерминистская взаимозависимость между частями и целым. Подобные концепты восходят к тотальным и функциональным теориям, постулирующим интегрированное единство совокупной культуры каждой организованной общности. П. Сорокин утверждал, что социальная общность (система) и культурная система относятся к разным типам, которые не совпадают друг с другом и неидентичны по содержанию.

Поэтому методологическая ошибка заключается в отождествлении различных социальных феноменов². Во-вторых, С. Хантингтон возродил цивилизационный подход в условиях почти хаотических или анархических международных процессов, в которых действуют различные переменные факторы. Многообразие этих факторов и центров силы и влияния поддаются лишь стохастическому, т.е. вероятностному, объяснению, в котором большую роль продолжают играть волевые, кризисные, ситуационные решения, принимаемые прежде всего национально-государственными субъектами. В современных международных отношениях так же, как и раньше, со времен формирования Вестфальской системы, значительно более влиятельными оказываются не факторы так называемой внутрицивилизационной общности, а политические и экономические интересы, борьба за рынки, конкуренция в рамках мировой экономики, геополитические императивы. «Национализм — это тот фундамент, на котором зиждется современный мир», — утверждает современный исследователь этих проблем³.

¹ Сорокин П. Общие принципы цивилизационной теории и ее критика в кн.: Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1998. С. 50.

² Там же. С. 51.

³ Гринфельд Л. Национализм: пять путей к современности. М., 2008. С. 8.

Не цивилизации детерминируют поведение национальных государств, а национальные государства влияют на судьбы цивилизаций. Конфликты и столкновения происходят прежде всего между национальными государствами, руководствующимися своими национальными интересами и поэтому вступающими в блоки или же в конфронтацию вопреки цивилизационным критериям. В рамках каждой предполагаемой цивилизационной общности существуют серьезные имманентные противоречия, приводящие не только к конфликтам, но и к войнам. Большинство рассматриваемых Хантингтоном конфликтов носят межэтнический, межнациональный или межконфессиональный в рамках одной большой религиозной традиции характер, так как в них вовлечены общности одной и той же «цивилизации». Так, в мир современного ислама входят многие государства и этнические группы, которые во многих случаях исторически открыто или латентно соперничают между собой. «Мир ислама», так же как и мир христианства, трудно, если вообще возможно, определить как универсальное понятие. Было бы правильнее говорить не о мире ислама, а мире множества исламов, конкурирующих друг с другом со времен четырех праведных халифов. И сегодня существуют различные интерпретации ислама как внутри, так и вне исламского мира, и они должны на равных вступать друг с другом в диалог. Вместе с тем совершенно очевидно, что вся мировая история и современный мир глобального разнопланового взаимовлияния дает огромное количество примеров плодотворного взаимодействия и долгосрочного сотрудничества между различными культурами. В-третьих, многие комментаторы усматривают причину выступления С. Хантингтона и его последователей в том, что оно отражает растущие алармистские настроения, прежде всего в США, по поводу будущего западной глобальной гегемонии. Правящим элитам видится угроза со стороны динамичного Китая, в критическом росте исламского фундаментализма. Здесь надо иметь в виду то, что любое сообщество «не свободно от конфликта интерпретаций, и то, что на Западе видится чрезвычайным событием, возвратом к исламу или его возрождением, в действительности является борьбой внутри мусульманских обществ за определение ислама¹. Не следует преуменьшать, но и не преувеличивать масштаба религиозно-фундаменталистской реакции на влияние современной массовой культуры. Она блокируется как светскими политическими режимами, так и ощутимым сопротивлением средних слоев и интеллектуальных элит, склонных к более или менее органичному синтезу ценностей и многих элементов

¹ Сауд Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. С. 514.

образа жизни, принятых связывать с Западом, со своей культурой и национальной идентичностью.

Влияние европейских держав в форме колониализма и американская гегемония в XX веке достаточно широко распространили светскую культуру и стандарты жизни и секуляризировали значительную часть политической и интеллектуальной элиты государств Востока. До сегодняшнего дня основным противником фундаментализма является, собственно, не сам Запад, а умеренные и светские режимы, ориентированные на модернизацию и тесные связи с Западом. Проблема взаимовлияния культур — одна из ключевых в мировой теоретической и прикладной культурологии. Следует констатировать, что одним из самых значимых достижений современной теории культуры является принципиальное признание того, что культуры гибричны и гетерогенны. Они настолько взаимозависимы и взаимосвязаны, что любое обобщенное или просто схематичное описание их специфики невозможно.

Современная культурология сформулировала несколько понятий по поводу множественности культур в современном мире. Мультикультурализм — культуры сосуществуют, не оказывая значительного влияния друг на друга, но при этом они являются продуктом длительной и сложной эволюции. Интеркультурализм — сосуществование различных культур и одновременная попытка установления определенного взаимодействия между ними. Транскультурализм — наличие нескольких культурных принадлежностей, т.е. принадлежность одного и того же социума к нескольким культурам в их сложном взаимодействии, культивирование культурной множественности внутри себя, для того чтобы понять другую культуру. Каждая культура обладает некоторым информационным потенциалом, включающим в себя базовые представления носителей этой культуры о ней самой и о тех культурах, с которыми она контактирует. В процессе исторического развития между различными культурами происходят непрерывные обмены информацией. Эти обмены могут быть спонтанными и целенаправленными, в том числе отягощенными насильственными методами передачи информации. Очень часто при изучении контактов между культурами обществ, различающихся степенью социально-экономической сложности, информационные потоки рассматривают как однонаправленные. Культуры развитых образований характеризуются как «донорские», а культуры обществ более архаичных — лишь как принимающие информацию. Эти контакты, как правило, осмысливаются в категориях «центр–периферия». Однако конкретный анализ показывает, что их отношения никогда, даже в древности (не говоря уж о современной ситуации глобальных многоплановых информационных потоков), не

были столь однозначными. В разные эпохи и в разных условиях интенсивность обмена, его содержание и направленность могут существенно различаться для каждой культуры, что определяет целые этапы в развитии культуры и особенности их информационного потенциала. Типы проявления этих информационных потоков в реальных исторических условиях в самой общей форме могут быть представлены следующим образом: 1) субстратные связи историко-культурного характера; 2) субстратные связи этнического характера; 3) переселение (мирное или в процессе войн) представителей или групп отдельных этносов; 4) проникновение иноземных или иноэтнических социально-экономических структур и элементов образа жизни; 5) связи, обусловленные вхождением в одни и те же политические образования; 6) взаимопроникновение технологий, изделий, произведений искусства в результате переселений, путешествий, обмена и торговли; 7) взаимные влияния и синтез в области искусства и архитектуры; 8) потоки влияний и синтез в области духовной культуры и религий. В реальности эти направления связей не существовали изолированно, как правило, они переплетались. Их интенсивность значительно варьировала в различные исторические периоды и в разных сообществах¹.

Сказанное лишний раз подчеркивает сложность процессов культурного взаимодействия на всем протяжении истории и в современном мире, не поддающихся однозначной трактовке, как в странах Запада, так и на Востоке, ныне переживающих серьезные трансформации в условиях глобализации. Несмотря на то, что существует большое количество исследований конкретных фактов взаимовлияния различных культур, теоретическое осмысление диалогического, т.е. обоюдонаправленного взаимодействия культур как информационного процесса еще только начинается. Вслед за Э. Саидом мы выразим оптимизм по поводу того, что идея переосмысления исторического опыта, который некогда был основан на географическом разделении народов и культур, окажется в центре академических исследований. В связи с этим особую актуальность приобретает важное предостережение К. Поппера: «Чтобы разум продолжал развиваться, а человеческая рациональность выжила, никогда не следует покушаться на разнообразие индивидов и их мнений, целей и дел (кроме крайних случаев, когда в опасности политическая свобода). Даже эмоционально сильный призыв к общему делу, каким бы оно ни было прекрасным, есть призыв к тому, чтобы отказаться от всех моральных мнений и от взаимной критики, это призыв отказаться от рационального мышления»².

¹ См.: Азия — диалог цивилизаций. СПб., 1996. С. 3–4.

² Поппер К. Ницшта историцизма. М., 1993. С. 188.

Р.Ю. ТУРСУНОВА

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ДУХОВНОСТИ

Духовное развитие общества изменяется наряду с экономической, политической и социальной сферами жизнедеятельности человечества. Духовную жизнь социума обычно понимают как область бытия, в которой объективная реальность предстает перед человеком не в форме предметной действительности, а как реальность, присутствующая в самом человеке, являющаяся неотъемлемой частью личности. Духовная жизнь человека возникла на основе его практической деятельности, стала особой формой отражения окружающего мира и средством взаимодействия с ним. К духовной жизни человека относят, как правило, знания, верования (религии), чувства, потребности, способности, стремления, эстетические и нравственные нормы, цели. Взятые в единстве, они составляют духовный мир личности. Будучи порождением общественной практики, духовная жизнь тесно связана с другими сферами жизни общества и представляет собой одну из подсистем социума¹.

В трактовке европейцев под духовностью подразумевается прежде всего религия и деятельность служителей религиозных культов, что, на наш взгляд, дает узкое представление об этом понятии. Так, в западной философии трактовка духовности совпадает с теологической основой. В философии Нового времени преобладает рационалистическая трактовка души и духа человека как проявления мышления, разума, сознания. Тезис Р. Декарта «Я мыслю, следовательно — су-

¹ Клименко А.В., Румынина В.В. Обществознание: учебное пособие. М.: Дрофа, 2004. С. 31.

ществу» стал точкой отсчета для европейцев в понимании природы человека, его духовной сферы. Ее дальнейшее осмысление в рамках рационализма привело к тому, что в понимании И. Канта главным субъектом и носителем духовности выступает сам человек, действующий совершенно свободно, ориентируясь лишь на категорический нравственный императив. По его выражению, внутренний моральный закон человека так же величествен, как звездное небо. Г. Гегель построил грандиозную схему развития мирового духа, в котором человеческий дух выступает в качестве модуля¹.

Если нестандартные угрозы устойчивому развитию государств связаны с терроризмом, распространением оружия массового поражения, трансграничной преступностью и др., то в мире духовном возникает угроза более фундаментальная: это разрыв с тысячелетними духовными традициями².

Духовность признана фундаментом культурных ценностей, одновременно она подпитывает интеллектуальную и эмоциональную среду всей общественной жизни социума. С духовностью неразрывно связано национальное самосознание. Национальное самосознание в современных условиях приобретает все большую значимость не только для социально-философского, но и социально-экономического, общественно-политического и историко-культурного осмысления происходящих в мире процессов. В этой связи возникает необходимость рассмотреть основные концепции духовного развития и национального самосознания через призму общечеловеческих ценностей в международном политическом континууме.

За основу проведенного нами исследования были взяты наиболее распространенные концепции, появившиеся в XX в., которые остаются в центре внимания ученых, занимающихся вопросами, связанными с культурой, религией и духовной жизнью, ментальностью, национальным самосознанием, национальной идентичностью, мультикультурным обществом, ступенями цивилизаций и т.д.

Выделенные нами концепции условно можно разделить на две группы. В первую группу вошли концепции первой половины XX в., выдвинутые Арнольдом Тойнби («Круговорот локальных цивилизаций»), Фридрихом Ницше («Так говорил Заратустра» — о «сверхчеловеке»); во вторую группу вошли концепции второй половины XX в., в том числе предложенные Саидом Мухаммадом Хотами

¹ Харсеева А.В. Интерпретация понятия «духовность» в философии. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.teoria-practica.ru/-2-2006/192-2009-12-26-11-10-43/131---lr-->

² Тохтаров А. Межконфессиональный диалог как фактор консолидации казахстанского общества // Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 10-летию ТОО «Казахские газеты», 11 марта 2010 г. С. 273.

(«Диалог цивилизаций: путь к взаимопониманию»), Френсисом Фукуямой («Конец истории и последний человек»), С. Хантингтоном («Столкновение цивилизаций?» и «Модель грядущего конфликта»).

Во второй четверти XX в. Арнольд Тойнби предложил концепцию круговорота локальных цивилизаций, которая стала огромным прорывом в социологии того времени. Он использовал обширный фактологический материал, что сделало его труд общепризнанной фундаментальной научной работой.

Объектом исследования Тойнби стали локальные цивилизации, отличающиеся специфической культурой, традициями, обычаями, собственным менталитетом. Особый интерес представляет обоснование автора происхождений локальных цивилизаций, которые возникали при наличии, во-первых, творческого меньшинства, во-вторых, среды, которая была ни слишком неблагоприятной, ни слишком благоприятной¹. Механизм зарождения цивилизаций представляет собой взаимодействие вызова — энергетического импульса, исходящего от окружающей среды и направленного ко всему человечеству, — и ответа на этот вызов. Вызовы и ответы постоянно чередуются и, таким образом, общество постоянно находится в движении, которое способствует формированию цивилизации. Ответа на вызов может и не последовать; слишком слабый или, наоборот, слишком сильный вызов может привести не к появлению новой цивилизации, а к гибели старой².

Тойнби вычленил в истории человечества 26 цивилизаций, указав на то, что 18 уже прекратили свое существование, а 8 находятся на грани исчезновения или слияния с другими, прежде всего с западной. Остановить же процесс распада, по мнению А. Тойнби, может путь преображения, означающий перенос целей и ценностей в сверхчувственное «царство божие». Это, возможно, станет семенем для рождения новой цивилизации, которая будет шагом вперед в вечном процессе восхождения человека к Сверхчеловеку и Града Человеческого к Граду Божию как предельным пунктам движения³.

Исследуя локальные цивилизации, А.Тойнби уделил внимание вопросу, связанному с религиями. Так, он предположил активизацию в обозримом будущем ислама: «Панисламизм пассивно дремлет, но мы должны считаться с возможностью того, что спящий проснется, стоит только космополитическому пролетариату вестернизированного мира восстать против засилья Запада и призвать на помощь анти-

¹ См.: <http://kolianov.narod.ru/toinby.html>

² Там же.

³ Там же.

западных лидеров. Этот призыв может разбудить воинственный дух ислама, даже если он дремал дольше, чем «Семеро Спящих». Ибо он может пробудить отзвуки легендарной героической эпохи»¹.

А. Тойнби утверждал, что «глобализация или смешение может постепенно и мирно преобразоваться в некую гармоничную синтетическую субстанцию, из которой столь же постепенно и мирно, столетия спустя, возникнут новые творческие, созидательные возможности. Смешение может завершиться синтезом, но, с таким же успехом, и взрывом»². Само столкновение цивилизаций ученый трактует как движущую силу всей истории. Именно духовное, а не материальное единство составит будущее мирового сообщества. На наш взгляд, эта мысль является наиболее привлекательной в приведенной концепции Тойнби.

В 30-е и 40-е годы прошлого века Фридрихом Ницше была разработана концепция о «сверхчеловеке», которая стала идеологией национал-социалистов Германии. Автор выбрал Заратустру (по-гречески Зороастр) не случайно: это знаменитая в истории личность, основавшая древнейшую религию зороастризм, доминировавшую в Центральной Азии доисламского периода. По происхождению Заратустра принадлежал к так называемым арийцам³.

По мнению Ницше, человек — промежуточный этап на пути развития человечества, ибо есть высшая цель — сверхчеловек: «В человеке важно то, что он мост, а не цель: в человеке можно любить только то, что он переход и гибель»⁴. В этой связи миссия человека — подготовить землю к пришествию сверхчеловека⁵. Его отличает от толпы духовный мир, он имеет свои моральные ценности, устои. Автор вычленил три стадии такого превращения: уход в себя, полное одиночество; освобождение и завоевание свободы; перерождение с новыми жизненными устремлениями и ценностями. К сверхчеловеку проходит идея силы власти, стремление к ней. Ницше оправдывал войну, если без нее нельзя прийти к власти. Более того, он считал, что войны в мировой истории сделали больше, нежели периоды мирного существования.

¹ Столкновение или диалог? Отношение Запада к исламу в условиях глобализации. http://www.ideologiya.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=9633

² Там же.

³ Несколько тысячелетий назад в долинах Северной Азии жила раса людей, называвших себя арийцами (слово «ариец» означает «благородный характер»). Они эмигрировали из этих областей на юг и пришли в страну, которая нам известна как Иран. Страна эта получила название «Арийское Ваеджо», что значит «Вход в страну ариев».

⁴ <http://www.allbest.ru/>

⁵ Там же.

Рассмотрим концепцию, которая появилась в XX в., принадлежащую доктору философии, бывшему президенту Ирана Саиду Мухаммаду Хотами. Рассматривая мировые противоречия, он утверждал: «В человеке сосредоточена душа Востока (терпимость, великодушие) и разум Запада»; чтобы мы и европейцы пошли навстречу друг другу, нам потребуется та черта характера, которую впервые в Европе признали и оценили итальянцы, — терпимость, которую они переняли от Востока со времен крестовых походов¹. Данная концепция не нашла широкой поддержки у западной аудитории, у которой сформировался свой взгляд на учения исламских философов.

Интереснейшую концепцию развития цивилизаций выдвинул Френсис Фукуяма. Его концепция «конца истории» вызвала острые дискуссии среди специалистов во всем мире. Многие эксперты, прежде всего из стран СНГ, воспринимают концепцию «конца истории» Фукуямы как пропаганду американского образа жизни. С первого взгляда у читателя может сложиться такое впечатление, однако если изучить теорию глубже, то можно заметить, что автор склонен критиковать также и современную демократию развитых обществ.

По мнению исследователя, со второй половины XX в. начался упадок духовных ценностей, что коснулось прежде всего института семьи, отношений между членами социума, а также проявилось в виде усиления алкоголизма, роста наркомании, преступности. Из всех указанных деградаций особую опасность, по мнению ученого, представляет та, что касается семьи. Это не только увеличение числа разводов, рождение детей вне брака, но и упадок рождаемости, которую демонстрируют страны Европы. Все эти проблемы Фукуяма обозначил как «великий разрыв», т.е. рост аномии, потери ориентации в жизни, некоей «промежуточности», когда старые нормы деформированы или разрушены, а новых еще нет. Общество фрагментируется, превращаясь в толпу одиночек².

К главным проблемам Фукуяма относит отставание неформальных культурных ценностей и норм от новых требований. Чтобы подчеркнуть важность неформального «социального порядка», Фукуяма использует понятие «социальный капитал». Именно духовные ценности, которыми руководствуются люди в повседневной жизни, являются основой доверия и сотрудничества. Поэтому, по мнению Фукуямы, становление, укрепление или упадок моральных ценностей приводят к своеобразной цикличности общественной жизни.

¹ Столкновение или диалог? Отношение Запада к исламу в условиях глобализации. — http://www.ideologiya.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=9633

² <http://imc.rkc-74.ru/dlrstore/2/261dbd52-b199-52a1-8e05-8d0c97f7fd32/1012385A.htm>

Первый раз «связь времен» распалась при переходе от феодализма к капитализму, второй раз — при переходе от капитализма к формирующемуся постиндустриальному обществу¹. Для промышленно развитых стран, по утверждению Фукуямы, становится важной проблема индивидуализма, именно он приводит к разрыву отношений между людьми. В азиатских странах, где доминируют коллективистские ценности, такая проблема пока не возникла, однако и азиатским странам с их традиционными ценностями вряд ли удастся уберечь свое национальное самосознание. Для этих стран также будет неизбежен «Великий разрыв».

Самой амбициозной концепцией развития человечества, по признанию многих экспертов, стала концепция С. Хантингтона² «Модель грядущего конфликта». Он утверждал, что основным источником конфликтов будет не идеология и не экономика, а культура. Нация-государство останется главным действующим актором в международных делах, но наиболее значимые конфликты глобальной политики будут разворачиваться между нациями и группами, принадлежащими к разным цивилизациям. Столкновение цивилизаций станет доминирующим фактором мировой политики. Линии разлома между цивилизациями — это и есть линии будущих фронтов³.

С. Хантингтон выделяет черту, отделяющую духовную жизнь от экономической и политической сфер жизни общества. Подтверждением этому служит следующий пример: в бывшем Советском Союзе коммунисты смогли стать демократами, богатые превратиться в бедных, а бедняки — в богачей, но русские при всем желании не смогут стать эстонцами, а азербайджанцы — армянами⁴.

В XXI в. противостояние будет возникать между «Западом» и «незападными цивилизациями». Автор предлагает группировать страны не по уровню экономического развития, а исходя из культурных и цивилизационных критериев.

Цивилизация, по С. Хантингтону, — это некая культурная общность, что отличает один регион от другого, этническую группу и даже народ друг от друга. Большую роль в ее формировании играет географическое положение региона. Уместнее всего употреблять понятия «западная цивилизация», «восточная», «арабская», «китайская» и др.

¹ <http://imc.rkc-74.ru/dlrstore/2/261dbd52-b199-52a1-8e05-8d0c97f7fd32/1012385A.htm>

² Хантингтон С. занимал должность директора Института стратегических исследований Джона М. Олина в Гарвардском университете США.

³ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? — <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/41216>

⁴ Там же.

Цивилизации характеризуются общими чертами, включая язык, историю, религию, обычаи, традиции, специальные институты, а также субъективную самоидентификацию¹.

Отличия накапливались веками. Большую роль в разрыве цивилизаций играют взаимопроникновение и соприкосновение, что, в свою очередь, приводит к формированию так называемого цивилизационного самосознания.

Особую значимость, в том числе практическую, рассмотренные концепции приобрели в переходный период после распада СССР. Политические реформы в суверенных странах оказали негативное влияние на нравственность, гражданское самосознание, на отношение человека к человеку, к обществу, государству, закону и труду.

При резкой смене ценностных ориентиров нарушается духовное единство социума, размываются жизненные ориентиры, особенно у молодежи, происходит девальвация ценностей старшего поколения, деформация традиционных моральных норм и нравственных установок.

Если в начальный период обретения независимости, когда происходил демонтаж старой, изжившей себя идеологии, наблюдалась угроза слепого копирования западных форм жизни, то через два десятилетия появилась и действует у каждого из государств СНГ собственная модель духовного развития общества.

В современных реалиях многослойного общества с учетом ускоряющихся темпов научно-технического прогресса духовная составляющая заявляет о себе как наиболее значимая сила любой цивилизации. В понятие «духовность» включаются такие ценности, как толерантность, плюрализм, уважительное отношение к другой культуре, язык, традиции, религия, неоспоримый отказ от навязчивого внедрения и распространения элементов другой цивилизации, будь то западная или восточная.

Таким образом, в современном человеческом обществе наряду с экономической и политической либерализацией пристальное внимание стало уделяться духовным аспектам и связанным с ними категориям: национальному самосознанию, идентичности и т.д. Это обуславливает необходимость глубокого переосмысления гуманитарных дисциплин, освещение их с новых методологических позиций.

По мнению многих исследователей, духовность охватывает одну из уникальных сфер жизнедеятельности человеческого общества, называемую духовной культурой. Уровень развития духовной

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? — <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/41216>

культуры любой страны, измеряется количеством создаваемых духовных ценностей, масштабом их распространения и глубиной освоения их людьми¹.

Категория «культура» в современном употреблении имеет широкое и узкое значение. В узком смысле под ней обычно подразумевают те области творческой деятельности, которые связаны с искусством. В широком же смысле культурой принято называть совокупность форм и результатов человеческой деятельности, закрепившихся в общественной практике и передаваемых из поколения в поколение при помощи определенных знаковых систем (языковых и неязыковых), а также путем обучения и подражания².

На данный момент существуют разные пути и подходы в области культурной политики, и каждое развитое государство руководствуется собственной уникальной стратегией, обусловленной существующим историко-культурным ландшафтом, объективными политическими и экономическими преимуществами³.

Между тем культурная политика строится на определенных универсальных принципах и подходах, основанных на понимании культуры как всего комплекса «наиболее ярких духовных, материальных, интеллектуальных и эмоциональных черт, характеризующих общество или социальную группу. Культура включает в себя не только искусство и литературу, но и образ жизни, основные права человека, систему ценностей, традиции и мировоззрение»⁴. Одним из истоков духовности является история, которая становится не только философской основой, но и политической наукой.

Историческая память выступает фундаментом национального самосознания. Она требует бережного отношения к родному языку, всему культурному наследию не просто как к сокровищнице исторических памятников, но как к активному институту национального самосознания, помогающему прогрессу государства. Это не просто сохранение духовного наследия и восстановление исторических ценностей. Чтобы осуществить духовное возрождение, этнос должен почерпнуть силу в своей богатейшей истории, тысячелетнем культурном опыте, в наследии великих предков, осознать,

¹ Маврулов А.А. Культура Узбекистана на современном этапе: общее состояние, проблемы, тенденции развития (середина 70-х — 1990-е гг.): Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Ташкент, 1993. С. 44.

² Клименко А.В., Румынина В.В. Обществознание: учеб. пособие. М.: Дрофа, 2004. С. 33.

³ Концепция культурной политики в Республике Казахстан. Астана, 2014. [Электронный ресурс] // URL: <http://e-history.kz/ru/contents/view/1614>

⁴ Декларация о культурной политике. Принята на Всемирной конференции по культурной политике в г. Мехико 6 августа 1982 г.

на какой духовно-нравственной основе входит страна в мировое сообщество¹.

Рассматривая процесс глобализации во взаимосвязи с духовной сферой общества, необходимо помнить, что этот процесс и его распространение имеют экономический и политический аспект. Однако столкновение мнений о процессе глобализации необходимо изучать все-таки через духовный аспект, так как именно эта сфера больше всех подвержена влиянию глобализирующегося мира.

Можно проследить предпосылки процесса глобализации на примере формирования религиозных ценностей или других цивилизационных достижений (открытий, инноваций и т.д.). В то время как экономическая глобализация не имела даже зачаточного зерна, каждая цивилизация на пике своего могущества сосредотачивалась на установлении глобального миропорядка по своему образу и подобию. Ее целью было распространить свои внутренние правила и нормы на как можно больший ареал и таким образом построить новый мир, где царят гармония и порядок.

Немаловажное значение в качестве компонента духовной сферы имеет идеология, под которой подразумевается система взглядов, включая политические, правовые, нравственные, эстетические, религиозные, философские идеи².

Та ожесточенная борьба, которая разворачивается на огромных просторах Евразии, стала итогом противостояния идей и идеологий. Хотя в мире уже нет двух противоположных политических полюсов, тем не менее не прекращается борьба идеологий, отражающих различные цели и интересы. Основная цель борьбы — завоевание умов людей, прежде всего молодежи, с тем чтобы оказывать влияние на сознание нации или населения определенной страны или региона, подчинение его своей идеологии, подавление его в духовном отношении³.

История минувшего века показала, что страны могут избрать одну из четырех возможных концепций развития: социализм, национализм, исламизм и светская демократия. Как правило, нации могут предпочесть одну из этих консолидирующих идей в качестве доминирующей с отдельными элементами других⁴.

¹ Муминов А.Г. Национальная политика независимого Узбекистана и пути ее реализации в духовно-культурной сфере (теория и практика): Автореф. дисс. ... докт. полит. наук. Ташкент, 1999.

² Философский словарь / под. ред. М.М. Розенталя. 3-е изд. М., 1972. С. 141.

³ Каримов И.А. Идеология — это объединяющий флаг нации, общества, государства: Ответы на вопросы редактора журнала «Таффакур». Т. 7. Ташкент: Узбекистан. 1998. С. 83.

⁴ Сафаев С.С. Геополитика Центральной Азии. Ташкент, 2005. С. 44–45.

В отдельных обществах, основанных на почитании традиционных ценностей, вторжение элементов чужой культуры воспринимается не просто болезненно, а с ожесточенным сопротивлением. В них возникает еще одна линия внутреннего противостояния — между теми, кто в той или иной степени воспринимает инородные культуры, и теми, кто считает таких людей предателями и ренегатами. Форсированная «вестернизация», как правило, ведет к усилению активности фундаменталистов¹.

Устойчивость к внешним воздействиям, сохранение устоев, здоровый консерватизм — вот те традиции и обычаи, которые дают личности духовную опору, помогают в ее формировании. Способность традиций и обычаев охватывать большие массы людей, вовлекать их в совместные ритуальные действия, направлять их устремления — все это становится мощным консолидирующим политическим фактором, ведь политика всегда связана с управлением массой людей².

Как известно, духовная сфера первой реагирует на общественные процессы и изменения. Можно предположить, что, являя собой пеструю картину этнокультурных, социально-экономических и политических явлений, современное мировое сообщество испытывает качественно новое состояние трансформации, основным содержанием которой является соприкосновение, а порой и столкновение цивилизаций.

Не менее важным компонентом духовной сферы выступает гуманизм, который издавна присущ узбекскому народу. Эта сложная, многогранная социально-философская категория выражает основные тенденции взаимоотношений людей в обществе³.

Гуманизм всегда был одним из основных принципов нравственности, важнейшем качеством личности. На основе этого принципа осуществляется воспитание уважения к человеку как высшей ценности общества, развиваются чувства достоинства, гордости и чести. Гуманизм проявляется в признании непримиримости интересов борющихся классов в борьбе против различных форм унижения и порабощения человека, расовой дискриминации, национального гнета, неравноправия, против всех проявлений человеконенавистничества. Гуманизм наследует традиции демократического гуманизма с его требованиями уважения человеческого достоинства в каждом человеке независимо от имущественного положения, пола, расы, нации. Он

¹ Сафаев С.С. Геополитика Центральной Азии. Ташкент, 2005. С. 46.

² Муминов А.Г. Национальная политика независимого Узбекистана и пути ее реализации в духовно-культурной сфере (теория и практика): Автореф. дисс. ...докт. полит. наук. Ташкент, 1999. С. 38.

³ Кулматов П.М. Идеи гуманизма в духовных ценностях узбекского народа: Автореф. дисс. ... канд. философ. наук. Ташкент, 1995. С. 3–4.

содержит в себе проявления человечности, увековеченной в определенных нормах общежития: сострадание горю человека, готовность помочь в беде, защитить от насилия или оскорбления и др.¹

В истории каждого народа есть личности, обладающие моральным правом влиять на общественное понимание добра и зла, любви и ненависти. Именно их слова спасали людей в минуты отчаяния. Идеи гуманизма можно найти у многих народов в их мифах и легендах, в фольклоре, в частности, в героических эпосах. В Средние века носителями гуманистических идей были философы, ученые, богословы.

Важным условием духовного возрождения народов стало использование богатого исторического наследия, в том числе созданного выдающимися просветителями, жившими в эпоху восточного Ренессанса. Их величайшая заслуга в том, что они высказывали идеи об обществе, основанном на идеях гуманизма, где будет царить уважение к человеческому достоинству².

В духовной жизни общества немаловажную роль играют народные традиции и обычаи, оказывающие влияние на развитие личности. Традиции, как правило, передаются из поколения в поколение как нечто устоявшееся, проверенное житейским опытом, признанное необходимым для обеспечения дальнейшей жизнедеятельности. Традиции — это ритуальные действия, входящие в общественные отношения. Они мало подвержены распаду, это связующее звено в передаче информации. В основе традиций лежит историческая память. Их следует отличать от таких социальных явлений, как обычаи и обряды.

Вместе с тем традиции и обряды не являются слепым копированием, ведь каждое поколение может в них привносить современный элемент, например, значительно меняются свадебные обряды.

Таким образом, обычаи, традиции, нормы морали — требования неправового характера. Эти социальные регуляторы общественных отношений обладают ценным качеством: обеспечивают преемственность поколений в процессе общественного развития.

Одним из компонентов духовности является менталитет. Отечественными учеными он исследован довольно слабо, а в западной литературе он имеет широкий спектр толкований; его подразделяют на «менталитет пенсионеров», «эгоистичный менталитет», «менталитет

¹ Джанабаева Р.А., Оналбеков Е.С., Касенова С.А. Духовно-нравственное воспитание в современных школах Казахстана. [Электронный ресурс] // URL: http://www.rusnauka.com/8_NMIW_2012/Pedagogica/3_104284.doc.htm

² Маевулов А.А. Культура Узбекистана на современном этапе: общее состояние, проблемы, тенденции развития (середина 70-х — 1990 гг.): Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Ташкент, 1993. С. 20.

молодежи» и др. Довольно часто понятие «менталитет» объясняют, как «мировоззрение».

Как категория «менталитет» в теоретическом и практическом плане начинает активно использоваться с конца XIX в. Первым стал его использовать Эмиль Дюркгейм — основатель французской социологической школы. Последователем Дюркгейма был Люсьен Леви-Брюль — этнолог, который в 1921 г. ввел в научный оборот понятие «примитивный менталитет». Перед Первой мировой войной оно, как утверждает Фолкер Селин, было заимствовано из французского немецким языком¹.

Основатели журнала «Анналь» Марк Блок и Люсьен Февр понимают менталитет как комплекс коллективных взглядов и представлений, которые существуют независимо от индивидуума, накладывая на него, однако, неизгладимый отпечаток².

Менталитет представляет собой «совокупность исторически сложившихся, своеобразных и относительно стабильных коллективных представлений и взглядов, которые непроизвольно отражаются в мышлении и действиях людей»³. Укажем, что менталитет проявляется и в экономической, и в политической, и в культурной сферах жизни общества. Самый известный из всех видов — это национальный менталитет, хотя и это определение весьма условно.

Нередко даже один этнос по своему менталитету весьма неоднороден. Баварцы, например, заметно отличаются от северных немцев, северные итальянцы — от жителей Сицилии и т.п., поэтому различают региональные менталитеты, которые могут даже выходить за рамки национального государства⁴.

Следовательно, менталитет — это исторически сформировавшийся уровень духовного развития общества, нации, коллектива и отдельной личности, умственные способности и духовная сила, сформировавшиеся в определенных условиях⁵.

Менталитет — это та особенность, которая отличает не только этносы, но и целые регионы. В западном мире люди по образу жизни более склонны к индивидуализму, обособлению от других, поэтому наблюдается приоритет личных интересов. Такая особенность формировалась благодаря объективным социально-историческим факторам. В современных условиях менталитет все больше попадает под давление глобализации.

¹ См.: *Исмаилов Ю.* Социально-политические изменения и менталитет // *Международные отношения.* 2000. № 1. С. 53.

² Там же. С. 54.

³ Там же. С. 55.

⁴ Там же. С. 56.

⁵ Мустакиллик (Изохли илимий-оммабоп лугат). Тошкент, 1998. С. 118.

Глобализация является объективным процессом, связанным с современным этапом развития мирового сообщества со всеми присутствующими любому историческому процессу позитивными и негативными тенденциями. Остаться в стороне от этого процесса народы Центральной Азии не могут, как и противодействовать ему. Однако глубокое изучение и осмысление всех его составляющих, смягчение негативных сторон является объективной необходимостью для успешной модернизации государств региона, желающих выйти в первые ряды мирового сообщества¹.

В условиях глобализации, когда наблюдается взаимопроникновение различных компонентов духовной сферы, реальной угрозой стало внедрение западных стандартов, чуждых духовному миру Востока, формировавшемуся веками, хотя и у любого современного явления могут быть и положительные, и отрицательные черты.

Именно процесс глобализации стимулировал различные формы регионализации, особенно в периферийных геоэкономических зонах. Яркими выразителями становятся две формы регионализации; одна из них является следствием распада крупных геополитических образований, в том числе стран, входивших в социалистический блок; другая представляет собой попытку сопротивления новому мировому порядку. Можно констатировать, что мир разделен на тех, кто инициирует и возглавляет процессы глобализации, кто следует за лидерами и подчиняется им, и тех, кто еще пытается сопротивляться².

У глобализации, как отмечают многие исследователи, имеются несколько аспектов. Нас интересует влияние глобализации именно на процессы духовной жизни. В сфере духовности глобальное потребление, видимо, будет способствовать формированию универсальной мировой культуры, в результате чего не исключено вытеснение западной культурой национальных ценностных систем (вестернизация). Перед государственными и общественными структурами, которые занимаются развитием культуры, встанет вопрос о возможности совмещения ценностей либерального западного общества с ценностями традиционной культуры народов региона³.

Понятие «духовность» только в рамках философии может быть изучено в гносеологическом, онтологическом, общесоциологическом, аксиологическом аспектах с применением различных методов, в том

¹ Алимов Р.М. Проблемы формирования новой архитектуры региональной безопасности в условиях глобализации (на примере Центральной Азии): Автореф. дисс. ... докт. полит. наук. Ташкент: УМЭД, 2006. С. 13.

² Хлыстунов С.Ю. Средства массовой информации российского общества в условиях идеологической глобализации: Автореф. дисс. ... докт. полит. наук. Саратов, 2008. С. 4.

³ Алимов Р.М. Проблемы формирования новой архитектуры... С. 11–12.

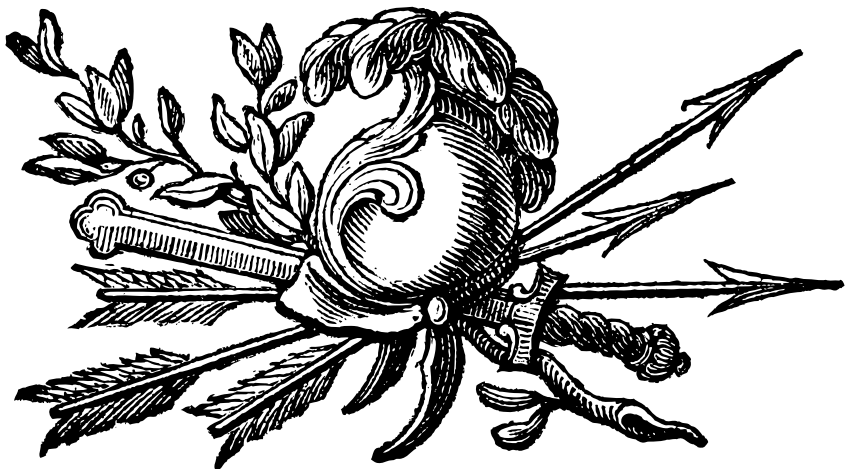
числе структуралистских и функциональных. Только всесторонне и полно поняв содержание духовности с помощью различных наук, в частности теории и истории культуры, социальной психологии, педагогики, религиоведения, эстетики, искусствоведения и других, мы сможем осмыслить ее как категорию¹.

Можно утверждать, что духовность — особое феноменологическое свойство мыслящего человека, которое пронизывает всю его систему ценностей: этику, эстетику, деловую активность, образованность, отношение к истории, к Родине, к семье, к окружающим, к обществу. Она означает обладание знаниями, представлениями, иллюзиями, чувствами, настроениями, которые составляют внутренний мир человека. Она определяется духовным наследием, совпадает с общечеловеческой культурой, включает понятие о материальных и духовных ценностях, обеспечивается просвещением и включается в общегосударственную идеологию.

Для дальнейшего развития духовности необходимы психологические, нравственные, ценностные установки и поведенческие мотивы. В качестве ориентиров духовного возрождения могут выступать идеалы, компонентами — культурологические категории.

Таким образом, составными компонентами духовности являются история, идеология, гуманизм, традиции, обычаи, менталитет, инновации и т.д. В условиях глобализации все чаще современный человек руководствуется не духовными ценностями, а экономической основой. Процессы глобализации не только сказываются на кризисе идентичности человека, но и приводят к потере идентичности культур различных народов. Современная наука нуждается в разработке новых социальных теорий, которые позволят изучить самосознание человека, определить место духовной основы в экономической и общественной жизни.

¹ Эркаев А. Духовность и развитие. Ташкент: Маънавият, 2008. С. 61.

**ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ ТЕОРИИ
ИСТОРИИ К СТРАНАМ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

М.А. РАХИМОВ

**НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ УЗБЕКИСТАНА
В СИСТЕМЕ ВЗАИМОСВЯЗИ РЕГИОНАЛЬНЫХ
И ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ**

*Междисциплинарность в исследовании
постсоветского времени*

Исторические процессы конца XX — начала XXI в. характеризуются фундаментальными сдвигами в общественно-политическом укладе и ценностных ориентирах в жизни многих народов нашей планеты. Распад СССР, появление на политической карте мира новых независимых государств, кардинальная трансформация системы международных отношений, расширение Евросоюза и НАТО, глобализация и регионализация, возникновение нетрадиционных угроз — таковы важнейшие события и явления новейшей истории. В многочисленных дискурсах на темы новейшей истории можно наблюдать разное понимание предмета, связанное с разными подходами к знаковым событиям эпохи, например, в связи с обретением политической независимости. Иначе говоря, реально существует многообразие подходов и представлений в формировании картины новейшей истории в отдельных регионах и странах мира. В идеале же понятие «новейшая история», разумеется, остаётся синонимом понятия «современная история» и соответствует используемому в англоязычной литературе понятию «Contemporary history».

Точка отсчёта новейшей истории Узбекистана — 1991 г. Объявив государственную независимость в сентябре 1991 г., Узбекистан взял курс на трансформацию политической и социально-экономической системы страны, причём в ходе преобразовательных реформ возникло немало проблем и трудностей, обозначивших серьёзные вызовы времени, в том числе специфически связанные с регионом Центральная Азия.

Модель политического устройства, которую стремится реализовать Узбекистан, совмещает государственные структуры и политические институты, созданные по международно признанным демократическим образцам, с исторически сложившейся ценностной системой, присущей восточной цивилизации. Как нынешний, так и перспективный путь развития республики основывается как на творческом усвоении накопленного международного опыта, так и на всестороннем учёте национальных особенностей и культурной традиции¹. И как следствие — либерализация политической и социально-экономической жизни республики осуществляется поэтапно, ставя во главу угла обеспечение системной стабильности. Так же последовательно Узбекистан интегрируется в современную систему международных отношений. Много говорилось о том, что в течение четверти века внешняя политика Республики неоднократно корректировалась с учётом трансформаций международных и региональных процессов и особенно в связи с обострением ситуации с безопасностью в Центральной Азии². В настоящее время всё большее значение обретает задача теоретического осмысления этих процессов и событий и выработки практических рекомендаций.

Естественно, в годы независимости общественно-гуманитарные науки в Узбекистане претерпели неизбежные и существенные изменения. Ввиду крайней актуальности изучения и преподавания новейшей истории в январе 2012 г. было принято Постановление Первого Президента Узбекистана «О создании Общественного совета по новейшей истории Узбекистана при Министерстве высшего и среднего специального образования» и в целях дальнейшего совершенствования данной сферы 30 июня 2017 г. Президентом Ш.М. Мирзиёевым было принято Постановление «Об организации деятельности Общественного совета по новейшей истории Узбекистана при Академии наук Республики Узбекистан». В этом документе перед Общественным со-

¹ Central Asia today: Countries, Neighbors, and the Region. Peter Lang Publishing House, Frankfurt/Berlin/Bern/Brussels, New York/Oxford/Vienna, 2014. P. 155.

² Рахимов М.А. Современная история взаимоотношений Узбекистана и стран Центральной Азии с ведущими государствами мира. Ташкент: «Адабиёт Учқунлари», 2016. С. 5.

ветом, в частности, были поставлены задачи координации работ по организации системного изучения новейшей истории Узбекистана, основанного на современных теоретических-методологических подходах и междисциплинарности; необходимости подготовки учебной и научной литературы нового поколения и обеспечения рассмотрения новейшей истории Узбекистана в органической связи с общемировыми и региональными процессами и др.¹

Таким образом, новейшая история Узбекистана — это новое направление в исторической науке, требующее компетентного и корректного освещения основных тенденций в развитии республики. Перед отечественной исторической наукой и другими смежными дисциплинами стоит ряд серьёзных задач, решение которых должно быть направлено на осмысление нашим народом тех во многом неоднозначных и сложных явлений и процессов, которые происходили в период с конца XX века по настоящее время. Осмысление и решение этих задач в значительной мере связано с критическим анализом существующего понятийно-методологического инструментария и, соответственно, обновлением теоретического потенциала научной школы, исследующей различные сюжеты новейшей истории Узбекистана.

Исследование современных процессов — это комплексная задача с широким привлечением таких общественно-гуманитарных дисциплин, как история, политология, международные отношения, экономика, социология, география, психология, антропология и др. Представители этих дисциплин используют в своих изысканиях не только новые концептуальные подходы, но и современные общие методы исследования. К ним в основном можно отнести: компаративистский анализ (метод сравнительно-исторического исследования); комплексный анализ (использование обширного диапазона информативно-познавательного инструментария, предполагающего всестороннее изучение исторических сюжетов на основе сочетания сведений различных источников); социологический метод (количественные и качественные исследования); и др. Упомянутые методы позволяют шире и глубже рассматривать тему и анализировать соотношения и взаимовлияния разноуровневых процессов. Следует также отметить, что современная/новейшая история связана практически со всеми историческими дисциплинами — всемирной историей, историей международных отношений и т.д.

¹ Постановление Президента Республики Узбекистан № ПП-3105 от 30 июня 2015 г. «Об организации деятельности Общественного совета по новейшей истории Узбекистана при Академии наук Республики Узбекистан».

Издания по новейшей истории призваны дать обществу, и в особенности молодому поколению, базовые понятия для ориентации в текущих политических, социально-экономических и культурных условиях, помочь в выработке мировоззренческой позиции в оценке современных общественных явлений, в умении связывать их с мировыми тенденциями, а школьные исторические знания — с текущим положением дел. Но, как сказано, новейшая история Узбекистана — сравнительно новое направление в исторической науке, которое пока ещё не выделено в самостоятельную дисциплину со своей методологией, исследовательскими средствами и учебно-методическими ресурсами. И это не могло не сказаться на качестве некоторых научно-исследовательских работ на подступах к теме. Они страдают существенными недостатками: поверхностным и бессистемным анализом значимых моментов последнего десятилетия жизни нашего государства; недостаточным знанием зарубежных исследований; слабой источниковой базой и во многих случаях отсутствием альтернативных данных по узловым сюжетам современной истории. Меж тем наиболее приметной чертой теоретико-методологического оснащения научного знания в наши дни является преодоление дисциплинарных барьеров, иначе говоря — стремление к мультидисциплинарному синтезу. И необходимо признать, что, несмотря на определённые успехи в этом направлении, у нас ещё крайне мало появляется научно-исследовательских работ, подготовленных на основе междисциплинарного подхода¹.

Междисциплинарность является неотъемлемой чертой современной науки и связана с интегративными и инновационными тенденциями, в частности использованием методов, выработанных одной наукой, в исследованиях другой науки. Например, в целях более широкого изучения динамики современных международных отношений в Центральной Азии и их исторических истоков имеет смысл провести социологические исследования, интервьюирование различных специалистов, официальных лиц в республиках региона, зарубежных стран, представителей международных и региональных организаций. Использование данного подхода позволяет наряду с официальными источниками использовать воспоминания участников этих событий и экспертное мнение с целью более глубокого анализа процессов международных отношений.

Анализ развития международных отношений, на наш взгляд, должен обретать системный характер на основе изучения и сведения нескольких уровней анализа как внешних, так и внутренних факторов политических процессов. Как отмечал Питер Комхей: «Обоснованная

¹ Новейшая история Республики Узбекистан: учебник для вузов. Ташкент, 2017. С. 6–7.

и сильная теория внешней политики требует основательного теоретического знания внутренней политики»¹.

Таким образом, перед историками и представителями других общественно-гуманитарных наук Узбекистана стоит следующая важная задача: учитывая мировую академическую и педагогическую практику, поднять исследования и преподавание новейшей истории Узбекистана на современный теоретико-методологический уровень, подготовить новые учебники и учебные пособия, отвечающие современным требованиям.

Современная Центральная Азия: дилемма сложной регионализации

Как выразился Роберт Кокс, нет общей модели, которая могла бы объяснить прошлое, настоящее и будущее². Разнообразие происходящих трансформаций на постсоветском пространстве и в мире свидетельствует о неоднозначной динамике межгосударственных, межрегиональных и межкультурных отношений, их влияния на развитие отдельных государств и регионов. Для изучения этих сложных процессов, компаративного анализа параллелей и закономерностей необходима твёрдая основа в виде глубоких исторических знаний. Каждая страна проходит собственный путь исторических трансформаций, и ключевым аспектом сравнительных исследований является определение особенностей и различий, сказывающихся в политике разных стран³. В этом смысле современная история Узбекистана и в целом Центральной Азии, будучи частью новейшей истории цивилизации, тесно переплетена с глобальными процессами. История государственности Узбекистана охватывает территорию не только непосредственно граничащих государств, таких, как Афганистан, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, — но и более широкое географическое пространство — Евразии, Южной Азии, Ближнего Востока.

¹ Comhey P. "The politics of Foreign Policy in Japan and the United States" in Peter Cowhey and Mathew D. McCubbins, eds., Structure and Policy in Japan and the United States. New York: Cambridge University Press., 1995. P. 203.

² Cox R.W. On thinking about future world order. In Theories of international relations. Volume 3. Approaches to International Relations: Structuralism 2006. Eds. Stephen Chan and Cerwyn Moore. SAGE publication. P. 34–35.

³ Comparative politics. Interests. Identities and institutions in a changing global order. Edited by J. Kopstein and M. Lichbach. Cambridge University Press. 2009. P. 2–3.

Современные международные отношения характеризует устойчивая тенденция к *регионализации*, сдерживающей в определённых пунктах бездумное и безответственное насаждение идей глобализации. В разных частях мира наблюдается стремление к постепенно, но неуклонному формированию региональных политических и экономических объединений, отстаивающих собственные и общие интересы. Эти новые тенденции и отношения исследуются в рамках различных теоретических подходов, школ и направлений, которые в свою очередь также претерпевают определённые трансформации.

Новые государства Центральной Азии встали на путь формирования национальной государственности и стратегии развития. Каждая республика избрала собственный путь, исходя из конкретной общественно-политической ситуации, историко-культурных особенностей, экономических и политических возможностей. Так, Казахстан достиг заметных результатов в проведении экономических реформ и привлечении зарубежных инвестиций, однако основная их концентрация наблюдается в энергетическом секторе и в качестве проблемы выступает диверсификация экономики. Кыргызстан форсировал демократические реформы, но вместе с тем обнаружил ряд негативных моментов в функционировании власти в условиях кризисов. Таджикистан после гражданской войны постепенно формирует свою модель развития, однако сталкивается с экономическими проблемами и вызовами безопасности. Туркменистан избрал путь строгого нейтралитета, но в то же время активно участвует в реализации международных энергетических и коммуникационных проектов. В Центральной Азии проводятся и общие реформы, например, в сфере высшего образования — внедрены системы магистратуры и PhD, однако в процессе реализации практически все республики сталкиваются со схожими проблемами, связанными с качеством и уровнем нововведений и требованием дальнейшего их углубления.

Заметим, что ход реформ и обозначившиеся тенденции в современной Центральной Азии получали и получают неоднозначную оценку со стороны международных наблюдателей. Например, Всемирный банк, МВФ, АБР, ЮНЕСКО, Институт Гэллапа (США), Давосский форум и др. дают в целом положительную оценку развитию республик, но вместе с тем ряд правозащитных организаций критически, а подчас и тенденциозно освещают уровень развития демократии и положение с правами и свободами человека.

Очевидно, что пристальное внимание к Центральной Азии связано с тем, что это важный геополитический регион, где проявляются геостратегические интересы ведущих мировых и региональных акторов. К настоящему времени республики установили устойчивые, до-

статочно сбалансированные и прагматичные отношения с Россией, Китаем, США, Евросоюзом, Японией, Республикой Корея, Индией и мн. др. Следуя путём развития многосторонних отношений, страны Центральной Азии стали членами десятков международных и соучредителем ряда крупных региональных организаций.

В принятой в феврале 2017 г. по инициативе президента Шавката Мирзиёева Стратегии действий по дальнейшему развитию Узбекистана на 2017–2021 гг., одним из основных приоритетных направлений определено осуществление взвешенной, взаимовыгодной и конструктивной внешней политики, направленной на укрепление независимости и суверенитета государства, создание вокруг Узбекистана пояса безопасности, стабильности и добрососедства, укрепление международного имиджа страны¹. В качестве главного приоритета Узбекистан определил Центральную Азию.

Более сложным является процесс формирования межгосударственных и многосторонних отношений внутри Центральной Азии — с переменными успехами и неудачами. Так, республики региона совместно реализовали идею «Центральная Азия — зона, свободная от ядерного оружия», создали Международный фонд спасения Арала; однако, с другой стороны, уровень внутрорегиональной торговли нуждается в расширении, остаются не решёнными вопросы водопользования, делимитации и демаркации некоторых участков межгосударственных границ и др. Объективными факторами интеграции государств региона являются общность природно-климатических и географических условий, экологическая проблематика и интересы проживающих здесь народов. К примеру, Казахстан, Туркменистан и Узбекистан сталкиваются с проблемами в обеспечении водой населения и сельхозугодий, а в Таджикистане и Кыргызстане стремительно тают ледники, от которых питаются все крупные реки региона. Также постоянной проблемой экологической безопасности является зона высокой сейсмичности, охватывающая почти всю территорию Центральной Азии. В связи с чем формирование концепции устойчивого развития Центрально-Азиатского региона требует сегодня нового интеграционного подхода в решении экологических проблем и совместных действий в согласии с принципами международного права.

Республики Центральной Азии пытаются определить своё место и роль в современном международном процессе — всё более усложняющемся и непредсказуемом. Перед регионом возникают новые вызо-

¹ Указ Президента Республики Узбекистан «Стратегия действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан в 2017–2021 годах». — <http://press-service.uz/ru/news/5482/> (10.02.2017 г.).

вы (например, война в Афганистане и угроза международного терроризма), наблюдается усиление конкуренции и конфликтности между крупнейшими геополитическими игроками, в том числе из-за наличия в Центральной Азии и Каспийском регионе значительных запасов минерально-сырьевых ресурсов. В связи с этим одним из главных факторов обеспечения региональной безопасности и стабильности становится поддержание в Центральной Азии геополитического равновесия, формирование сбалансированной многоплановой системы отношений с ведущими государствами мира и международными организациями.

Существующий комплекс проблем в Центральной Азии требует расширения и углубления всего спектра отношений, включающих помимо плодотворного политического и экономического сотрудничества и богатую культурную составляющую — творческие и академические связи, спорт и др. Представляется целесообразным, чтобы республики Центральной Азии в целях достижения устойчивости в дву- и многосторонних связях интенсифицировали совместные усилия в реализации совместных интеграционных проектов в Центральной Азии, в том числе в сфере международного и регионального туризма.

Говоря о перспективах республик региона, прежде всего Узбекистана, хотелось бы отметить, что незыблемым остаётся приоритет сохранения политической и экономической стабильности в сочетании с постепенным расширением и углублением демократических реформ. С этим связана дальнейшая реализация концепции совершенствования законодательной, исполнительной и судебной власти с целью создания эффективной системы сдержек и противовесов для разных ветвей власти, поступательного развития гражданского общества. Также важны задачи дальнейшей диверсификации экономики, расширения частного сектора и привлечения инвестиций, широкое внедрение альтернативной энергетики (например, солнечной). Следует ожидать углубления реформ в сфере образования, особенно высшего, тенденции к интернационализации университетов и научных институтов, к укреплению университетской автономии и академической свободы. И что касается молодёжи — повышения и расширения её мобильности: вертикальной, горизонтальной, транснациональной. В международных отношениях стоит надеяться на разрешение имеющихся вопросов правового оформления линии прохождения государственных границ между республиками, на запуск ряда новых международных коммуникационных проектов, которые свяжут Центральную Азию с другими странами и регионами мира.

Несмотря на пертурбации, связанные с обозначившейся геополитической нестабильностью в мире, Узбекистан вместе с другими госу-

дарствами региона будет продолжать путь развития, заключающийся в поэтапном обновлении всех сфер жизни общества на основе национальных приоритетов и международного опыта. Однако ближайшее десятилетие чревато определёнными трудностями и даже вызовами нашей безопасности и стабильности, преодоление которых может потребовать мобилизации всех наличных ресурсов государственной системы, включая человеческие.

Глобализация международных отношений и вызовов

Мировые процессы весьма взаимосвязаны. Различные страны могут учиться друг у друга, могут создавать собственные модели или же заимствовать иностранные, чтобы совершенствовать свои институты. Сравнение открывает возможность извлекать положительные уроки из успешных экспериментов и отрицательные — из неудавшихся¹.

Современные *глобальные процессы* подвержены влиянию множества факторов — политических, экономических, военных, информационных, экологических и др. Сильное воздействие на международные процессы оказывают, с одной стороны, глобализация, а с другой — увеличение числа акторов на мировой сцене, где наряду с государствами активную роль играют международные, региональные организации и транснациональные компании.

Интенсивность процесса глобализации относится к важнейшим характеристикам современного мирового развития². Однако глобализация во всех её измерениях — политическом, экономическом, финансовом и технологическом — имеет неоднозначные последствия. С одной стороны, она укрепляет взаимосвязи между государствами и регионами, способствует экономическому процветанию стран, усиливая их интеграцию, и постулирует формирование глобального сообщества³. Но, с другой стороны, глобализация несёт новые опасности — различные конфликты дестабилизируют международный порядок и наносят ущерб международной, региональной и национальной безопасности.

¹ *Kopstein J. and Lichbach M.* What is comparative politics? In *Comparative politics. Interests. Identities and institutions in a changing global order.* Edited by J. Kopstein and M. Lichbach. Cambridge University Press, 2009. P. 14–15.

² *Современные международные отношения: учебник / под. ред. А.В. Торкунова, А.В. Мальгина. М.: Аспект Пресс, 2012. С. 53.*

³ *The Globalization readers.* By Frank Lechner (Emory University) and John Boli (Emory). USA: Blackwell publishing, 2006. P. 2.

В настоящее время на национальном, региональном и мировом уровнях принципиальное значение обретают вопросы *стабильного развития* как динамичной системы, равномерно и предсказуемо меняющейся при сохранении базовых характеристик, обеспечивающих необходимые перемены для выживания системы в целом. С другой стороны, важное значение имеет концепция *устойчивого развития* (Sustainable development) как процесса, в котором использование природных ресурсов, направление научно-технического развития и инвестиций, политико-институциональные изменения, формирование всесторонне развитой личности укрепляют нынешние и будущие потенциалы стран и регионов в удовлетворении фундаментальных человеческих потребностей и устремлений.

В мировом масштабе не менее актуальны вопросы междивизиционного диалога, включающего весь комплекс отношений — от политико-экономических до культурных. Существуют различные мнения о ходе развития мирового процесса. Один из самых известных тезисов — «цивилизационные противоречия» американского исследователя С. Хантингтона, согласно которому взаимодействие будет происходить по указанному признаку и неизбежно порождать конфликты¹. Понятие цивилизационного различия является ключевым в развитии взаимоотношений между крупнейшими странами и регионами. Не оправдалась сформулированная Ф. Фукуямой идея «конца истории», либерально-демократические ценности хотя и получают всё большее распространение, однако не обладают той степенью универсальности, которую им приписывали в конце XX в., и многие государства продолжают развиваться на основе национальных особенностей и приоритетов.

Следовательно, глубокие исторические знания по-прежнему представляют твёрдую почву для изучения современных общественных трансформаций, компаративного анализа параллелей и закономерностей развития общества и государства.

Центральная Азия на протяжении многих столетий была одним из важных центров торгово-экономического и культурного обмена между Азией и Европой, основным связующим звеном на маршрутах Великого шёлкового пути. И очевидно, что Узбекистан и Центральная Азия обладают богатейшим, уникальным наследием, входящим в сокровищницу мировой цивилизации, которое и сегодня поражает исследователя чертами искомой универсальности. Напомним, в своё время мыслители нашего региона (ал-Бируни, Ибн Сина, ал-Хорезми

¹ См.: *Huntington S.P.* The Class of Civilization and the remaking of World Order. New York: Simon and Schuster, 1996.

и др.) сыграли огромную роль в интеллектуальном становлении цивилизации. По слову Ф. Старра, в течение нескольких столетий Центральная Азия «являлась интеллектуальным хабом мира»¹. И величайшая заслуга наших великих мыслителей Средневековья состоит в том, что они приходили к идеям общечеловеческого общественного и государственного развития, основанного по сути на принципах гуманизма и взаимоуважительного просвещения.

Историк экономики проф. Анджо Гундер Франк, отмечая, что Центральная Азия в течение многих столетий служила важным связующим звеном между разными частями Азии, а также между Азией и Европой, определяет этот регион как *Centrality of Central Asia* (центричность Центральной Азии)². По мнению немецкого учёного Адама Меца, гуманизм классического европейского Ренессанса не был бы возможен без предшествующего философского ренессанса в Центральной Азии. Утверждения этих специалистов, безусловно, находятся в оппозиции к односторонне ориентированным концепциям развития Востока и Запада (в том числе и к некоторым выводам С. Хантингтона), подкрепляя наш тезис о единстве и взаимосвязи исторических процессов в различных регионах мира, т.е. об отсутствии в них элемента предопределённости. Для нас очевидно лишь, что необходимо поддержание и расширение диалога и что вовсе не безнадёжен поиск взаимопонимания в решении сложных проблем во имя мирного и устойчивого развития всех народов Центральной Азии.

Итак, история по-прежнему имеет важное значение в области международных отношений. Как отмечают известные американские учёные Ричард Нойштадт и Эрнест Мэй, изучение истории имеет большое практическое значение для политиков, участвующих в разработке и проведении внешней политики, помогая им точнее определить цели и пути их достижения³.

Разнообразие и темпы происходящих трансформаций на постсоветском пространстве и в мировом масштабе свидетельствуют о неоднозначной динамике межгосударственных, межрегиональных и междивизиационных отношений, возрастании роли международных факторов на региональном и локальном уровнях. В этой связи представляется чрезвычайно важным всестороннее изучение различ-

¹ *Starr F. Lost Enlightenment. Central Asia`s golden age. From Arab conquest to Tamerlane.* Princeton University Press. 2013. P. 5.

² *Frank A.G. Re Orient: from the Centrality of Central Asia to China`s Middle Kingdom.* In: Korgut A. Erturk (ed). *Rethinking Central Asia: Non-Eurocentric studies in history, Social Structure and Identity.* Ithaca press. Lebanon. 1999. P. 30–34.

³ *Neustadt R. and May E. Thinking in Time: The Uses of History for Decision-Makers.* New York. 1986. P. xxii.

ных аспектов современного международного сотрудничества и его влияния на развитие государств и регионов, их внутренние и внешние отношения. Глобализация и регионализация выступают тенденциями, взаимосвязанными, взаимодополняющими друг друга, но в то же время и противоречащими друг другу, поскольку все страны мира являются не только субъектами, но и объектами, а то порой и жертвами этих тенденций. Ход истории в новых независимых государствах Центральной Азии является составной частью сложных мировых процессов, для которых и сегодня актуальными остаются слова Рабиндраната Тагора: единство — в разнообразии. В условиях пересекающихся глобализационных и региональных процессов важные, взаимодополняющие роли играют изучение исторического наследия и международное гуманитарное сотрудничество как ключевые аспекты национального и регионального устойчивого развития.

Внешнеполитический курс Узбекистана корректировался с учётом трансформаций в современных международных и региональных отношениях, но прежде всего — с учетом обострения вопросов безопасности и стабильности в Центральной Азии. Как отмечал политолог Карл Дойч, среди многих целей, которые частные лица и правительства преследуют, широчайшим, наиболее распространённым и общим является безопасность¹. Ключевыми вопросами внешней политики республик Центральной Азии были и остаются безопасность и устойчивость политических систем, обострение регионального межэтнического напряжения, угрозы международного терроризма, наркотрафики, экономические, социальные и экологические (например, Арал) проблемы, которые несут угрозу дестабилизации не только для стран Центральной Азии, но и для планетарной системы в целом.

В ноябре 2017 г. в Самарканде состоялась международная конференция под эгидой ООН «Центральная Азия: одно прошлое и общее будущее, сотрудничество ради устойчивого развития и взаимного процветания». В форуме приняли участие официальные лица ООН, ОБСЕ, ЕС, ШОС, СНГ, делегации стран Центральной Азии, Афганистана, государств Европы, Ирана, Индии, КНР, Пакистана, России, США, Турции, Южной Кореи, Японии и др., представители дипломатического корпуса, известные ученые, общественные и государственные деятели — всего более 500 участников. По результатам конференции участниками были принято коммюнике, в котором отмечается, что безопасность Центральной Азии является неотъемлемой частью глобальной безопасности, и в этой связи была подчеркнута необхо-

¹ *Deutsch K.* The analysis of international relations. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall, 1988. P. 226.

димось более тесного и скоординированного сотрудничества государств региона с международными и региональными организациями в деле упреждения новых вызовов и угроз, а также необходимость укрепления центральной роли ООН в вопросах обеспечения безопасности в Центральной Азии.

Наиболее позитивной тенденцией во внешнеполитическом курсе Узбекистана в указанный период следует признать активное участие республики вместе с другими странами Центральной Азии в различных проектах возрождения Великого шёлкового пути, стимулирующих экономическое, политическое и культурное сотрудничество молодых государств этого региона между собой и с другими государствами СНГ, Европы и Азиатско-Тихоокеанского региона.

Заключение

Новейшая история Узбекистана представляет собой новое, но важное направление сопряжения научных дисциплин, связанных с изучением современной истории и текущих событий. Системный и комплексный анализ сложных и зачастую противоречивых событий и явлений современной истории требует сегодня расширения спектра методологических разработок исследования и преподавания этой дисциплины. Новейшая история Узбекистана нуждается в дальнейшей разработке с применением различных подходов в контексте взаимосвязи национального исторического развития с тенденциями общемирового процесса. События конца XX — начала XXI в. должны быть проанализированы на трёхуровневой основе изучения национальных, региональных и глобальных аспектов. Системное и комплексное изучение новейшей истории позволяет определить и прогнозировать ожидаемые тенденции в развития государства и общества Узбекистана — как среднесрочные, так и долгосрочные, а также приоритеты межгосударственных взаимоотношений в Центральной Азии с учётом региональных и глобальных процессов.

Р.М. АБДУЛЛАЕВ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ УЗБЕКИСТАНА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Как известно, после обретения Узбекистаном в 1991 г. государственной независимости руководство республики заявило о необходимости формирования основ новой, демократической политической системы, построенной на многообразии институтов (партий, неправительственных и общественных организаций), обеспечивающих широкое участие граждан в управлении делами государства и общества. Узбекистан, как и другие республики бывшего Союза, пережил в своей истории достаточно долгий период господства однопартийной системы, что, разумеется, не могло не отразиться на общественном сознании и образе жизни многих узбекистанцев.

В годы существования СССР была установлена тотальная власть государства и одной партии над личностью. Правовая незащищенность гражданина, командно-административные методы управления, подавление всякого инакомыслия в стране вызывали у многих людей чувство безысходности; усиливали желание дистанцироваться от реальной жизни; способствовали увеличению числа т.н. политических «аутсайдеров»; провоцировали социальный пессимизм и рост в обществе иждивенческих настроений. К сожалению, и в наши дни рецидивы общественного сознания времен советского прошлого в некоторой степени продолжают сохраняться. Все это, безусловно, не может не отражаться на характере и темпах модернизации современного узбекского общества.

Между тем данное обстоятельство сегодня многими понимается. В стране декларируется задача построения сильного гражданского

общества, что подразумевает и формирование реальной многопартийной системы.

Основные этапы истории становления и развития многопартийной системы Узбекистана (1905–1917 гг.)

История становления многопартийной системы в Узбекистане берет начало еще с 1905 г. После 1905 г., когда российский император Николай II подписал Манифест от 17 октября, были несколько либерализованы условия общественно-политической жизни, провозглашены положения о создании выборного парламента в России — Государственной думы, о разрешении на формирование политических партий. В России начали свою деятельность несколько крупных общероссийских партий либерально-демократического направления — партия октябристов («Союз 17 октября») и партия конституционных демократов (кадетов). Кроме того, функционировали Российская социал-демократическая рабочая партия (эсдеки), партия социалистов-революционеров (эсеров), несколько других небольших партий. Названные организации развернули свою деятельность и на территории Туркестанского генерал-губернаторства, которая занимала значительную часть современного Узбекистана. Членами этих общероссийских организаций в Туркестане были преимущественно представители местного русского населения. Достаточно весомую роль в общественно-политической жизни края в этот период начинают играть и туркестанские прогрессисты — джадиды¹ (Махмудходжа Бехбудий, Убайдулла Ходжаев, Абдурауф Фитрат, Мунаввар Коры Абдурашидханов, Обиджон Махмуд, Абдулла Авлоний, Шоислам Шоахмедов, Исхакхан Ибрат и др.), мечтавшие о достижении национальной свободы, модернизации традиционного общества и адаптации его к современным условиям начала XX века.

По их инициативе накануне мировой войны 1914 г. создаются первые национальные общественные организации: «Тарбия-ий-атфол», «Падаркуш», «Умид», «Нашри-Маориф», «Баракат», «Гайрат», «Тараккийпарвар» и др.

В Бухарском эмирате и Хивинском ханстве, которые в то время являлись протекторатами Российской империи, действовали партии младобухарцев и младохивинцев.

¹ «Джадид» — от арабского «новый». Джадиды — наиболее политизированная и образованная часть местного мусульманского населения. Выступали за необходимость демократических реформ и модернизации традиционного общества.

Первые национальные организации туркестанцев еще не имели своих, достаточно продуманных и отработанных уставов и программных документов; им зачастую не доставало политического опыта, а иногда и необходимого профессионализма. Однако этот пробел восполнялся наличием активных и глубоких связей с сопредельным миром, а также знакомством с установками и рекомендациями ранее состоявшихся общероссийских мусульманских форумов. Практическая реализация этих установок и рекомендаций постепенно приводила к тому, что грань между сугубо просветительскими изысканиями джадидов и их политической деятельностью начинает заметно стираться.

Они приходят к пониманию того, что задачу национального возрождения и будущего устройства туркестанского общества можно будет решить только при условии ликвидации деспотии и колониальной зависимости; учреждения парламента (маджлиса) и создания эффективного правительства; развития культуры, науки и распространения современной цивилизации; обеспечения социальной справедливости и укрепления основ национального единства.

Становится очевидным, что без создания качественно новых национально-политических организаций, способных стать во главе движения сопротивления, решить поставленные проблемы будет невозможно.

После восстания 1916 г. и последовавших вскоре событий, связанных с Февральской революцией, которая оказала огромное влияние на умонастроения туркестанцев, заметную роль в политической жизни края стали играть такие организации, как «Шуро-и-Исломия» («Совет Ислама» или «Исламский Совет»), «Турк Адами марказият фиркаси» («Партия туркестанских федералистов»), «Шуро-и-Уламо» и др.

К этому времени также уже оформились организации: «Озод халк», «Мифтах ул-маориф», «Хуррият», «Маърифат ва шарият», «Иттифок исломия», «Тижорат ул-ислом», «Саноул-Ислом», «Хаддод ул-Ислом» — в Андижане; «Мирваж ул-Ислом» — в Самарканде; «Равнак ул-Ислом», «Гулистон» — в Каттакургане; «Муайин ат-толибин» — в Ходженте; «Джамият Исломия» — в Намангане и т.д.¹

Эти организации, членами которых были представители образованной части духовенства, учителя, писари, казначеи, купцы, ставили перед собой довольно широкий круг задач. Так, в программных положениях Самаркандского общества «Мирваж-ул-Ислом» говорилось о необходимости улучшения быта, совершенствования деятельности

¹ См.: *Валидий Закий*. Уюшмаган миллат инкирозга махкум // Турон тарихи. Мерос, 1992. С. 21, а также: Кенгаш. 1917, 19 июля.

школ, мечетей и мадраса; урегулирования вопросов вакфа; помощи неимущим, детям, старикам и вдовам; борьбы с воровством, пьянством, взяточничеством, чрезмерными и неоправданными расходами в дни свадеб и похорон¹.

В этот период также активизируется деятельность организации «Турон», в работе которой принимали участие видные туркестанские и кавказские прогрессисты: Мухаммадамин афанди-зода, Низомиддин афанди, Абдулла Толиб Орифжонов, Абдулла Авлоний, Убайдулла хужа Турсун хужа угли, Исроилжон Иброимжон угли, Абулкосим Аминзода, Мухаммаджон Пошохужаев, Мусихон Мирзахонов и др.²

Однако все же наиболее значительной из национальных организаций, действующих в те дни, была «Шуро-и-Исломия». Следует заметить, что появление названной организации было, безусловно, одной из первых серьезных попыток национальных политических сил интегрировать и сплотить разрозненные общества и союзы с целью создания более мощной и эффективной организационной структуры, могущей реально и действенно защищать интересы мусульманского населения Туркестана.

Становление новой национальной организации было не случайным явлением, а закономерным следствием всей эволюции политической мысли народов Туркестана. У ее истоков стояли люди достаточно разных мировоззренческих ориентаций — от прогрессистов-джадидов до религиозных традиционалистов (кадимистов).

Но было и нечто общее, что объединяло их; этим общим было чувство неудовлетворенности настоящим и жажда перемен (которые, разумеется, понимались не всегда одинаково).

«Шуро-и-Исломия» организационно оформилась 9 марта 1917 г. на собрании (проходившем в Старом Ташкенте), созданном обществом «Турон». За короткий срок «Шуро-и-Исломия» создает свои филиалы в Коканде, Андижане, Намангане, Скобелеве (Фергане), Маргилане, Самарканде и даже в Мерве (Мары)³ и усиливает тем самым свое влияние в регионе.

Социальная база новой организации была достаточно разночинной, здесь и представители духовенства, национальной интеллигенции, чиновничества, купечества и предпринимательства. Сочувственно к программным положениям «Шуро-и-Исломия» относились и простые люди: дехкане, кустари, служащие. Активисты организации очень оперативно и успешно проводили популяризаторскую работу

¹ Туркестанские ведомости. 1917, 16 июня.

² Улуғ Туркистон. 1917, 30 июля.

³ См.: Знамя Свободы. 1917, 27 июня.

среди местного населения. По сведениям газеты «Улуг Туркистон», в первые же дни членами «Шуро-и-Исломия» в Ташкенте стали более 100 человек, среди которых были люди разных национальностей¹. В выработанных положениях «Шуро-и-Исломия» говорилось о необходимости избрания общего собрания новой организации во всех населенных пунктах края. Центральным комитетом организации объявлялась ташкентская «Шуро-и-Исломия».

В ее руководящее ядро входили известные всему Туркестану общественные и политические деятели: Мунаввар Коры Абдурашидханов, Убайдулла Ходжаев, Тошпулатбек Норбутабеков и др. Необходимо отметить, что в силу незавершенности национальной и политической консолидации туркестанских мусульман молодую национальную организацию едва ли можно было назвать политической партией.

Новая организация делала свои первые шаги и находилась пока еще как бы в «эмбриональном» состоянии. «Шуро-и-Исломия» зародилась как представительный орган мусульманского населения в политическом спектре Туркестана, однако элементы, которые обычно характеризуют сложившуюся политическую партию, с самого начала присутствовали в деятельности этой организации.

В частности, это выражалось в практической реализации программных положений; в претензиях организации на тотальное участие в жизни общества; в борьбе за власть; в желании расширить свои ряды; в стремлении придать собственным усилиям целенаправленность и т.д. Лидеры «Шуро-и-Исломия» особо обращали внимание на необходимость в этот исторический момент объединения усилий и консолидации (независимо от национальностей и политических разногласий) всех мусульман. Эту задачу были призваны решать и начавшие выходить (благодаря усилиям местных прогрессистов) десятки газет и журналов. Большим успехом пользовались такие издания, как «Шуро-и-Ислом», «Нажот» («Освобождение»), «Кенгаш» («Совет»), «Хуррият» («Свобода»), «Турон», «Эл байроги» («Знамя народа»), «Улуг Туркистон» («Великий Туркестан»).

В первом своем номере «Улуг Туркистон», в частности, писала: «Газета “Улуг Туркистон” издается не для одного класса или узкой группы людей. Она видит свою главную задачу в пропаганде новой культуры и знаний для проживающих в Туркестане татар, сартов, казахов, туркмен, узбеков и других народов»². По инициативе «Шуро-и-Исломия» в Ташкенте с 16 по 23 апреля 1917 г. проходил первый краевой мусульманский съезд, где собрались около 150 де-

¹ Улуг Туркистон. 1917, 25 апреля.

² Там же.

легатов со всего Туркестана, включая представителей русской общности¹.

Краевой мусульманский съезд высказался за реализацию демократических свобод. Отныне все граждане без различия пола, вероисповедания и национальности должны быть равны перед законом; гражданам обеспечивается свобода совести, слова, собраний, передвижения, организации союзов и обществ, а также неприкосновенность жилища, личности и т.д. По вопросу о национально-государственном устройстве России съезд принял решение, по которому Туркестан входит в состав Российской Советской Федерации в качестве отдельной территориальной автономии, организованной на началах национального самоопределения.

Вместе с тем справедливости ради надо отметить, что была и иная, более радикальная позиция, суть которой заключалась в достижении полной политической, экономической независимости и окончательном отделении Туркестана от России. Однако эта точка зрения в те дни не доминировала в обществе, видимо, в силу того, как позже отмечал Г. Сафаров, что «отделение лишило бы прогрессистов поддержки “русского либерального общества”...»²

Во всяком случае, данное обстоятельство все время фигурировало в процессе политической борьбы различных национальных организаций и течений внутри них, а также служило наиболее веским аргументом в руках умеренного крыла национального движения. Следует сказать, что сила эмоционального воздействия съездовских решений и лозунгов, пронизанных идеей единения и независимости, была настолько велика, что во многом определила этнополитическую ситуацию в регионе в период между февралем и октябрём 1917 г.

Разумеется, рост политического и национального самосознания коренного населения, становление и постепенное упрочение позиций национальных общественно-политических организаций не приводило в особый восторг членов Туркестанского комитета Временного правительства, которые продолжали воспринимать Туркестан как источник сырья и российскую колонию.

Несмотря на то, что в одном из первых декретов Временного правительства, изданном в марте 1917 г., заявлялось, что «...все установленные действующими узаконениями ограничения в правах российских граждан, обусловленные принадлежностью к тому или иному

¹ *Allworth E.* Central Asia a century of Russian Rule. New York–London: Columbia University Press., 1967. P. 216.

² *Сафаров Г.* Колониальная революция (опыт Туркестана). М., 1921. С. 56.

вероисповеданию, вероучению или национальности, отменяются»¹, в реальной жизни дальше деклараций дело не шло.

Методы управления Туркестаном, основанные на недоверии к коренному населению, опоре на ретроградные силы и военную мощь также, по существу, не менялись. Характерным в этой связи является письмо председателя Турккомитета Щепкина от 13 мая 1917 г., направленное на имя главы Временного правительства князя Львова. В нем говорилось: «...До сих пор державное племя свысока относилось к мусульманам, а те молчали. Теперь времена изменяются, и мусульмане начинают чувствовать свое численное превосходство, моральное превосходство русских слабовато, больше страх штыков действует»².

К лету 1917 г. расстановка политических сил в Туркестане представляла собой довольно сложную картину. В национальном движении начинает усиливаться процесс политико-идеологического размежевания, вызванный несовпадением мнений по большинству вопросов, касающихся темпов, степени и характера религиозных реформ; эмансипации женщин; отношения к войне; к будущему государственно-политическому устройству России и Туркестана; к Временному правительству и проводимой им национальной политике и т.д.³

Одним из основных авторов программных положений новой организации был лидер ташкентской «Шуро-и-Уламо» Серали (Шерали) Лапин. У Серали Лапина, как отмечал Мустафа Чокаев, были серьезнейшие идейные разногласия с представителями «Шуро-и-Исломия»⁴, однако он, безусловно, являлся крупной политической фигурой и активным участником национального движения в Туркестане. Во многом благодаря его усилиям сфера деятельности «Шуро-и-Уламо» распространяется и на другие регионы Туркестана, где создаются филиалы этой организации.

Следует заметить, что идейные установки «Шуро-и-Уламо», так же как и «Шуро-и-Исломия», базировались на признании необходимости политического самоопределения народов Туркестана, но при этом исламским принципам и ценностям придавалось исключительное, приоритетное значение. По мнению представителей «Шуро-и-Уламо», предстоящая реорганизация туркестанского общества должна была быть осуществлена строго только по законам шариа.

¹ Цит. по: Мансветов Н.В. Национально-освободительное движение в России в период Октябрьской революции. М., 1959. С. 8.

² Центральный Государственный Архив Российской Федерации. Ф-1800. Оп. 1. Д. 29. Л. 36.

³ См.: Нажот. 1917, 3 июня.

⁴ См.: Мустафо Чўқай ўғли. Истиклол жаллодлари. Тошкент, 1992. Б. 19–20.

В июле 1917 г. многоликая и насыщенная политическая жизнь Туркестана была отмечена еще одним знаменательным событием. 12–14 июля в г. Скобелеве (Фергане) представители мусульманских организаций (в т.ч. и «Шуро-и-Исломия») Ферганской области провели свой очередной (четвертый по счету) съезд, в котором участвовали 137 делегатов¹.

Одним из важнейших результатов работы форума было решение о создании новой организации — партии туркестанских федералистов («Турк адами марказият фиркаси»). Делегаты съезда были вкратце ознакомлены с основными положениями устава и программы партии, состоящего из 9 разделов.

Программа и устав партии туркестанских федералистов² были составлены целым рядом видных представителей национальной общности Туркестана и Кавказа.

Знакомство с программой новой организации показывает, что многие ее положения имели несомненную идейную близость с программными установками партии азербайджанских федералистов «Мусават» и некоторых других, уже сформировавшихся, национальных организаций России.

В данном документе отмечалось, что главной (политической) целью партии является достижение национальной автономии для Туркестана и всех других тюркских регионов и народов России. Каждая автономная единица, по мнению авторов программы, должна была составлять нераздельную федеративную часть России с общей системой обороны, внешней политики, финансов и таможни, но в вопросах внутренней политики, как указывалось, «все автономные единицы независимы»³.

В этот период мусульманское население края становится свидетелем формирования нового исторического контекста, в котором, как показали дальнейшие события, особую роль было суждено сыграть молодым национальным политическим организациям.

Невзирая на наличие серьезных мировоззренческих разногласий внутри национального движения, политико-идеологическую неоднородность этих организаций, само их появление, несомненно, говорило о качественных и глубинных изменениях в общественном сознании

¹ Центральный Государственный Архив Республики Узбекистан. Ф. Р-1760. Оп. 1. Д. 24. Л. 24.

² Программа и устав партии «Турк адами марказият фиркаси» были опубликованы в Ташкенте в типографии Г. Орифжонова в сентябре 1917 г.

³ См.: Туркистонда халк жумхурияти. Турк Адами Марказият (Федералист) Фиркасининг Маромномаси ва Низомномаси // Фан ва турмуш. Тошкент, 1990. № 7. Б. 8.

туркестанских мусульман, которые уже более не желали оставаться простыми статистами и объектами имперской политики, унижавшей их человеческое и национальное достоинство.

Молодые национальные организации возглавили освободительное движение в Туркестане. В ноябре 1917 г. представители данных организаций сделали первую попытку создания национального демократического государства – Туркистон Мухторияти (Туркестанская Автономия).

Однако эта попытка самым жестким, силовым методом была подавлена, что послужило одной из причин начала вооруженного сопротивления против советской власти, известного как «басмаческое движение».

Основная часть руководителей и активистов национальных организаций, исповедующая мирные методы борьбы, не приняла участия в этом вооруженном движении. Национальные лидеры безуспешно пытались остановить простых людей против вовлечения в вооруженную борьбу с неравным противником. Но к этому времени многие уже успели потерять веру в возможность решения насущных национальных задач путем ведения мирных переговоров с большевиками¹. Объединенными усилиями туркестанских и российских большевиков к середине 1930-х гг. вооруженное сопротивление против советской власти было подавлено.

После октябрьских событий 1917 г. большевистская власть, постепенно ликвидировала все оппозиционные общероссийские и национальные политические партии и движения. Значительная часть участников национального сопротивления была уничтожена, часть эмигрировала за границу, а другая была вынуждена сотрудничать с новым режимом.

Эта же участь постигла и членов подпольной организации «Миллий истиклол» («Национальная независимость»), во главе с известным джадидом Мунавваром Кору Абдурашидхановым. В 1929 г. 85 членов этой организации были арестованы, из них 15 расстреляны, остальные отправлены в «исправительно-трудовые лагеря».

На территории современного Узбекистана была установлена диктатура коммунистической партии и коммунистической идеологии.

Монополия коммунистической партии на власть продолжалась до конца 1980-х годов.

¹ См.: *Chokaev M.* The Basmachi movement in Turkestan // *The Asiatic Review*. London, 1928. Vol. 24. № 78. P. 287.

Политические партии и движения в годы «перестройки»

В Узбекистане группы политической направленности возрождаются со второй половины 1988 г. Эти группы стали формироваться под различными лозунгами в движении, объединении и партии.

Движение «Бирлик» («Единство») (1988 г.), «Демократическое движение Узбекистана» (1989 г.), общественное движение «Интерсоюз» (1989 г.), общественно-культурное объединение «Самарканд» (1989 г.), «Свободное объединение молодежи Узбекистана» (1989 г.), общественно-политическое движение «Эрк» («Воля», 1990 г.), женское движение «Тумарис» (1990 г.), «Движение за демократические реформы в Узбекистане» (1991 г.) — вот далеко не полный перечень общественно-политических объединений, возникших на волне начавшейся гласности и «перестройки» в СССР. Наиболее крупными и известными оппозиционными организациями этого периода, несомненно, были движение «Бирлик» и партия «Эрк».

Инициативная группа, создавшая «Бирлик», была образована 11 ноября 1988 г. В нее вошли Абдурахим и Абдуманноп Пулатовы, академик Бек Ташмухамедов, поэт Усман Азим и другие¹. Постепенно движение «Бирлик» трансформировалось в Демократическую партию Узбекистана. Ее учредительная конференция прошла 17 июня 1990 г. На втором съезде (27 октября 1991 г.) эта партия была переименована в партию «Бирлик». «Бирлик» еще в начале своей деятельности, объединил вокруг себя многих, преимущественно молодых, людей из различных слоев населения. По инициативе «Бирлика» в октябре 1989 г. был принят Закон о государственном языке. Лидеры «Бирлика» (узбекские писатели и ученые) выступили за прекращение службы узбекских юношей в подразделениях Советской армии, дислоцированных за пределами республики. Они требовали ликвидировать хлопковую монокультуру, начать решать неотложные экологические проблемы и более решительно проводить демократизацию политической сферы. В обществе влияние «Бирлика» резко возрастало. Однако внутренние конфликты привели к тому, что часть более лояльно настроенных к новой республиканской власти членов «Бирлика» во главе с поэтом Мухаммадом Солихом объявила о своем выходе из движения и создании демократической партии «Эрк», учредительный съезд которой состоялся 27 апреля 1990 г.² 5 сентября 1991 г. демократическая партия «Эрк» была зарегистрирована в Министерстве юстиции.

¹ Эргашев Б. Формирование многопартийной системы в Узбекистане: проблемы и перспективы // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 6(12). С. 57.

² Там же.

Основная цель партии: создание независимого демократического государства. Официальная газета партии — «Эрк» была зарегистрирована в Узкомпечати 19 сентября 1991 г.

Независимость и политические партии Узбекистана

После провозглашения независимости (31 августа 1991 г.) в Узбекистане начало усиливаться противостояние между руководством республики и лидерами некоторых вновь образованных партий, считавших себя оппозиционными. Но это обстоятельство не помешало проведению первых в истории Узбекистана альтернативных президентских выборов (декабрь 1991 г.), на которых оппонент И. Каримова¹ от партии «Эрк» М. Солих сумел набрать 12,4% голосов избирателей.

8 декабря 1992 г. была принята Конституция Республики Узбекистан. Согласно статье 12 Конституции независимого Узбекистана «общественная жизнь развивается на основе многообразия политических институтов, идеологий и мнений». В статье 34 провозглашено право граждан Узбекистана объединяться в политические партии, другие общественные объединения. При этом в 57-й статье Конституции страны отмечается: «Запрещается создание и деятельность политических партий, а равно других общественных объединений, имеющих целью насильственное изменение конституционного строя, выступающих против суверенитета, целостности и безопасности республики, конституционных прав и свобод ее граждан, пропагандирующих войну, социальную, национальную, расовую и религиозную вражду, посягающих на здоровье и нравственность народа, а также военизированных объединений, политических партий по национальному и религиозному признаку. Запрещается создание тайных обществ и объединений»².

Под эти определения попадали некоторые оппозиционные организации, в частности: «Исламское движение Узбекистана» (ИДУ), «Хизб ут-Тахрир» («Партия освобождения» или «ревизии»), «Акромия» и др.

В декабре 1996 г. Олий Мажлисом (Парламентом) страны был принят Закон РУз «О политических партиях». В этом документе впервые в политической и правовой практике республики давалось оп-

¹ Кандидатура И.Каримова была выдвинута от Народно-демократической партии и Союза профсоюзов Узбекистана.

² См.: Конституция Республики Узбекистан. Ташкент, 2014. С. 6, 14, 19.

ределение политической партии и регламентация ее деятельности. В законе указывалось, что «политическая партия это добровольное объединение граждан республики, образованное на основе общности взглядов, интересов и целей, стремящееся к осуществлению политической воли определенной части общества в формировании органов государственной власти и принимающая участие через своих представителей в управлении государственными и общественными делами. Политические партии осуществляют свою деятельность в соответствии с Конституцией Республики Узбекистан, законом о политических партиях, другими законодательными актами, а также на основе своих уставов.

Политические партии создаются в целях реализации прав и свобод граждан на основе свободного волеизъявления, добровольности вступления и выхода из партии, равноправия своих членов, самоуправления, законности и гласности. Регистрация политической партии осуществляется Министерством юстиции Республики Узбекистан.

Не подлежит регистрации политическая партия, если ее устав, задачи и методы деятельности противоречат Конституции Республики Узбекистан, закону о политических партиях, другим законодательным актам»¹.

В марте 1993 г. вышло постановление Кабинета Министров республики об обязательной перерегистрации в Министерстве юстиции всех политических партий и движений. «Бирлик» и «Эрк» перерегистрацию не прошли и прекратили свою деятельность в Узбекистане².

К настоящему времени в Узбекистане зарегистрировано 4 политические партии: Народно-демократическая партия Узбекистана (сокращенно — НДПУ) была основана на Учредительном съезде партии 1 ноября 1991 г. В настоящее время Народно-демократическая партия Узбекистана имеет в своих рядах более 424,5 тысячи членов. Основу идеологии Народно-демократической партии Узбекистана составляет народная демократия, основанная на идее социального государства. В политическом спектре она занимает левые позиции. По итогам парламентских выборов 2014 г. фракция НДПУ в Законодательной палате Олий Мажлиса объявила себя оппозицией по отношению к Блоку демократических сил. НДПУ выступает за укрепление государства, обладающего действенной и сильной властью, обеспечивающей защиту интересов пенсионеров, инвалидов,

¹ Закон Республики Узбекистан «О политических партиях» // Народное слово. 1997, 7 января.

² Ялчин Р. Становление многопартийной системы в Узбекистане // Центральная Азия и Кавказ. 2001. № 5(17) С. 36.

других социально уязвимых слоев населения, а также повышение ответственности местных структур государственного и хозяйственного управления, органов самоуправления граждан за эффективное выполнение принятых решений в интересах этой категории населения. Развитие регулируемой, социально ориентированной рыночной экономики, в которой обеспечивается эффективное взаимодействие рыночных механизмов и установленных государством правил в сфере социальной политики, справедливое распределение экономических благ в пользу малоимущих людей. Проведение активной и последовательной внешней политики, направленной на выстраивание конструктивных отношений с государствами на принципах невмешательства, равноправия и взаимной выгоды, — таковы приоритеты НДПУ во внешнеполитической сфере¹.

Партия имеет свои собственные средства массовой информации. Центральные издания партии: газета «Узбекистон овози», выходящая на узбекском языке; еженедельник «Голос Узбекистана», выходящий на русском языке. Председатель Центрального Совета НДПУ — Кетмонов Хатамжон, который также является руководителем фракции этой партии в Законодательной палате Олий Мажлиса (Парламента) Республики Узбекистан.

Социал-демократическая партия Узбекистана «Адолат» («Справедливость») создана 18 февраля 1995 г. на первом Учредительном съезде партии. На сегодняшний день СДПУ «Адолат» насчитывает в своих рядах 135 тысяч членов. Основная цель Социал-демократической партии Узбекистана «Адолат» — активное участие в построении правового демократического государства, сильного справедливого гражданского общества, основанного на социально-ориентированной рыночной экономике, а также в формировании духовно сплочённого общества, которое соответствует интересам всех наций и народностей, проживающих на территории Узбекистана, где обеспечивается равенство граждан перед законом, их единство, конституционные права и свободы.

Задачи партии: ускорение демократических процессов по укреплению независимости Узбекистана; воспитание преданно служащих граждан в создании демократически-правового государства в Узбекистане; поддержка граждан Узбекистана в осознании своих законных прав, свобод и обязанностей, борьба за развитие их политического мышления, культуры; возрождение национальных ценностей узбекского народа, опираясь на национальные традиции, воспитание молодого поколения на основе изучения богатого культурного насле-

¹ [Электронный ресурс] // URL: <http://xdp.uz/ru/> (дата обращения 27.02.2017).

дия. Электорат партии — инженерно-технические и научные работники, педагоги, врачи, сотрудники бюджетной сферы.

Усиление принципов открытости и гласности в деятельности судов, состязательности и равенства сторон судебного процесса, эффективный общественный контроль за деятельностью правоохранительных органов — таковы приоритеты партии в судебно-правовой сфере. СДПУ «Адолат» выступает за проведение активной внешнеполитической деятельности, направленной на обеспечение мира, стабильности и устойчивого развития страны, реализацию международных программ в рамках достижения целей развития тысячелетия¹. Печатный орган — газета «Адолат». Руководитель партии — Умаров Наримон.

Демократическая партия Узбекистана «Миллий тикланиш» («Национальное возрождение») была создана 20 июня 2008 г. решением объединенного съезда на основе слияния демократической партии Узбекистана «Миллий тикланиш» и Национально-демократической партии «Фидокорлар» («Самоотверженные»). В настоящее время демократическая партия Узбекистана «Миллий тикланиш» имеет в своих рядах около 190 тысяч членов. Партия выступает за построение правового демократического государства и справедливого гражданского общества, обеспечение научно-технического прогресса и достойного места Узбекистана в глобализирующемся мире.

Демократическую партию Узбекистана «Миллий тикланиш» условно можно отнести к умеренно консервативной. Ее электорат — представители творческой интеллигенции, работники культуры, искусства и информационной сферы, патриотически настроенная молодежь, ремесленники. Партия уделяет особое внимание вопросу национального возрождения, под которым понимает пробуждение и укрепление национального самосознания. Она выступает за сохранение и развитие исторически сложившихся, соответствующих национальным традициям форм государственной и общественной жизни, ее морально-правовых основ.

В экономической сфере «Миллий тикланиш» считает важным обеспечение экономической и продовольственной независимости страны, выступает за всемерную поддержку отечественного товаропроизводителя, развитие ремесленничества и семейного предпринимательства. В социальной сфере приоритетными для «Миллий тикланиш» являются защита семьи, духовного, физического здоровья женщин и детей, формирование всесторонне и гармонично развитой молодежи, обеспечение информационно-идеологической защиты об-

¹ [Электронный ресурс] // URL: <http://www.adolat.uz/> (дата обращения 27.02.2017).

щества¹. Центральное издание — общественно-политическая газета «Миллий тикланиш». Председатель Центрального Совета партии — Отамуратов Сарвар.

Движение предпринимателей и деловых людей – Либерально-демократическая партия Узбекистана (УзЛиДеП) была образована в ноябре 2003 г. Партия объединяет в своих рядах свыше 252 тысяч членов. Движение предпринимателей и деловых людей. Либерально-демократическая партия Узбекистана проповедует либерально-демократические ценности, основанные на том, что смысл современной демократии состоит в конкуренции между политическими силами за голоса избирателей, а ее основная ценность — права и свободы граждан. Фракция партии в нижней палате парламента, занимая в ней по итогам выборов 2014 г. большинство депутатских мест, сформировала совместно с ДПУ «Миллий тикланиш» Блок демократических сил. Электорат УзЛиДеП — это средний класс собственников, предприниматели и деловые люди, фермеры, представители малого бизнеса и сферы услуг. Партия выступает за приоритет прав и интересов личности, неприкосновенность частной собственности, либерализацию экономики, демократизацию и модернизацию государственной и общественной жизни. Партия поддерживает конкуренцию и свободу экономической деятельности. Главными целями в экономической сфере для партии являются дальнейшая диверсификация экономики, создание условий для развития предпринимательства, малого бизнеса. Кроме этого, упрощение и удешевление процедуры регистрации субъектов предпринимательства, таможенного оформления товаров, а также всемерная и всесторонняя поддержка развития фермерских и дехканских хозяйств, углубление рыночных отношений на селе. УзЛиДеП выступает за создание условий для самореализации каждого человека, цивилизованные условия участия граждан Узбекистана в международном рынке рабочей силы. Во внешней политике партия считает необходимым создание благоприятных внешнеполитических условий для эффективной реализации проводимых в стране демократических реформ. Она поддерживает такие принципы мирного сотрудничества, как недопущение угрозы политическому суверенитету и неприкосновенности границ, применения или угрозы применения силы, выступает за выполнение основных принципов, закрепленных в Уставе ООН². Центральным изданием партии является общественно-политическая газета «XXI asr» («XXI век»). Председатель Исполнительного Комитета Политического Совета — Турдиев Содикжон.

¹ [Электронный ресурс] // URL: www.mt.uz (дата обращения 27.02.2017).

² [Электронный ресурс] // URL: <http://www.uzlidep.uz/ru> (дата обращения 27.02.2017).

Как известно, одна из важнейших функций политических партий — выработка программных установок, социально-экономической и политической стратегии на случай прихода к власти. Именно в ходе этих поисков происходит агрегирование интересов широких общественных и политических сил. Примеры убеждают также в том, что, чем свободнее партии ведут идейно-теоретический поиск, тем легче им и их лидерам освободиться от устаревших догм, учитывать запросы общества, его социальных групп.

По мнению некоторых узбекских исследователей, сегодня также крайне важно осуществлять со стороны политических партий общественный контроль за деятельностью государственных органов исполнительной власти, что должно стать серьезной преградой на пути злоупотреблений и проявлений коррупции¹. В контексте развития демократических процессов в Узбекистане особое место, разумеется, должно отводиться более действенной работе партийных фракций в парламенте, а также участию политических партий в президентских выборах.

Состоявшиеся 4 декабря 2016 г. выборы президента Республики Узбекистан показали, что политические партии постепенно начали приобретать те необходимые качества, которые обычно характеризуют зрелые и достаточно опытные партии. Сами выборы прошли очень организованно и без серьезных нарушений. За процессом подготовки к выборам президента Республики Узбекистан и их проведением наблюдали около 600 наблюдателей от Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ, СНГ, ШОС, Всемирной ассоциации избирательных органов и Организации исламского сотрудничества, а также от 46 государств. Кроме того, более 37 тысяч представителей от 4 политических партий, участвовавших в выборах, также наблюдали за процессами голосования и подсчета голосов. Избирательную кампанию широко освещали более 1400 представителей отечественных и зарубежных средств массовой информации. По результатам проведенных 4 декабря 2016 г. выборов президента Республики Узбекистан, за кандидата от Демократической партии Узбекистана «Миллий тиклиниш» Сарвара Отамуратова проголосовало 421 055 избирателей, или 2,35% участвовавших в выборах, за кандидата от Народно-демократической партии Узбекистана Хатамжона Кетмонова проголосовало 669 187 избирателей, или 3,73% участвовавших в выборах, за кандидата от Социал-демократической партии Узбекистана «Адо-

¹ См.: Бердикулов С.Н. Философский генезис и перспективы развития национальной модели многопартийности в Узбекистане // Автореферат докторской диссертации. Ташкент, 2016. С. 45.

лат» Наримона Умарова проголосовало 619 972 избирателя, или 3,46% участвовавших в выборах, и за кандидата от Движения предпринимателей и деловых людей — Либерально-демократической партии Узбекистана Шавката Миромоновича Мирзиёева проголосовало 15 906 724 избирателя, или 88,61% участвовавших в выборах¹.

Заключение

Формирование политической воли — это главная задача любой партии. Те, кто желает достигнуть влияния на формирование политической воли, должны обладать тем, что хотят предложить. Именно поэтому важны политические программы партий. Они должны представить концепции и методы, с помощью которых партии хотят осуществить свое политическое влияние на деле. Общественность должна быть осведомлена о программах, политических деятелях, проектах и перспективах партий.

Актуальной задачей для большинства политических партий Узбекистана остается проблема привлечения в их ряды новых членов, и прежде всего молодых энергичных людей. Опыт многих стран, где сегодня идут трансформационные процессы, показал, что для политических партий весьма невыгодным оказалось, когда до населения не доходила постоянно и в широком объеме информация о реальной общественно-политической и экономической ситуации в этих государствах.

При таком положении дел, наиболее неустойчивая часть населения, не получая необходимой ориентации, часто становится легким орудием в руках деструктивных сил. В данном контексте следует подчеркнуть, что, на наш взгляд, перед политическими партиями Узбекистана стоит крайне важная задача — учиться вести прямой и честный диалог с народом и потенциальным электоратом, постоянно информируя его о положении в стране и за ее пределами, а также о своих действиях, успехах и недостатках.

Однако разумеется, вести такой прямой диалог с народом не каждому по плечу. Политика нуждается в выдающихся и убеждающих лидерах. От личных качеств партийных лидеров зависит многое. Поэтому обучение руководящего персонала партий является необходимым элементом работы этих организаций. Средством, отвечающим этой задаче, является широкое политическое образование.

¹ [Электронный ресурс] // URL: <http://uzlidep.uz/ru/news/obyavleny-predvaritelnye-rezultaty-prezidentckih-vyborov> (дата обращения 10.12.2016).

Ш.Б. МУХАМЕДОВ

К НЕКОТОРЫМ ПАРАДИГМАМ В НОВОЙ ИСТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

История Центральной Азии в последнее время привлекает к себе пристальное внимание мировой общественности благодаря происходящим в этом регионе сложнейшим политическим процессам.

Для того чтобы разобраться в истории развития Узбекистана и в целом Центральной Азии в настоящее время, необходимо обратить взгляд в прошлое и проследить в ретроспективе, каким образом происходили трансформационные процессы на этой территории во второй половине XIX – начале XXI века и благодаря каким факторам регион развернулся от исламского фундаментализма к светскому государству. Пройден непростой путь от средневековых исламских государств до образования независимых государств (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркмения и Узбекистан), идущих по пути создания полноценных светских и демократических стран.

В настоящей статье будет рассмотрен ряд аспектов развития региона в целом и Узбекистана в частности на основе оригинального архивного материала, трудов современников и периодической печати того времени. Создание коллективных портретов эпохи – просопографии – одна из важных задач современной исторической науки. Представляют интерес и личности, которые малоизвестны, а в прошлом были на слуху. Однако необходимо вспомнить и некоторых из тех, кто был во втором эшелоне власти, но при этом активно влиял на формирование государственной политики власти в регионе.

Межконфессиональные отношения на этой территории при наличии здесь многочисленных религиозных конфессий, их взаимоот-

ношения с исламом — доминирующей религией исторически проживающих здесь народов представляют огромный практический интерес как образец толерантности древнейших этносов, проживавших на Великом шелковом пути.

Новые подходы к оценке прошлого

После обретения независимости бывшими республиками СССР перед научной общественностью этих стран с особой остротой встает вопрос о выработке новых подходов к освещению исторического прошлого. Естественно, что в одночасье потерявшая свое значение марксистско-ленинская методология исторических исследований должна была кануть в Лету. Во второй половине 90-х годов прошлого века в независимых странах бывшего СССР появляется большое количество публикаций, посвященных различным периодам истории этих государств. Естественно, что изменилась методология освещения истории в зависимости от поставленных задач государственного строительства в этих странах.

Не избежала этих «болезней роста» национального самосознания и историческая наука в Узбекистане. Прежде чем перейдем к более подробному рассмотрению основных достижений и проблем историков в нашей стране и освещению этих исследований в школьных учебниках, остановимся на таком сложном вопросе, как место исторической науки в развитии общества. Во-первых, можно ли считать эту науку идеологическим инструментом влияния на массовое сознание? И во-вторых, имели ли право национальные историки освещать историю своей страны на свое усмотрение, но объективно, или все-таки должны были советоваться, по установившейся в советское время традиции, со своими российскими коллегами в вопросах исследований, посвященных периоду вхождения этого региона в состав Российской империи и Советского государства.

Естественно, что историческая наука является мощнейшим инструментом идеологического влияния на массы. В частности, одна из современных немецких исследователей, проф. С. Попп, пишет о том, что именно историки Германии в 20–30-х годах XX века своими трудами помогли прийти к власти фашистам во главе с Гитлером¹. Итоги

¹ *Сузанне Попп. Изложение истории и общественно-политические преобразования. Ведущие концепции новейшей дидактики истории в Германии: множество, противоречивость, смена перспектив // История и самосознание III: Изложение истории в Узбекистане и Германии». Ташкент, 2008. С. 164.*

такой идеологической поддержки — это миллионы жертв и покаяние немцев перед мировым сообществом за содеянное. Ответственность историков перед обществом огромна.

Национальные историки, на мой взгляд, имеют полное право освещать историческое прошлое своих стран без оглядки на «корифеев» разных стран мирового сообщества. Однако никто не снимает с них ответственности за объективность и современность методологии их трудов. Историкам других стран необходимо профессионально оценивать эти труды, но ни в коем случае не поучать и не говорить о том, что до независимости «вы все изучали историю КПСС и хвалили партию и правительство»¹.

Историки Узбекистана в настоящее время в непрерывном поиске. Много вопросов возникает у наших специалистов при освещении колониального прошлого и периода вхождения нашей страны в состав СССР. К сожалению, историки Узбекистана очень часто освещают исторические события в нашем регионе в отрыве от основных событий, происходивших в центре. То есть отсутствует цепочка «город–регион–страна–мир». В качестве примера можно привести период существования Туркестанского генерал-губернаторства (1867–1917). Очень подробно рассматривают историки различные аспекты этого периода: политику, экономическую сторону, культуру того времени и т.д. Однако нет связки «регион–центр». А без этой связки сложно понять процессы, происходившие в тот период. Например, как можно оценивать кадровую политику правительства Российской империи при назначении сюда туркестанских генерал-губернаторов, если среди них не было ни одного востоковеда?

Первый туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман прибыл в Туркестанский край в 1867 году после службы в Виленском округе, где боролся с влиянием польской шляхты, за что и был отстранен от должности и фактически сослан в этот неведомый для него регион. Парадокс и в том, что хотя фон Кауфману и был дан царем карт-бланш в действиях, но фактически центральные ведомства очень часто блокировали ряд его инициатив. В частности, в 1873 году фон Кауфманом было подготовлено «Положение по управлению Туркестанским генерал-губернаторством», однако оно не было утверждено центральными ведомствами по разным причинам аж до 1886 года. В 1886 году комиссия под руководством графа Игнатьева в Петербурге утверждает наконец-то этот очень важный документ для жизни Туркестанского края, но большинство чинов админист-

¹ Мухамедов Ш.Б. Некоторые аспекты изучения истории Центральной Азии. Ташкент, 2016. С. 9.

рации генерал-губернаторства впоследствии выражает мнение, что на самом деле документ абсолютно далек от реалий этого сложного региона и был подготовлен спонтанно людьми, далекими от жизни региона. Туркестанское генерал-губернаторство пользовалось этим «Положением» до 1917 года. В своих воспоминаниях об этом пишет руководитель Канцелярии туркестанского генерал-губернаторства в начале XX века Г.Федоров¹.

В своих отчетах о ревизии Туркестанского края, подготовленных и опубликованных сенатором графом К.К. Паленом в 1910 году, приводится таблица посещения областей края туркестанскими генерал-губернаторами, из которой следует, что руководители края на самом деле очень плохо знали жизнь на местах².

В 1898 году после Андижанского восстания под руководством ишана Мадали туркестанским генерал-губернатором был издан указ, в котором отмечалось, что, по данным проведенных опросов, большинство чинов администрации разного уровня, оказывается, не знакомы с местными условиями, с основами ислама, что в конечном счете приводит к многим негативным последствиям и недоразумениям в отношениях с местным туземным населением. Было решено издать сборники по исламу для ознакомления чиновников. Был так же подготовлен доклад «Ислам в Туркестане» от имени туркестанского генерал-губернатора Духовского. В этом докладе вкратце был представлен экскурс в историю распространения ислама на территории Российской империи. Ключевой позицией доклада являлся вывод: на самом деле ислам является «язвой на теле Российского государства, и с ним надо вести непрерывную борьбу». Примечательно, что доклад был подготовлен востоковедами, которые проживали длительное время в Туркестане и являлись фактическими советниками руководства краевой администрации. В докладе предлагался ряд репрессивных мер против исламских религиозных деятелей Туркестана. Надо «поблагодарить» центральные ведомства, которые не дали хода таким безумным «проектам». Чем все это могло закончиться, не трудно представить³.

Естественно, события, происходившие в центре, через определенное время проецировались на окраины империи. Межведомственная борьба центральных учреждений за лоббирование собственных интересов на окраинах Российской империи (в нашем случае между МВД и Военным ведомством. — *Ш. М.*) естественным

¹ Федоров, Г.П. Моя служба в Туркестанском крае // Исторический вестник. 1913. № 11. Ч. 9–12; Туркестанский сборник. Т. 559.

² Пален К.К. Краевое управление. СПб., 1910. С. 56.

³ Мухамедов Ш.Б. Историко-источниковедческий анализ государственного регулирования ислама Российской империей в Туркестане (1864–1917 гг.). Ташкент, 2013. С. 110.

образом сказывалась на общем состоянии этих регионов и вела к общему ослаблению социально-экономического состояния страны. Если сравнивать, каким образом проходила колонизация Российского Туркестана и, например, английская колонизация Индии, статистика будет весьма красноречива.

Показателен тот факт, что при 6-миллионном населении Туркестана Российская империя держала в регионе 50 тысяч войск. Англия же держала в Индии 45 тыс. войск при 200 млн населения. Естественно, что формы и методы колониального правления двух стран имели коренные отличия. И это должно быть предметом дальнейших исследований.

Один из сложных вопросов — отражение проблем колониального и советского прошлого в школьных учебниках. Необходимо учитывать, что Российское государство, придя в регион, принесло с собой новый цивилизационный порядок. Естественно, что это был и технически, и организационно гораздо более высокий уровень государственного устройства, так как усилия Петра I по переводу России на европейский путь развития дали колоссальные результаты. Российская империя после завоевания Средней Азии приносит в регион последние достижения науки и техники. Однако все это было сделано в интересах развития именно экономики Российского государства. Вместе с тем благодаря строительству железных дорог жители региона получили возможность путешествовать и сравнивать уровень развития многих стран. В целом Туркестанское общество становится полиэтническим и многоконфессиональным, что в целом было положительным событием. Регион благодаря таким изменениям выходит из спячки. Многовековые традиции толерантности Великого шелкового пути, закрепившиеся на генетическом уровне, позволили жителям региона сосуществовать с представителями многих этносов и конфессий, приехавшими на проживание в их край. Местные народы стали многому учиться и брать все самое новое и полезное из российско-христианской цивилизации (правда, отнюдь нельзя назвать полезным употребление алкоголя). И все эти «тонкие» моменты, естественно, должны быть отражены в школьных учебниках. Можно ли говорить в этих учебниках положительно об имперском центре, что с точки зрения национальной идеологии абсурдно? Есть ли в школьных учебниках антиимперские настроения относительно рассматриваемых периодов? Естественно, есть. Есть ли в этих учебниках русофобские настроения? Однозначно, нет. Государственная политика Узбекистана направлена на межнациональное согласие и толерантность. Любые националистические действия жестко пресекаются на корню. Жители городов Узбекистана при желании могут смотреть российское телеви-

дение в полном объеме. В стране нет националистических партий и движений, нет такого позорного явления, как скинхеды. Молодежь, и в целом население страны настроены очень политкорректно. Большую роль в воспитании молодого поколения играют, естественно, школьные учебники. Надо признать, что им еще далеко до совершенства. Однако, как показывает информация в Интернете и СМИ, такие проблемы волнуют наших коллег во всех постсоветских странах. И в первую очередь — разработка методологических принципов исторических исследований, особенно при освещении колониального и советского периодов в истории наших стран.

Не все так просто, а даже очень сложно

В период горбачевской оттепели историки Узбекистана разделились на два основных лагеря по вопросу о нахождении территории Средней Азии в составе Российской империи. Одна из позиций основывалась на установившейся в советское время идее о «добровольном вхождении» этих территорий в состав Российского государства. Вторая — на том, что никакого добровольного вхождения не могло быть, так как свободолюбивые народы Средней Азии, исповадовавшие ислам, не могли войти добровольно в состав христианского «государства-монстра», которое в течение последних 300 лет фактически занималось только завоеванием новых территорий. Естественно, что накопившаяся за все годы российского и советского правления неприязнь ко всему имперскому, представшему в различных ранее невиданных облициях, нашла свой выход в отрицании всего, в том числе и положительных моментов, произошедшего с народами Средней Азии за прошедшие 150 лет, особенно среди национально-патриотической интеллигенции республик Средней Азии.

После распада Советского Союза огромное количество архивного материала, ранее закрытого, «обрушилось на головы» историков, и они, не задумываясь, а может быть, и даже наоборот, хорошо подумав, направляют большое количество «необработанного сырого» материала на суд массового читателя, трактуя события в удобном для себя направлении¹.

Главное, на наш взгляд, была потеряна тенденция освещения исторических событий в их развитии, то есть в динамике. Выдергивание тех или иных фактов из общего контекста исторического материала

¹ Мухамедов Ш.Б. Некоторые аспекты изучения истории Центральной Азии. Ташкент, 2016. С. 16.

создало «кастрированную» историю. Могу поспорить с любым желающим, что на территории современного постсоветского пространства нет народа, который был бы доволен освещением его национальной истории. В конце 90-х годов появляются труды, в которых в освещении событий второй половины XIX века проводится такая идея: «Россия принесла в отсталый Туркестан европейскую культуру и капиталистические отношения, подняла народы региона на более высокий уровень развития, и непонятно, почему они до сих пор недовольны этим, и вообще, почему захотели независимости». В ответ на это обидное для независимых стран Центральной Азии высказывание формируется другая, «оборонительная», позиция, которая отражает взгляды национальных историков в постсоветских странах и целиком отрицает этот «колониальный» период, считая, что ничего хорошего в это время не произошло. Наверное, истина, как всегда, посередине.

Создалась парадоксальная ситуация. Вчерашние, «братья-соседи» по стране находятся в едином пространстве, называемом СНГ, но в то же время находятся на разных идеологических позициях. Понадобилось немного времени, и все стали искать в истории факты своего величия и исключительности. Нормальным явлением стала национальная мифологизация исторического развития.

Работа над архивными материалами, освещающими так называемый «колониальный период» (1865–1917 годы), позволяет прийти к выводу, что образы «врага» и «друга» постоянно присутствуют рядом. Без толкования в этом ключе не обходится вообще ни одно освещение исторических событий. Но для того чтобы разобраться в конкретном историческом эпизоде, в первую очередь необходимо владеть архивным материалом. К сожалению, изучая некоторые работы, заметил определенную закономерность. Архивные материалы эти «горе-исследователи» рассматривают не в последовательном развитии, а по большей части выборочно, выдергивая из этих интереснейших документов некоторые факты и «фактики», и затем уже выстраивают из этих разрозненных фактов научную концепцию. Чтобы не быть голословным, приведу в качестве примера такое распространенное мнение, что царская Россия «беспощадно» вывозила сырьевые ресурсы из завоеванных колоний. Из Туркестанского генерал-губернаторства вывозился хлопок-сырец и другое ценное сырье. Но при ближайшем рассмотрении архивных источников и исследовании трудов того периода выясняется, что хлопок-сырец закупался у населения торговыми фирмами, то есть население его продавало добровольно, а государство вообще старалось не вмешиваться в эти процессы¹. Другое

¹ Гейер И. Туркестан. Ташкент, 1909. С. 337.

дело, что дехкане страдали от ростовщиков и перекупщиков, которым фактически доставалась львиная доля прибыли от многомиллионных сделок с хлопком. Отсюда вытекает вывод, что Российской империей руководили далеко не глупые люди. Тезис о том, что российские империалисты хотели оставить после себя на завоеванных ими пространствах территорию «выжженной земли», абсолютно не выдерживает никакой критики. Каждый находившийся у власти, тот ли иной российский император, всегда, обращаясь ко вновь завоеванным или присоединенным народам и племенам, на протяжении всей истории России говорил, что он рад принять новых поданных под свое «крыло», и с этого дня он считал их своими «детьми». Однако это не мешало царю-батюшке и его чиновникам преследовать евреев и принимать против них негуманные законы. Например, в Туркестанском генерал-губернаторстве были приняты следующие законы: «Закон о черте оседлости», разрешающий расселяться евреям в определенных областях и городах края¹. Второй закон был секретным и назывался «О пресечении вредной деятельности евреев с целью препятствий эксплуатации последними местного населения»². Немало слез пролили матери и жены бухарских евреев, обращаясь к самому царю с просьбой отменить первый из законов, который практически вынуждал их возвращаться в Бухарский эмират, где они находились в тяжелом положении. Фактически закон так и не был отменен. Так что, обращаясь к историкам, которые хотят доказать, «колониальную» сущность российского правления, рекомендую подбирать более продуманно реальные факты, а не «притягивать их за уши». Тем более что их более чем достаточно.

Сделаю еще одно необходимое отступление-пояснение. Например, автору статьи, для того чтобы изучить в достаточной степени царский период истории Туркестана, пришлось, работая в Центральном государственном архиве Республики Узбекистан, изучить очень ценные архивные материалы из фонда И-1 «Канцелярия Туркестанского генерал-губернаторства», в котором находится более 31 000 единиц хранения. Естественно, что весь этот океан документов невозможно изучить полностью. И это только один из фондов, а таких фондов десятки. Однако не будет у современного исследователя представления о рассматриваемом периоде, если он не познакомится с «Туркестанским сборником», в котором 594 объемных тома содержат уникальные научные произведения, а также газетные и журнальные статьи, опубликованные в России и за ее рубежами, посвященные Средней Азии и

¹ ЦГА РУз, Ф. И-717. Оп. 1. Д. 10. Л. 653.

² Там же.

освещающие период второй половины XIX — начала XX века. Необходимо поблагодарить господина Межова, который начал это добросовестно делать, и господина К.П. фон Кауфмана, который его попросил об этом и профинансировал. Отдельно также необходимо изучить труды современников и мемуарную литературу, которые не вошли в «Туркестанский сборник». Вот после того, как вы познакомитесь со всеми этими уникальными творениями истории, добро пожаловать в клуб знатоков и любителей истории Туркестанского генерал-губернаторства, так как теперь вы сможете квалифицированно об этом периоде размышлять и писать.

Вернемся к рассмотрению наиболее сложных и спорных тем из истории рассматриваемого нами периода. Нельзя отрицать тот факт, что в Среднюю Азию была принесена прогрессивная европейская культура стараниями выдающихся российских ученых и деятелей культуры. Но были ли способны народы, населявшие этот регион и исповедовавшие ислам в течение более тысячи лет, за короткий срок воспринять чужую для них христианскую культуру. Революционными методами, к сожалению, культура не прививается. Российские администраторы за очень короткий срок хотели «русифицировать» местное среднеазиатское население через школьное образование. Однако за весь период деятельности русско-туземных школ их оканчивают всего лишь нескольких тысяч человек, из которых русский язык в совершенстве знают не более сотни¹. Приехавшие в начале XX века в Туркестан деятели народного просвещения России, «забраковали» метод обучения русскому языку местных детей, основателем которого являлся директор народных училищ С.М. Граменицкий. Сделан был категорический вывод о том, что дети «туземцев» изначально обучались по неправильному методу, который в Европейской России давно уже был отменен, и что по этому методу вообще невозможно изучать русский язык. В Туркестанском генерал-губернаторстве никак не отреагировали на эти замечания, и на протяжении 40 лет местные дети обучались русскому языку по ошибочной методике. Тем не менее в начале XX века эволюционный процесс и пример русских учебных заведений в крае начали давать свои плоды. В Туркестане начинают открываться мусульманские новометодные школы и медресе, где, в отличие от узкоконфессиональных исламских старометодных мак-

¹ См.: *Мухамедов Ш.Б.* Историко-источниковедческий анализ государственного регулирования ислама Российской империей в Туркестане (1864–1917). Ташкент: «Baktria Press», 2013. С. 203.

табов¹, начинают преподаваться светские науки. Необходимо также сказать о том, что некоторые слои местного населения, а в особенности прогрессивная национальная интеллигенция, стремились изучать русский язык и приобщиться к русской культуре. Но, как мы видим, отсутствие добротных учебных пособий, написанных по правильным методикам, сыграло свою отрицательную роль. В начале XX века популярными становятся частные курсы по изучению русского языка, будучи более эффективными и основанными на передовых для своего времени методах обучения.

Можно ли считать С.М. Граменицкого врагом просвещения «инородцев» или здесь сыграло решающую роль самомнение деятеля народного просвещения Туркестанского края? Надо учесть и тот факт, что С.М. Граменицкий, прожив в регионе 40 с лишним лет, так и не изучил местные языки и не знал арабской графики. А ведь он ежедневно сталкивался с местным населением — детьми и их родителями. Специалисты поэтому указывали, что так называемый «натуральный» метод изучения русского языка по Граменицкому не требовал от учителей русско-туземных школ, преподававших русский язык для «инородцев», знания местных языков. Местным детишкам преподавали русский язык, не используя при этом их природный (родной. — Ш. М.) язык, так как Граменицкий считал эти языки несформировавшимися. Как мог ребенок выучить иностранные слова, если он их предварительно не переводил на свой «природный» язык². Налицо то ли «враги», то ли «друзья». Одни, слабо изучив русский язык, после окончания школы его практически забудут. А вторые, то есть учителя, которые не знают местных языков и не стремятся в своем большинстве их изучить, так как это языки «малокультурных сартов³ и киргизов⁴», и которые, по их мнению, им в жизни не пригодятся. Налицо огромная пропасть между завоевателями и покоренными, которая практически в силу ряда обстоятельств так и не сократилась в колониальный период. Благодаря этим и другим фактам, о которых будет сказано ниже, местные народы и переселившиеся сюда европейцы, так и не сблизились.

¹ Проект Всеподданнейшего Отчета Ген.-Адъютанта К.П. фон Кауфмана по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского Генерал-Губернаторства. 7 ноября 1867 — 25 марта 1881 г. СПб., 1885. С. 429–430.

² Использованы данные из архивных источников Центрального государственного архива Республики Узбекистан, фонда И-47 — «Учебное дело в Туркестанском генерал-губернаторстве».

³ Сартами назывались узбеки и таджики, а так же вообще земледельческое население Средней Азии.

⁴ Киргизы — современные казахи. Каракиргизами, или дикокаменными киргизами, назывались современные киргизы.

Однако не только «дурной» пример заразителен. Местные народы, проживавшие вдоль старой континентальной трассы Великого шелкового пути, всегда были толерантными по отношению к представителям других народов и религиозных конфессий. Вообще при изучении царского периода в истории Туркестана создается впечатление, что местные народы с интересом восприняли все новое, что было принесено в регион российскими людьми. Благодаря тому, что города Туркестанского генерал-губернаторства начинают разделяться на две части — европейскую и азиатскую, становится очевидной огромная разница в облике этих частей не в пользу азиатской. Русские части городов становятся более благоустроенными и красивыми благодаря современной европейской планировке улиц, и большому выделению денег из городского бюджета. Одежда европейцев начинает привлекать местных модников, в первую очередь мужчин, а затем и женщин. Предметы европейского быта начинают все увереннее использоваться в домах состоятельных «туземцев». Конечно же, все познается в сравнении. И это сравнение было не в пользу Востока. Постепенно европейский образ жизни начинает все больше привлекать и сближать местное население с приехавшими из Европейской России людьми. Мусульманское духовенство, которое своевременно было нейтрализовано царской администрацией, ничего не смогло сделать против открытия в городах Средней Азии кабаков и публичных домов. Естественно, это не способствовало укреплению авторитета русской власти. Однако народы, населяющие регион, всегда из происходящих перемен выбирали все самое лучшее.

Есть один очень важный момент, на который исследователи почему-то не очень обращают внимание. После завоевания Средней Азии Российской империей Туркестанское генерал-губернаторство входит в правовое пространство Российского государства. То есть регион начинает жить по имперским законам. Это, в свою очередь, не означало, что начинается правовой беспредел. Наоборот, ряд имперских организаций следят за исполнением законности на вновь завоеванных территориях. В своей основе законы были гуманными, основанными на христианской морали. Однако их исполнение тяжеловесной бюрократической государственной машиной доводит благие дела нередко до абсурда. Даже К.П. фон Кауфман — первый начальник края (1867–1882 гг.), которому были даны большие полномочия российским императором, в результате чего в народе он получил звание «ярим-подшо» (полуцарь), нередко был зависим от имперских ведомств и не мог проводить вполне самостоятельную политику. В 1886 году, уже после смерти «устроителя Туркестана» фон Кауфмана, было принято новое «Положение

по управлению Туркестанским краем»¹. В краевом правлении с большой надеждой ожидали этот документ. Но получилось с точностью до наоборот. Один из руководителей канцелярии Туркестанского генерал-губернатора, Г.П. Федоров, проработавший 36 лет в Туркестане, в своих воспоминаниях о комиссии под руководством графа Игнатьева, которая разрабатывала это положение, приводит шокирующие факты². Комиссия работала в Санкт-Петербурге, и туда были приглашены специалисты из Туркестана и центральных ведомств империи. Решалась судьба Туркестанского генерал-губернаторства с перспективой на десятилетия. Большинство членов комиссии, по словам Федорова, характеризовалось полным незнанием условий нового края³. Из-за некомпетентности этих высокопоставленных чиновников «было выработано положение, которое при первом же применении на практике оказалось никуда не годным»⁴. Федоров, лично присутствовавший на заседаниях указанной комиссии, с сожалением пишет, что была совершена крупнейшая ошибка. Отрицательные последствия принятого Положения от 1886 года сказывались на протяжении долгих лет. Сразу после принятия «Положения», пишет Федоров, «началось неизбежное издание разъяснительных циркуляров, посыпались представления в Петербург о законодательной отмене, дополнении или изменении неприменимых на практике статей нового положения; Совет генерал-губернатора был буквально завален работой по рассмотрению жалоб губернаторов. В конце концов коренной закон для Туркестана, обратившийся в какое-то одеяло из лоскутов, действует и поныне»⁵ (1913 г. — *Ш. М.*). Как мы видим, основное «Положение», по которому управлялось Туркестанское генерал-губернаторство вплоть до 1917 года фактически не устраивало краевое руководство тем, что рождало в регионе ведомственную неразбериху. В этой связи власть туркестанского генерал-губернатора оказывалась номинальной. Было немало случаев, когда решения начальника края отменялись по соображениям тех или иных министерств. Большинство чиновников царской администрации, ссылаясь на положение от 1886 года, говорили о потере авторитета русской власти у «туземного» населения.

¹ С 1867 по 1886 год Туркестанское генерал-губернаторство управлялось по «Положению по управлению Семиреченской и Сырдарьинской областями», которое практически не соответствовало реалиям в Туркестанском крае. Но все это до поры до времени компенсировалось относительной самостоятельностью К.П. фон Кауфмана.

² Федоров Г.П. Моя служба в Туркестанском крае // Исторический вестник. 1913. Т. СXXXV. С. 444.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 444–445.

Еще один из важных аспектов слабости имперской власти в Туркестане — ее кадровая политика. В край направлялись не всегда достойные чиновники разного уровня. Но в целом большинство вели себя как временщики. Мало того, что кадры, направляемые в Туркестан, не всегда имели даже среднее образование, они, кроме того, абсолютно не хотели изучать местные языки и не разбирались в вопросах ислама. Опять-таки этих людей разделяла огромная пропасть с местным населением перенести сюда. Незнание местных языков, бытовых условий жизни среднеазиатских народов со стороны чиновников царской администрации вело к обоюдному невосприятию друг друга. Великодержавный шовинизм, проявляемый повсеместно и повседневно российской элитой и другими слоями приехавшего в край европейского населения, вызывал у народов Средней Азии чувство глубокой обиды. Об этом подробно пишут современники тех событий¹.

Назначение туркестанских генерал-губернаторов во многих случаях не поддавалось никакой логике. Очень часто назначаемые в Туркестан генерал-губернаторы не имели никакого представления об этом регионе². Уезжали отсюда, так и не познав по-настоящему ни края, ни его населения.

В период с 1900 по 1917 год в Туркестанском крае сменилось 9 генерал-губернаторов³. Ревизовавший Туркестанский край в 1907–1909 годах К.К. Пален в своем отчете на имя императора Николая II пишет о том, что большинство назначенных в Туркестан начальников края никакого следа здесь не оставили.

Многое объяснялось, по мнению Палена, незнанием генерал-губернаторами жизни Туркестанского края.

Личности туркестанских генерал-губернаторов, их отношение к местным народам имели решающее значение, их поездки по областям края позволяли им узнавать, чем живут простые люди, какие проблемы их беспокоят, и в целом определяли их политику в отношении местного населения.

Вот что пишется по этому поводу в отчете ревизии графа Палена: «Поездки генерал-губернаторов по Высочайше вверенному им краю

¹ См.: *Наливкин В.П.* Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913; *Добросмыслов А.И.* Ташкент в прошлом и настоящем. Ташкент, 1912.

² *Федоров Г.П.* Моя служба в Туркестанском крае // Исторический вестник. 1913. Т. СXXXIV. С. 468.

³ С.М. Духовской (1898–1901 гг.), Н.А. Иванов (1901–1904 гг.), Н.Н. Тевяшов (1904–1905 гг.), Д.И. Суботич (1905–1906 гг.), Н.И. Гродеков (1906–1908 гг.), П.И. Мищенко (1908–1909 гг.), А.В. Самсонов (1909–1914 гг.); В.Е. Флуг (1912–1914 гг.); Ф.В. Мартсон (1914 — октябрь 1915 г.) назначен «Временным туркестанским генерал-губернатором»; А.Н. Куропаткин (1916–1917 гг.).

вследствие их кратковременности и посещения только крупных центров (главным образом областных городов) могли дать лишь мимолетные путевые впечатления: своеобразная же жизнь каждой области с ее насущными живыми интересами оставалась малоизвестной Главным начальникам, и поэтому они были поставлены в необходимость знакомиться с ней только путем канцелярским¹. Незнание реальной обстановки на местах приводило к ряду крупных промахов со стороны чинов российской администрации разных уровней в Туркестане, что вело к обострению взаимоотношений между властью и местными народами.

Вопросы конфессий и народностей

Бомба замедленного действия была заложена и в межконфессиональной сфере самим законодательством Российского государства. В Туркестанском генерал-губернаторстве фон Кауфманом была объявлена политика «игнорирования» ислама. То есть подразумевалось, что власти не будут вмешиваться в религиозные дела мусульманского населения. На самом деле не вмешиваться не получалось, но делалось это различными «обходными маневрами», и не всегда удачными.

Надо признать, что Туркестанское генерал-губернаторство, находясь в ведении Военного министерства, от этого только выиграло. Если бы край подчинялся МВД, здесь могло быть «наломано столько дров», что мало бы не показалось. Организация и деятельность Туркестанского охранного отделения в 1907 году является тому наглядным подтверждением.

Естественно, что православная церковь в Российском государстве являлась главенствующей. Представители других конфессий находились по сравнению с нею в более ущербном положении. Вот что было установлено законом о религиях: «В пределах государства одна господствующая Православная церковь имеет право убеждать последователей иных Христианских исповеданий и иноверцев к принятию ее учения о вере. Духовные же и светские лица прочих Христианских исповеданий и иноверцы строжайше обязаны не прикасаться к убеждению совести не принадлежащих к их религии; в противном случае они подвергаются взысканиям, в уголовных законах определенным»². К чему приводит такое отношение к другим конфессиям, можно проиллюстрировать рядом малоизвестных фактов.

¹ Пален К.К. Краевое управление. СПб., 1910. С. 56.

² Свод законов Российской империи. Т. 11. Ч. 1. Уставы Духовных дел иностранных исповеданий. СПб., 1896. С. 9.

При изучении архивных материалов, в которых освещаются межконфессиональные взаимоотношения в Российском Туркестане, бросается в глаза вопиющая несправедливость. Мусульманские учебные заведения (мактабы и медресе) в крае находились на самофинансировании, вакуфы, их подпитывавшие, были фактически нелегитимны¹. Все российские учебные заведения в регионе содержались за счет казны, а точнее — за счет местного бюджета. Уроки «Закона Божьего» для детей православных христиан так же финансировались за счет казны.

В начале XX века к туркестанским генерал-губернаторам обращаются представители армяно-григорианской, лютеранской, римско-католической церквей с просьбой разрешить проведение уроков «Закона Божьего» их законоучителям, «так как дети их вероисповеданий на уроки православного законоучителя не ходят»².

Были еще две просьбы. Разрешить вести уроки законоучителю на природном (родном. — *Ш. М.*) языке учащихся и платить законоучителю за труд за счет государства³.

Вопрос о языке преподавания был Высочайше утвержден Положением Комитета министров от 17 апреля 1905 года «Об укреплении начал веротерпимости»⁴. Вопрос оплаты государство возлагает на сами учебные заведения. Но так как учебные заведения Туркестана в экономическом отношении были не в лучшем положении, платить за уроки «Закона Божьего» в правительственных школах пришлось родителям перечисленных христианских конфессий из собственного кармана⁵. Особенно недовольны были таким положением представители армянского общества в Асхабаде, так как на Кавказе в учебных заведениях оплата законоучителя армянского «Закона Божьего» производилась за счет государства⁶.

Такая же несправедливость проявлялась властями в отношении постройки культовых сооружений различных религиозных конфессий.

При строительстве храмов в Ташкенте и в других местностях Туркестанского края большое значение имела личная заинтересованность руководителей краевой администрации и областей. Так именно из-за несогласия фон Кауфмана «потерпело неудачу первое прошение

¹ Мухамедов Ш.Б. Совет туркестанского генерал-губернатора и определение стратегии и тактики в решении вакуфного вопроса (1887–1917 гг). Причины фиаско // «Метаморфозы истории». Научный альманах Псковского государственного университета. № 6. 2015. С. 266–297.

² ЦГА РУз, Ф. И-47. Оп 1.Д. 781. Л. 1–28.

³ Там же. Л. 24.

⁴ Там же. Л. 23.

⁵ Там же. Л. 28.

⁶ Там же. Л. 24.

ташкентских католиков¹ о строительстве каплицы (небольшой церкви), причем тот же генерал-губернатор содействовал возведению в Ташкенте лютеранской кирхи»².

Туркестанский генерал-губернатор А.В. Вревский и его преемник С.М. Духовской, напротив, помогли в продвижении в высшие инстанции ходатайства о постройке каплицы. Личное отношение начальника Закаспийской области видно и в деле о постройке асхабадского костела³.

Заключение

Российская империя постепенно переходит в этот период к более высоким экономическим отношениям — капиталистическим. Именно эти изменения приводят страну к могуществу и к возможности присоединять другие территории.

Новые, капиталистические отношения были привнесены и на территорию Туркестанского края, где уже экономически деградировали три феодальных ханства. Постоянные междоусобные войны между Бухарским эмиратом, Кокандским и Хивинским ханствами ослабляли экономику государств Средней Азии и тяжелым бременем ложились на трудовые слои населения. Отсталое экономическое положение сказывалось и на развитии просвещения и культуры. Реально по содержанию это был больше эволюционный процесс, нежели революционный.

Впрочем, вопрос взаимоотношения независимых республик Центральной Азии и России в целом не потерял своей актуальности и на современном этапе. Однако для того, чтобы разобраться в этом сложном вопросе, необходимо тщательно изучить архивные материалы, в которых можно найти ответ на сложнейшие вопросы и настоящего времени.

Приведенные факты можно проецировать на весь период взаимоотношений народов Центральной Азии с Российской империей и нахождения в составе СССР. Построение социалистического строя в рамках одного государства и связанные с этим процессом «триумф и трагедия» многих народов и поколений этой страны довольно уникальны в смысле полученных уроков и исключения их повторения. Создание совместных трудов исследователями стран СНГ по различным проблемам истории может дать возможность по-новому взглянуть на сложнейшие периоды нашего прошлого и понять друг друга.

¹ К.П. фон Кауфман стал отрицательно относиться к католическому духовенству после годичного пребывания на посту Виленского генерал-губернатора в 1865–1866 годах.

² Спиридонова Л.А., Заславская В.Б. Католики в Туркестане // К истории христианства в Средней Азии. Ташкент, 1998. С 215.

³ Там же. С. 215.

Ж.Б. САЛОМОВ

**СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ
ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ
ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ СТРАН**

Понятие политической системы является одним из самых широких понятий в правовой и социальной науке, дающим детальное описание политических явлений и процессов в их тесной взаимосвязи и взаимодействии с окружающей средой. Данное понятие позволяет, с одной стороны, выделить политическую жизнь из остальной части общественной жизни, а с другой — свести воедино основные элементы политической жизни общества.

Иначе говоря, формирование политической системы — это процесс, позволяющий не только решить вопросы государственного становления, но и создать концептуальные основы дальнейшего социально-политического, экономического и правового развития. Определение основных целей и задач, мобилизация ресурсов на их достижение, интеграция всех элементов общества с помощью пропаганды общих ценностей, использование власти, разработка норм законов, контроль над соблюдением норм являются сущностью и функциями политической системы¹.

На сегодняшний день наряду с государственными деятелями, историками, политологами, геополитиками и военными на исследование политической системы небезосновательно претендуют экономисты, социологи, праведы, геополитики, международники, СМИ

¹ Энтин Л.М. Политические системы развивающихся стран (государство и политические партии в странах Азии и Африки). М.: Междунар. отношения, 1978. С. 33.

и многие другие. То есть в научном плане политическая система — это междисциплинарная совокупность подходов и концепций о ней. Следовательно, для исследования понятия «политическая система» необходим комплексный подход. В первую очередь это обусловлено тем, что данный термин вбирает в себя не только политические, но и социальные, философские и правовые компоненты.

По своей природе становление национальной политической системы — относительно длительный и растянутый во времени процесс. Так, обретение статуса субъекта международного права, иначе говоря, провозглашение независимости, не означает немедленного и автоматического формирования всех элементов системы, а только символизирует начало комплектации ее компонентов, и этот период в различных странах занимает, в зависимости от особенностей самого государства, определенный срок и протекает далеко не единообразно.

Этот срок вбирает в себя решение определенных вопросов организации и функционирования политических институтов, их иерархии, соподчиненности и взаимодействия, форм и методов осуществления власти. Вместе с тем образование политической системы требует решения примерно однородного круга задач. Необходимо создать достаточно устойчивую систему органов политического руководства, государственного управления, охраны и защиты установленного строя и закрепить эти новые структуры в нормативном порядке, разработать или использовать созданную ранее политическую теорию, обосновывающую и оправдывающую данную систему, ее стратегию и политику.

Исходя из вышеизложенного, в данном разделе будут рассматриваться теории и концепции, а также исторические предпосылки становления понятия политической системы в качестве научного феномена. Также приводятся заключения и подходы специалистов по исследованию трансформационных процессов политической системы центральноазиатских республик после распада СССР, анализируется актуальность дальнейшего исследования. Кроме того, обзорно рассмотрены процессы формирования и модификации политической системы Республики Узбекистан в современных условиях.

Некоторые аспекты теоретического исследования понятия политической системы

Все возрастающее внимание к вопросам государственного устройства сталкивается с проблемой определения самого понятия «политическая система». Существующие подходы, взгляды и концепции дают основание для чрезвычайно широкого рассмотрения самого понятия.

Исследование политической системы — тема, никогда не теряющая свою актуальность, ибо сам исследуемый феномен постоянно изменяется, модернизируется, обрстая новыми качествами и структурными компонентами. Иными словами, становление политической системы — процесс многосложный, требующий адекватных научных исследований.

Глубокое обоснование и широкое распространение понятие «политическая система» на Западе получило лишь в середине XX в. Это прежде всего связано с развитием самой политической науки, приведшей к необходимости описания политической жизни с системных позиций. Политологи разработали несколько моделей, позволяющих наглядно представить и понять функционирование политических систем. Рассмотрим две из них, составляющие основу теории политических систем, — американских политологов Д. Истона и Г. Алмонда.

Д. Истон в работах «Политическая система» (1953), «Предел политического анализа» (1965), «Системный анализ политической жизни» (1965)¹, изложил основу анализа политической системы какой-либо страны, а также составляющих эту систему подсистем: парламента, правительства, местного самоуправления, политической партии, общественной ассоциации. В целом исследование Д. Истона было направлено на изучение предпосылок формирования политической системы, ее стабильности и дальнейшего развития.

Что касается предложенной Д. Истоном модели политической системы, отметим, что она дает представление о том, как политическая система вырабатывает политику, с помощью которой распределяются ценности в обществе и достигаются коллективные цели. Исходя из этого, Д. Истон отмечал, что политическая система — это саморегулирующийся и развивающийся организм, реагирующий на поступающие извне импульсы².

Анализ, проведенный Д. Истоном, позволяет тщательно рассматривать все влияющие на систему импульсы, разделяя их на требования, которые могут быть конструктивными и деструктивными, и на поддержку (или протест). Требования могут возникать и формулироваться как в окружающей среде, так и внутри самой системы. Поддержка может выражаться в выплате налогов, военной службе, соблюдении законов, участии в голосовании, лояльном отношении к

¹ См.: The Political System: An Inquiry into the State of Political Science. By David Easton. (New York: Alfred A. Knopf, 1953). Pp. xiii, 320, x.; A Framework for Political Analysis. By David Easton. (Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall, Inc., 1965). Pp. xvi, 143; A Systems Analysis of Political Life. By David Easton. (New York: John Wiley and Sons, Inc., 1965). Pp. xvi, 507.

² Easton D. An approach to the analyses of political systems. World Politics, Vol 9, № 3 (Apr. 1957). Pp. 383–400. — www.links.jstor.org/sici&sic

государственной власти и ее символам. Независимо от места своего происхождения требования и поддержка становятся частью политической системы и должны учитываться ею в соответствующих структурах и при соблюдении определенных процедур¹.

В отличие от Д. Истона, Г. Алмонд рассматривает политическую систему как множество взаимодействий, поведений, как государственных, так и негосударственных, которые необходимо исследовать. Он отмечает, что любая политическая система имеет свою собственную структуру; все политические системы осуществляют одни и те же функции и смешаны в культурном смысле. Важной особенностью является многофункциональность системы².

По мнению узбекского ученого Р. Джумаева, под политической системой следует понимать совокупность социальных институтов и конкретных граждан, соединенных отношениями, порождающими государственную власть и приобщающими каждый из этих институтов, каждого человека к реализации власти. Как мы видим, Р. Джумаевым придается значение важности личности и общества, именно в качестве значимого звена государственной власти.

Рассматривая данное понятие, следует обратить внимание и на мнение российских ученых. Большинство из них, так же как и западные эксперты, считают, что ключевым в политической системе является государственная власть. В частности, ученый Л.М. Энтин, рассуждая о ее структуре, отмечает, что «государственная власть выступает не как структурный элемент, а как основа, без наличия которой невозможно построение и самой системы». Точно такого же мнения придерживается и другой исследователь — Ю.А. Юдин, считающий: «главное, что лежит в основе политической системы и объединяет ее в диалектически единое целое, — это государственная власть»³.

По представлению М.А. Мунтяна, политическая система в широком ее смысле — это устойчивая форма человеческих отношений, с помощью которой принимаются и осуществляются на практике властные решения для того или иного общества. Эта система, по его мнению, обладает четырьмя характеристиками, отличающими ее от других социальных систем:

а) она является универсальной, поскольку охватывает своим воздействием все общество;

¹ Eugene F. Miller David Easton's political theory. — www.mmisi.org/pr/01_01/miller.pdf P. 199

² Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор: учебное пособие. М., 2002. С. 54.

³ Энтин Л.М. Политические системы развивающихся стран (государство и политические партии в странах Азии и Африки). М.: Международные отношения, 1978. С. 10.

б) она осуществляет полный контроль над применением физического или иного принуждения;

в) ее право выносить обязывающие решения считается легитимным;

г) ее решения являются авторитетно-властными, несущими в себе силу легитимности и существенную вероятность того, что люди подчинятся¹.

Из всего перечисленного можно сделать вывод о том, что понятие политической системы обычно используется для обозначения совокупности отношений, охватывающей управление государством и происходящие в нем разнородные процессы.

Как мы видим, несмотря на длительное и углубленное исследование понятия «политическая система», у экспертного сообщества отсутствует единое понимание или же устоявшийся подход к данному термину. Причиной тому, на наш взгляд, может являться их разнообразие, т.е. каждая политическая система обладает определенными индивидуальными чертами, которые возникли благодаря особенностям исторического и национального развития, традициям и обычаям, имеющим многовековое прошлое, и ряду других факторов. Например, структурные элементы политических систем мусульманских стран в силу их религиозных взглядов и устоев в плане государственности кардинально отличаются от конструкции политической системы англосаксонских государств. Следовательно, толкование и концептуальное развитие производится, исходя из присущих политическим системам свойств и особенностей.

Несмотря на своеобразность подходов изучения политической системы, независимо от типологии государств и существующего политического режима, в структурном плане их объединяет одна черта — решающая роль в любой системе отводится государству. Оно рассматривается как главный источник и олицетворение политической власти. Эта роль и место государства в политической системе определяются рядом его особенностей. Государство выступает как единственная организация, которая объединяет всех без исключения граждан, оно является официальным представителем общества в целом, обладает монопольным правом издания законов и установления общеобязательных для исполнения правил нормативных правовых актов.

Государство интегрирует общество в единое целое независимо от интересов и потребностей отдельных групп и слоев населения и действует в первую очередь в сфере интересов общества в целом. Ключе-

¹ Мунтян М.А. Политические системы. [Электронный ресурс] // URL: www.c-society.ru/data/200702/m.a.politiceskiesistemy.doc

вая роль государства в политической системе обусловлена названными универсальными свойствами, которыми не обладают никакие другие структурные элементы политической системы. Только государство вправе регламентировать правовое положение политических партий, общественных объединений, религиозных организаций, средств массовой информации, а также проведение избирательных кампаний. Иначе говоря, полномочия иных субъектов политической системы ограничены определенными пространственными пределами или субъектным составом¹.

Что касается научного подхода для исследования политической системы того или иного государства, на наш взгляд, целесообразно взять за основу три элемента, которые могли бы полностью охватить и охарактеризовать динамику ее развития — это политический интерес, идентичность и институты государства и общества. Эти три взаимодополняемых и взаимосвязанных между собой элемента и составляют ядро политической системы любой страны².

Таким образом, рассуждая о политической системе, мы в самом общем виде представляем себе совокупность определенных явлений, предметов и действующих лиц. Как правило, это государство, партии, политические нормы, институты, политические действия и др. Названные элементы политической системы не существуют сами по себе, обособленно, они взаимосвязаны и составляют некую совокупность. Все элементы взаимосвязаны между собой настолько, что изменение хотя бы одной составляющей повлечет за собой изменения во всей системе в целом.

Исследование процессов трансформации политических систем стран Центральной Азии

Центральная Азия в историческом измерении находится на начальном этапе своего обновления и прогресса. С этой точки зрения важно изучить, какое государство страны региона строят. Всестороннее исследование формирующейся политической системы стран Центральной Азии — задача не только практическая, но и теоретическая. И в этом смысле она выдвигается в число первоочередных проблем, которые ждут своего научного толкования и анализа.

¹ *Силаев В.С.* Структурные элементы политической системы общества (методологический анализ). [Электронный ресурс] // URL: cyberleninka.ru/article/n/strukturnye-elementi-politicheskoy-sistemy-obshchestva-metodologicheskii-analiz.pdf

² *Comparative politics: interests, identities, and institutions in a changing global order/* edited by Jeffrey Copstein, Mark Lichbach, Stephen E. Hanson. Fourth edition. P. 6–7.

Следует отметить: под политической трансформацией нужно понимать определенный тип изменений. То есть в основе политического процесса могут лежать два способа изменений — трансформация и модификация. Например, могут меняться политические лидеры, составы правительств, но государственная система остается неизменной. Подобного рода политические изменения можно обозначить как модификацию. Есть и другой способ политических изменений — трансформация, т.е. изменения, влекущие смену базовых конструкций. Например, смена политического строя, которая ведет к трансформированию институтов власти и в конечном счете к новому видоизмененному качеству политической системы¹.

В связи с этим перестройка политической системы СССР, прерванная его распадом, дала своего рода импульс политической перестройке многим постсоветским государствам, в том числе и республикам Центральной Азии. Исходя из этого, центральноазиатские страны можно отнести к такой категории групп, которые за очень короткий исторический период прошли через оба вышеупомянутых процесса.

Интерес к исследованию данных событий в регионе повышает еще и тот факт, что особенностью нынешней эпохи является то, что государства все более и более оказываются опутанными сложнейшей системой институциональных взаимоотношений, которые соединяют его с гражданским обществом и обеспечивают все более растущую демократизацию официальной власти. Это обуславливает необходимость всестороннего социально-правового исследования как сущности самой власти, так и ее взаимосвязей с гражданским обществом, политическими партиями и движениями, со всеми институтами, обеспечивающими согласие и стабильность всех элементов политической системы².

Постоянное нахождение в центре внимания процессов становления политической системы в центральноазиатских республиках привело к формированию целостных концепций, выработанных на основе анализа и прогноза дальнейшей демократизации политического строя и трансформации в целом. Так, например, концепция «завершения транзита» в странах региона принадлежит Б. Румеру, согласно которому, «страны региона завершили транзитную фазу своего развития; в регионе сформировались политические режимы с устойчивой системой экономических и социально-политических связей. В перс-

¹ *Ветренко И.А.* Игровые практики в политическом процессе: монография. Омск, 2009. С. 48.

² *Жумаев Р.* Проблемы формирования и укрепления политической системы Республики Узбекистан: Дисс. ... док. полит. наук. Ташкент, 1996. С. 5.

пективе маловероятно, что они будут радикально меняться или трансформироваться под воздействием внутренних и внешних факторов и даже при смене власти»¹.

Другой немаловажной концепцией является концепция немецкого ученого У. Хальбаха, в которой делается попытка утвердить мнение, что Центральная Азия уже более не является «постсоветским пространством»². То есть регион настолько далеко оторвался от своего советского прошлого, что изменения стали необратимыми.

В противовес данной концепции можно привести другую, в рамках которой ученые остались при точке зрения, что центральноазиатские общества еще тесно связаны со своим советским происхождением³. Таким образом, мнение, что страны региона к середине 2000-х годов уже завершили стадию транзита, высказано достаточно громко, но разделяется далеко не всеми исследователями.

Также существуют мнения, согласно которым Центральная Азия уже не воспринимается по культурно-историческим и экономическим параметрам как нечто единое целое, и региональное строение формируется по двум моделям: казахстанской и узбекской. Однако необходимо отметить, что на сегодняшний день у каждого государства сформированы свои особенности государственного строительства. Например, на наш взгляд, модели формирования и функционирования политических систем Туркменистана в корне отличаются от модели, выстроенной в Узбекистане или Казахстане. Более того, эти различия наблюдаются по всем параметрам — социальным, политическим, экономическим и др. К тому же, на сегодняшний день, каждое государство региона пытается привести в подсистемы политических систем идентичные для своего государства признаки. Соответственно, мнение о существовании всего двух вышеперечисленных моделей политических систем для абсолютно всех центральноазиатских стран представляется крайне ошибочным и необоснованным.

А. Варкоч в своем труде «Центральноазиатская политика Европейского Союза: интересы, структуры и выбор реформ» использовал ряд новых терминов для характеристики политического строя стран региона. Например, режим в Кыргызстане Варкоч характери-

¹ Rumer B. Central Asia: 15 Years After // Central Asia's Affairs (Almaty, Kaz ISS). 2005. No. 1. P. 2–12; Central Asia at the end of Transition / ed. By B. Rumer. Armonk. New York–London: M.E. Sharpe, 2005. XIII+449 pp.

² Halbach U. Das nachsovietische Zentralasien. Eine region mit politischer Sprengkraft. Jahrbuch Internationale Politik 1999–2000. Munchen: Oldenburg Verlag, 2001. S. 277–289.

³ Лаумулин М. Центральная Азия: основные подходы в современной политической науке // Центральная Азия и Кавказ. 2010. Вып. 1. Т. 13. С. 95.

зует как «демократуру» (демократия+диктатура), а в Туркменистане — как «неототалитаризм». Также он призывает ЕС к более активным действиям по ускорению демократической трансформации этих стран¹.

Не последнее место в концептуальных построениях западных аналитиков занимает роль ислама в процессе становления и развития политических систем в республиках Центральной Азии. Фактически никто из авторов не может ее игнорировать. Дискуссии ведутся вокруг вопроса, насколько глубоко влияет ислам на современное развитие формирующихся государств-наций в Центральной Азии. Наиболее компетентные авторы пришли к выводу, что ислам стал одним из важнейших элементов в формировании новой национальной идентичности центральноазиатских народов. Кроме того, этот фактор имеет и внешнеполитическое измерение.

Проблема ислама в регионе неизбежно подводит исследователей к такому фактору, как исламский фундаментализм или радикальный ислам. Концепция, предложенная А. Рашидом под названием «центральноазиатский фронт Запада», сводится к тому, что этот регион представляет собой новый фронт против воинствующего ислама, и победа последнего будет означать нестабильность не только в региональном, но и в глобальном масштабе².

Некоторые ученые, кому безразлична культурная и политическая судьба народов региона, бьют тревогу в отношении угрозы идеологической исламизации последующих поколений. Они настоятельно рекомендуют правительствам региона форсировать строительство государств-наций в духе государственного патриотизма. Ряд авторов рассматривает внутреннее развитие государств Центральной Азии с точки зрения теории «этнополитики»³.

Как мы видим, существует масса различных научных подходов, концепций и оценок исследования процессов транзита центральноазиатских стран от тоталитарного к демократическому режиму. Некоторые из них содержат относительно объективный анализ и прогноз происходящих событий, а другие приводят резко критические выводы и заключения, не учитывая, что:

— демократический транзит подразумевает под собой *поэтаную* (курсив наш. — Ж. С.) смену конфигурации и характера взаи-

¹ Warkotsch A. Die Zentralasiatische Politik der Europäischen Union: Interessen, Strukturen und Reformoptionen. Frankfurt, 2006. 253 S.

² Rashid A. Jihad. The rise of Militant Islam in Central Asia. New Haven–London: Yale University Press, 2003. 282 pp.

³ Лаумуллин М. Центральная Азия: основные подходы в современной политической науке // Центральная Азия и Кавказ. 2010. Вып. 1. Т. 13. С. 96.

модействия ведущих политических субъектов в политическом поле государства¹;

– процесс транзита в странах региона все еще не закончен и не может быть закончен за такой короткий промежуток времени в историческом разрезе, ибо, как это уже было отмечено выше, выстраивание политической системы носит остродинамичный характер, особенно на этапе своего становления;

– процесс демократического транзита политических систем не может проходить идентично с развитыми западными странами, в так называемом в стиле «вестерн», чего и требуют некоторые ученые;

– существуют определенные особенности, присущие только этим странам и региону, влияющие на процесс становления и полноценно функционирования политической системы.

Как мы видим, разностороннее исследование за рубежом политических, экономических, социально-культурных процессов, происходящих в Центральной Азии, и формирование целостных концепций подтверждает нашу мысль о сохраняющемся высоком интересе к региону.

В целом анализ позиций и оценок вышеупомянутых и других зарубежных ученых относительно современных транзитных процессов и функционирования политической системы в республиках Центральной Азии позволяет сделать вывод о том, что ими концентрируются внимание в основном на вопросах авторитаризма, коррупции властей, противостояния кланов, существования административно-командных методов управления, этнических проблем, а также угрозы религиозного фундаментализма и экстремизма². Примечательным моментом для нас является то, что многие работы, посвященные данной тематике, несмотря на профессиональность, несут лишь

¹ *Huntington Samuel P.* The Third Wave Democratization in the Late Twentieth Century. University of Oklahoma Press Norman and London, 1991. P. 368.

² См.: *Herman W. Hoen* Transition strategies in Central Asia: is there such a thing as “shock-versus-gradualism”? // *Economic and Environmental Studies*. Vol. 10. No. 2 (14/2010). S. 229–245. June 2010; *Zhumabek Sarabekov*. Uzbekistan on the Modern Stage. The Institute of World Economics and Politics (IWEP) under the Foundation of the First President of the Republic of Kazakhstan–Astana–Almaty. 2015; *Agnieszka Konopelko* Legitimacy of the political power in post-Soviet Central Asian countries // *Economics and Management*. 2014. № 4; *Jones Luong, Paoline* Institutional Change and political continuity in Post-Soviet Central Asia: power, perceptions and pacts. Yale University, 2002; *Urinboyev Rustamjon* Public administration developments in post-Soviet Central Asia. 2013 In M. Vintar et al., A. Rosenbaum, G. Jenei, & W. Drechsler (Eds.). *The Past, Present and Future of Public Administration in Central and Eastern Europe* (pp. 296–303). NISPAcee Press; *Robin Nicole Merritt* Façade democracy: democratic transition in Kazakhstan and Uzbekistan. University of Central Florida, USA, 1999; *Cummings, S.N.* (Ed.). *Power and Change in Central Asia*. London: Routledge, 2002.

описательный и пессимистично-прогнозный характер. Вместе с тем в большинстве работ не признаются или не упоминаются позитивные перемены в общественно-политической жизни стран региона.

Возможно, односторонний подход в исследовании Центральной Азии в качестве составной части мирового сообщества сохраняется ввиду несформированного профессионального диалога научных сообществ Запада и исследуемого региона, что требует выработки соответствующих условий для полноценного интегрирования. Это, безусловно, откроет дорогу еще большему обмену мнениями и достоверной информацией, более того, поспособствует появлению конкретного и правдивого представления о центральноазиатской «пятерке».

Актуальность изучения политической системы Республики Узбекистан

На сегодняшний день вопросы изучения процессов формирования и развития политической системы стран постсоветского пространства, в частности Республики Узбекистан, находятся в центре внимания специалистов всего мира. Это в первую очередь обусловлено тем, что с исторической точки зрения Узбекистан находится в процессе становления своей государственности. Ни для кого не секрет, что любая страна, обретавшая свою независимость, оказывается вовлеченной в сложнейшие внутривнутриполитические процессы, связанные со становлением государственной структуры и гражданского общества. В этой связи чрезвычайно важно исследование динамики развития политической системы того или иного государства в целом.

Узбекистан, как одно из наиболее развитых государств Центральной Азии, смог выстроить такую модель политической системы, которая максимально эффективно и безболезненно вывела страну из политического и социально-экономического кризиса, вызванного распадом Советского Союза.

Многие эксперты пришли к выводу, что практически все государства региона, соответственно и Узбекистан, выстроили «президентские» режимы, то есть политические системы с упором на чрезмерно персонифицированную власть¹. С таким выводом согласиться можно лишь отчасти. Действительно, в некоторых странах Центральной Азии существует практика «персонализации» глав государств (например, в Казахстане — «Елбасы», в Таджикистане — «Пешвои миллат»,

¹ Halbach U. Das Regime der Präsidenten. Enzwicklung und Zusammenarbeit. 1999. Jg. Heft 2. S. 39–41.

в Туркменистане у предыдущего президента форма обращения — «Туркменбаши», у действующего — «Аркадаг»), а также максимального наделения полномочиями управления внутренней и внешней политикой с сомнительной перспективой дальнейшей децентрализации (Туркменистан, Таджикистан).

В Узбекистане же всегда выступали против таких инициатив, считая их крайне неуместными. По поводу процессов, связанных с децентрализацией власти в республике, стоит отметить, что в самом деле определенное время управление страной концентрировалась в руках лишь считанных институтов демократии. Постепенный переход полномочий «сверху вниз» начался с 2000-х годов, когда был осуществлен переход на двухпалатный парламент, укреплены правовая инфраструктура органов местного самоуправления, расширены полномочия Кабинета Министров и областных администраций. То есть президент, согласно Конституции страны, обеспечивает лишь согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти¹.

Вместе с тем необходимо добавить и то, что концентрация власти в руках президента на ранних этапах государственного строительства, на наш взгляд, является наиболее необходимым условием для выработки единой национальной политики во избежание политического напряжения во властных структурах. Более того, в условиях Узбекистана это способствовало укреплению механизма исполнения законов и других государственных решений, ускорению перестроечных процессов в политической, межнациональной и других сферах. В этом плане, узбекская практика государственного строительства доказывает правдивость наших суждений.

В развитие этого утверждения добавим и то, что в этом политическом феномене проявляется закономерная тенденция общественного развития в переходный период. Освобождение от тоталитаризма требует огромных усилий, поэтапности, в том числе на начальной стадии — сильной авторитарной власти, способной эволюционировать в сторону реальной демократии². Как заметила в этой связи американская исследовательница Марта Олкотт, «комплекс сложного советского наследия может быть трансформирован медленно»³.

¹ Конституция Республики Узбекистан 2014 г. Ст. 89. [Электронный ресурс] // URL: <http://constitution.uz/ru>

² Стратификационные процессы общества Узбекистана в контексте исторических процессов / ответ. ред. М.А. Рахимов, Н.Р. Махкамова. Ташкент, 2014. С. 165.

³ *Olcott M.* Central Asian second chance. The Brookings Institutions Press, USA, 2005. (цит. по: *Рахимов М.А.* Современная история взаимоотношений Узбекистана и стран Центральной Азии с ведущими государствами мира. Ташкент: «Адабиёт Учкунлари», 2016. С. 29).

Также считаем уместным подчеркнуть, что на сегодняшний день Узбекистан является единственной страной в регионе, осуществляющей политическую модификацию существующей политической системы. Приход к власти новой команды после внеочередных президентских выборов в 2016 году, безусловно, повлечет за собой многообразные политические процессы, которые приведут к определенным изменениям политического режима, политических акторов и институтов. Однако с определенной степенью уверенности можем отметить, что важнейшим стержнем системы государственного управления и политического строя останется президентская форма правления.

Данный процесс также потребует отдельного научного внимания и станет своего рода отправной точкой в сравнительном исследовании как прежней политической системы Узбекистана, так и политических систем соседних государств.

Наряду с этим проведения комплексного исследования заслуживают и процессы формирования и укрепления политической элиты Узбекистана, качество ее функционирования, совершенствование системы отбора лидеров, а также проблемы повышения политической активности различных общественных групп, так как эти вопросы относятся к числу практически не изученных тем со стороны как отечественных, так и западных специалистов.

Итак, обобщая вышесказанное, отметим что, актуальность исследования процессов демократической трансформации политической системы Республики Узбекистан обусловлено рядом причин:

во-первых, на сегодняшний день в Узбекистане и за ее пределами широко рассмотрены вопросы функционирования некоторых элементов и субъектов политической системы республики, однако чувствуется необходимость фундаментальных работ, посвященных изучению теоретико-методологических аспектов понятия политической системы;

во-вторых, институциональное изучение политической системы Республики Узбекистан позволит сделать вывод об эффективности его деятельности в политической, социальной и экономической жизни страны;

в-третьих, как для отечественного исследователя, так и для всего мирового научного сообщества огромный интерес представляет компаративистский анализ деятельности и организационно-правовой структуры политической системы Республики Узбекистан со схожими и не схожими по своему политическому режиму и типу государствами.

Р.Р. НАЗАРОВ

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ
ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ
И МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ
В УЗБЕКИСТАНЕ**

Парадигмы этнополитических исследований

Разработка вопросов этнополитических процессов и межэтнических отношений, функционирования полиэтнического социума входит в число важнейших проблем обществоведческих наук, особенно на современном этапе развития мирового сообщества. Под воздействием объективных закономерностей общественного развития повышаются требования, предъявляемые к изучению проблем этнополитических процессов и межэтнических отношений, функционирования и развития полиэтнического общества. Совершенствование данной сферы общественного развития — важная теоретическая и практическая задача, от решения которой зависит прогресс любого полиэтнического общества¹.

¹ *Абдуллаев Ш.М.* Современные этносоциальные и этнополитические процессы в Ферганской долине. Фергана: ФГУ, 1992; *Авксентьев В.А.* Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. Ставрополь: СГУ, 2001; Узбекистан через пространство и время // Социокультурный альманах. Ташкент, 2010; Цивилизации и культуры Центральной Азии в единстве и многообразии. Самарканд–Ташкент: МИЦАИ, 2010; Этничность и власть в полиэтнических государствах. М.: Наука, 1994; Этнорегиональные модели адаптации к условиям трансформирующегося общества. Постсоветский опыт. М.: «Интер-Принт», 2008; и т.д.

Социальная практика и логика развития научного познания требуют глубокого анализа системы этнополитических процессов и межэтнических отношений. Этнополитические процессы и межэтнические отношения — феномен сложный, неоднозначный, многосторонний. Нами они рассматриваются как особая форма социальных процессов и отношений, специфический объект социального воздействия.

Сочетание в масштабах всего мирового сообщества двух диалектически противоположных тенденций развития этнополитических процессов и межэтнических отношений — дифференциации и интеграции — неоднозначно сказывается на жизни большинства этносов. В ряде регионов мира преобладание тенденции дифференциации приводит к трагическим коллизиям — росту этнической напряженности, углублению проблем и противоречий, перерастанию их в этнополитические конфликты, в т.ч. вооруженные и длительные¹. Для преодоления и предотвращения подобных негативных явлений требуется проведение большой практической работы, фундаментом которой должны служить глубокие и всесторонние научные исследования. Подобные исследования необходимо основывать на тщательном анализе всех объективных и субъективных факторов, с учетом исторического опыта всех передовых стран и народов в области исследования этнических процессов и межэтнических отношений, с учетом региональной и этнической специфики полиэтнического социума. Научная важность темы исследований данного рода обусловлена следующим:

— глобальными изменениями социально-политической действительности и соответственным возрастанием теоретического и практического интереса к проблемам этнополитических процессов и межэтнических отношений;

— той ролью, которую играют этнополитические процессы и межэтнические отношения в развитии полиэтнических государств и обществ;

— недостаточным уровнем категориально-понятийного аппарата современных этнополитических исследований;

¹ *Абдулатипов Р.Г.* Этнополитические конфликты в СНГ: наднациональные механизмы разрешения. М.: Слав. диалог, 1997; *Авксентьев В.А.* Этническая конфликтология. Ставрополь: СГУ, 1996; *Авксентьев В.А.* Демократия: конфликтность и толерантность. Воронеж: ВГУ, 2002; *Аклаев А.Р.* Этнополитическая конфликтология: анализ и менеджмент. М.: Дело, 2005; *Амелин В.Н.* Межнациональные конфликты в республиках Средней Азии. М., 1993; *Анчабадзе Ю.Д.* Полиэтническое общество и конфликт. Тбилиси, 1998; *Чешко С.В.* Распад СССР: этнополитический анализ. 2-е изд. М.: ИЭА РАН, 2000; Этнические и региональные конфликты в Евразии. Кн. 1. Центральная Азия и Кавказ. М.: Весь мир, 1997; и т.д.

— необходимостью создания теоретического фундамента для практической деятельности по преодолению негативных явлений в области этнополитических процессов и межэтнических отношений;

— объективными потребностями социального познания.

Темы регионализма и этноцентризма, региональные и этнополитические исследования чрезвычайно востребованы сегодня в мировой обществоведческой науке. Еще в 1980-е гг. Стейн Роккан отмечал, что события последних десятилетий превратили регионализм и этнонационализм в предмет политической и академической моды в исследованиях индустриальных обществ¹.

Область этнополитических процессов — это генезис этнических, этнонациональных, межэтнических, этнокультурных отношений в системе социально-политических процессов, институтов, влияние этнического и этнонационального фактора на политическую власть, идеи, политико-правовые нормы, отношения власти, деятельности политических учреждений, партий и движений в сфере этнонациональных отношений.

В исследовании этнополитических процессов применяются в основном следующие методы: этнологический, этнографический, социологический, нормативно-ценностный, функциональный, системный, сочетание анализа и синтеза, синтез исторического и логического, моделирование и т.д.

Этнографический уровень — это предмет антропологии, этнографии и этнологии. А социологический, политологический уровни в большей степени становятся предметом этнополитологии. Этническое в ходе активного участия в социально-политических процессах все в большей степени подвергается социализации и политизации. И в этом плане обретает статус этнонационального, или этнической нации. В дальнейшем или в своем становлении, или в содружестве с другими этнонациями она формируется в политическую нацию, нацию-государство (*nation-state*). Все эти уровни следует учитывать и не противопоставлять друг другу.

Исследование этнополитических процессов взяло из сопредельных обществоведческих дисциплин не только ряд концептов и понятий, но и саму методику исследований. Как и в этносоциологических исследованиях используются такие способы получения информации, как опросы населения, контент-анализ прессы, интервью с экспертами и политиками, включенное наблюдение и др. Также используются этнопсихологические методики при определении особенностей этнического сознания и идентичности. Изучение этнополитических

¹ См. Ларсен С.У. Моделирование Европы в логике Роккана // Полис. 1995. № 1. С. 39–40.

процессов невозможно без анализа этнодемографических данных, в частности материалов этнической статистики.

Кроме того, применяются методы исследования, характерные для обществоведческих наук в целом: сравнительно-исторические, системные, сравнительно-институциональные, эмпирические.

Адекватно отражать жизнедеятельность этносов, этнонаций и государства как нации, как более высокий уровень их социализации и политизации — это важнейшие задачи этнополитических исследований. Важно также рассматривать этнические процессы в контексте конкретных социально-политических реалий, адаптации этноса к этим реалиям и политики к этническому многообразию. В этих условиях реализуются :

- познавательные-прогностические функции,
- функции политической социализации этносов,
- этнической адаптации власти и политики.

При этом формируются социально-политические условия деятельности этносов-наций, обретения ими статуса политической нации, соответствующей политической культуры, учет этнонациональной самобытности в социально-политической жизни общества, государства, управление полиэтничностью в обществе, в государстве. Функциональные задачи этнополитических исследований в полиэтничных социумах (к которым относится и Узбекистан) чрезвычайно велики.

Исследование этнополитических процессов опирается на философские, общесоциологические, интегральные, этнологические категории. К таким категориям относятся: этнос; этнонация; нация-государство (nation-state); этнические процессы; этнократия; этнонациональные институты; этнополитические учреждения; этническая политика; полиэтничность государства; полиэтничный социум; права этносов; малочисленные народы; этнические группы; национальные меньшинства; национальное самоопределение; этнополитическая и этнокультурная форма самоопределения личности; этническая идентичность и др.

Классификация этносов-наций зависит от уровня их социализации и политизации, способов и форм социально-политического обустройства в системе властно-управленческих отношений общества, государства в целом. Люди в ходе своего исторического развития и объективно необходимой человеческой солидарности организуются в различные общности. Правомерны ли вообще споры: где кончается этнос и начинается нация? Можно ли называть этносы нациями?¹

¹ *Альтерматт У.* Этнонационализм в Европе. М.: РГГУ, 2000; *Празгаускас А.А.* Этнонационализм, многонациональное государство и процессы глобализации // *Полис.* 1997. № 2. С. 95–105; *Знаменский А.А.* Этнонационализм: основные концепции современной американской социологии // *Социс.* 1992. № 12. С. 118–126; и др.

Следует отметить, что дело не только в научной интерпретации, но и в реальном состоянии. В современном мире имеют место этнические, этнонациональные, национально-государственные общности. Это разные формы существования общностей людей, разные их уровни. Одной из форм таких общностей, которая формируется исторически на базе культуры, языка, характера, и являются в научном определении этносы, нередко называемые народами и нациями¹. В современных условиях активной социализации и политизации этносов эти общности часто называют этнонациями, нациями-этносамы, но обозначая и признавая их более высокий уровень социально-этнического содержания и развития политической организации нации как государства².

Этнические общности исторически всегда играли и продолжают играть большую роль в общественной и политической жизни общества, которые, как мы уже отмечали, в процессе социализации и политизации обретают статус наций-этносов. Надежды на унификацию и исчезновение этносов и тем более наций-этносов, которые высказывались неоднократно историками, политиками, философами, не оправдались. Нации-этносы со многими характеристиками самобытности выжили даже в «плавильных котлах». Они напоминают о себе, особенно там, где о них забывают, пытаются не замечать и/или ассимилировать. Более того, находя различные формы своего социального и политического самоутверждения при малейшем изменении социально-политических условий, нации-этносы обозначают себя через участие в политических и духовных процессах общества и государства, доказывая свою жизнеспособность и устойчивость не только в составе существующих государств, но и вне их. Жизнь доказала, что этносы, нации-этносы являются весьма стабильными и устойчивыми общностями, даже на фоне государств, которые распадаются и исчезают³.

Исторически нация-этнос рассматривается то как идеологема, самодовлеющая над обществом и личностью, то как социально-политическая реальность со своими характеристиками и отношениями, то как стихийное бедствие, разрушающее государство, общество. Практика показывает, что нация-этнос — это исторически апроби-

¹ Празаускас А.А. Этнонационализм, многонациональное государство и процессы глобализации // Политические исследования. 1997. № 2. С. 95–105.

² Солоненко А.А. Этнонации и нации-согражданства: иммиграционный аспект // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 151. Кн. 1. Гуманитарные науки. Казань: КГУ, 2009. С. 168–173.

³ Абдулатипов Р.Г. Нация и национализм: добро и зло в национальном вопросе. М., 1999. С. 5–6.

рованная форма солидарности и сотворчества людей, объединенных для этого в общности с самобытными, свойственными для себя чертами и характеристиками, которые желательно сохранить для культуры и личности.

Понятие «этнос» встречается в литературе с IV–V вв. до н.э. и обозначает (в переводе с древнегреческого) иной народ, «негреческое племя». Но впоследствии это понятие преимущественно стало относиться к этнонациям, для которых характерны: определенный этнотип, этнокультурные и языковые особенности, психологический склад, территориальная и этносферная общность¹.

Для этнонаций эти черты социализированы и политически адаптированы на более высоком уровне:

- микроуровень этнического — племенной, родовой;
- макроуровень этнонациональный — субэтноты;
- мегауровень — суперэтноты, нации как государства.

Можно сказать, что многонациональный народ — это суперэтнос. И важно их не противопоставлять, а показывать, как различные уровни развития этнической общности в ходе ее социального и политического становления.

Этнос — это объективная реальность, которая, по мнению С.М. Широкогорова, является формой развития и существования человечества, «группа людей, говорящая на одном языке, признающая единое происхождение, обладающая комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традиций и отличающих его от таковых других групп»².

В отличие от «классических» наук с относительно длительной историей, изучение этнополитических процессов находится еще в стадии формирования своего предметного поля, уточнения понятийного аппарата, разработки концептов. Пионерами в этой области знания стали американские ученые П. Ван ден Берге, Э. Блэк, М. Паренти, Дж. Ротшильд и др., усилиями которых в 1960–1970-е гг. обозначилось обособление этнополитической проблематики, а для ее исследования стали использоваться методы социологии и психологии. Тогда же предпринимаются первые попытки определения специфики предметного поля формирующейся научной дисциплины.

В частности, исследователь из американского Института изучения политики Майкл Паренти определял предмет исследования

¹ См.: *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. С. 17–19.

² *Широкогоров С.М.* Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений // Избранные работы и материалы. Кн. 1. Владивосток: ДВГУ. С. 5–6.

этнополитических процессов через изучение влияния этнического фактора на политическое поведение людей и сферу политики в целом¹.

Другой известный американский исследователь — профессор социологии Вашингтонского университета Пьер Луи Ван ден Берге — выделял в качестве предметной области этнополитических исследований взаимоотношения государства с этническими общностями и различными этнополитическими институтами: партиями, движениями, общественными организациями и т.д.² Кстати, Энтони Смит называл его «главный представитель социобиологического подхода к этничности и национализму»³.

Поиск места в системе научного знания об обществе затруднен для этнополитических исследований еще и тем, что наряду с этнологией проблематику межнациональных и межэтнических отношений изучают этносоциология (социология этнических отношений), этнопсихология, социальная антропология, этнодемография и ряд других дисциплин (философия, право, экономика). «Характерно, что исследовательское “поле” отдельных этносоциальных наук постоянно пересекается и даже совпадает, и поэтому практически любое исследование этнических явлений неизбежно приобретает междисциплинарный характер»⁴, — пишет этносоциолог З.В. Сикевич.

В исследовании разрабатываемой проблематики нами используются общенаучные методы — анализа и синтеза, восхождения от абстрактного к конкретному, обобщения, абстрагирования, сравнительного анализа, наблюдения, системного подхода. Мы опираемся также на диалектические принципы всеобщей связи, развития, единства теории и практики, единства этнического и общечеловеческого, а также на методологические установки, выдвинутые в современных трудах по этнологии, истории, философии, социологии, политологии, культурологии и т.д.

Изучение современных концепций сущности этнополитических процессов невозможно вне исторического контекста изучения проблем наций, национализма, межнациональных отношений. Для этого требуется обращение к идеям ученых (этнологов, антропологов, философов, политологов, социологов, культурологов), определивших основные направления и противоречия сегодняшних научно-иссле-

¹ Parenti M. Ethnic and Political Attitudes. Arno, 1975.

² Van den Berge P.L. Man in society. A biosocial perspective. N. Y., 1975; Ван ден Берге П. Раса и этничность: социобиологическая перспектива // Вопросы национализма. 2014. № 20. С. 89–99; и т.д.

³ Смит Э. Национализм и модернизм. М., 2004. С. 271.

⁴ Сикевич З.В. Социология и психология национальных отношений. СПб., 1999. С. 5.

довательских поисков. На основании проблемно-хронологического принципа в мировой и отечественной науке нами выделены этапы изучения проблематики, связанной с феноменами этнополитических процессов и межэтнических отношений.

По историческим меркам, явления этнополитических процессов и межэтнических отношений появились не так давно. В современном понимании данные явления возникают в Европе не ранее XVIII века, а в других регионах еще позже. А с конца XIX в. и до настоящего времени ученые и публицисты разных стран пытаются осмыслить и интерпретировать эти два уникальных феномена. Так, в анализируемой зарубежной литературе можно выделить следующие этапы:

1. XIX — 20-е гг. XX в. Начало изучения феноменов «нация» и «национализм» совпало с эпохой революций, появлением основных европейских наций, подъемом национально-освободительных движений. В работах немецких (И.Г. Гердер, И.Г. Фихте, М. Вебер), французских (Ж.-Ж. Руссо, Э. Ренан), английских (Дж.Ст. Милль) и многих других историков, философов, социологов XIX века закладывались основы будущего противопоставления двух доктрин нации — «немецкой» и «французской»¹.

2. 1920–1960-е гг. — период создания национальных государств и осмысления этого процесса в научной литературе. В начале этого периода исследования ведутся в основном в сравнительно-историческом и историографическом плане. Впоследствии изучение национализма как специфического феномена обретает углубленный теоретический характер, постепенно отходя от исторического контекста. Американский историк К. Хайес в сравнительном исследовании «Очерки о национализме»² намечает основные этапы его распространения, выделяя роль начального образования. Работы другого американского профессора Ганса Кона «Идея национализма» и «Национализм: его смысл и история» оказались более influentialными для последующего изучения этнополитической проблематики, в них были выделены и обоснованы западный (рациональный)

¹ Гердер И.Г. Идеи философии к истории человечества. М.: Наука, 1977; Фихте И.Г. Несколько лекций о назначении ученого; Назначение человека; Основные черты современной эпохи / пер. с нем. М.: Попурри, 1997; Милль Дж.Ст. Размышления о представительном правлении. СПб., 1896; Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. М.: Канон-Пресс-Ц, 1998; Ренан Э. Что такое нация. СПб., 1886; Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994.

² Hayes C. Essays of Nationalism. N.Y.: The Macmillan Company, 1941.

и восточный (иррациональный) типы национализма¹. В своей книге «Национализм и социальная коммуникация» Карл Дойч исследовал вопрос распространения и воспроизводства идеологии национализма и пришел к выводу, что только возникающая в современном мире система коммуникаций может привести к созданию гомогенного культурного общества, а впоследствии и нации².

3. Период 1960–1970-х гг. характеризуется смещением интереса исследователей к политическим аспектам национализма. Основные темы работ Ч. Тилли, Дж. Поджи, М. Манна, Х. Арендт — установление суверенитета государств над своими территориями и подданными, роль войн, военной мобилизации, преобразование форм контроля над обществом со стороны государства, судьбы национальных меньшинств, проблемы настоящего и будущего национального государства, сущность межэтнических отношений как фактора стабильности полиэтнического общества³.

4. С 1980-х гг. изучение этнополитических процессов и межэтнических отношений проходит под влиянием сразу нескольких работ, существенно определивших дальнейшие теоретические разработки данных понятий — «Нации и национализм» Э. Геллнера, «Воображаемые сообщества» Б. Андерсона, сборник статей под редакцией Э. Хобсбаума и Т. Рэйнджера «Изобретение традиции»⁴. Перечисленные произведения кардинально изменили ситуацию в исследованиях этнополитических процессов и межэтнических отношений. С тех пор эти два взаимосвязанных феномена интерпретируются как многоплановые исторические явления, представленные в многообразии духовных и практических воплощений. Этнополитические процессы рассматриваются как фактор развития межэтнических отношений, а стабильность межэтнических отношений — как цель этнополитического управления.

¹ *Kohn H.* The Idea of Nationalism: A Study of its Origins and Background. N.Y.: The Macmillan Company, 1944; *Kohn H.* Nationalism. Its Meaning and History. N.Y.: Krieger Publishing Company, 1982.

² *Deutsch K.* Nationalism and Social Communication: An Inquiry into the Foundations of Nationality. Cambridge: The MIT Press, 1966.

³ *Tilly Ch.* The Formation of National States in Western Europe. Princeton, 1975; *Poggy G.* The Development of the Modern State. London, 1978; *Манн М.* Нации-государства в Европе и на других континентах: разнообразие форм, развитие, неугасание // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002; *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996.

⁴ *Gellner E.* Nations and Nationalism. Oxford: Blackwell Publishing Ltd., 1983; *Anderson B.* Imagined communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. L.: Verso, 1983; *Hobsbawm E., Ranger T. (ed.).* The Invention of Tradition. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

Эти идеи были использованы, развиты, подвергнуты критике в 1980–1990-е гг. в исследованиях Дж. Бройи, Р. Брубэйкера, Э. Балибара, Х. Бхабха, К. Вердери, Л. Гринфельд, И. Валлерстайна, М. Хроча, П. Чаттерджи, Т. Эриксона¹. Этот этап характеризуется тем, что свой вклад в исследования наций, национализма, этнополитических процессов вносят различные дисциплины: социология, политология, социальная и культурная антропология. На большом историческом материале ученые-эксперты всесторонне рассмотрели условия и факторы возникновения наций и национализма в Европе, предложили свои варианты классификации этнополитических процессов. В вопросе о сущности этнополитических процессов и факторах их развития у них не было единодушия, что повлекло за собой долговременную научную дискуссию о феномене этнополитики и определило формирование нескольких концептуальных подходов в её исследовании.

В настоящее время эти авторы продолжают работать над этнополитической проблематикой, развивая и дополняя свои предыдущие концепции и выводы. Так, 2000-е гг. пополнили ряд исследований работами Р. Брубэйкера «Этничность без групп», Ч. Ганса «Пределы национализма», П.У. Джэймса «Глобализация, Национализм, Трейбализм: теоретический экскурс», Дж. Деланти и К. Кумара «Мудрое руководство по нациям и национализму», Г. Дэя и А. Томпсона «Теоретизируя национализм: дискуссии и темы социальной теории», Дж. Хёрна «Переосмысливая национализм», К. Калхуна «Нации имеют значение»² и другими. Исследователи предлагают новый, более комплексный взгляд на феномены этнополитических процессов и межэтнических отношений в их взаимосвязи с такими явлениями, как культура, этничность, глобализация.

¹ Бройи Дж. *Нация и государство*. М., 1992; Brubaker R. *Citizenship and Nationhood in France and Germany*. Cambridge, 1992; Балибар Э., Валлерстайн И. *Раса, Нация, Класс*. М.: Лого, 2004; Bhabha H.K. *Nation and Narration*. L.: Routledge, 1990; Вердери К. *Куда идут «нация» и «национализм»? // Нации и национализм*. М.: Праксис, 2002; Greenfield L. *Nationalism: Five Roads to Modernity*. UK: Harvard University Press, 1992; Hroch M. *Social Preconditions of National Revival in Europe*. Cambridge, 1985; Chatterjee P. *Nationalist Thought and the Colonial World: A Derivative Discourse?* — Delhi: Oxford University Press, 1986; Чаттерджи П. *Воображаемые сообщества. Кто их воображает? // Нации и национализм*. М., 2002; Eriksen T.H. *Ethnicity and Nationalism: Anthropological Perspectives*. L.: Pluto Press, 1993.

² Brubaker R. *Ethnicity without Groups*. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004; Gans Ch. *Limits of nationalism*. Cambridge, 2003; James P.W. *Globalism, Nationalism, Tribalism: Bringing Theory Back In*. L., 2006; Delanty G., Kumar K. *The SAGE Handbook of Nations and Nationalism*. L., 2006; Day G., Thompson A. *Theorizing Nationalism: Debates and Issues in Social Theory*. L.: Palgrave Macmillan, 2005; Hearn J. *Rethinking Nationalism: Critical Introduction*. L.: Palgrave Macmillan, 2006; Calhoun C. *Nations matter: Culture, History and Cosmopolitan dream*. N.Y., 2007.

Анализом и типологизацией наследия теоретической этнополитологии в западной науке занимается Э.Д. Смит. В книге «Национализм и модернизм. Критический обзор теорий современных наций и национализма»¹ исследователь подробно излагает концепции национализма, критикуя модернистские теории, к которым он причисляет практически все разработки, не основанные на перенняльном (примордиалистском) подходе к национальному. В обобщающих работах Дж.Холла, Л.У. Баррингтона, К. Калхуна, также представлены оригинальные классификации наиболее заметных теоретических концепций².

Этнографические и этнологические исследования в Узбекистане

История этнополитических процессов и межэтнических отношений в Узбекистане как научно-исследовательская проблема в историографии разрабатывалась, как правило, в плане изучения общего процесса развития исторической науки.

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. наблюдается резкий всплеск научного и практического интереса — выходит в свет целый ряд работ, посвященных тем или иным аспектам этнической проблематики:

- общие вопросы (Г.А. Хидоятов и др.)³;
- историко-этнографические аспекты⁴;
- культурно-духовные аспекты проблемы (С.А. Атамуратов, С.И. Гитлин и К.Р. Расулов, С.С. Губаева, М.Н. Нишанов, Г.Ш. Ширматова)⁵;

¹ *Смит Э.* Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма / пер. с англ. М.: Праксис, 2004.

² *Hall J.* Nationalisms, Classified and Explained// Nations of Nationalism. Budapest, 1995; *Barrington L.W.* Nation and Nationalism: The Misuse of Key Concepts in Political Science // Political Science and Politics. 1997. December. P. 712–716; *Calhoon C.* Nations Matter. N.Y., 2007.

³ *Хидоятов Г.А.* Национальный вопрос в СССР. Ташкент: ТашГУ, 1991; Актуальные проблемы развития национальных отношений в СССР. Ташкент: ТашГУ, 1989.

⁴ Материалы к этнической истории населения Средней Азии. Ташкент: Фан, 1986; История Узбекистана в источниках. Известия путешественников, географов и ученых XVI — первой половины XIX в. / сост. Б.В. Лунин. Т.: Фан, 1988; История Узбекистана в источниках. Узбекистан в сообщениях путешественников и ученых (20–80-е годы XIX в.) / сост. Б.В. Лунин. Ташкент: Фан, 1990.

⁵ *Атамуратов С.А.* Национальное самосознание и интернациональное воспитание. Ташкент, 1991; *Гитлин С.И., Расулов К.Р.* Отстоять интернациональное единство. Интернациональное воспитание: опыт, проблемы. Ташкент: Узбекистан, 1991; *Губаева С.С.* Население Ферганской долины в кон. XIX — нач. XX в. (Этнокультурные процессы). Ташкент: Фан, 1991; *Нишанов М.Н.* Обновление духовной жизни наций. Ташкент, 1992; *Ширматова Г.Ш.* Взаимодействие национальных культур и духовное формирование личности. Ташкент, 1986.

- этносоциальные аспекты (В.В. Коротеева)¹;
- аспекты изучения диаспор (М.Д. Савуров)²;
- этнолингвистические аспекты (К.Х. Ханазаров, С.Ш. Шермухамедов, Р.Р. Назаров)³;
- политико-правовые аспекты (Ш.З. Уразаев, И.К. Фазылходжаева)⁴;
- этноконфессиональные аспекты (И.А. Макатов)⁵.

В монографии С.И. Гитлина и К.Р. Расулова на основе большого фактического материала, с новых позиций рассматриваются национальная политика, сложность и противоречивость пути выхода из кризиса, обобщается опыт по интернациональному воспитанию в условиях политизации масс, распада Союза, обретения Республикой Узбекистан своей независимости⁶.

Определенный научный интерес вызывают сборники статей «Земля у нас одна» и «Межнациональные отношения современности»⁷, в которых затрагиваются острые, актуальные проблемы межнациональных отношений, создания национально-культурных центров, изучения культурного наследия, внедрения новых традиций и обрядов, а также охарактеризовано общее состояние этнических процессов и межэтнических отношений в Узбекистане накануне обретения независимости.

В 1995 г. вышла книга С.А. Абрарова «Межнациональные отношения в Узбекистане: 1917 — июнь 1941 гг.», в которой автор, ссылаясь на оригинальные архивные материалы даёт характеристику этнической политики советской власти в Туркестане (1917–1924 гг.) и Узбекистане (1924–1941 гг.), раскрывает её влияние на характер межнациональных отношений во всех регионах республики⁸.

¹ *Коротеева В.В.* Этносоциальные аспекты рождаемости у населения многонациональных городов (на примере Ташкента) // ЭО. 1986. № 6; *Она же.* Этносоциальные аспекты рождаемости у населения крупного многонационального города (по материалам Ташкента и Тбилиси). Автореф. дисс. ... к.и.н. М.: ИЭ, 1987.

² *Савуров М.Д.* Современные этнические процессы у национальных групп Узбекистана: Автореф. дисс. ... к.и.н. Л.: ЛОИЭ, 1986.

³ *Хоназаров К.Х.* Тил ва дил. Тошкент, 1991; *Шермухамедов С.Ш.* На языке единства. Ташкент, 1991; *Назаров Р.Р.* Считаться с реальностью. Обсуждаем Проект Закона о языках // Сельская правда. 1989. 11 августа.

⁴ *Уразаев Ш.З.* Государственно-правовые аспекты национальных отношений Ташкент, 1989; *Фозилхужаева И.К.* Миллатларо муносабатлари тартибга солиш (давлат-хукукий аспектлари асосида). Тошкент, 1991.

⁵ *Макатов И.А.* Отождествление религии и национальной культуры: за и против. Ташкент, 1989

⁶ *Гитлин С.И., Расулов К.Р.* Отстоять интернациональное единство. Интернациональное воспитание: опыт, проблемы. Ташкент: Узбекистан, 1991.

⁷ *Земля у нас одна.* Ташкент: Узбекистан, 1991; *Межнациональные отношения современности.* Ташкент: Фан, 1991.

⁸ *Абраров С.А.* Межнациональные отношения в Узбекистане: 1917 — июнь 1941 гг. Ташкент: Фан, 1995.

Особенности этнодемографических процессов в Ферганской долине были проанализированы в свое время таким исследователем, как С.С. Губаева¹, которая ранее работала в Узбекистане, а затем — в Москве. Специфику этносоциальных и этнополитических процессов в регионе исследовал д.и.н., проф. Ш.М. Абдуллаев². Также различные аспекты этнических процессов и межэтнических отношений в этом сложном во многих отношениях регионе изучали У.С. Абдуллаев³ и др.

Ш.М. Абдуллаев комплексно проанализировал противоречия в динамике этносоциальных и этнополитических процессов в Ферганской долине в условиях 1970–1980-х гг., обусловленных порочной в своей основе советской национальной политикой, осветил причины вызревания трагических Ферганских событий 1989 года⁴.

Д.Б. Бабаджанова существенно углубила данное направление исторического познания. Исходя из новых методологических позиций, она рассмотрела социально-экономические аспекты межнациональных отношений в указанный период на общереспубликанском уровне. Ей удалось из критически обобщенного опыта дать системную характеристику определившихся проблем в национальной сфере к моменту обретения Узбекистаном независимости⁵.

М.А. Бабаходжаев описал процессы формирования концепции национальной политики суверенного Узбекистана, послужившей идеологической основой выхода из сложившейся кризисной ситуации, обеспечения межнационального согласия и гражданского мира в стране⁶.

¹ Губаева С.С. Этнический состав населения Ферганы в кон. XIX — нач. XX в. Ташкент: Фан, 1983; Губаева С.С. Население Ферганской долины в кон. XIX — начале XX в. (Этнокультурные процессы). Ташкент: Фан, 1991; Губаева С.С. Уйгуры и дунгане Ферганской долины // Современное развитие этнических групп Средней Азии и Казахстана. М., 1992. Ч. 2. С. 121–148.

² Абдуллаев Ш.М. Современные этносоциальные и этнополитические процессы в Ферганской долине. Фергана: ФГУ, 1992; Абдуллаев Ш.М. Этносоциальные и этнополитические процессы в Ферганской долине (Основные проблемы, тенденции и противоречия, 70–80-е годы XX века): Дисс. ... д.и.н. Ташкент: ИИ АН РУз, 1994.

³ Абдуллаев У.С. Традиционные и современные межэтнические связи в сельской местности Ферганской долины: Дисс. ... к.и.н. Ташкент: ИИ АН РУз, 1991; Он же. Межэтнические процессы в Ферганской долине: Автореф. дисс. ... д.и.н. Ташкент: ИИ АН РУз, 2006; Он же. Отражение межэтнических связей в материальной культуре народов Ферганской долины в конце XIX — начале XX в. // Узбекистон тарихи. 1999. № 4. С. 62–69 и т.д.

⁴ Абдуллаев Ш.М. Этносоциальные и этнополитические процессы в Ферганской долине (Основные проблемы, тенденции и противоречия, 70–80-е годы XX века).

⁵ Бабаджанова Д.Б. Социально-экономические аспекты межнациональных отношений в Узбекистане (70- середина 80-х гг.). Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Ташкент, 1997.

⁶ Бабаходжаев М.А. Республика Узбекистан: Очерки межнациональных и межконфессиональных отношений, внешнеэкономических связей. Ташкент, 1995.

В 2001 г. вышла монография академика К.Ш. Шаниязова «Процесс формирования узбекского народа», являющаяся итогом многолетней работы ученого. В монографии раскрываются основные этапы этногенеза и этнической истории узбеков¹.

Ферганские события 1989 г. были проанализированы в ряде публикаций узбекских (Абдуллаев Ш.М., Назаров Р.Р., Бозоров О.Б., Зиямов Ш. и др.)², российских (Лурье М. и Студеникин П., Панеш Э.Х. и Ермолов Л.Б., Осипов А.Г. и др.)³, азербайджанских (Гаджылы А., Юнусов А. и др.)⁴, грузинских (Бараташвили М. и др.)⁵, кыргызстанских (Рафатов М.Р. и др.)⁶ исследователей. Ошские события 1990 г. исследовали также многие специалисты.

Повышенный интерес к проблематике этнополитических процессов и межэтнических отношений привел к тому, что учеными Узбекистана был защищен целый ряд докторских и кандидатских диссертаций по данным вопросам (Ш.М. Абдуллаев, У.С. Абдуллаев, Ш.К. Алимов, А.С. Ачилдиев, Д.Б. Бабаджанова, М.Х. Ганиева, С.С. Губаева, А.Х. Дониёров, А.Г. Муминов, Н.А. Назаров, Р.Р. Назаров, А.Х. Пулатов, К.Р. Расулов, Ш.А. Хайитов, А.М. Юнусов⁷ и др.).

¹ Шониёзов К.Ш. Ўзбек халкининг шаклланиш жараёни. Тошкент: Шарк, 2001. 464 с.

² Абдуллаев Ш.М. Ферганские события и «этнический парадокс» современности // Звезда Востока. 1991. № 6. С. 132–136; Назаров Р.Р. Ферганский межэтнический конфликт 1989 года: предпосылки, ход, последствия // Международный журнал «Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ». М.: Наука, 2013. С. 281–292; Бозоров О. 1989 йилдаги Фаргона фожиаси: унинг сабаб ва оқибатлари. Тошкент: Фан, 2010.

³ Лурье М., Студеникин П. Запахи гари и горя. Фергана, тревожный июнь 1989-го. М.: Книга, 1990; Панеш Э.Х., Ермолов Л.Б. Турки-месхетинцы: Анализ ферганского конфликта и современной этнополитической ситуации // Материалы полевых этнографических исследований, 1988–1989 гг. СПб., 1992. С. 34–46; Осипов А.Г. Ферганские события 1989 года (конструирование этнического конфликта) // Ферганская долина: этничность, этнические процессы, этнические конфликты. М.: Наука, 2004. С. 164–223;

⁴ Гаджылы А. На чужбине (этническая культура месхетинских турок). Баку, 1992; Юнусов А. Месхетинские турки: дважды депортированный народ. Баку: Заман, 2000.

⁵ Бараташвили М. Правовое положение месхов — репатриантов в Грузии. Тбилиси, 1998.

⁶ Рафатов М.Р. Месхетия и месхи. Бишкек, 1996

⁷ Абдуллаев Ш.М. Этносоциальные и этнополитические процессы в Ферганской долине (Основные проблемы, тенденции и противоречия, 70–80-е годы XX века); Абдуллаев У.С. Межэтнические процессы в Ферганской долине (XIX — начало XX века); Алимов Ш.К. Изучение национальной политики в исторической литературе Узбекистана (20–30-е годы). Автореф. дисс. ... к.и.н. Т.: ТашГУ, 1994; Ачилдиев А.С. Миллий истиклол гоёси — миллатлараро муносабатларни такомиллаштириш омили: Автореф. дисс. ... д.ф.н. Тошкент: ИФП АН РУз, 2004; Бабаджанова Д.Б. Социально-экономические аспекты межнациональных отношений в Узбекистане (70-е — середина 80-х гг.): Автореф. дисс. ... д.и.н. Ташкент: ИИ АН РУз, 1997; Ганиева М.Х. Общественное мнение как фактор развития межнациональных отношений в Узбекистане: Автореф. дисс. ... д.с.н. Т.: НУУз, 2009; Губаева С.С. Основные направления этнических процессов в Ферганской долине в конце XIX — начале XX в.: Автореф. дисс. ... д.и.н. М.: ИЭА РАН, 1992; Дониёров А.Х.

В последние годы учеными Института истории Академии наук Республики Узбекистан издан целый ряд серьезных публикаций, посвященных различным аспектам этнических, этнополитических, этносоциальных процессов¹.

Подводя некоторые итоги краткого методологического анализа, можно заключить, что к настоящему времени уже заложены необходимые основы исследования многогранного опыта Республики Узбекистан по гармонизации межнациональных отношений как важнейшего направления национальной политики суверенного Узбекистана, приоритетного условия обеспечения социально-политической стабильности общества. Вместе с тем в объемном изучении глобальной темы сделаны только первые шаги.

В завершение краткого обзора проблематики этнополитических процессов и межэтнических отношений сделаны следующие выводы:

1. Современный массив литературы об этнополитических процессах и межэтнических отношениях представляет собой сложное переплетение различных типов дискурса — логически оформленных систем аргументации, выстроенных, с одной стороны, в зави-

Этнографические исследования в Узбекистане в XX веке: основные этапы, проблемы, перспективы развития. Дисс. ... д.и.н. Ташкент: ИИ АН РУз, 2003; *Муминов А.Г.* Национальная политика независимого Узбекистана и пути её реализации в духовно-культурной сфере (теория и практика): Автореф. дисс. ... д.п.н. Ташкент: АГОС, 1999; *Назаров Н.А.* Жамиятда миллий-этник жараёнлар ривожининг сиёсий-фалсафий тахлили: Автореферат дисс. ... докт. полит. наук. Тошкент: АГОС, 2005; *Назаров Р.Р.* Национальные отношения как объект социально-политического управления: Автореф. дисс. ... к.ф.н. Ташкент: ТашГУ, 1995; *Пулатов А.Х.* Этносоциальные отношения в Центральной Азии: теория, проблемы, пути решения: Дисс. д.филос. н. Ташкент: ИФП АН РУз, 2003; *Расулов К.Р.* Обеспечение межнационального согласия и мира в Узбекистане во второй половине 80-х — начале 90-х годов: Автореф. дисс. ... к.и.н. Андижан: АГУ, 1993; *Хайитов Ш.А.* История узбекской эмиграции XX века: Автореф. дисс. ... д.и.н. Ташкент: ИИ АН РУз, 2009; *Юнусов А.М.* Демократизация общества и взаимодействие национального и общечеловеческого в развитии духовных ценностей: Автореф. дисс. ... д.ф.н. Ташкент: ИФП, 1995; и др.

¹ *Назаров Р.Р.* Полиэтнический социум Узбекистана (историко-социологический аспект). Ташкент: Ижтимоий фикр, 2013; *Назаров Р.Р.* Этнополитические процессы и межэтнические отношения в Республике Узбекистан (конец XX — начало XXI в.). Ташкент: ИИ АН РУз, 2015; Стратификационные процессы общества Узбекистана в контексте исторических процессов. Ташкент: Навруз, 2014; Теоретико-методологические проблемы этнологии Узбекистана. Ташкент: Навруз, 2014; *Узбеки / отв. ред. З.Х. Арифханова, С.Н. Абашин, Д.А. Алимова.* ИИЭ РАН, Ин-т истории АН РУз. М.: Наука, 2011; *Узбекистан — многонациональная дружная семья.* Ташкент: Узбекистон, 2014; *Цивилизации и культуры Центральной Азии в единстве и многообразии.* Самарканд–Ташкент: МИЦАИ, 2010; *Этнокультурные процессы в современном полиэтническом городе (на материалах Ташкента).* Ташкент: ИИ АН РУз, 2011; *Этнос и культура: традиционность и современность / Ethnos and Culture: Traditions and Modernity.* Ташкент: Фан, 2010; *South and Central Asia. Insights and Commentaries.* New Delhi, Knowledge World, 2015; и др.

симости от предпочтений, отдаваемых одному из методологических подходов, а с другой — по дисциплинарным, междисциплинарным и общенаучным нормативным образцам исследования истории человечества, в теоретических контекстах которых «этнополитические процессы» и «межэтнические отношения» истолковываются различным образом.

2. В современном научно-теоретическом дискурсе об этнополитических процессах и межэтнических отношениях исследования проходят в рамках следующих методологических подходов: примордиализма, конструктивизма, инструментализма, функционализма, модернизма. Во многих работах эти подходы совмещаются или пересекаются, увеличивая методологический плюрализм этнополитологического дискурса. Выход заключается в ситуационном, системном подходе, когда категории «этнополитические процессы» и «межэтнические отношения» рассматриваются в истории и науке как изменчивые процессы, в изучении которых нужно опираться на различные методологические трактовки, подходящие конкретно под эти ситуации, а также соотнесение с такими явлениями, как идентичность, нация, государство, глобализация.

3. В сущности, каждая из крупных методологических парадигм в данной области внесла свой вклад, способствовавший улучшению понимания динамики развития этнополитических процессов и межэтнических отношений. В частности, актуальность примордиализма объясняется его определением национализма через указание на этнические корни и культурную основу последнего. Конструктивизм убедительно обосновал социально-экономические основы зарождения этнических общностей, а также приоритетную роль государства в формировании этнополитических процессов. В рамках конструктивизма и инструментализма заслуживает внимания положение ученых о том, что этнополитика, как определенная идея и способ конструирования социальной реальности, в которой мы существуем, может иметь разные теоретические и методологические формулировки.

4. К настоящему времени заложены необходимые теоретические и методологические основы исследования многогранного опыта Республики Узбекистан по гармонизации межнациональных отношений как важнейшего направления национальной политики суверенного Узбекистана, приоритетного условия обеспечения социально-политической стабильности общества. Вместе с тем в объемном изучении глобальной темы сделаны только первые шаги. Существует широкий диапазон вопросов, которые ещё практически не рассматривались. Накопленные по данному направлению обществоведчес-

кой мысли знания носят преимущественно фрагментарный характер, отличаются аморфностью и внесистемностью. Отечественная историография до последнего времени не обладает ни одной обобщающей работой, в которой был бы комплексно рассмотрен новаторский опыт гармонизации межнациональных отношений, аккумулированный за годы независимости в Республике Узбекистан. Поэтому, учитывая актуальность и высокую общественную значимость проблемы, её следует рассматривать в качестве перспективного объекта специального изучения.

5. Этнический состав населения Узбекистана на протяжении длительного времени менялся в сторону все большего увеличения числа представителей различных этносов. Многонациональная культура Узбекистана имеет значительные объективные предпосылки для поступательного и динамичного развития. Существуют две основные тенденции в развитии этнических культур: тенденция к самостоятельному этнокультурному развитию и тенденция к межкультурной интеграции. Только на первый взгляд эти тенденции противоположны. Чем выше уровень интеграции, тем богаче содержание каждой из участвующих в ней культур. А чем богаче данное содержание — тем сильнее тяга к взаимодействию.

6. В Узбекистане, как полиэтническом государстве, велики роль и значение диаспор, с чем приходится постоянно считаться, создавая соответствующие координирующие органы. В Узбекистане таким органом является Комитет по межнациональным отношениям и дружественным связям с зарубежными странами при Кабинете Министров Республики. Руководством государства активно используются ресурсы, которые дает этническая близость между диаспорами и зарубежными государствами. С другой стороны, наличие узбекских диаспор в различных странах (в частности, в России) также способствует укреплению связей. И эти аспекты нуждаются в своей теоретико-методологической проработке.

7. Современные проблемы, противоречия и конфликты в сфере национальных отношений являются сложной и специфической частью социальной реальности. Недооценка их чревата серьёзными последствиями для общественного развития, безопасности социума, а это требует тщательного и всестороннего анализа и обобщения полученных данных: раскрытия причин, порождающих проблемы, противоречия и национальные конфликты, механизма протекания, поисков вариантов решения и возможностей управления ситуациями и их возможных социальных последствий.

8. Узбекистан является не только полиэтническим, но и поликонфессиональным государством. Вопрос межконфессиональных отно-

шений во многом предопределяет стабильность общества и устойчивость его развития, т.к. внедрение в жизнь политики государства во многом зависит от ее поддержки различными конфессиями.

9. В целом этнополитика Республики Узбекистан имеет достаточные теоретические, историко-демографические, правовые, культурные, методологические основания для своего дальнейшего развития и совершенствования в условиях системной трансформации социума, демократизации, модернизации и обновления, развития правового государства и гражданского общества.

И.А. ФУКАЛОВ

ВЛИЯНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ КЫРГЫЗСТАНА И КАЗАХСТАНА

Как известно, на длительном историческом этапе развития жизнедеятельность киргизского и казахского народов разворачивается в условиях кочевой цивилизации. И это естественным образом накладывает свой отпечаток на способе «присвоения» воли человека. Доминирующим механизмом, обеспечивающим решение этой задачи, оказывается определенный характер взаимозависимости «коллективного и индивидуального начал» общественной жизни в кочевом мире. Здесь доминирующую роль играет смешанный, переходный «парохиально-подданнический», или, иначе, «патриархально-подданнический» тип политической культуры. Между тем общества кочевников Евразии были в основном бесписьменными, поэтому на первый план в них выдвигались устные способы передачи и хранения информации. В условиях господства патриархальной психологии общественное мнение в Степи ориентировалось на ценности прошлого, на «завещанные предками» порядки. А о порядках этих, т.е. о принципах социальной регламентации, узнавали, очевидно, из двух главных источников — норм обычного права, жестко регулировавшего повседневную жизнь, и из сказаний о легендарных предках-героях, служивших примером для подражания, — другими словами, из героического эпоса как основы мирознания и становления младшего поколения носителей института власти. Процессы социальной интеграции и властного доминирования имели в кочевом обществе сложную многоуровневую природу. Была создана такая государственная идеология, которая

гармонично влилась в существующий мировоззренческий императив. В учёт необходимо брать и то, что у кочевников уже существовало определенное понимание верховной власти, существенным выражением которой был культ вождя, сакральный характер власти, культ родовых и племенных предков. Дальнейший генезис института власти, появление его государственной формы потребовало идеологического оформления. Появилась настоятельная потребность интерпретации культа предков как государственного. В то же время в сложный период предшествующих двух веков у киргизов не сложилось института верховной власти как сакрально-легитимного в полном значении данного слова¹. Надо сказать, что выборный верховный правитель киргизов, не располагавший значительной и постоянной военной силой (кроме личной дружины «кырк джигит» — буквально «сорок молодых»), фактически не имел реальной власти над главными биями племен. Поэтому он довольствовался формальным признанием его роли как верховного правителя киргизов, не имеющего права вмешиваться во внутреннюю жизнь племен, родов и их подразделений. Таким образом, при внешней видимости некоего централизованного управления страна в описываемое время фактически была политически раздробленной. Причем в родо-племенных группах господствовали наряду с феодальными и патриархальными отношениями, которые «тормозили общественное развитие, препятствовали государственному объединению киргизов». Из-за раздробленности и политической неустойчивости Кыргызстан часто становился объектом захватнических нападений более сильных соседних государств. Владелец «кута» мог регулировать жизнь социума, не дав ему погибнуть, «кут» может быть не сохранен правителем, если народ отказывал ему в поддержке. Наличие харизмы/кута у хана было тождественно обладанию политической властью или её потере. В традиционной тюркской культуре понятие «кут» использовалось не только для обозначения сакральной субстанции. Термин «кут» выражал идею благодати, которая была важна для стабильного существования индивида, воина, семьи, рода, государства в пространственно-историческом времени. Социальное происхождение харизмы правителя было основано на представлении о проекции сакральной субстанции (жизненной силы) всех членов социума в «кут» правителя, вследствие чего она приобретала максимальную силу². Благодаря своей харизме верховный правитель мог выполнять свои политические и социальные функции в масштабах, не доступных другим лидерам. Конкретным проявлением «кут»

¹ Бартольд В.В. Киргизы: Исторический очерк // Соч. Т. II. Ч. 1. М.: Наука, 1963. С. 28.

² Масанов Н. Кочевая цивилизация казахов. Алматы, 1995. С. 213.

был удачный поход, большое количество дани, укрепление и расцвет политического престижа страны, стабильная социально-экономическая ситуация в государстве. Мировоззренческие представления тюркских народностей послужили объективной основой для формирования государственно-политической идеологии. Воззрения на верховную власть были обусловлены необходимостью в потребности общественного организма в сохранении своей целостности. Они могли вырабатываться под влиянием существующих ценностных установок потестарно-политической культуры общества и не выходить за рамки традиционных норм. Ссылка на божественное покровительство была способом закрепления места и предназначения верховной власти в картине мира тюркского общества. Эта идея стала частью их потестарно-политической системы. В условиях создания государственности, «тенгрианство» сыграло в определенной мере интегрирующую роль в тюркском обществе и послужило источником как социокультурного, так и политического единства. Сама процедура провозглашения хана служила одновременно напоминанием о возможности его низвержения. Хана избирали почетные представители родов, которые поднимали его на белой кошме. Потом эту кошму или одежду хана, разрезали на мелкие части, и каждый забирал себе по куску в знак своего участия в избрании хана. После этого они расходились по домам, расхватав весь ханский скот. Этот акт назывался «хан-таламай» (буквально: ограбление хана) и означал, что избранный хан теперь скота своего не имеет и переходит на содержание народа. После этого представители родов пригоняли для хана новое поголовье скота из стад и табунов народа, которое, возможно, значительно превышало количество былого. Если действующий хан не устраивал общество, то он отстранялся от власти. Причиной устранения могли быть тенденции к узурпации власти, нарушение прав общества, отдельных его членов или групп. Демократизм, направленный на ограничение власти ханов, на деле означал не только подавление монархических тенденций, но и сохранение кочевой цивилизации, образа жизни. При этом вовсе не обязательно было вести так называемую классовую борьбу. Хану достаточно было послушать акынов, биев или батыров, а то и простого кочевника, который мог высказать в адрес хана все, что о нем думает, и принять соответствующие меры. Если хан не понимал или не хотел понять то, что до него пытались довести, то срок его правления был весьма короток. В нынешней «переходной» политической культуре сталкиваются ценностные системы прошлого, настоящего и будущего. Представляется, что здесь пришли в жесткое соприкосновение два узловых стержня, вокруг которых вращается вся ментальная атмосфера народной жизни. Это принципы «коллективности и индивиду-

альности», организующие, с одной стороны, сферу традиционного, а с другой — современного образа жизни. Налицо ментальная коллизия между коллективистской и индивидуалистическими ориентациями человеческого сознания и поведения. И создается впечатление невозможности их совмещения в единой плоскости жизненных реалий. Разумеется, с древнейших времен до наших дней общество, институты, составляющие его звенья, были призваны гармонизировать отношения людей, не дать возможности противоборству непримиримых сил выйти за приемлемые пределы и приобрести разрушительный характер. Но гармония, вековая мечта мыслителей, оказывалась недостижимым идеалом. Каждая эпоха думала, что достижение гармонии не за горами. Стоит найти верные пути решения кардинальных ныне проблем, ставших «камнем преткновения», основной причиной неурядиц, столкновений, противоречий и конфликтов, как сразу же откроется прямая столбовая дорога. Но жизнь преподносит новые, еще более сложные проблемы.

Исторически поиски «идеала» управленческого механизма приводили к четко очерченным трем крайностям. Во-первых, это так называемый «деспотизм коллектива». Во-вторых, это «деспотизм государства». В-третьих, это «деспотизм личности»¹. Система власти в каждом из отмеченных здесь типов «деспотического правления» институционализируется, т.е. устанавливается, обретает черты легитимности (законности) посредством определенного регулирующего механизма или соответствующего конкретным жизненным условиям рычага. Как отмечал еще в XIX столетии М. Вебер, власть становится законной, иначе говоря, получает признанное «правооснование управлять», исходя из трех способов: во-первых, благодаря закрепившейся традиции, т.е. политической культуре сознания и поведения людей, полагающей власть законной в силу привычки, обычая; во-вторых, благодаря рационально-правовым нормам, согласно которым персонам, стоящим у власти, повинуются в силу признания законов, в соответствии с правилами которых они пришли к кормилу правления и отправляют свои функции; в-третьих, благодаря харизматическому ореолу, сложившемуся в отношении персоны лидера, которому приписываются великие личные достоинства². По замечанию М. Вебера, институционализация образует властное пространство, в котором поведение людей организуется в соответствии со сложившейся и укрепившейся системой интернализированных в сознании

¹ Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М., 1997. С. 78.

² From Max Weber: Essays in Sociology. N.-Y.—Oxford University Press, 1946. P. 78.

людей норм и ценностей¹. На долгом историческом этапе развития харизматический ореол вокруг персоны руководителя создавался в результате обожествления. Так было, когда речь шла о религиозном пророке. Таким же образом возвеличивалась персона египетского фараона, вавилонского и персидского царя, китайского императора. Власть принадлежит законно тому или иному конкретному лицу, потому что она дарована ему богом (богами)². Специфическим феноменом в таком ряду является обретение легитимной власти в кочевом мире. Чтобы стать вождем в кочевом обществе, нужно было обладать недюжинными способностями и одновременно окружить себя харизматическим ореолом. Этнополитическая культура «патриархально-феодального принуждения» человека являлась своеобразным способом выживания в жесткой геополитической среде и сохранения народом своей цивилизационной целостности. В жизнедеятельности кочевых этносов в силу складывающихся, очень часто экстремальных, ситуаций, когда постоянно вставал вопрос о приспособлении к тяжелейшим природным условиям существования, общие интересы геополитического выживания и цивилизационной адаптации народа оказывались первостепенными, нежели удовлетворение специфических интересов родо-племенной знати. Процесс институционализации порождает зачастую не просто устойчивость, но в решающей мере укорененность того или иного явления. Вместе с тем здесь вполне резонен вопрос о том, превращается ли традиция, выступающая её стержнем, лишь в фактор стабилизации или, переходя определенную черту, становится уже своеобразным механизмом консервации. Точнее, мера реализации специфических интересов властвующих групп зависела от эффективного обеспечения общих интересов. Жизненное благополучие кочевых этносов напрямую зависело от их способности расширять и удерживать определенный экологический и геополитический ареал пространственного обитания. Ведь воспроизводство кочевого населения было связано с воспроизводством скота. Чем больше во владении этноса оказывалось обильных лугов, пастбищ и водоемов, тем значительнее были гарантии выживания, благоденствия и роста численности населения. Постоянное возвышение общих коллективистских интересов и неуклонное принижение специфических индивидуальных интересов, миллиарды раз воспроизводимое в жизненной практике, вырабатывает в представителях кочевого организма своеобразную неистребимую привычку к сохранению традиционной

¹ Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 32–66.

² Trimberger E.K. Revolutions from Above. Military Bureaucrats and Development in Japan, Turkey, Egypt and Peru. New Brunswick (New Jersey), 1978.

политической культуры. Прошлый опыт становится единственным мерилом взаимоотношений кочевников и ориентации в окружающем мире. Подчеркивая факт глубокого влияния советской эпохи на процесс формирования казахстанской политической культуры, И. Ерофеева пишет о том, что «страна получила независимость без какого-либо опыта самостоятельного создания национального государства»¹. «Традиционное общество, — пишет А. Мигранян, — как бы оказывается в узкой горловине бутылки, где происходит резкая поляризация всех наличествующих в обществе сил»². В такой обстановке до предела обостряются накапливавшиеся в обществе экономические, социальные, духовные и прочие противоречия. Человек традиционного общества довольно быстро усваивает внешние формы демократии, но вкладывает в ее содержание сложившиеся в его мире представления о взаимоотношениях между народом и властью, о принципах справедливости, добра и зла, т.е. «переиначивает», «переворачивает» демократические принципы под укоренившийся уклад жизни.

Современный этап развития политических систем

В результате на начальном этапе независимости общество колебалось, в каком направлении двигаться республике: от либеральных ценностей произошел откат к традиционному автократизму и родоплеменной организации политической системы. Основное системообразующее ядро новой политической элиты независимого Казахстана составили представители старой партийно-государственной номенклатуры, рекрутированные большей частью из сельских маргиналов и являющиеся носителями многих органически присущих данному социокультурному типу мировоззренческих представлений, ценностной ориентации, политических убеждений и идеалов, впитавшие в себя и специфические черты советской политической культуры и политического поведения. Т.Б. Умбеталиева приходит к выводу, что отсутствие демократического прошлого, развитых либеральных ценностей в казахском обществе привело к тому, что насаждаемые сверху новации, не имеющие под собой реальной основы в базовом сознании общества, создали вакуум, который стремительно заполнился традицией.

¹ Ерофеева И. Формирование политической элиты Казахстана. Исторический аспект: Материалы круглого стола «Политическая элита Казахстана». Алматы, 2000. С. 61.

² Мигранян А. Почему победили большевики и что из этого вышло // ИГ-Сценарии: Приложение к «Независимой газете». 1997. № 12(21).

Тем самым политическая культура Казахстана эволюционировала в обратном направлении, характерном для традиционного общества. Причина, возможно, заключалась в том, что новая культура не представляла собой целостную систему, каковой является традиционная, транслирующая на индивида опыт предшествующих поколений и, следовательно, программу жизнедеятельности. Вследствие чего в сознании общества вообще и в политическом сознании в частности возобладали инверсионные тенденции¹. По мнению некоторых казахстанских ученых, в начале 90-х годов XX столетия произошла культурная реабилитация и легализация казахского трайбализма, которые создавали благоприятные условия для усиления казахских клановых элит². Действующие политические институты превратились в орудие оживления традиционного общества, для которого характерен коллективизм, принцип подчинения интересов индивида интересам общины. Отсюда проистекают такие явления, как неприятие разделения общества по партийному признаку, почитание власти, основанной на принципе уважения старших. Не случаен такой феномен, как чуть ли не единодушное голосование за кандидатов власти на выборах в мажилис или президентских выборах. Традиционность политической культуры просматривается в таком значимом феномене, как наличие двух центров в рамках системы исполнительной власти. Администрация президента располагает значительными властными полномочиями, осуществляя контрольные функции по отношению к правительству. Регенерируется схема управления, характерная для СССР, — наряду с правительством и над ним действующим ЦК КПСС. Администрация лишь помогает президентам отправлять их функции. Она ни за что не отвечает, но реально в ее руках сосредоточена вся кадровая политика, контроль над правительством и региональными властями³. Основной причиной возвращения Казахстана и Кыргызстана к традиционному обществу выступает цикличность культурно-воспроизводственного процесса, которая в силу исторических обстоятельств осуществлялась не естественно-эволюционным путем, а односторонне регулировалась государством. В Казахстане и Кыргызстане роль первичной ячейки родственных взаимоотношений людей, как и прежде, выполняла родовая община в рамках колхозов и совхозов. Но здесь функции «расщеплялись». Производственно-трудовая,

¹ Умбеталиева Т.Б. Явление трайбализма в Казахстане. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1041591120> (03.01.2003).

² Султангалиев С. Против кого дружить Казахстану в новом году? // Трибуна. Коммунист Казахстана. 13.01.2016.

³ Кожокин Е. Политическая культура и трансформация государственных институтов на постсоветском пространстве // 10 лет СНГ: некоторые итоги. Алматы, 2001. С. 57.

организационно-экономическая и социально-политическая функции сосредотачивались в колхозах и совхозах. А вот культовая, обрядовая функция сохранялась в руках родовой общины. Естественно, в таких жизненных условиях крестьянин, да и рабочий, осознающий значимость своего «Я», так и не смог сформироваться. Эти условия впоследствии могут породить проблемы в формировании общенационального духа, отражающего потребности казахского народа. Особую актуальность получает смена политических ориентиров, так как именно в это время препятствием для экономического развития являются политические барьеры, обычно имеющие вид политических традиций или представляющиеся таковыми людьми. Совокупность данных этих факторов ориентирует развитие политической культуры в заданном направлении, то есть продолжение традиционной ментальности укрепления симбиоза ценностей кочевой и советской эпохи. К сожалению, непредвзятый взгляд позволяет сказать, что и в Кыргызстане в течение почти двух десятилетий предшествующего суверенного существования мы наблюдаем действие той же типологически однородной политической культуры. И все же, учитывая критический запал, характеризующий оппозиционные настроения в Казахстане, невозможно не отметить, что за годы суверенного развития страна осуществила большой рывок по пути экономической модернизации. В отличие от Кыргызстана, пребывающего в последнее десятилетие в перманентных политических потрясениях, функционирование Казахстанского государства, обеспечило обществу безопасность и благополучие на данном этапе развития¹.

Некоторые особенности развития политических систем Кыргызстана и Казахстана

Нам представляется, что трайбализм и клановость — это прежде всего факторы человеческого сознания. В определенных условиях эти факторы могут воздействовать на поведение человека. Но было бы ошибочным представлять, что взаимоотношения людей сплошь и рядом направляются ими. Именно в процессе перехода к демократии, когда в политический процесс включаются значительные массы людей и борьба за власть приобретает достаточно обостренный, жесткий характер, трайбализм и клановость возбуждаются и используются как своеобразное орудие, инструмент влияния и давления. Логика поли-

¹ Дьяченко С.А. Политический транзит в современном Казахстане. Астана: Елорда, 2001. С. 68.

тической борьбы заставляет определенные силы общества обращаться к «затухающим» родовым корням и искать в них опору. Чаще всего «клановая структура» возникает вокруг определенной «харизматической» фигуры в ее борьбе за власть и ресурсы. Как только реальное влияние этой личности в сфере политической и экономической жизни снижается, сразу же «клановая структура» также начинает размыться. Следовательно, патронажно-клиентальные отношения членов клана предстают как традиционный механизм, используемый в современной политической борьбе.

Наряду с положительно проявляющейся тенденцией гражданского сплочения этнических общностей, в Кыргызстане и Казахстане проявляются и усиливаются внутренняя экономическая «расколотовость» общества, несоответствие базовых интересов социальных групп, отмечаемые западными и отечественными исследователями. Самое важное, дееспособность национального государства как мощного фактора, способствующего институционализации либерально-демократической культуры, в значительной степени теряет свою силу. Чиновничество же, в погоне за частным интересом и не осознавая в достаточной мере свою роль в происходящих процессах, объективно становится ощутимым препятствием на пути консолидации общества, реально осуществляемой национальным государством. В Кыргызстане же реальная ситуация в демократическом обществе такова, что не позволяет данным группам узурпировать власть. Государство стремится не концентрировать власть в едином центре, а напротив, «рассредоточивает» контроль, влияние и авторитет между различными индивидами и группами, институционализированными ассоциациями и организациями. Реальная власть «распыляется» в гражданских ассоциациях таким образом, что верхние ступени управленческой вертикали вынуждены постоянно корректировать свои действия и решения с их волей. Такое общество препятствует концентрации власти в руках какой-либо одной сплоченной группы и распределяет ее между рядом относительно независимых ассоциаций. Это расширяет в огромной мере институциональное пространство взаимодействия государственной власти и общественных организаций. Обладая не всей полнотой, а лишь частью властных полномочий, такие группы и институты противостоят одностороннему доминированию, конкурируют между собой за различного рода преимущества, конфликтуют, вступают в переговоры и проводят независимые акции по собственному усмотрению. Трагедия состоит в том, что в советской политической системе власть превратилась во всё, а все остальное — в ничто. Она стала не средством преобразования реальности, а целью, с которой реальность согласует свои действия. Именно по

этой концептуальной схеме общество столкнулось с таким явлением, как «деспотизм государства». Соответственно через призму специфического взаимодействия личного и государственного начал наглядным образом раскрывается механизм институционализации политической культуры советского человека. Именно поэтому стержневым принципом политической культуры советского человека могли быть такие нормы сознания и поведения, как «подданничество», «принуждение», «страх»¹. Крутой разворот истории, в результате которого произошел обвал СССР и образовалось СНГ, привел к тому, что опустевшее властное пространство вновь заполнилось чиновными людьми, которые многими десятилетиями «впитывали» в себя авторитарные нормы сознания и поведения, находясь на различных ступенях административной системы. В одночасье они «перевоплотились» в демократических реформаторов. Но внешнее преобразование не могло изменить внутреннюю суть. Шлейф тоталитарно-авторитарного синдрома продолжает по-прежнему направлять привычки этих людей². Нынешнее чиновничество в своей деятельности все больше проявляет тенденцию к превращению в своеобразный «бюрократический класс», заинтересованный, как выражался когда-то К. Маркс, в том, чтобы захватить государство в «частную собственность»³ и использовать имеющийся административный ресурс в целях перераспределения экономической собственности. Единственное, что может оправдывать это стремление, заключается в отсутствии в предшествующие годы вполне законных способов приватизации государственной собственности. В настоящее время в массовом сознании постсоветского человека в Кыргызстане и Казахстане разворачивается противостояние двух типов систем политической культуры: культуры подданничества и культуры гражданственности, тоталитарно-авторитарной культуры и либерально-демократической культуры. Поэтому здесь, в новых исторических условиях рыночной экономики и политической демократии, по-прежнему новое содержание изменяющейся жизни отторгается и принимается лишь его видимая оболочка. Иначе говоря, старое традиционное содержание вкладывается в новую демократическую форму. С такой точки зрения нельзя воспринимать «парламенты», «партии», «институт президентства», «исполнительную и судебную власть» в Центральной Азии в буквальном смысле, не видя, что они являются в огромной степени прикрытием традиционных

¹ Политические элиты Центральной Азии / под ред. Е. Карина, Г. Илеуовой. Тель-Авив, 2001. С. 61.

² Политические элиты Центральной Азии. С. 62.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1955. С. 271–272.

отношений. В этой связи, вероятнее всего, политическая культура в современном Кыргызстане и Казахстане еще длительное время будет носить «смешанный» характер, представляя собой комбинацию традиционных и современных элементов, общинно-коллективистской и индивидуально-личностной ориентации сознания и поведения людей. Пытаясь понять природу этого процесса, как нам кажется, можно прийти к выводу об исторической потенциальности и необходимости смыкания всего нашего предшествующего некапиталистического (социалистического) пути развития с некапиталистической (постиндустриальной) стадией общественной трансформации передовых стран современного мира. Государственное начало наряду с личностным, а также традиционная тенденция в связи с инновационным служит своеобразным барометром определения исторического потенциала, заложенного в темпах развития общества. Вопрос лишь стоит о плоскости конкретного взаимодействия государственного и личного, традиционного и инновационного начал. Здесь должна была установиться «органичная стыковка» между этими началами. К сожалению, в Кыргызстане и Казахстане обнаруживается органическое несоответствие между ними. В результате государственные учреждения функционируют по форме — как демократические, а по содержанию — как авторитарные.

* * *

Институционализация политической культуры разворачивается по инновационной форме, а наполняется традиционным содержанием. Слабость политической системы в целом как в странах Центральной Азии, так, в частности, в Кыргызстане и Казахстане, выражается в том, что она пока не смогла найти такой эффективный механизм регулирования социально-экономических отношений в обществе¹. Самое же существенное: экономическое состояние центральноазиатских стран таково, что не позволяет резко увеличить размер общего «национального пирога» этих государств. К тому же положение усугубляется тем, что политическая культура элиты, которой принадлежит решающая роль в определении судеб политических и экономических реформ. Ведь костяк постсоветской элиты сформировался на базе сохранившейся от прежних времен советской номенклатуры союзных республик. В результате смешения норм и механизмов стали формироваться структуры, которые имеют реги-

¹ Collins C. The logic of clan politics // World politics. Vol. 56. 2003. P. 224.

ональный подтекст. В Кыргызстане их роль стали играть курултаи, собирающиеся по родо-племенному признаку и, по сути, решающие вопросы регионального уровня. Институт курултаев на сегодняшний день легитимизирует себя тем, что является преемником курултаев прошлого, заявляя права на решения по вопросам отношений внутри социума, с привлечением институтов власти, с их участием в курултае. Здесь виден пример архаизации политического развития, возврата к местным обычаям управления, устоявшимся на протяжении времен. Курултаи подразумевают возврат к «кочевой системе демократии», со своим кворумом и аргументами сторон.

Разумеется, проблема институциональной модернизации политической культуры Кыргызстана и Казахстана чрезвычайно сложна и, естественно, требует тщательных научных исследований и обсуждений. Очевидно, что в настоящее время эти страны подошли к такой черте в своем развитии, когда требуется осмыслить собственный опыт в контексте все более глобализирующегося мира. Настоятельной задачей становится нахождение такого исторического варианта развития, который бы вытекал из национальной специфики и вместе с тем способствовал ускоренной модернизации общества.

С.М. АДЫЛХОДЖАЕВА

**ВОПРОСЫ ПОСТРОЕНИЯ ПРАВОВОГО
ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА
В СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ УЗБЕКИСТАНА**

После обретения независимости перед суверенным Узбекистаном встали глобальные проблемы, имеющие для молодого государства судьбоносное значение: гармоничное вхождение нашего государства в мировую политику, экономику; возрождение национальной государственности; сохранение многовековой культуры и традиций; построение правового, демократического, светского государства и формирования гражданского общества.

***Стратегия государства – главный фактор, определяющий
перспективное развитие страны***

Выступая на 27 сессии Генеральной Ассамблеи ООН президент Узбекистана Ш.М. Мирзиёев отметил, что «сегодня Узбекистан стремительно развивается. Бережно храня мудрость прошлых поколений, мы осознанно идём на решительные реформы, привержены формированию нового облика страны»¹. Весьма значимыми для развития Узбекистана при выборе своего пути после обретения независимости стали прогрессивные идеи первого президента Узбекистана И.А. Ка-

¹ Мирзиёев Ш. М. Выступление Президента Республики Узбекистан на 72-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 19 сентября 2017 года // <http://prezident.uz/ru>

римова, что подчеркнул президент Ш.М. Мирзиёев¹. Леонид Левитин в своей книге «Узбекистан на историческом повороте», в частности, пишет: «Ислам Каримов — знаковая фигура для постсоветского Узбекистана. Его можно признать таковой для всей Центральной Азии, а в известном смысле для всего постсоветского пространства. Почему? Во-первых, потому, что Узбекистан оказался в центре региональной политики, а во-вторых, сравнительно удачным примером строительства национальной государственности»². Необходимо отметить, что Л.Левитин сумел уловить главное для курса молодого государства: с одной стороны, стремление руководства Узбекистана не порывать с традицией, «с алгоритмами национальной истории», а с другой — достаточно уместно соотносить ее с историческим опытом других государств и политиков. Такой курс продолжает и нынешний президент.

Правильно выбранная стратегия способна объединить людей, возродить стремление к достижению единой цели. «Ни одно государство, ни один народ, ни одно общество не может видеть своей перспективы, если нет четкой, ясной стратегической задачи. Она должна быть понятна людям, поднимать и объединять их»³. Именно стратегия государства определяет историческое развитие страны, именно стратегия государства является определяющим фактором в формировании новых общественных отношений, и в конечном счете от стратегии государства зависят судьбы миллионов людей настоящего и будущих поколений. Поэтому в самом начале пути страна выбрала собственную долгосрочную стратегию развития, в основу ее легли пять ключевых принципов, сформулированных первым президентом Узбекистана⁴, на которых И.А. Каримов предложил строить политику переходного периода. В мире эта стратегия известна как узбекская модель перехода на рыночные отношения.

Во-первых, экономика должна иметь приоритет над политикой, быть ее внутренним содержанием. Именно экономика, проблемы ее дальнейшего развития являются стержнем нашего современного курса.

Во-вторых, в сложный переходный период главным реформатором должно быть государство. Оно обязано в интересах всего наро-

¹ Мирзиёев Ш.М. Доклад избранного Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на торжественном собрании, посвященном 24-й годовщине принятия Конституции Республики Узбекистан. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.prezident.uz/> (дата обращения 28.01.2017).

² Левитин Л. Узбекистан на историческом повороте. М.: Вагриус, 2001.

³ Каримов И.А. Узбекистан — не айсберг, чтобы дрейфовать // Каримов И.А. Собр. соч.: В 9 т. Т. 6. Ташкент: «Узбекистан», 1998. С. 363.

⁴ Каримов И.А. Узбекистан — собственная модель перехода на рыночные отношения // Каримов И.А. Собр. соч.: В 9 т. Т. 1. Ташкент: «Узбекистан», 1993.

да инициировать процесс реформ, определять ведущие приоритеты экономического развития, выработать и последовательно реализовывать коренные преобразования в экономике, социальной сфере и общественно-политической жизни нашего суверенного государства.

В-третьих, весь процесс обновления и прогресса должен строиться на правовой основе. Только тогда можно добиться ощутимых результатов от экономических преобразований, сделать их необратимыми, когда они опираются на выверенные, имеющие практическую силу законы.

В-четвертых, учитывая реальное демографическое положение, сложившийся уровень жизни населения, переход к рыночным отношениям должен сопровождаться осуществлением упреждающих сильных мер по социальной защите людей.

В-пятых, становление новых экономических рыночных отношений должно осуществляться взвешенно, продуманно, поэтапно. Характеризуя узбекскую модель рыночных преобразований, И.А. Каримов указал: «Наш собственный путь независимости и прогресса выбран с учетом образа жизни народа республики, ее специфических условий, традиций и обычаев. Этот путь также учитывает мировую практику, позитивный опыт экономически развитых государств мира»¹.

Стратегия является интегрирующим, системообразующим фактором деятельности государства, объединяющим все другие элементы: цель и функции государства. Она придает деятельности системный характер, так как единственным критерием определения принадлежности того или иного элемента к определенному действию является его участие в стратегии, приводящее к достижению поставленной цели. Определением эффективности проводимой государством стратегии является сравнение результатов с моделью общественных отношений, которая была целью.

Выбор правильного стратегического курса является одной из центральных проблем в государстве, правильное решение которого обеспечивает прогрессивное развитие общества на многие десятилетия. Он является также определяющим фактором в формировании общественных отношений. **Стратегия государства — это главное перспективное направление страны, реализуемое государственным механизмом посредством системы координированных функций государства, адекватных глобализационным процессам и определяющих эволюционный характер, результативность политических, социальных, экономических процессов в обществе.**

¹ Каримов И.А. Узбекистан — собственная модель перехода на рыночные отношения // Каримов И.А. Собр. соч.: В 9 т. Т. 1. Ташкент: «Узбекистан», 1993.

Из этого определения следует, что

— стратегия государства — это система продуманных, последовательных, организационных мер государства, прежде чем претворять их, необходимо определить четко стратегическую цель, т.е. результат проводимой стратегии;

— стратегия государства реализуется механизмом государства, а это значит, что определяющую роль в проведении, реализации государственной стратегии в жизнь выполняют государственные органы, которые должны быть адекватны проводимой стратегии;

— стратегия государства реализуется эволюционным путем, через решения ряда тактических задач, постепенно, вбирая все новое прогрессивное и сохраняя все позитивное и полезное;

— внутренние функции государства должны быть адекватны в современный период интенсивно протекающим глобализационным процессам;

— при реализации государственной стратегии необходимо, чтобы народ понимал, знал стратегические цели и задачи государства, осознавал прогрессивность проводимой стратегии.

Стратегия государства выступает в качестве интегрирующего системообразующего фактора деятельности государства, объединяющего цель государства и функции государства. Введение в науку категории «стратегия государства» обусловлено необходимостью учесть еще один значимый процесс, проходящий в мире и усиливающийся в последние десятилетия — всеобщая глобализация. Глобализация — процесс объективный и непрерывный. Профессор Парижского института политических исследований Б. Бадие считает, что глобализация — это исторический процесс, развивающийся на протяжении многих столетий, она означает гомонизацию мира, приверженность к единым ценностям, стремление к унификации правил, а также глобализация — это признание взаимозависимости, главным следствием которой является подрыв, разрушение национальной государственности, государственного суверенитета под напором транснациональных управленческих структур»¹. В этих условиях очень важен выбор стратегии государством.

Для дальнейшего прогрессивного развития страны Указом Президента Республики Узбекистан № УП-4947 от 7 февраля 2017 г. «О стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан» была утверждена Государственная программа по реализации стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017–2021 годах. Стратегия действий предусматривает пять приоритетных направлений. Пер-

¹ Badie B. La finles territories. Paris, 1995.

вое — совершенствование государственного и общественного строительства, направленное на дальнейшее усиление роли парламента и политических партий в углублении демократических реформ и модернизации страны, реформирование системы государственного управления, развитие организационно-правовых основ государственной службы, совершенствование системы «Электронное правительство», повышение качества и эффективности государственных услуг, практическую реализацию механизмов общественного контроля, усиление роли институтов гражданского общества и средств массовой информации. Второе — обеспечение верховенства закона и дальнейшее реформирование судебной-правовой системы, направленное на укрепление подлинной независимости судебной власти и гарантий надежной защиты прав и свобод граждан, совершенствование административного, уголовного, гражданского и хозяйственного законодательства, повышение эффективности системы противодействия преступности и профилактики правонарушений, полную реализацию принципа состязательности в судебном процессе, совершенствование системы оказания юридической помощи и правовых услуг. Третье — развитие и либерализацию экономики, направленные на дальнейшее укрепление макроэкономической стабильности и сохранение высоких темпов роста экономики, повышение ее конкурентоспособности, модернизацию и интенсивное развитие сельского хозяйства, продолжение институциональных и структурных реформ по сокращению присутствия государства в экономике, дальнейшее усиление защиты прав и приоритетной роли частной собственности, стимулирование развития малого бизнеса и частного предпринимательства, комплексное и сбалансированное социально-экономическое развитие регионов, районов и городов, активное привлечение иностранных инвестиций в отрасли экономики и регионы страны путем улучшения инвестиционного климата. Четвертое — развитие социальной сферы, направленное на последовательное повышение занятости и реальных доходов населения, совершенствование системы социальной защиты и охраны здоровья граждан, повышение социально-политической активности женщин, реализацию целевых программ по строительству доступного жилья, развитию и модернизации дорожно-транспортной, инженерно-коммуникационной и социальной инфраструктур, развитие сферы образования, культуры, науки, литературы, искусства и спорта, совершенствование государственной молодежной политики. Пятое — обеспечение безопасности, межнационального согласия и религиозной толерантности, осуществление взвешенной, взаимовыгодной и конструктивной внешней политики, направленные на укрепление независимости и суверенитета

государства, создание вокруг Узбекистана пояса безопасности, стабильности и добрососедства, укрепление международного имиджа страны¹.

Стратегия государства определяет вектор движения страны при быстро развивающемся процессе глобализации, непрерывно протекающем в мире. Она определяет именно тот стержень, который является и фактором идентификации страны, включает в себя стратегию развития различных регионов и областей, координирует функции, образует единую динамичную систему, включающую цели и задачи государства, а также методы их реализации.

Концептуальные основы построения правового государства и формирования гражданского общества

Один из принципов стратегии развития нашего государства обеспечил создание прочной правовой основы реформ и демократических преобразований в Узбекистане. Правовое государство – это организация политической власти, создающая условия для наиболее полного обеспечения прав и свобод человека и гражданина, а также для наиболее последовательного «связывания» государственной власти с помощью права в целях недопущения злоупотреблений. В 1813 году впервые применил в своих работах термин «правовое государство» немецкий ученый К. Велькер, а ввел его в научный оборот в 1832 г. Роберт фон Моль. В конце XIX в. немецкий юрист Г. Еллинек предложил концепцию самоограничения государства создаваемыми им законами. Существенным дополнением и совершенствованием концепции правового государства были идеи Дж. Локка, Ш.Л. Монтескье, Д. Адамса, Д. Мэдисона, Т. Джефферсона, И. Канта, Г.В. Гегеля². Правовое государство – это высшая форма политического устройства. В настоящее время существуют десятки индексов, параметров, показателей правового государства. Следует заметить, что из почти 200 независимых государств современности ни одно в полной мере не соответствует всем показателям. Но есть несколько основополагающих фундаментальных принципов, без соблюдения которых, по сути, невозможно построение правового демократического государства: 1) верховенство права; 2) разделение власти на три ветви законода-

¹ Указ Президента Республики Узбекистан от 7 февраля 2017 г. «О стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан» // Народное слово. 8 февраля 2017. № 28 (6692).

² Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. С.227; Кант И. Основы метафизики нравственности // Соч. Т. 4. Ч. 1. С. 274–284.

тельную, судебную и исполнительную; 3) приоритет права личности, обеспечение прав и свобод человека¹.

Эти принципы, лежащие в основе концепции правового государства, отражены в Конституции, законах Узбекистана и успешно реализуются. Верховенству закона посвящена Глава 3 Конституции. В частности, в статье 15 Конституции регламентируется следующая норма: в Республике Узбекистан признается безусловное верховенство Конституции и законов².

Разделение властей, является одним из основополагающих принципов демократического государства. Эволюция принципа разделения власти на законодательную, исполнительную и судебную ветви имеет многовековую историю. Эта идея содержится в Великой хартии вольностей 1215 г. Есть мнение, что идея разделения властей возникла 3000 лет назад и является уже устаревшей в современных условиях³. По мнению древних мыслителей, государственная власть справедлива, если она признает право и одновременно ограничена этим правом.

Впервые идея, что в государстве имеются три составные части власти: законовещательная, должностная и судебная, — содержится в трудах Аристотеля. Эта идея была развита древнеримским философом, политическим деятелем Цицероном, а также в трудах ал-Фараби — мыслителя эпохи восточного Ренессанса.

Дальнейшее развитие идеи разделения властей связано с именем Джона Локка. Особенно детальную концепцию разделения властей разработал, стремясь защитить права личности, в своем труде «О духе законов» французский мыслитель Шарль Луи Монтескье⁴. Концепция разделения властей была положена в основу конституционного принципа, без которого не обходится ни одно демократическое государство. В 1787 году принцип разделения властей впервые был воплощен в Конституции США «отцами-основателями» А. Гамильтоном, Дж. Мэдисоном и Дж. Джей⁵. Хотя принцип разделения властей имеет многовековую историю, однако по сей день, не утратил своего значения, являясь фундаментом демократически устроенной власти. Разделение властей как принцип государственного строительства в

¹ Матюхин А. Государство в сфере права: институциональный подход. Алматы: ВШП, 2000.

² Конституция Республики Узбекистан. Ташкент: «Узбекистон», 2016.

³ *Menu Yu. Politique Compare Les Democratizes. Etats-Unis, France, Grande-Bretagne, Italia, R F. Paris: Montchrestien. 1987. P. 286–287.*

⁴ *Монтескье Ш.Л. Избранные произведения. М., 1995; Локк Дж. Антология мировой политической мысли. М.: Мысль, 1997.*

⁵ Федералист: Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джей / пер. с англ.; под общ. ред., с предисл. Н.Н. Яковлева, коммент. О.Л. Степановой. М.: Издательская группа «Прогресс»–«Литера», 1994.

любой его модификации является центральным элементом демократического, правового, конституционного государства. Каково же значение этого принципа в современных государствах?

Во-первых, принцип разделения властей играет роль одного из самых важных инструментов в недопущении монополизации государственной власти, сосредоточения ее в руках только одной социальной группы. При этом государственная власть должна быть разделена между законодательной, исполнительной и судебной ветвями.

Во-вторых, разделение власти ведет к необходимости разделения полномочий, т.е. распределения властных полномочий и балансирования между различными ветвями государственных органов. Обеспечение оптимальной сбалансированности властных полномочий является одной из важных задач современного государственного строительства.

В-третьих, все три ветви власти должны сдерживать и контролировать друг друга, не допуская нарушения Конституции и законов страны в ходе реализации государственной стратегии и проведения в жизнь государственной политики. Это достигается путем совершенствования механизма «сдержек и противовесов» между законодательной, исполнительной и судебной ветвями власти в современном государстве. В то же время этот механизм дает возможность взаимодействия между ветвями власти и совместного эффективного функционирования при решении государственных задач.

В-четвертых, разделение властей не противоречит единству государственной власти. У всех ветвей власти единые цели, которые соответствуют стратегическим целям государства. Одна из основных целей в демократическом государстве — избежать злоупотребления властью и подавления личности. Расширение прав человека, ограничение государственной власти правом, обеспечение и гарантия основных прав и свобод человека через государственный механизм современности и приводят к формированию правового государства.

Опыт демократических государств по реализации концепции разделения законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти

Несмотря на целостность принципа разделения властей, его политическое и правовое значение, реализация этого принципа при сохранении демократического политического режима в различных государственных формах правления имеет ряд важных особенностей. Анализируя все многообразие и особенности реализации принципа

разделения властей в демократических государствах, можно выделить три основные модели. Первая модель реализации принципа разделения властей — в государстве с президентской формой правления. Вторая — в государстве с парламентской формой правления, и третья модель — в государстве со смешанной формой правления.

Основными отличительными чертами парламентской модели является:

- формирование исполнительной власти на базе парламентского большинства;
- политическая ответственность правительства перед парламентом;
- практика применения широкого спектра форм парламентского контроля к исполнительной ветви власти;
- выражение парламентом «вотума недоверия правительству».

Утверждение состава правительства в парламентских государствах, как правило, — прерогатива главы государства (монарха или президента). Однако согласно конституции, как правило, глава государства при назначении членов кабинета должен остановить свой выбор на членах партии, располагающей парламентским большинством. Премьер-министром обычно становится лидер партии большинства, который фактически определяет состав правительства из числа депутатов парламента — членов партии, при этом утрата депутатского мандата, как правило, влечет за собой утрату поста в правительстве. Правительство ведет коллективную ответственность перед парламентом за проводимый политический курс. В качестве парламентского контроля наиболее часто применяются устные и письменные вопросы депутатов, парламентский запрос, создание комиссий по парламентскому расследованию, контроль за расходом бюджетных средств, институт вотума недоверия правительству. Вотум недоверия правительству является действенной мерой и инструментом механизма «сдержек и противовесов». Однако правительство может не согласиться с парламентом и инициировать процедуру досрочного роспуска парламента, что является полярно противоположным элементом «механизма сдержек и противовесов». Большинство законопроектов, проходящих через парламент, представляет исполнительная власть, которая активно пользуется правом законодательной инициативы¹.

Судебная власть осуществляет юридический контроль за ответственностью Конституции нормотворческой деятельности органов законодательной и исполнительной власти. В современном мире сложились три основные модели конституционного контроля: пред-

¹ Морозова Л.А. Теория государства и права. М.: Эксмо, 2007. С. 125–127.

варительный, последующий и смешанный. В первом случае вопрос о конституционности решается до принятия нормативного акта, во втором — только после принятия и вступления его в законную силу. И в отличие от первых двух, в третьем случае органы конституционного надзора обладают широкими полномочиями осуществлять предварительный и последующий конституционный контроль над актами законодательных и исполнительных органов¹.

В парламентской модели глава государства не является главой исполнительной власти и выполняет в основном протокольные и церемониальные обязанности. Все акты, формально исходящие от главы государства, подготавливаются и осуществляются правительством. В то же время глава государства наделен значительными полномочиями, позволяющими ему обеспечивать согласованное функционирование государственных органов, выступать гарантом конституции, национальной безопасности, территориальной целостности страны. Особенно роль главы государства проявляется в кризисные моменты, когда затягивается формирование правительства, как это было в Италии, Греции сравнительно недавно. Парламентская форма является эффективной при развитой партийной системе и устойчивого политического режима, в противном случае не исключена опасность перманентных правительственных кризисов.

Парламентская модель принципа разделения властей действует в Великобритании, Германии, Индии, Италии, Японии и, конечно же, обуславливается особенностями национального и исторического развития, характером и уровнем ее государственного механизма, экономики и общества.

Особенностью организации власти в Великобритании является то, что принцип разделения властей и «сдержек и противовесов» закреплен в конституционных соглашениях, т.е. в обязательных правилах, выработанных британскими политическими традициями (Conventions of the Constution). Краеугольным камнем системы сдержек и противовесов является доктрина «министерской ответственности» перед Палатой общин. Буквально каждую неделю члены правительства предоставляют информацию, лично посещая парламент. Характерным элементом системы сдержек и противовесов в Великобритании является статус оппозиции. Оппозиция является обязательным участником политического процесса и выполняет свои функции через «теневой кабинет». Одно из фундаментальных парламентских

¹ Остапович И.Ю. Судебные органы конституционного контроля в современной практике зарубежных стран // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: «Экономика и право». 2014. № 5–6. С. 14–17.

правил в Великобритании гласит: «Меньшинство должно быть услышано», что дает право оппозиции не останавливать дебаты по закону, даже если большинство в Палате общин проголосовало за их прекращение. В Великобритании верховенство парламента к середине XX века сменилось всевластием правительства, и в настоящее время все важнейшие вопросы в государстве решает премьер-министр. Институт конституционного контроля в стране отсутствует, но судебный надзор за действиями органов исполнительной власти традиционен. Суды руководствуются доктриной *ultra vires* (за пределами полномочий), т.е. они вправе решать вопрос, действовал ли министр в пределах своих полномочий или превысил их¹.

В Японии победившая на выборах партия формирует кабинет, лидер которой становится премьер-министром, спикер также избирается из партии большинства. Премьер-министр является действующим руководителем страны. За работу правительства ответственны все члены правительства коллективно. Вынесение вотума недоверия правительству влечет его отставку целиком, либо премьер-министр инициирует процедуру роспуска парламента в 10-дневный срок. На практике премьер-министр зачастую остается у власти, а парламент распускается, поэтому выборы в Японии происходят чаще, чем через четыре года. Основными формами парламентского контроля являются парламентский запрос, парламентские расследования и отчеты министров.

Президентской форме правления свойственна большая обособленность ветвей власти, взаимодействие которых обеспечивается механизмом «сдержек и противовесов». Юридическое равенство ветвей власти находит свое проявление в «жестком» разделении функций и полномочий для каждой из ветвей. Законодательная власть инициирует и принимает законы. Исполнительная власть правом законодательной инициативы не располагает. Органы исполнительной власти формируются независимо от парламента. Президент является одновременно главой и государства, и исполнительной власти, избирается всенародно. Президент назначает глав правительственных ведомств с одобрения парламента и может их отстранить от должности. Президент является гарантом Конституции, национальной безопасности и возглавляет вооруженные силы. При президентской модели отсутствует институт парламентской ответственности правительства. Парламент не может выразить недоверие правительству и инициировать процесс отставки правительства. Но и исполнительная власть лишена

¹ Лузин В.В. Полупрезидентская модель разделения властей (на примере Франции) // Право и политика. 2000. № 1. С. 31–40.

права досрочного роспуска парламента и назначения внеочередных парламентских выборов. Независимость и самостоятельность ветвей власти не допускает совместимости мандата парламентария с занятим любой платной должности, в том числе в органах других ветвей власти. В этой модели особую остроту приобретает координация между ветвями власти и сбалансированность их полномочий.

Президентская модель действует в США, в Республике Корея, в Российской Федерации.

Основой государственности США является сильная государственная власть, базирующаяся на ее разделении на законодательную, исполнительную, судебную ветви и эффективной системе сдержек и противовесов между ними. Один из основоположников американской государственности Александр Гамильтон писал, что парламент обладает силой кошелька, т.е. только парламент может принимать решения, на что и как расходовать государственные средства. Исполнительная ветвь власти обладает силой меча, т.к. все силовые структуры находятся в составе именно этой ветви власти. Суды обладают только мудростью судей, поэтому нуждаются во всемерной поддержке со стороны государства. Этот принцип стал основой государственной системы США, где каждая ветвь власти исполняет полномочия и функции, свойственные только ей, вместе с тем это дает возможность взаимодействовать между собой законодательной, исполнительной и судебной власти.

Значимость конгресса в государственной системе определяется: во-первых, контролем над государственным бюджетом. Во-вторых, право внесения законов на рассмотрение имеют только президент и конгрессмены. В-третьих, назначение представителей судебной и исполнительной власти утверждает сенат, причем эта процедура весьма тщательна и включает опросную систему сенаторов и кандидатов на должность. Таким образом, три важные, определяющие сферы государственной политики контролирует конгресс. В качестве парламентского контроля в конгрессе США используются различные формы: запросы конгрессменов, слушания, дебаты по заранее определенным вопросам и общей политике правительства, доклады и отчеты правительства и министров о своей деятельности. Как справедливо отметил Дж. Харт: «Если все дороги ведут в Рим, то все вопросы американского управления рано или поздно сводятся к разделению властей»¹.

Смешанная модель, сочетающая в себе черты президентской и парламентской моделей, представляет наиболее гибкую демократическую государственную систему. Впервые такую модель предложил

¹ Hart J. The Presidential Branch: Executive Office of the President from Washington to Clinton. Washington: Chatham House, 1995.

Шарль де Голль, и его идеи были воплощены во Франции в Конституционном законе 1958 года. Поэтому будет справедливым рассмотреть эту модель на примере Франции.

Центральное место в системе власти Франции занимает президент. В Конституции отражена идея «арбитражной роли» главы государства, согласно которой президент обеспечивает координацию между ветвями власти и преемственность государства.

Ряд важнейших полномочий осуществляется президентом самостоятельно — роспуск Нижней палаты парламента, введение чрезвычайного положения, назначение премьер-министра и членов кабинета (при обязательном последующем одобрении правительственной программы парламентом). Конституция 1958 г. ввела «бицефальную» (двуглавую) модель исполнительной власти, разделенной между президентом и премьером при сохранении президентом превосходства, вытекающего из его статуса¹.

Основными формами парламентского контроля во Франции являются парламентские расследования, петиции, вопросы к членам правительства, обращение депутатов и сенаторов к медиатору, парламентский запрос и выражения вотума недоверия правительству. Последние поправки Конституции 2000 и 2007 гг. несколько изменили баланс в системе властей: срок полномочий президента был сокращен с 7 до 5 лет, установлено право объявления импичмента президенту 2/3 депутатов и сенаторов обеих палат парламента. Конституционный контроль над принятыми законами осуществляется Конституционным советом.

Судебная ветвь в рамках системы разделения власти имеет свои особенности и больше зависит не от формы правления, а от правовой системы. В странах романо-германской правовой семьи основным источником права признается введенный в действие закон, и роль судебной власти в политической системе ограничена. Для расширения полномочий судебных органов прослеживается тенденция усиления роли судебного контроля. В странах англосаксонской правовой семьи основным источником права служит судебный прецедент. Суд не только решает конкретные дела, осуществляет судебный контроль над принятыми актами, но и контролирует деятельность законодательной и исполнительной ветвей в рамках их полномочий, создает общеобязательные правила поведения².

¹ Лузин В.В. Полупрезидентская модель разделения властей (на примере Франции) // Право и политика. 2000. № 1. С. 31–40.

² Марченко М.Н. Эволюция правовых семей под влиянием процесса глобализации (на примере романо-германского и англо-саксонского права) // Государство и право в условиях глобализации. М.: Проспект, 2008. С. 294–298.

Для управляемости государства важно не только разделение властей, эффективная система сдержек и противовесов, но и установление взаимосвязей, и координация между ветвями власти для реализации важных стратегических целей государства в современных условиях.

На фоне мирового финансово-экономического кризиса прослеживается тенденция усиления исполнительной ветви власти. Такая тенденция, выражавшаяся в перетекании полномочий от законодателей к правительству, является особенностью дисбаланса власти в кризисные моменты XX века (Первая и Вторая мировые войны, экономический кризис 70-х годов). Это связано с тем, что исполнительная власть по своей природе менее открыта и стремится к засекречиванию любой информации, действует в условиях постоянно меняющейся политической ситуации более оперативно и мобильно, чем законодательная и судебная власти. Существенно изменилась и роль представительных и судебных органов, которая в современных условиях не ограничивается лишь разработкой законов и контролем за их исполнением. Мировой опыт показывает, что усиление парламентского контроля норм, касающихся бюджета и главных социальных программ, основных направлений внешнеполитической деятельности, что существенно расширяет сферу механизма сдержек и противовесов. Следует отметить, что эффективной мерой, ограничивающей исполнительную власть, в этих условиях является регламентация правом, законами полномочий, прав и обязанностей органов исполнительной власти и их должностных лиц, что облегчает работу парламентариев и судов.

Форма правления государства оказывает наиболее существенное влияние на модель разделения властей, обуславливая порядок формирования, компетенцию органов государственной власти и формы их взаимодействия. При поиске собственной модели необходимо учитывать политические традиции, сложившиеся в ходе исторического развития, партийную систему, геополитические условия, поставив при этом во главу угла устойчивое развитие государства, предотвращение кризисных ситуаций.

Критики и противники принципа разделения властей исходят из ошибочного представления о том, что он оторван от реальностей современного мира и политически устарел. Считаем, что на самом деле идея разделения властей прошла серьезное испытание временем и является на сегодня одним из основополагающих принципов демократической организации государства, предпосылкой верховенства права и обеспечения свободного развития человека. Исторический опыт во многом подтверждает правоту этого универсального политического

средства ограничения и контроля власти. Более того, различные модели и проявления разделения властей в демократических государствах мира существенно обогащают организацию политической структуры государства и делают рассматриваемый принцип более жизнеспособным в современных условиях, придавая ему необходимую гибкость и стойкость.

В соответствии с Конституцией президент имеет право обращаться через представителей народа в Олий Мажлисе Республики Узбекистан к населению страны по важнейшим вопросам реализации внутренней и внешней политики государства; премьер-министр предоставляет отчеты Олий Мажлису о важнейших направлениях социально-экономического развития; Олий Мажлис может поставить вопрос о вотуме недоверия премьер-министру. Все эти нормы свидетельствуют, что система разделения власти и сдержек и противовесов в Узбекистане постоянно совершенствуется.

Совершенствование правовых и концептуальных основ формирования гражданского общества и гарантий прав человека в Узбекистане

Построение гражданского общества является особым, наиболее высоким периодом в истории человечества, государства и права. Формирование гражданского общества — это прежде всего цивилизованная взаимосвязь человека, общества, государства, где приоритетным является человек. Гражданское общество представляет собой опосредующее звено между обществом и государством. Одновременно в функциональном смысле гражданское общество — это средство воздействия общества на государство.

Приоритет прав человека также был положен в основу развития нашего государства и воплотился в конституционные принципы (главы 7–10 Конституции) в полном соответствии международным стандартам. В основу правовой доктрины положен принцип приоритета прав и свобод человека. В соответствии с этим сначала были сведены до минимума статьи Уголовного кодекса по которым была предусмотрена смертная казнь, а с января 2008 года смертная казнь в Узбекистане отменена. Теперь пожизненное лишение свободы является исключительной мерой наказания и устанавливается только за два преступления — за умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах и терроризм. Многие статьи были декриминализованы, т.е. исключены из Уголовного кодекса и дополнены в Кодексе об административных правонарушениях. С 2001 года в правопримени-

тельную, судебную практику введен и эффективно действует институт примирения, в соответствии с которым к уголовной ответственности не привлекается лицо, совершившее преступные действия, не представляющие большой общественной опасности, полностью возместившее материальный и моральный ущерб потерпевшим. В то же время был введен институт Habeas corpus, согласно которому задержание лиц производится только по решению суда. В Узбекистане действует многоступенчатый механизм защиты прав человека.

Построение правового государства непосредственно связано с формированием гражданского общества. По сути, правовое государство создает условия для формирования гражданского общества, и можно сказать, что правовое государство и гражданское общество являются двумя сторонами одной медали. Кант был родоначальником философско-теоретического обоснования правового государства как гражданского объединения людей, подчиняющихся правовым законам. Гегель впервые разграничил понятия государства и гражданского общества. Гегель выделял три варианта их взаимоотношений: 1) гражданское общество подавляется государством; 2) государство выполняет волю гражданского общества и действует в рамках права, то есть как правовое государство; 3) существует зыбкое равновесие между гражданским обществом и государством. Формирование гражданского общества в различных государствах происходило по-разному. В США, например, активные слои населения в борьбе за независимость сформировали гражданское общество, которое затем и приняло Конституцию США в 1787 году и этим положило начало развитию государства. В Европе гражданское общество формировалось в борьбе против аристократических монархических государств, которые вначале его подавляли¹. В Узбекистане активизация и формирование гражданского общества происходили постепенно в полном соответствии с принципом «От сильного государства — к сильному гражданскому обществу», выдвинутым президентом страны в 1999 году. За годы независимости гражданское общество Узбекистана существенно окрепло и активно влияет на все сферы общественной и политической жизни. К субъектам гражданского общества относятся политические партии, махалли, профсоюзы, комитеты женщин, молодежное движение «Камолот», неправительственные некоммерческие организации (ННО). Если на 1 января 1991 года общее количество ННО в Республике Узбекистан составляло всего лишь 95, а в 2000 году — не более трех тысяч, то к сегодняшнему дню их количество достигает более 8000 тыс.

¹Гражданское общество и государство. СПб.: Юр. Центр-Пресс, 2000.

По первому из пяти направлений Стратегии действий в 2017 – 2021 годах – совершенствованию государственного и общественного строительства предусматривается совершенствование системы «Электронное правительство», повышение качества и эффективности государственных услуг. С начала XXI века в различных государствах мира начала широко внедряться концепция «электронного правительства» в качестве средства повышения эффективности управления на основе использования новых возможностей информационно-коммуникационных технологий. По данным ООН, число государств, использующих интернет-технологии для оптимизации работы и взаимодействия с гражданами, превысило 190. А такие страны, как Республика Корея, Сингапур, Великобритания, США, Финляндия, Дания, по данным ежегодного всемирного исследования «Реализации концепции электронного правительства», получили высокую оценку. Организацией Объединенных Наций была поставлена задача приложить все усилия на национальном и международном уровне для создания локальных информационных ресурсов и приложений. Международный контроль за реализацией этого плана осуществляет специально созданная рабочая группа в рамках ООН UN ICT Taskforce. В гражданском обществе обеспечивается цивилизованная взаимосвязь человека, общества и государства, где приоритетным являются права и интересы отдельного человека. Эффективность гражданского общества определяется взаимосвязью государственных органов с субъектами гражданского общества. Чем больше взаимосвязей, взаимоотношений и их видов между субъектами гражданского общества и государственными органами, тем эффективнее гражданское общество. Эффективность гражданского общества зависит от трех составляющих:

- субъектов гражданского общества;
- государства в лице государственных органов власти и управления;
- взаимоотношений между государственными органами и субъектами гражданского общества.

Внедрение «электронного правительства» позволит совершенствовать все три составляющие, особенно даст возможность расширить и оптимизировать прямые и обратные связи между субъектами гражданского общества и государственными органами. При этом государственные органы становятся более доступными, т.к. субъекты гражданского общества затрачивают гораздо меньше времени, экономят на транспортных и почтовых расходах, сигналы от населения поступают в режиме online.

При внедрении «электронного правительства» наряду с совершенствованием технологической инфраструктуры, созданием право-

вой базы необходимо обратить особое внимание на совершенствование работы и повышение эффективности государственных органов, что является одним из ключевых моментов внедрения «электронного правительства» и без чего практически невозможна его реализация. Если это не будет достигнуто, то эффект и общественная ценность от введения системы «электронного правительства» будут минимальными при значительных финансовых затратах, а значит, введение будет экономически не оправданно.

«Электронное правительство» углубляет процесс реформ в государственной и административной сфере по следующим направлениям. Во-первых, в рамках блока *G2G government to government* улучшается координация, вводится электронный документооборот между государственными органами, уменьшаются бюрократические проволочки. Во-вторых, устраняется дублирование функций государственных органов, в результате чего осуществляется оптимизация структур государственного аппарата, снижаются финансовые и материальные затраты на его содержание, а также осуществляется процесс децентрализации. В-третьих, обеспечивается открытость и прозрачность государственных органов, информация о принятых решениях становится доступной, усиливается общественный контроль со стороны субъектов гражданского общества, облегчается мониторинг действенности и эффективности принятых решений. В-четвертых, улучшается и облегчается взаимодействие и постоянный диалог государства с гражданами и гражданскими институтами, осуществляется переход от ведомственной ориентации деятельности государственных органов к ориентации на нужды и задачи граждан. В-пятых, внедрение электронного правительства позволяет поднять на новый уровень предоставление государственных услуг населению, пересмотреть весь спектр услуг, осуществить их классификацию и поэтапно перевести государственные услуги в систему сетевого сервиса, что позволит легче осуществлять мониторинг эффективности предоставления государственных услуг, устранить коррупцию и волокиту. Все эти указанные направления достойны отдельных исследований со стороны юристов, но, к сожалению, из ученых-правоведов мало кто занимается этим.

В рамках модуля G2B government to business осуществляется содействие электронной коммерции, развитие электронных фискальных функций, эффективная поддержка экономической деятельности хозяйственных субъектов, обеспечивается открытость электронных торгов и прозрачность государственных закупок. Электронное правительство также будет способствовать интенсификации внешнеэкономической деятельности, увеличению объема экспорта продукции, выхода ценных бумаг отечественных корпораций на внешние рынки.

Это будет способствовать эффективному интегрированию в мировое экономическое пространство.

Электронное правительство расширяет пространство коммуникации, в рамках *G2C government to citizen* полнее удовлетворяются потребности граждан, субъекты гражданского общества имеют возможность информировать о своей деятельности, участвовать в конкурсах по финансированию, выделяемому со стороны государства. Значимым для Узбекистана является то, что введение электронного правительства поможет создать большое количество новых рабочих мест. Так, например, в Республике Корея в год создавалось от 100 до 150 тысяч рабочих мест при введении электронного правительства. Особо следует обратить внимание на деятельность в рамках электронного правительства парламента, омбудсмана, одной из основных функций которых является работа с избирателями, населением, обращениями юридических и физических лиц. Эти институты по своей природе весьма демократичны.

Президент Узбекистана обратил серьезное внимание на одно из самых негативных явлений в государстве — коррупцию¹. По инициативе главы государства Шавката Мирзиёева был принят Закон Республики Узбекистан «О противодействии коррупции», который получил большую поддержку у народа², Постановлением от 2 февраля была утверждена Государственная программа по противодействию коррупции на 2017–2018 годы, в соответствии с которой запланирована разработка в течение ближайших месяцев проектов законов «О государственной службе», «О государственно-частном партнерстве», «О государственных закупках», «О распространении правовой информации», «Об общественном контроле», «О защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного процесса» и «Об административных процедурах»³.

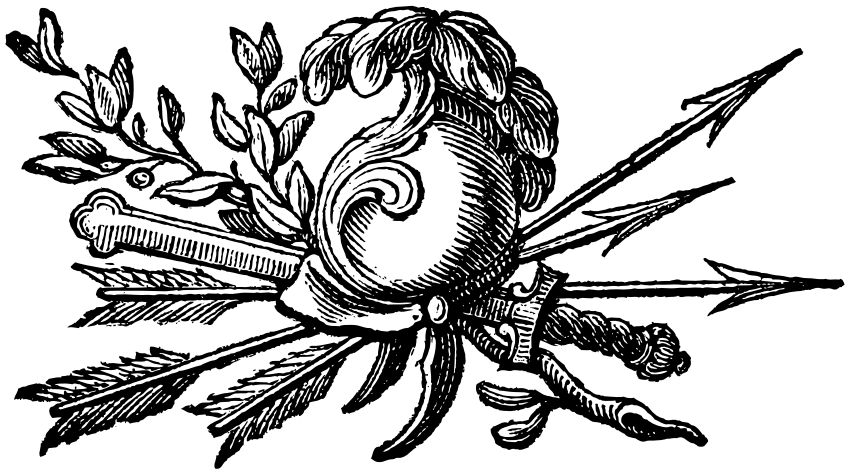
Таким образом, переход государства от одного качественного уровня к другому требует умелой мобилизации имеющего потенциала и ресурсов, определяющую роль при этом играет выбор стратегии. Посредством стратегии осуществляется переход государства на более высокий качественный уровень развития эволюционным путем. Стратегия государства непосредственно связана с его целью и функциями.

¹ Выступление Президента на видеоселекторном совещании, посвященном состоянию дел по обеспечению правосудия в системе судебных органов, проблемам и задачам на перспективу. — <http://prezident.uz/ru>

² Закон Республики Узбекистан «О противодействии коррупции». — parliament.gov.uz

³ Постановление Президента Республики Узбекистан от 2 февраля 2017 г. ПП № 2752 «О мерах по реализации положений Закона Республики Узбекистан «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства Республики Узбекистан. 2017. № 5(765).

Роль и значение стратегии государства в каждый исторический период трудно переоценить. Сегодня с уверенностью можно сказать, что за короткий по историческим меркам период суверенного развития государства в формировании гражданского общества были использованы концепции и принципы, которые составляют сокровищницу мировой цивилизации. Наряду с такими классическими концепциями, как разделение властей, сдержки и противовесы, принципов построения правового государства, представительной демократии, формирования гражданского общества, используется и концепция «электронного правительства». В то же время, исходя из реалий сегодняшнего дня, необходимости возрождения национальной государственности, учитывая исторический опыт, сложившиеся политические традиции и институты, был выработан ряд концепций и теорий, которые легли в основу собственной стратегии развития нашего государства. Это позволило Узбекистану перейти на рыночный путь развития, возродить национальную государственность и занять свое место в мировом сообществе, не потеряв своей идентичности в современном глобализующемся мире.

**МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ
ПОЛЕ ТЕОРИИ ИСТОРИИ**

Т.В. МАРМОНТОВА, А.Т. СЕРИКБАЕВА

ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ РЕГИОНОВЕДЕНИЯ В КАЗАХСТАНЕ

С момента обретения независимости Республика Казахстан объявила международное сотрудничество и интеграцию в мировое образовательное пространство одним из приоритетов своего социального развития. Активное участие Казахстана в процессах интернационализации образования связано с такими важными процессами, как повышение конкурентоспособности образовательных услуг, признание уровня квалификации наших ученых и преподавателей. Развитие международных связей казахстанских вузов создает благоприятные предпосылки для реализации совместных образовательных программ и исследовательских проектов. По признанию специалистов, современная система высшего образования в Казахстане год от года приобретает черты динамично развивающейся структуры, способной адекватно реагировать на процессы глобализации и информатизации¹.

Республика Казахстан стала полноправным участником европейского образовательного пространства одной из первых в Центральной Азии. Дата 11 марта 2010 года вошла в историю казахстанского высшего образования как День подписания Болонской декларации. По решению Комитета министров образования стран – участниц Болонского процесса Республика Казахстан стала 47-й страной – участницей Болонского процесса².

¹ Магауова А.С., Жангужина М.Е. Кредитная технология обучения как основа подготовки конкурентоспособных специалистов // Вестник КPCY. 2015. Т. 15. № 6. С. 160 –163.

² Болонский процесс. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kaznpu.kz/ru/950/page/> (дата обращения 15.03 2017).

В Государственной программе развития образования Республики Казахстан на 2011–2020 годы отмечается, что в нашей стране структура образования приведена в соответствие с Международной стандартной классификацией образования. Была введена трехуровневая подготовка специалистов: бакалавр — магистр — доктор PhD. Также был утвержден «Классификатор специальностей высшего и послевузовского образования Республики Казахстан», который содержит укрупненные группы специальностей.

Также была расширена академическая свобода вузов в определении содержания учебных программ, увеличен компонент по выбору: в бакалавриате — с 40 до 50%, в магистратуре — с 50 до 60% и в докторантуре — с 70 до 80%¹.

В период глобализации и интернационализации, углубления международных контактов на всех уровнях одновременно происходят процессы регионализации и сегментации, формирование региональных подсистем международных отношений. В связи с этим возникла специальность «Регионоведение», которая является новой перспективной дисциплиной, отвечающей потребностям настоящего времени. Она дает возможность совместить свободное владение несколькими иностранными языками с комплексным изучением того или иного региона мира, получения практических знаний, позволяющих анализировать современную международную ситуацию и прогнозировать развитие региона.

Регионовед — профессия новой формации, которая готовит аналитиков, умеющих вести переговоры, координировать международные программы и продвигать различные проекты, сопровождать делегации за рубежом, консультировать по различным видам деятельности в сфере внешних сношений и внутренних отношений. Специфика специальности «Регионоведение» состоит в комплексном изучении соответствующего региона, страны или группы стран. Это могут быть страны Европы, Азии, Америки или Африки.

В списке обязательных дисциплин, преподаваемых региноведам, — язык и история изучаемого региона, культура, экономическая и политическая география, теория и история международных отношений, геополитика и т.д. В основе образования региноведа — гуманитарные и общественные дисциплины.

¹ Государственная программа развития образования Республики Казахстан на 2011–2020 годы // Информационно-правовая система нормативно-правовых актов Республики Казахстан. [Электронный ресурс] // URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U1000001118> (дата обращения 15.03 2017).

Круг возможных мест работы чрезвычайно широк: крупные сырьевые (нефтяные, газовые, деревообрабатывающие) компании с разветвленной сетью международных связей; представительства фирм — как в Казахстане, так и за рубежом; консалтинговые и информагентства, СМИ, комитеты по культурным связям, МИД РК, КНБ РК, посольства, международные организации и отделы государственных ведомств и учреждений.

Как правило, выпускники специальности «Регионоведение» работают переводчиками, секретарями-референтами, организаторами международных проектов, представителями международных организаций, региональными менеджерами, продвигающими продукцию брендов в конкретном регионе¹.

Для укрепления позиций Республики Казахстан в современной системе международных отношений, успешного развития внешних связей нашей страны с регионами мира необходимы высококвалифицированные специалисты, подготовленные к аналитической работе, ведению переговоров, координации международных программ и менеджменту международных проектов, сопровождению делегаций за рубежом, консалтингу и другим видам деятельности в сфере внешних сношений. Эту нишу на рынке труда могут занять именно выпускники вузов по специальности «Регионоведение». Республике Казахстан, которая имеет налаженные международные связи и интересы в различных странах, необходимы квалифицированные специалисты, знающие историю определенного региона, социально-экономическое, политическое и культурное развитие стран региона на современном этапе².

Специальность «Регионоведение» является достаточно молодой. Однако спрос на нее достаточно высок. Доказательством этому, является количество грантов, выделяемых МОН РК на подготовку регионоведов. Так, в 2011–2012 и 2013–2014 гг. было выделено 30 грантов в рамках бакалавриата. В 2015–2016 гг. — 34 государственных гранта.

Подготовка регионоведов ведется в следующих вузах Казахстана:

1. Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилёва (ЕНУ);
2. Казахский национальный университет имени ал-Фараби (КазНУ);
3. Казахский национальный педагогический университет имени Абая (КазНПУ);

¹ *Ахметова Ш.* Регионовед — модная профессия для работы за рубежом. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.uchi.kz/topik-foruma/regionoved-modnaya-professiya-dlya-raboty-za-rubezhom> (дата обращения 15.03 2017).

² *Макашева К.Н.* Новые тенденции в регионоведении // Вестник КазНУ. Серия: Международные отношения и международное право. № 5–6(49–50). 2010. С. 12–14.

4. Актюбинский государственный университет им. К. Жубанова (АГУ им. К. Жубанова);
5. Костанайский государственный университет имени А. Байтурсынова (КГУ имени А. Байтурсынова);
6. Кызылординский государственный университет имени Коркыт Ата (КызГУ имени Коркыт Ата);
7. Казахстанский университет международных отношений и мировых языков им. Аблай-хана (КазУМО);
8. Университет «Туран» (Туран);
9. Центрально-Азиатский университет (ЦАУ);
10. Международная академия бизнеса (МАБ);
11. Казахская академия труда и социальных отношений (КазАТК);
12. Западно-Казахстанский инженерно-гуманитарный университет (ЗКГУ)¹.

Специализированная кафедра регионоведения, в рамках образовательных программ которой производится подготовка специалистов на всех трех уровнях, имеется только в Евразийском национальном университете им Л.Н. Гумилева. Кафедра поддерживает связи с исследовательскими центрами Казахстана, России, Польши, Франции, Венгрии, Турции, Германии, США, Китая. Налажены международные научные связи с вузами России, Украины, Болгарии, Польши, Германии, Венгрии, Чехии, США, Франции и Великобритании.

Обучение по образовательной программе «Регионоведение» в ЕНУ им Л.Н. Гумилева предполагает изучение таких регионов мира, как:

- Западная и Восточная Европа;
- Северная и Латинская Америка;
- Южная и Восточная Азия;
- Центральная Азия и Ближний Восток.

Кафедрой регионоведения ЕНУ им Л.Н. Гумилева за 10 лет обучения студентов в области региональной науки накоплен собственный опыт подготовки специалистов, обладающих достаточными компетенциями по Центрально-Азиатскому региону, что является одним из основных приоритетов подготовки в рамках трехуровневой системы «бакалавр–магистр–доктор PhD». Актуальность и важность тщательного изучения собственного региона в процессе подготовки специалиста-региоведа обосновывается целым комплексом причин. Так, международное положение региона, его ресурсобеспеченность, особенности этнического и культурного ландшафта требуют тщательного изучения, причем не всегда это можно сделать инструментами исто-

¹ [Электронный ресурс] // URL: <http://univision.kz/specialnost/424-regionovedenie.html#> (дата обращения 15.03.2017).

рии, археологии, этнографии. Обеспечить комплексный анализ региональных процессов возможно с помощью тех методов и приемов, которые предоставляет регионоведение.

Переходя к анализу того, как изучение региона ведется в рамках образовательных траекторий по вышеуказанному предмету, отметим, что в данной статье рассматривается опыт кафедры регионоведения ЕНУ им Л.Н. Гумилева.

На каждом из трех уровней обучения студент, магистрант, докторант может выбрать Центральную Азию как направление специализации. В рамках обучения по этому направлению, начиная со второго курса, студент в рамках компонента элективных дисциплин последовательно изучает этот регион. Курсы направлены на освещение таких вопросов, как регион в системе международных отношений, экономика, политика, культура стран Центральной Азии. В зависимости от предпочтений обучающихся это делается на государственном, русском и английском языках. На бакалавриате обучающийся по специализации «Центральная Азия» получает набор базовых знаний¹.

Так, подготовка регионоведов-бакалавров предполагает изучение дисциплин в рамках пяти крупных модулей:

1. «Политика и дипломатия зарубежных регионов»;
2. «Международная и региональная безопасность»;
3. «Модуль базовых знаний»;
4. «Модуль экспертно-аналитических работ»;
5. «Лингвострановедение»

В таблице 1 показано, то, как регион Центральной Азии включен в образовательные траектории бакалавров.

¹ [Электронный ресурс] // URL: http://fmo.enu.kz/index.php?option=com_content&view=article&id=488%3A2013-02-14-19-06-06&catid=9%3A2011-07-08-15-21-27&Itemid=38&lang=ru (дата обращения 15.03.2017).

Таблица 1

**Анализ включенности региона Центральная Азия
в образовательные траектории по регионоведению**

Модуль	Дисциплины модуля	Компетенции обучающихся
«Политика и дипломатия зарубежных регионов»	<p>Политические системы и процессы стран Центральной Азии и Ближнего Востока; Международные и региональные организации восточных регионов мира; Дипломатические традиции стран восточных регионов мира; Техника переговорного процесса восточных регионов; Страны Центральной Азии и Ближнего Востока в глобальных и региональных процессах; Интеграционные процессы в странах Центральной Азии и Ближнего Востока; Международные экономические связи стран Центральной Азии и Ближнего Востока.</p>	<p>Освоение студентами данного модуля позволит им понимать логику глобальных процессов и развития всемирной политической системы международных и региональных отношений в их исторической, экономической и правовой ретроспективе.</p>
«Международная и региональная безопасность»	<p>Трансграничное сотрудничество в Евразийском пространстве; Современные региональные системы; Евразийская безопасность; Современные конфликты восточных регионов мира; Религиозная ситуация в восточных регионах мира.</p>	<p>Одной из задач модуля является приобретение обучающимися навыков анализа основных внутренних факторов, влияющих в целом на состояние системы региональной безопасности, а также понимание основ регулирования международных конфликтов с использованием дипломатических, политико-психологических, социально-экономических и силовых методов.</p>
«Модуль базовых знаний»	<p>История стран Азии и Африки Введение в регионоведение</p>	<p>Дисциплины модуля базовых знаний дает обучающимся категориальный аппарат и методологию регионоведческой науки; основные этапы развития мировой истории и политического процесса; основные концепции мировой политики и геополитики. Понимание основных закономерностей развития мировой политики, определение места и роли изучаемого региона в современном мировом политическом процессе также предусмотрены программами курсов модуля базовых знаний.</p>

«Модуль экспертно-аналитических работ»	Практикум информационно-аналитической работы регионоведа	Изучение региона Центральная Азия в контексте данного модуля дает студентам умение системно мыслить и иметь способность к обобщению, анализу и восприятию информации относительно изучаемого региона.
«Лингвострановедение»	Культурные особенности стран региона Центральная Азия	

Реализация указанных программ должна помочь студентам ориентироваться в современных тенденциях регионального политического развития, глобальных политических процессах, а также понимать их перспективы и влияние на развитие стран изучаемого региона.

Не менее важным для получения полноценных знаний о Центральной Азии является изучение дисциплин модуля «Международная и региональная безопасность». Особенность данного модуля — углубленное изучение ключевых понятий и процессов в контексте международной и региональной безопасности. Умение анализировать динамику основных характеристик среды международной безопасности и понимание их влияния на национальную безопасность стран изучаемого региона существенно отличает студентов-регионоведов.

Одним из сложных, но в то же время интересных является модуль экспертно-аналитических работ. В рамках данного модуля студенты овладевают основами написания исследовательских проектов, проводится глубокая информационно-аналитическая работа по региону. Программы курсов именно этого модуля содержат основы и базовые навыки прикладного анализа международных ситуаций; навыки анализа содержания программных документов по проблемам внешней политики стран.

Важной составляющей модуля является обретение теоретических знаний, позволяющих дать анализ проблем современной мировой политики; различных методов политологических исследований и знание сфер их наиболее эффективного применения; навыков прогнозирования тенденций развития международных отношений и мировой политики.

На второй ступени, в рамках магистратуры, для интересующихся Центральной Азией предполагается углубленная предметная специализация, направленная на расширение и актуализацию знаний, полученных студентом в рамках бакалавриата, развитие навыков научного поиска, раскрытие интеллектуального потенциала молодого эксперта. Центральная Азия изучается в рамках направления специализации «Центральная Азия и Китай», на изучении процессов в

регионе строятся программы двухдипломного образования, которые кафедра активно реализует. С 2016–2017 года стартует программа «Евразийские исследования», данная программа реализуется совместно с Томским государственным университетом и направлена на подготовку компетентных специалистов по региону ЕАЭС, что особенно актуально в связи активным ростом и развитием данного интеграционного объединения, и высокими потребностями органов и структур Казахстана и России в специалистах подобного уровня. Дисциплины по Центральной Азии в рамках магистерских программ развивают навыки ситуационного анализа региона, прогнозирования вариантов политического и экономического развития в странах ЦАР, и сопредельных территорий, анализа моделей регионального развития и многое другое. Непосредственно с регионом связаны места практики и стажировки магистранта¹. Магистранты, проходящие подготовку по Центральной Азии, имеют возможность делать это на трех языках: государственном, английском и русском.

Ознакомиться с методологией системного подхода и его применения в прикладных аналитико-прогностических исследованиях Центрально-Азиатского региона, а также обучение навыкам его практического применения при моделировании политических явлений и процессов магистранты-регионоведы могут в рамках модуля «Методологический и политический анализ в регионоведении».

В контексте модуля «Актуальные проблемы изучаемого региона» обучающиеся по программе магистратуры имеют возможность расширить свои представления в области практического использования навыков анализа ситуации в регионе. Следует подчеркнуть, что дисциплины модуля также посвящены изучению проблем региональной и международной безопасности в Центральной Азии на основе исторического, сравнительного и проблемного подходов, и в результате его освоения магистранты должны получить базовые знания о современной системе международных отношений и об основных угрозах и рисках, влияющих на региональную и международную безопасность.

Вершиной подготовки специалиста в области регионоведения является обучение в докторантуре PhD. Кафедрой регионоведения на сегодняшний день осуществлено пять наборов в докторантуру. Система подготовки докторанта предполагает большую степень самостоятельности и высокий процент элективных дисциплин. Докторанты проводят собственные самостоятельные исследования, готовят

¹ [Электронный ресурс] // URL: http://fmo.enu.kz/index.php?option=com_content&view=article&id=488%3A2013-02-14-19-06-06&catid=9%3A2011-07-08-15-21-27&Itemid=38&lang= (дата обращения 15.03.2017).

диссертационные работы под руководством ведущих специалистов кафедры и участием зарубежных консультантов. Методологический фундамент докторантов кафедры различен, хотя большая их часть являются выпускниками бакалавриата и магистратуры по специальности регионоведение. Кафедрой ведется серьезная работа, чтобы ориентировать докторантов на исследование тем, так или иначе связанных с исследованием различных аспектов региональных контактов Центральной Азии с основными регионами мира. Докторантура PhD — это достаточно молодая область образовательной деятельности, и опыт подготовки докторов в области регионоведения не очень велик. Однако положительные моменты уже видны. Так, успешно защищена первая в республике диссертация доктора PhD по регионоведению, которая анализировала отношения Италии и стран Центральной Азии. Публичная защита данной работы продемонстрировала ее высокий научный и методологический уровень. Работа успешно прошла экспертный анализ и была утверждена МОН РК. Сегодня на кафедре регионоведения обучаются четыре докторанта. В 2015–2016 гг. завершили программу подготовки два докторанта. В данный момент они готовятся к публичной защите своих работ. Темы трех докторских исследований, которые в настоящий момент готовятся докторантами кафедры, также связаны с Центральной Азией.

Программа докторантуры PhD предусматривает изучение данного региона в рамках следующих модулей:

1. Современный глобальный миропорядок и регион Центральной Азии и Ближнего Востока;
2. Актуальные проблемы региональной безопасности в Центральной Азии и на Ближнем Востоке;
3. Геополитический и геоэкономический анализ региона Центральной Азии и Ближнего Востока.

Полноценное освоение этих модулей обеспечивает докторантов фундаментальными знаниями в сфере глобальной трансформации и региональных процессов. Кроме того, это позволит выработать у исследователей комплексный подход к изучению региональной безопасности и анализу происходящих процессов с точки зрения геоэкономики и геополитики.

В рамках научных проектов кафедры регионоведения ЕНУ им. Л.Н. Гумилева основной фокус работы направлен на изучение Центральной Азии. В период 2012–2014 гг. преподаватели кафедры приняли участие в проработке темы «Исследование проблем формирования и реализации внешнеполитического курса РК в условиях новейших угроз национальной безопасности». В период 2013–2014 г. преподаватели были вовлечены в казахстанско-российский научный проект

по теме «Социальное измерение перспектив евразийской интеграции в контексте приграничного и регионального сотрудничества России со странами Центральной Азии». В настоящий момент кафедра работает над реализацией проекта по теме «Анализ состояния экспертной оценки внешней политики Республики Казахстан западным академическим сообществом»¹.

Важным элементом формирования целостной структуры подготовки специалиста по региону является издательская деятельность. ППС кафедры регионоведения проводит серьезную работу в данном направлении. За последние три года преподаватели кафедры подготовили к печати учебные пособия по «Регионоведению» на русском и казахском языках, а также по «Истории СНГ» на казахском языке. Данные учебные пособия помогают формированию фундаментальных основ регионоведения в Казахстане.

При всем положительном опыте, наработанном кафедрой регионоведения ЕНУ им Л.Н. Гумилева, важно озвучить те сложности, с которыми кафедра сталкивается при организации подготовки по образовательному курсу «Центральная Азия».

Имеется определенная логическая коллизия, которая связана с необходимостью изучения языков региона. С одной стороны, обучающиеся на государственном языке в совершенстве владеют одним из языков региона — казахским. Высок уровень владения государственным языком и у тех, кто обучается на русском языке. Но казахский язык — это всего лишь один из многих языков государств Центральной Азии. Для специалиста важно иметь представление и о других языках региона: узбекском, таджикском, туркменском, киргизском. С учетом того, что наш регион населяют народы родственные, изучение языка не станет столь серьезной проблемой, как это может быть в случае, например, японского и китайского. Пока обеспечить даже их факультативное изучение не представляется возможным. Решение проблемы можно найти в усилении связей с национально-культурными центрами, посольствами, приглашении волонтеров для преподавания языков стран региона.

Серьезную проблему составляет возможность организации стажировок для магистрантов в регионе специализации. Требования к учебной программе магистрантов предусматривают оплачиваемую 10-дневную стажировку для завершения исследования. Обычно факультет и кафедра ориентируют магистрантов на необходимость ис-

¹ [Электронный ресурс] // URL: http://fmo.enu.kz/index.php?option=com_content&view=article&id=1296%3A2015-12-25-03-23-45&catid=9%3A2011-07-08-15-21-27&Itemid=38&lang=ru (дата обращения 15.03.2017).

пользовать данную возможность для проведения полевых исследований в регионе специализации. Магистранты, специализирующиеся в области центральноазиатских исследований лишены такой возможности в связи с тем, что ни один вуз из нашего региона не одобрен МОН РК в качестве научного центра для организации исследований. Аналогичная ситуация и с докторантами: для интересующихся Центральной Азией приходится приглашать специалистов из дальнего зарубежья, научным интересом которых является наш регион. Так, с одной стороны, докторант имеет прекрасную возможность проводить исследование под руководством опытных специалистов, с другой стороны, он получает подготовку как бы извне. База для полевых исследований ограничена только собственно Республикой Казахстан.

Подводя итог, необходимо отметить, что изучение региона Центральной Азии является одним из основных приоритетов образовательного процесса. Студент, выбравший этот регион предметом своей специализации получает возможность шаг за шагом, начиная с базовых категорий и заканчивая теоретическим анализом, расширять свои знания. Таким образом готовятся конкурентноспособные специалисты, способные найти свою нишу на рынке труда.

Сегодня кафедрой регионоведения ЕНУ им Л.Н. Гумилева выполняется важная общественно-политическая задача, связанная с формированием у молодого поколения понимания того, что же представляет собой регион, который исторически просуществовал многие сотни лет, но политически сформировался буквально несколько десятилетий назад.

Регионоведение в Казахстане — сегодня специальность перспективная и востребованная. Для молодых государств подготовка специалистов, способных ориентироваться в политике, экономике, культуре основных регионов мира, является социально значимой задачей в связи с тем, что формирование устойчивых связей в различных отраслях международной деятельности — важный шаг для формирования эффективной внешней политики.

Центральная Азия как территория специализации для подготовки регионоведов из самого региона, с одной стороны, привлекателен для студента, так как интуитивно знаком и понятен ему. С другой стороны, изучая этот регион, обучающийся сталкивается с рядом серьезных проблем, заключающихся в отсутствии специальной методологии раскрытия специфики Центральной Азии. К большому сожалению, приходится констатировать, что сегодня в Казахстане практически полностью отсутствует учебная литература по дисциплинам специализации, связанным с вышеуказанным регионом. Порядка 70 процентов литературы, привлекаемой к учебному процессу, носит научный

и публицистический характер, тем самым процесс усвоения учебного материала усложняется.

Эффективным инструментом в подготовке квалифицированных специалистов в области регионоведения может стать разработка программ дудипломного образования. Опыт подобной работы в Казахстане имеется. Достаточно хорошо показали себя программы магистратуры, организованные в рамках Сетевого университета ШОС и программы сотрудничества с РУДН. С этого учебного года заработает совместная программа кафедры регионоведения с Томским университетом, которая будет готовить специалистов в области евразийских исследований.

Перспектива решения указанных проблем видится в усилении возможностей академического обмена, в привлечении к обучению регионоведов, специализирующихся по центральноевразийскому пространству, изнутри региона. Ученым этих стран необходимо активнее работать друг с другом в различного рода научных, образовательных программах. С одной стороны, проблемы финансирования, бюрократическая регламентация образования и науки серьезно усложняют возможности коммуникации. Но другой стороны, сегодняшний уровень развития связи дает большие возможности дистанционного общения.

М.С. ИСАКОВА

АРХИВНОЕ ДЕЛО В УЗБЕКИСТАНЕ: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВА РАЗВИТИЯ

*Историки могут стать настоящими историками
или написать историю только тогда,
когда однажды они посетят архив.*

Николас ДИРК¹

Генезис архивов

В условиях глобализации и информатизации люди все чаще обращаются к истории, стремясь объективно изучить прошлое и расширить круг представлений о закономерностях социально-политического, экономического и культурного развития.

Известно, что всякий процесс общественного развития сопровождается накоплением и сохранением документальных источников. За каждым из них стоит либо публичная, либо частная потребность, востребованное действие, процесс или явление. Однако создатель документа преимущественно думает о выполнении конкретной задачи и не всегда осознает то или иное историческое значение самой информации. Тем не менее документ, выполнив свое назначение, как правило, про-

¹ *Nicolas B. Dirks. Annals of the Archive: Ethnographic Notes on the Sources of History // Historical Anthropology and its Futures. Ed. by Brian Keith Axel. Duke University Press, 2003. P. 47.*

должает свой жизненный цикл. В результате количество и содержание запечатленной в документах информации оказывается в большей части социальной, а накопленные материалы содержат ретроспективные сведения, отражающие тенденции общественных процессов цивилизации. Словом, архивные источники являются хранителями прошлого народа, достижений и традиций в интеллектуальной деятельности человечества. Именно потребность в бережном сохранении документальной информации, отражающей историю, непосредственно послужила причиной изменения функций архивов от практических к научным.

В современном понимании слово «архив» впервые появилось в Италии и Франции в XVII в., а в России — в XVIII в¹. В современной архивной терминологии большинства стран понятие «архив» продолжает нести в себе несколько существенных характеристик, таких как: 1) комплекс (совокупность) документов; 2) хранилище или место хранения документов; 3) юридическое лицо или его структурное подразделение, ответственное за содержание, хранение и использование документов.

Так, в английской терминологии, термин «archives» употребляется в значении архивных документов, т.е. обозначает документы, законченные делопроизводством и подлежащие передаче в архивное учреждение для постоянного хранения, а документы, подлежащие передаче на хранение и находящиеся в учреждении, наряду с бумагами текущего делопроизводства называются «records»². Работа с документами в их активной и полуактивной стадиях в международной терминологии носит название «records management» — управление документацией (делопроизводство). В свою очередь, управление документами включает в себя комплекс мер, направленных на достижение эффективности и экономии в области создания, организации хранения и использования документальных массивов. Архивное учреждение обозначается словосочетанием — «archival institution», архивохранилище — «archive depository»³.

В архивной практике ряда стран, в частности и в Узбекистане, использование под одним понятием системы различных объектов привело к терминологической путанице и создавало ряд сложностей.

¹ Старостин Е.В. Зарубежное архивоведение. Проблемы истории, теории и методологии. М: ИАИ РГУ, 1997. С. 13–19.

² Слово «record» — заимствованное в XIII в. от французского «recorder», произошедшего от латинского глагола «recordare» (сущ. «recordum»), что означало «помнить, вспоминать сказанное, воскрешать в памяти». Основа слова состоит из префикса «re» — «обратно, назад, снова» и корня «cord» (cordis) — «сердце». Буквально «record» значит «помнить», «запомнить сердцем» и отражает старинное представление о том, что сердце является местом, где находится память человека. См.: Гальцев И.Н. Английская архивная терминология // Вопросы архивоведения. 1962. № 2. С. 82.

³ Банасюкевич В.Д., Сокова А.Н. Управление документацией (из зарубежного опыта) // Отечественные архивы. 1992. № 2. С. 100–106.

Однако жизнь ставила свои задачи и, как обычно, побуждала архивоведение к развитию.

Важно отметить, что сегодня архивы в системе происходящих трансформаций, выступая самостоятельными социальными институтами, посредством хранящихся в них архивных документов оказывают заметное воздействие на рост общественного самосознания и национальной идентичности.

Типология и тенденции развития архивов в Узбекистане

В результате кардинальных изменений отечественной архивной системы в период независимости, приведших к переструктуризации действующих в Узбекистане архивных учреждений, востребованная типология архивов получила официальное подкрепление в новых нормативно-правовых документах. В первую очередь была разрешена проблема нечеткости понятийного аппарата, фактически блокировавшего разработку научно обоснованной, адекватной действительности типологии архивов Узбекистана. В отличие от старого Закона «Об архивах» (15 апреля 1999 г.), где под термином «архив» одновременно понималась и совокупность архивных документов, и отдельное архивное учреждение, а также ведомственный архив, являющийся структурным подразделением юридического лица¹, в новом Законе «Об архивном деле» Республики Узбекистан (15 июня 2010 г.) понятие «архив» используется, лишь для обозначения самостоятельного учреждения². Тем самым в отечественной архивную практику внесены принципиальные коррективы в существовавшие иерархически организованные классификационные понятия, эмпирически сложившиеся на протяжении многих лет.

Сегодня систему архивов Узбекистана составляют: 1) Центральный республиканский орган управления архивным делом — Агентство «Узархив» и его уполномоченные органы — территориальные архивные управления; 2) государственные и негосударственные архивы; 3) ведомственные архивы. В свою очередь, государственные архивы согласно источникам комплектования подразделяются на: 1) республиканские (ЦГА РУз, ЦГА НТМДА РУз, ЦГА КФФД РУз); 2) территориальные (ЦГА Республики Каракалпакстан, Государственный архив г. Ташкента, 12 областных государственных архивов и 86 их филиалов). Согласно статистике архивного управления, за годы независимости число государственных архивов республики заметно возросло.

¹ Закон Республики Узбекистан «Об архивах». Ташкент, 1999. Ст. 4. С. 12.

² Там же. Ст. 3.

Таблица 1

Динамика развития сети государственных архивов Узбекистана

Государственные архивы	Годы			
	1991	2005	2009	2016
ЦГА РУз	1	1	1	1
ЦГА КФФД РУз	1	1	1	1
ЦГА НТМД РУз	1	1	1	1
ЦГА Республики Каракалпакстан	1	1	1	1
Его филиалы	-	6	10	10
Областные государственные архивы	12	12	12	12
Их филиалы	55	59	71	75
Государственный архив г. Ташкента	1	1	1	1
Всего	72	82	98	103

Как видно из таблицы, за последние четверть века количество госархивов увеличилось 1,5 раза. Основная причина увеличения роста была связана с возрастанием объема архивных документов. В частности, если в 1991 г. в государственных архивах республики было сосредоточено свыше 5,4 млн единиц хранения, то в 2005 г. этот показатель составил – 7,1 млн, а к 2015 г. объем архивных документов вырос до 8,4 млн единиц хранения. При этом рост управленческой документации составил – 147%, документов личного происхождения – 175%, кинодокументов – 114%, фото – 120%, фонозаписи – 123%¹.

Развитие частного сектора и политика демонополизации и децентрализации экономики страны, а также увеличение количества негосударственных организаций, предприятий и учреждений привело к созданию новой сети – негосударственных архивов. В 2009 г. в республике функционировали 29 негосударственных архивов. Весной 2009 г. Агентство «Узархив» в целях изучения их деятельности провело анкетирование территориальных архивных управлений, в результате которого были выявлены существенные недостатки в организации их работы. Так, негосударственные архивы в противовес установленным нормативным ограничениям оказывали услуги юри-

¹ Текущий архив Агентства «Узархив» за 2016 г.

дическим лицам, являющимся источниками комплектования государственных архивов, по упорядочению архивных документов, включенных в состав НАФ Узбекистана. При этом качество проделанной работы не отвечало нормативным требованиям, что нанесло заметный ущерб полноценности информации и планомерному пополнению архивного фонда.

В отдельных случаях негосударственными архивами были приняты на хранение и архивные документы, включенные в состав государственной части Национального архивного фонда. Подобные случаи были выявлены и в г. Ташкенте, и в Республике Каракалпакстан¹. В то же время, как показали результаты письменного опроса, в административно-организационном отношении негосударственные архивы не были подотчетны территориальным управлениям по архивному делу, что не позволяло последним быть информированными об их деятельности².

Тем не менее ежегодное увеличение количества негосударственных организаций, предприятий, учреждений, в которых скапливается разного рода архивная документация, в частности документы по личному составу, ограниченность площадей архивохранищ в государственных архивах создают естественную потребность в расширении сети негосударственных архивов. Так, число негосударственных архивов в 2012 г. выросло до 47. Однако деятельность значительной части данных архивов противоречила требованиям Закона «Об архивном деле» и нормам, установленным Кабинетом Министров республики. В результате, в 2014 году 40 из них были ликвидированы³.

Если в недавнем прошлом государственные архивы относились к негосударственным архивам как отрицательному явлению, то естественные жизненные потребности и реформа правовой практики послужили толчком к изменению установившихся стереотипов. На современном этапе развития над негосударственными архивами установлены: 1) методическое руководство (Агентство «Узархив» ведет единую политику в сфере архивного дела); 2) подотчетность в учете документов негосударственной части НАФ посредством предоставления информации в Государственный каталог НАФ. В то же время, как показывает мировая практика, увеличение негосударственных архивов позволяет решить ряд насущных проблем: во-первых, в определенной мере уменьшается прием государственными ар-

¹ Маматов А. Архивлар — хаёт кўзгуси (Архивы — зеркало жизни) // Миллий тикла ниш. 2009 йил, 10 июн.

² Текущий архив Агентства «Узархив» за 2009 г.

³ Текущий архив Агентства «Узархив» за 2015 г.

хивами документов непрофильных учреждений, что предотвращает переполнение госархивохранилищ документами временного хранения и сосредоточить основное внимание на работе с документами НАФ; во-вторых, создаются дополнительные условия для развития негосударственного сегмента НАФ; в-третьих, планомерно распределяются функции между архивами в исполнении запросов как юридических, так и физических лиц.

Наряду с госархивами заметно расширилась и сеть ведомственных архивов, оформившихся в четыре вида: текущие архивы собственно ведомств; объединенные ведомственные архивы учреждений, организаций, предприятий, входящих в состав ведомственных систем; межведомственные хозрасчетные архивы документов по личному составу; специализированные отраслевые ведомственные архивы и фонды с централизованной организацией хранения исторических и оперативных документальных комплексов. С учетом специфики деятельности ведомств определенному числу ведомственных архивов законодательно предоставлено право постоянного хранения документов Национального архивного фонда Республики Узбекистан¹.

Отдельный вид представляют собой межведомственные хозрасчетные архивы документов по личному составу (МХАДЛС), ведомственные местным органам управления — хакимиятам. К примеру, если в 1993 г. в республике функционировало всего 89 МХАДЛС, то в 2009 г. их число выросло до 122. Данные архивы выполняют немаловажную роль в удовлетворении информационных потребностей граждан. Так, если в 2011 г. госархивами было исполнено 112 тыс. запросов граждан, а МХАДЛС — 300 тыс., в 2014 году данный показатель был увеличен госархивами на 164 300, а МХАДЛС на 330 тыс.²

Однако существует несколько проблем в деятельности данных архивов. В частности, 78% из них переполнены документами, здания и архивохранилища большинства из них не отвечают нормативным требованиям, помещения приема посетителей, материально-техническая база, спектр оказываемых услуг требуют кардинальных обновлений. Также эти архивы прикреплены к Агентству «Узархив» лишь организационно-методически и не обеспечиваются бюджетными средствами, 50% организаций — источников комплектования архива ликвидированы, что создает серьезные экономические трудности. В результате этого за последние 5 лет из-за нерентабельности 12 МХАДЛС были ликвидированы, а их документы переданы на хра-

¹ Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан «Об утверждении нормативных документов по архивному делу» № 482 от 30 октября 1999 г.

² Текущий архив Агентства «Узархив» за 2016 г.

нение в соответствующие территориальные госархивы. В функционирующих сегодня 110 МХАДЛС вышеназванные проблемы остаются нерешенными.

Если тенденция увеличения количества государственных архивов и межведомственных хозрасчетных архивов документов по личному составу (МХАДЛС) в основном была связана с увеличением объема документов, образовавшихся в результате ликвидации или приватизации государственных учреждений, то рост числа ведомственных архивов объясняется усилением нормативного воздействия и повышением внимания руководителей соответствующих учреждений к обеспечению сохранности своих архивных документов. Так, по данным статистики за 2009 г., в республике функционировало около 7 500 ведомственных архивов, а в 2015 г. их количество увеличилось до 10 тыс. Сегодня в ведомственных архивах хранится свыше 1,2 млн единиц документов, включенных в состав Национального архивного фонда¹. Ежегодно от источников комплектования государственные архивы принимают на хранение свыше 200 тысяч единиц хранения документов.

Состояние и проблема планомерного комплектования Национального архивного фонда республики

Общественно-политические и социально-экономические реформы, проводящиеся в стране, усиливают внимание к вопросу планомерного комплектования архивов. С первых же дней становления независимого государства начала распадаться монополия государственных структур, выполнявших определенные идеологические функции. Наряду с демократическими государственными институтами стали формироваться многочисленные частные предприятия, акционерные общества, совместные фирмы, компании, ассоциации, негосударственные фонды и общества, а также другие организации подобного рода. Среди них преобладали негосударственные формирования, являющиеся для государственных архивов совершенно новыми партнерами, в первую очередь с точки зрения правовых основ взаимоотношений с ними.

В этих условиях необходимо было пересмотреть критерии дальнейшего выбора источников комплектования архивов и найти новые пути качественного пополнения НАФ. В связи с этим в первую очередь возникла проблема выбора из множества потенциальных сдающих именно тех, чьи документы в действительности представляли архивно-

¹ Текущий архив Агентства «Узархив» за 2016 г.

историческую ценность. Применявшиеся в советской архивной практике критерии определения круга источников комплектования государственных архивов¹ в новых условиях почти не действовали, так как они были разработаны применительно к конкретным историческим реалиям прошлого. Изменение политической системы, исчезновение иерархических ведомственных структур лишили смысла такие понятия, как значение организации или масштаб ее деятельности. Сегодня государственные архивы работают с юридическими лицами разных форм собственности, а масштабы и значение их деятельности являются величинами непостоянными, меняющимися в зависимости от множества факторов.

К примеру, согласно статистическим данным в 2009 г. в государственных архивах республики были сосредоточены 25 тыс. архивных фондов государственных учреждений и 12 тыс. архивных фондов негосударственных учреждений. Всего в состав НАФ было включено более чем 6 млн 600 тыс. единиц хранения документов. При этом цифровой показатель фондов негосударственных учреждений в значительной мере относится к ликвидированным или не являющимся источниками комплектования НАФ частным хозяйственным и общественным организациям. К основным факторам, сдерживавшим полноценное развитие негосударственной части Национального архивного фонда, можно причислить недостаточность разработанности правового вопроса ее формирования, нехватка финансовых средств для приобретения документов, а также слабость работы архивов по созданию личных архивов граждан. При этом значительная часть госархивов не укомплектована штатными единицами, занимающимися выявлением новых источников комплектования. В этом отношении, как показывает практика работы ведущих архивов мира, развитие наряду с официальной документальной базой и нетрадиционного архивного фонда позволяет расширить возможности архивов в удовлетворении информационной потребности не только общества, но современных исследований. К примеру, в архивах США и во Франции уделяют особое внимание сбору и формированию своеобразного фонда архивных материалов устной истории. По тематическому содержанию коллекции устной истории делятся на пять групп: 1) биографии; 2) социальные, профессиональные, этические группы; 3) институты и учреждения; 4) история штатов и городов; 5) определенная проблема и событие. Кроме того, архивами Германии, России придается большое значение сбору «эго-документов», т.е. дневников, мемуаров, вос-

¹ Основные правила работы государственных архивов. М., 1980; Основные правила работы государственных архивов с кинофотофонодокументами. М.: Типография им. Воровского, 1980.

поминаний и личной переписки не только известных лиц, но и обычных граждан — участников или очевидцев событий.

Использование и доступ к архивным документам

Одной из немаловажных сторон деятельности архивов является организация использования архивных документов, которую можно рассматривать как одну из форм научно-информационной работы. Исходя из практики организации использования архивных документов, в качестве основных можно выделить: а) управленческие; б) политические; в) экономические; г) научные; д) культурно-просветительские; е) социально-правовые цели.

Рост значения архивов можно проследить и по показателям исполнения тематических запросов. К примеру, если в 1991 г. госархивы на основе архивных документов исполнили свыше 1200 тематических запросов юридических лиц, то к концу 2016 г. общее число исполненных тематических запросов составило свыше 9 тыс.¹

Как известно, основу качества исторических исследований составляет предоставление архивных документов пользователям через читальный зал. Рассмотрим основные показатели этой работы на примере деятельности ЦГА РУз за 2010–2016 гг.

Таблица 2

Статистика работы исследователей в читальном зале ЦГА РУз²

Годы	Всего пользователей	Новые исследователи	Иностранцы	Кол-во выданных дел	Кол-во изготовленных ксерокопий (в листах)	Кол-во электронных копий (в кадрах)
2010	480	332	8	7555	35220	674
2011	502	191	9	37893	26678	633
2012	455	251	8	4538	3207	76
2013	175	80	10	28222	9820	6753
2014	154	66	11	25467	3642	12294
2015	479	183	10	23112	5060	15278
2016	466	110	14	16493	7356	4897

¹ Текущий архив Агентства «Узархив» за 2016 г.

² Материалы отчета работы читального зала ЦГА РУз за 2010–2016 гг. / Текущий архив ЦГА РУз.

Из таблицы видно, что число пользователей ежегодно пополняется и за счет новых исследователей. С 2008 г. в ЦГА РУз расширена форма услуг, оказываемых исследователям. Сегодня наряду с ксерокопией изготавливаются электронные копии документов, как на бумажных носителях, так и в микрофильмах.

Число пользователей, работавших в читальном зале архива, пополняется и за счет иностранных исследователей. В частности, за последние годы фондами ЦГА РУз пользовались исследователи из Англии, Германии, Израиля, Италии, Казахстана, Киргизии, России, США, Франции, Южной Кореи, Японии и т.д.

В этом отношении хотелось бы обратить особое внимание на хронологические рамки и вообще на научный интерес иностранных исследователей. Значительная часть работ в основном охватывает историю колониального и частично советского периодов. Необходимо отметить, что среди научных тем были и вопросы, остающиеся вне поля зрения отечественных историков. В частности, это история становления и развития дипломатики (документалистика, документоведение), социальная история, история повседневности населения среднеазиатских ханств и т.д.

Наряду с этим комплексное изучение статистических показателей организации работы исследователей в читальных залах областных государственных архивов и их филиалов, где минимальная численность исследователей за год колеблется от 20 до 25 пользователей¹, позволило выделить следующие основные недостатки:

— отсутствие за последние 20 лет научно-публикационных изданий, информирующих исследователей о составе и содержании архивных документов;

— нехватка высококвалифицированных кадров, хорошо знающих систему научно-справочного аппарата архивов, а также разбирающихся в вопросах востоковедения, источниковедения, археографии и архивной эвристики;

— требуется возобновить работы архивов по либерализации и коренному реформированию условий и нормативов доступа к документам.

Решение данных проблем диктует необходимость активизации сотрудничества государственных архивов и научно-исследовательских учреждений республики; разработки совместных проектов по

¹ Например, если в 2008 г. в читальных залах государственных архивов работали всего 783 исследователя, из них 299 работали в ЦГА РУз, а остальные в других государственных архивах // Отчет отдела «Использование документов и информационная служба» Агентства «Узархив».

вопросам источниковедения, археографии и архивной эвристики; возобновления деятельности комиссии по рассекречиванию архивных материалов; усиления работ по привлечению молодых специалистов в данную сферу, заведомо пересмотрев вопросы их материального поощрения.

Кадровая обеспеченность и подготовка специалистов архивной отрасли

Вопрос подготовки квалифицированных архивных кадров является одним из актуальных в Узбекистане. За последние годы в количественном отношении число сотрудников госархивов резко возросло. Если до 1991 г. в госархивах работали всего лишь 693 сотрудника, а в 2011 г. — 1019 сотрудников, то согласно статистическим данным архивного управления к 2016 г. штат увеличен на 1412 работников¹.

Тем не менее в качественном соотношении во всей системе архивных учреждений республики ощущается острая нехватка квалифицированных специалистов. С учетом данного положения Агентство «Узархив» ежегодно проводит изучение (в виде официального опроса среди подведомственных архивных учреждений) потребностей в кадрах по специальности архивоведение. Так, к примеру, в 2007–2009 гг. в целях проведения мониторинга изучения состояния и качества организации системы делопроизводства и архивного дела в 122 межведомственных хозрасчетных архива документов по личному составу (МХАДЛС) и более чем в 7000 ведомственных архивов, являющихся источниками комплектования государственных архивов, были отправлены анкетные вопросы. В результате выяснилось, что в большинстве из них наблюдалась острая нехватка специализированных кадров. Одновременно был выявлен недостаточный образовательный ценз работников делопроизводственной и архивной службы.

Анализ результатов анкетирования, проведенного в 2009 г., позволил Агентству «Узархив» выявить следующие недостатки в организации делопроизводства на местах:

1. Большинство специалистов министерств и ведомств, ответственных за делопроизводство структуры, не имели достаточных навыков работы с документами и были ознакомлены со спецификой делопроизводства только лишь после начала выполнения своих функциональных обязанностей, зачастую посредством личного наблюдательного эксперимента. В результате у значительного числа со-

¹ Текущий архив Агентства «Узархив» за 2016 г.

трудников основные понятия и знания о культуре ведения документов формировались после нескольких лет работы, т.е. с накоплением определенного профессионального опыта.

2. Результаты опроса также показали, что большинство специалистов не имели полноценного представления о многих разновидностях за исключением отдельного вида управленческих документов, например о специфике документов по личному составу. Слабо осведомлены о наличии нормативно-правовых документов, регулирующих делопроизводство и архивное дело республики.

Словом, нехватка специализированных кадров ограничивает возможности решить ряд проблем, связанных с внедрением новых методов и технологий в архивное дело, в проведении археографических исследований и подготовке научно-методических разработок, а также в совершенствовании архивных услуг. Вышеперечисленные обстоятельства оказывают негативное влияние на качественное формирование, комплектование, учет, хранение и использование архивных документов¹.

В то же время необходимо отметить, что в годы независимости была решена проблема обучения кадров. Сегодня в республике создана стройная система подготовки архивных кадров. Согласно статистике в республике функционируют 28 специализированных колледжей, которыми ежегодно выпускаются более чем 800 молодых кадров по специальности «Документоведение и архивоведение». В то же время в Национальном университете Узбекистана², Бухарском государственном университете, а также в Наманганском государственном университете ведется подготовка бакалавров по направлению 5220300 — «Архивоведение». В 2011/2012 учебном году при НУУз открылась новая специальность магистратуры «Документоведение и архивоведение», а с 2014/2015 учебного года при Ташкентском университете информационных технологий готовят специалистов магистратуры «Электронные библиотеки и архивы»³. Эти мероприятия способствуют решению одной из важных проблем развития отечественного архивного дела — подготовки высококвалифицированных специалистов-архивистов.

¹ Материалы текущего архива Агентства «Узархив» за 2009 г.

² Подготовка высококвалифицированных кадров архивистов в республике была начата в 1999/2000 уч. году, когда впервые на историческом факультете НУУз был осуществлен прием студентов в магистратуру по специальности «Историко-архивоведение». По данной специальности набор студентов проводился всего лишь два года. С 2003 г. в качестве эксперимента началась подготовка бакалавров по направлению «Архивоведение» при НУУз.

³ Текущий архив Агентства «Узархив» за 2014 г.

Тем не менее сравнительный анализ кадрового потенциала архивов стран СНГ показывает наличие серьезных недостатков в укомплектовании штатных единиц в архивах Узбекистана.

Таблица 3

Статистика кадрового потенциала стран СНГ за 2010 г.¹

№	Образовательный уровень	Россия (всего в штате – 14 980)	Белоруссия (всего в штате – 1 900)	Казахстан (всего в штате – 2330)	Узбекистан (всего в штате – 1092)
1	Кандидаты и доктора наук	306 (2%)	23 (1%)	13 (1,7%)	3 (0,3%)
2	Высшее	10 642 (71%)	705 (37%)	1 823 (78%)	242 (22%)
3	Среднее специальное	3 065 (20,5%)	222 (12%)	392 (9%)	524 (48%)
4	Среднее	1 142 (7,5%)	950 (50%)	102 (2%)	323 (30%)

К сожалению, данное положение согласно статистическим данным Агентства «Узархив» за 2016 г., где из 895 сотрудников госархивов 332 (23,5%) имеют высшее образование, 56 (6%) из них – со специальным образованием, а из 563 (40%) сотрудника со средним образованием 42 (9%) имеют специальное архивное образование, и что в системе работают лишь 1 доктор наук и 3 кандидата наук оставляют желать лучшего.

Отдельное направление стратегии Агентства «Узархив» в организации работы государственных и ведомственных архивов – это создание системы регулярного повышения квалификации сотрудников различных организаций, предприятий и учреждений по архивному делу и делопроизводству. К примеру, начиная с 2007 г. в ЦГА РУз были организованы курсы «Основы организации деятельности ведомственных архивов», а в ЦГА КФФД РУз – «Современные методы и культура делопроизводства». За три года на данных курсах прошли обучение 770 специалистов из различных ведомств республики, из них на курсах, организованных при ЦГА РУз, – 357 (77 сотрудников госархивов), ЦГА КФФД РУз – 413 (85 сотрудников госархивов)².

¹ Состояние и развитие архивного дела в странах СНГ в 1999–2010 гг.: Аналитический обзор. М., 2012. С. 106, 166, 310, 376.

² Текущий архив Агентства «Узархив» за 2009 г.

В целом проблема подготовки архивных кадров, назревавшая в течение нескольких десятилетий и оказывавшая тормозящее воздействие на развитие системы, нашла свое адекватное решение в период независимости в результате реформирования системы образования и архивного дела республики. В решении этой задачи наряду с государственными архивами принимают активное участие высшие и средние специальные учебные заведения, а также научно-исследовательские институты республики. Поэтапная подготовка специалистов среднего и высшего образования с последующим повышением квалификации на учебно-производственных практиках позволяет установить неразрывную связь между образовательным процессом и производством.

Интеграция архивов Узбекистана в международное сообщество

В рамках происходящей интеграции Узбекистана в мировое сообщество, проводится активная работа по заключению соглашений с различными зарубежными странами о сотрудничестве в сфере экономики, политики и культуры. Учитывая возрастающую потребность общества в получении разного рода оперативной информации, архивной службой республики наряду с организацией и координацией научно-методических работ в сфере архивоведения и археографии в деятельность государственных архивных учреждений внедряются результаты научных исследований и достижений науки и техники. При этом уделяется отдельное внимание и изучению зарубежного опыта работы ведущих архивов и расширению международного сотрудничества по усовершенствованию архивного дела.

Как подчеркивалось выше, с первых дней становления самостоятельной архивной службы республики актуализировалась потребность в развитии межгосударственных отношений между архивными службами как стран СНГ, так и дальнего зарубежья. В установлении международных связей и определении принципов и направлений сотрудничества немаловажную роль сыграли официальные встречи руководителей государственных архивных служб, международные курсы повышения квалификации архивных сотрудников, а также симпозиумы, конференции и круглые столы, посвященные актуальным проблемам развития архивного дела.

В частности, на проведенных в Минске (апрель 1992 г.), Москве (5–6 июля 1992 г., 14–15 октября 1993 г.), Киеве (2–3 ноября 1994 г.) встречах руководителей государственных архивных служб и обществ архивистов стран СНГ наряду с обсуждением информации о состоя-

нии архивного дела в независимых государствах рассматривался механизм реализации договоренностей об организации взаимодействия сторон по исполнению социально-правовых запросов граждан и созданию необходимых условий для научных исследований.

Начиная с 1994 г. представители отечественных архивных учреждений стали принимать активное участие в международных мероприятиях, организованных ЮНЕСКО по программе «Память Мира»¹. Немаловажное значение в изучении международного опыта организации архивного дела и повышения квалификации архивистов республики играют учебные курсы, организованные правительством Малайзии в рамках Программы технического сотрудничества под эгидой ЮНЕСКО и финансируемые из госбюджета страны. Начиная с 1999 года сотрудники государственных архивов Узбекистана проходят стажировку на учебных курсах при Национальном архиве Малайзии по вопросам «Менеджмента», «Консервации и переплета документов на бумажных носителях»², которые оказывают заметное влияние на квалификацию специалистов отрасли.

Впервые за годы независимости республики 21 мая 2003 года между «Узглавархивом» и Федеральной архивной службой России, а 6 июля того же года между «Узглавархивом» и Американским мемориальным советом «Холокост» и его Музеем в Вашингтоне были подписаны соглашения о сотрудничестве³.

Соглашение с Федеральной архивной службой России было направлено на развитие сотрудничества в области развития архивного дела двух стран. В отдельных статьях данного соглашения был оговорен вопрос о взаимном содействии сторон в пополнении фондов государственных архивов России и Узбекистана копиями важных документов по истории народов обоих государств.

В соглашении с Американским мемориальным советом «Холокост» и его Музеем в Вашингтоне предусматривалось расширение взаимовыгодного сотрудничества, осуществление совместных научно-исследовательских проектов и программ по использованию архивных

¹ Программа «Память Мира» была разработана ЮНЕСКО в 1992 г. для защиты, обеспечения сохранности, пропаганды, реставрации и широкого использования документального наследия различных стран мира. По данной программе ежегодно проводятся международные и региональные встречи. 25–26 сентября 1997 г. в Ташкенте проходила региональная консультационная встреча по вопросам консервации, сохранения и поддержки документального наследия стран Центральной Азии.

² Информационный бюллетень Главного архивного управления Республики Узбекистан за 2000 г. № 24. С. 9–10; за 2001 г. № 26. С. 6–7; за 2003 г. № 32. С. 21–25; за 2004 г. № 33. С. 41–44 и др.

³ Информационный бюллетень Главного архивного управления Республики Узбекистан за 2003 г. № 31. С. 12–18.

документов. Главной целью сотрудничества были обмен информацией, научная разработка, описание, изучение архивных фондов, содержащих документы, относящиеся к теме «Холокоста» и к его истории. В его рамках сотрудники центральных госархивов провели работу по выявлению и описанию архивных документов, связанных с переселением евреев в период Второй мировой войны в Узбекистан. В свою очередь, Американский мемориальный совет «Холокост» взял на себя обязательство о полном финансировании этой работы в архивах Узбекистана и предоставлении Агентству «Узархив» информации о документах по истории Узбекистана, хранящихся в его архивохранилищах. Кроме того, американской стороной предполагалось оказание содействия исследователям Узбекистана в изучении коллекции своих архивов путем предоставления доступа к справочному архивному аппарату через Интернет. Все условия договора по сбору и предоставлению архивных документов исполняются, но пункты о сотрудничестве в разработке исследовательских тем между учреждениями остаются не внедренными. Сотрудничество сторон продолжается и по сей день.

Заметим, что первоначально в 2008–2009 гг. были подписаны меморандумы о сотрудничестве в сфере архивного дела с правительствами Греции, Египта и Южной Кореи. Участие сотрудников архивов на различных международных конференциях, семинарах, учебных курсах тоже дают возможность изучить опыт работы ряда ведущих архивов стран СНГ¹.

Вышперечисленные мероприятия позволили отечественным архивистам выйти из своеобразной «информационной блокады», установленной тоталитарным режимом в отношении зарубежной архивистики, крайне ограничивавшей не только круг теоретических источников, но и практику изучения международного опыта и установления профессиональных контактов сотрудничества между специалистами отрасли.

Важное значение имело и решение вопроса о вступлении архивной службы республики в состав Международного совета архивов². 27–28 мая 2009 г. решением очередного заседания Международного совета архивов, проведенного в Алжире, Агентство «Узархив» было

¹ Текущий архив Агентства «Узархив» за 2009 г.

² Международный Совет архивов (МСА) был образован 9 июня 1948 г. Штаб-квартира находится во Франции. Сегодня МСА является профессиональной организацией с целью содействия сохранению, развитию и использованию архивного наследия во всем мире. Он объединяет национальные архивные администрации, профессиональные ассоциации архивистов, региональные и местные архивы и архивы других организаций, а также отдельных архивистов.

принято в состав членов Совета по категории «А»¹. Тем самым были устранены препятствия для официального участия представителей республики в работе секции Евразики, куда входят архивные органы большинство стран СНГ².

Известно, что проблема совершенствования деятельности архивных учреждений напрямую связана с решением одного из актуальных вопросов — автоматизации системы управления архивными документами. Как показывает мировой опыт, техническая модернизация архивных работ посредством применения современных информационно-коммуникационных технологий создает условия не только для совершенствования организации труда и сокращения затрат, но также способствует расширению и повышению качества архивных услуг.

В этом направлении архивными учреждениями Узбекистана практикуется разработка совместных международных проектов с ведущими научно-исследовательскими, образовательными центрами мира по получению грантов для совершенствования и модернизации архивного дела. Так, 21 августа 2008 г. было подписано постановление президента Республики Узбекистан «О мерах по реконструкции центральных государственных архивов Республики Узбекистан и их технической модернизации с привлечением гранта Правительства Республики Корея». Данный документ был направлен на расширение межгосударственного сотрудничества в области информационных технологий, укрепление материально-технической базы трех центральных государственных архивов республики (ЦГА РУз, ЦГА НТМД, ЦГА КФФД РУз), создание электронных архивных фондов, оснащение архивов современным оборудованием по оцифровке и реставрации архивных материалов. В соответствии с постановлением был разработан проект «Информатизация центральных государственных архивов Республики Узбекистан». В этих целях правительством Республики Корея в 2008–2009 гг. был выделен грант в размере 3 млн долларов США³. Исполнителями проекта от имени правительства Кореи выступило Корейское агентство по международному сотрудничеству «КОИСА», а со стороны Узбекистана — Агентство «Узархив».

¹ В МСА утверждено 5 категорий членства: А — национальные органы управления архивным делом и национальные архивы; В — национальные ассоциации и общества архивистов; С — другие архивные учреждения; D — индивидуальные члены; E — почетные члены.

² Всего в составе МСА функционирует 11 региональных отделений и 9 секций. Отделение ЕВРАЗИКА было создано в 2000 г., в него входят архивисты Восточной Европы и Азии, в основном из государств — участников СНГ и Монголии.

³ Постановление Президента Республики Узбекистан «О мерах по реконструкции центральных государственных архивов Республики Узбекистан и их технической модернизации с привлечением гранта Правительства Республики Корея» от 21 августа 2008 г.

В рамках данного проекта поэтапно были осуществлены значительные мероприятия. Наряду с техническим оснащением архивов для автоматизации работы центральных архивов Узбекистана была предусмотрена разработка специальной программы «Система управления архивными документами» (СУАД) — Records archive management system (RAMS). Вторая группа, состоявшая из специалистов компании «ABC Solution Inc.» и «Cyberdigm» для разработки программы СУАД, ознакомились с теорией отечественного архивоведения и спецификой работы каждого из трех центральных архивов по комплектованию, учету, хранению, использованию и созданию научно-справочного аппарата архивных документов.

В соответствии с условиями гранта для предварительного ознакомления с корейской практикой автоматизации архивных работ и опытом применения корейской программы «ERAMS»¹ в г. Сеуле были проведены тренинг-курсы для системных администраторов и операторов, а также специалистов по оцифровке документов. Была организована отдельная стажировка и для руководителей архивов.

Тем не менее в ходе внедрения СУАД в деятельность отечественных архивов встречались определенные трудности, связанные с нижеприведенными факторами:

- внедрение проекта одновременно в трех центральных государственных архивах в сжатые сроки не позволяло обеспечить одинаково высокое качество работы в системе;
- ведение ремонтных работ в архивах зачастую мешало качественной работе оборудования;
- негативно сказывались устоявшиеся стереотипы у сотрудников, основанные на традиционных методах работы;
- нехватка молодых квалифицированных специалистов-архивистов, владеющих навыками работы с информационными технологиями.

В последние годы архивными учреждениями Узбекистана стала практиковаться разработка совместных международных проектов с ведущими научно-исследовательскими, образовательными центрами мира. Так, в 2010–2013 гг. ЦГА Узбекистана участвовал в международном научно-исследовательском проекте «The Archives Talk: Writing the Social History of Pre-Soviet Central Asia» («Голос архивов: Очерки социальной истории досоветской Средней Азии»). В реализации научно-исследовательского проекта архив сотрудничал с Институтом

¹ С 2007 года в корейской архивной службе применяется программа «Electron record archive management system» («ERAMS»). Собранный электронная база данных сосредоточивается в Информационном ресурсном центре г. Сеула.

истории АН РУз и Институтом востоковедения Университета им. М. Лютера (Германия) при финансовой поддержке Фонда Фольксваген. В структурном отношении проект подразделялся на следующие части: 1) исследовательскую, посвященную вопросам изучения социальной истории Средней Азии досоветского периода; 2) образовательную, предусматривающую подготовку молодых кадров историков-источниковедов и архивистов. В рамках научной стажировки для участников проекта были организованы лекции с участием ведущих специалистов — востоковедов и историков Европы; 3) архивно-документальную, предполагающую оцифровку, научное описание и создание электронного каталога архивных документов, а также подготовку к публикации каталогов и научных сборников документов.

В августе 2016 г. подписан договор о международном межведомственном сотрудничестве Агентства «Узархив» и Национального архива Кореи в сфере обмена опытом, специалистами и документной информацией. В частности, в рамках подписанного договора в сентябре текущего года три специалиста архивов Узбекистана приняли участие Международном конгрессе архивистов, организованном МСА в Сеуле.

В конце ноября 2017 г. в Ташкенте открылась историко-документальная выставка «Россия и Узбекистан: 25 лет стратегического партнерства». При участии архивных и академических ведомств Узбекистана и России в состав экспозиции были включены около 200 архивных документов, большинство из которых представлены широкой общественности впервые.

В целом международное сотрудничество позволяет архивам республики улучшить возможности по внедрению в работу информационных технологий, укрепить материально-техническую базу и оснастить архивы современным оборудованием по оцифровке и реставрации архивных материалов. Кроме того, научно-практическая стажировка архивистов помогает не только укрепить кадровый потенциал, но и выйти на качественно новый уровень развития сферы. Расширение международного сотрудничества архивных учреждений призвано сыграть значительную роль в совершенствовании деятельности и модернизации услуг, предоставляемых государственными архивами республики. В перспективе широкое применение государственными архивами международного опыта будет содействовать не только упрощению административного процесса работы с архивными документами, но и создаст удобства для качественного ведения статистики о состоянии комплектования, учета, хранения и использования архивных документов, считавшегося до сих пор весьма сложным процессом.

А.М. МАЛИКОВ

**СОВРЕМЕННАЯ ЭТНОЛОГИЯ В СТРАНАХ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
ИССЛЕДОВАНИЙ И МЕТОДОЛОГИЯ**

Введение

Изменение общественно-политической ситуации в конце 80-х гг. XX века открыло возможности переосмысления «советского наследия» в этнографии. Этот сложный и многогранный процесс продолжается и в наши дни. Следует отметить, что внедрение новых теоретических подходов на бывшем советском Востоке происходит достаточно медленно и часто проводится лишь исследователями, получившими образование или прошедшими научную стажировку в зарубежных странах.

Этнологические исследования советского периода нередко носили конъюнктурный, политизированный характер, что проявлялось в стремлении показать изменения в жизни, быте, культуре народов, связанные с «социалистическими преобразованиями». В конце XX в. этнология стран Центральной Азии была поставлена перед необходимостью адаптации к изменившимся общественно-политическим условиям. Рост межэтнической напряженности, вылившийся в ряд конфликтов и войн на территории бывшего СССР, обусловил возрастание интереса к соответствующим проблемам этнологии. Некоторые этнологи испытали влияние постмодернизма с его релятивизмом.

Те или иные аспекты состояния этнологии в странах Центральной Азии уже были предметом осмысления как местных ученых, так и зарубежных исследователей, таких как: М. Ларуэль, М. Ривс и другие.

В 2016 году на форуме: «Что такое “региональные исследования” в современной антропологии (на примере Центральной Азии)» ряд исследователей выразили свои точки зрения по разным аспектам развития этнологии в регионе¹. В данной статье впервые предлагается краткий общий анализ современного состояния, основных направлений исследований и методологии в этнологической науке всех стран региона.

М. Ривс, свободно владея киргизским языком, на основе преимущественно англоязычной этнографической литературы и привлекая для сравнения антропологическую литературу на французском и русском языках, проанализировала развитие социальной антропологии (этнологии) в странах Центральной Азии в постсоветский период². По ее мнению, среди некоторых значительных тенденций, которые наблюдаются в этнологии стран Центральной Азии, можно выделить следующие: доминирование историко-этнологической исследовательской тематики, меньше представлен анализ современных социальных и культурных явлений; дискурсивное превалирование определенных теоретических подходов (теории этноса Ю. Бромлея, концепции пассионарности Льва Гумилева), а также возникновение разрыва между исследователями, накопившими опыт работы в академических сообществах дальнего зарубежья и применяющими современные методы исследования, терминологию, и этнологами, в исследованиях которых доминируют подходы школы Ю. Бромлея³. Наряду с рядом ценных наблюдений и выводов в статье М. Ривс содержатся утверждения, с которыми мы не совсем согласны. Например, по мнению М. Ривс, «в государствах Средней Азии этнографические исследования в начале 2000-х гг. использовались для того, чтобы артикулировать конкурирующие национальные нарративы или искать глубокие исторические корни нации»⁴. Как полагает М. Ларуэль, трансформация этнологии в странах региона была связана с фактором легитимизации национальных политических элит и государственности⁵, для которой требовалось создание национальных нарративов при помощи инструментария специалистов-историков, этнологов и др.

На наш взгляд, в настоящее время в развитии этнологии в странах Центральной Азии наблюдаются различные тенденции, которые не всегда преследуют цель поиска древних корней титульной нации.

¹ Антропологический форум. 2016. № 28.

² Ривс М. Антропология Средней Азии через десять лет после «состояния поля»: стакан наполовину полон или наполовину пуст? // «Антропологический форум». 2014. № 20.

³ Там же. С. 63.

⁴ Там же.

⁵ Laruelle Marlène. National narrative, ethnology, and academia in post-Soviet Uzbekistan // Journal of Eurasian Studies. 2010. № 1. P. 102–110/

При сохранении «советских традиций» этнографических исследований, ощутимо и влияние современной социальной антропологии на развитие этнологических исследований в странах Центральной Азии, что проявилось в усовершенствовании теоретических подходов: применении различных современных концепций, изменении научной терминологии, увеличении числа междисциплинарных исследований и др.

Институциональное развитие этнологии в регионе

Институциональное развитие этнографии-этнологии в советской Центральной Азии как университетской дисциплины начинается с 1918 года, когда предмет стал преподаваться в Туркестанском восточном институте в Ташкенте. За советский период методологические подходы этнографии претерпели определенные трансформации. В советских республиках Центральной Азии были основаны научные учреждения, где изучались различные аспекты этнографии.

В настоящее время институциональное развитие этнологии в странах Центральной Азии неодинаково и имеет свои особенности, что связано со спецификой политического развития, национальной идеологии, государственной поддержки и др.

В Казахстане проблемы этнологии изучаются в таких учреждениях, как: Институт истории и этнологии имени Ч. Валиханова, Казахский национальный университет имени ал-Фараби, Университет евразийских исследований имени Л. Гумилева, Казахском научно-исследовательском институте по проблемам культурного наследия номадов и др. Собственные этнографические исследования проводит Центральный государственный музей Республики Казахстан. Выпущены учебники по этнологии, в некоторых из них доминируют принципы «советской этнографии»¹. В 2009 году в Казахстане был основан Университет Н.А. Назарбаева (Астана), в котором есть Школа гуманитарных и социальных наук, где работают антропологи, прошедшие обучение в США. Эти изменения позволили разнообразить методологическую базу исследований и повысили качество преподавания этнологии. В Казахстане развиваются и региональные центры этнологии. Например, в 2011 году был учрежден научно-исследовательский Центр археологии и этнографии Костанайского государственного педагогического института. Ведущие вузы Казахстана издают свои вестники, в которых этнологи страны публикуют ста-

¹ *Артыкбаев Ж.О.* Этнология: учебник. Алматы, 2006.

тьи. Кроме этого, выпускается национальный журнал «Отан тарихи» («История родины»).

В Киргизской Республике наряду с функционированием отдела этнологии и археологии в Институте истории НАН КР существуют кафедры этнологии и археологии на исторических факультетах КГНУ, ОшГУ. Этнология как дисциплина преподается в Бишкекском гуманитарном университете, Киргизско-Российском (Славянском), Американском и других высших учебных заведениях Кыргызстана. Существует Институт этнологии Киргизского международного университета. В 2012 году были образованы Комиссия по развитию исторической науки при президенте Кыргызстана и Фонд исторического и культурного наследия народа Кыргызстана «Мурас». Институционализация этнологии проявляется в создании негосударственных общественных организаций: Антропологического общества Кыргызстана, Информационно-исследовательского центра Ассамблеи народа Кыргызстана, Центральноазиатского этнологического института и других, осуществляющих исследовательские проекты по целевым грантам¹. В Национальной академии наук Киргизской Республики работает отдел дунгановедения. Выпускаются различные журналы, вестники, в числе которых можно назвать «Вопросы истории Кыргызстана».

В Американском университете Центральной Азии, основанном в 1993 году в Бишкеке, в 2001 году был создан факультет культурной антропологии и археологии. В составе университета есть институт Изучения Центральной Азии, в котором предусмотрена магистерская программа, направленная на понимание прошлых и настоящих социальных, политических, экономических и культурных процессов в Средней Азии². Среди новых направлений исследований можно отметить следующие: новые теоретические основы исследований, сравнительные исследования, применение конструктивистских, постмодернистских подходов и др.

В Таджикистане этнологические исследования осуществляются в таких учреждениях, как: Институт истории, археологии и этнографии Академии наук Республики Таджикистан; Центр антропологии (2009), Институт гуманитарных наук (1991) и др. Немалую помощь в проведении исследований культурного наследия оказывает фонд

¹ Кочунов А. Проблемы этнологической науки в постсоветском Кыргызстане (постановка проблемы). [Электронный ресурс] // URL: [HTTP://WWW.HISTORY.KRSU.EDU.KG/INDEX.PHP?OPTION=COM_CONTENT&TASK=VIEW&ID=282&ITEMID=73&SHOwall=1](http://www.history.krsu.edu.kg/index.php?option=com_content&task=view&id=282&Itemid=73&shOwall=1) (дата обращения 20.02.2017).

² [Электронный ресурс] // URL: [HTTPS://WWW.AUCA.KG/EN/MASTER_OF_ARTS_IN_CENTRAL_ASIAN_STUDIES/](https://www.auca.kg/en/master_of_arts_in_central_asian_studies/) (дата обращения 20.02.2017).

Ага-хана. При Институте истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикистана с 1999 года функционирует Национальный музей древностей Таджикистана, а позже открылся Музей этнографии. С 1991 года Институт издавал научно-популярный и культурно-просветительский журнал «Мероси ниёгон» («Наследие предков»), а с 2015 года при финансовой поддержке Французского Института исследований Центральной Азии стал выпускаться журнал «Муаррих» («Историк»)¹. В Кулябском государственном университете имени Абу Абдулло Рудаки в 2014 году был создан факультет истории, права и межнациональных отношений.

В Туркменистане в 1990-е годы ведущим учреждением, в котором проводились этнографические исследования, был Институт истории. В 2000 г. был создан Государственный институт культурного наследия народов Туркменистана, Центральной Азии и Востока при Президенте Туркменистана, в задачи которого входила координация изучения археологии, истории и культуры региона, издание международного журнала «Мирас». В июне 2009 г. была восстановлена Академия наук и учреждены Институт истории и Институт археологии и этнографии. Кроме этого, преподавание этнологии ведется в Туркменском государственном университете им. Магтымгулы (кафедра археологии и этнологии) и др.

В Институте истории АН Республики Узбекистан есть отдел антропологии и этнологии, в котором работают этнологи разных направлений и школ, стажировавшихся в различных научных учреждениях США, Франции, Германии, Бельгии, Южной Кореи. Группы этнологов работают во многих высших учебных заведениях по всему Узбекистану: в Ташкенте, Бухаре, Термезе, Карши, Андижане, Намангане, Нукусе и др. Значительный вклад в подготовку кадров этнологов вносят преподаватели Национального университета Узбекистана, где было открыто отделение магистратуры по специальности «Этнография». Изданы учебники по предмету этнология², причем было выпущено отдельное учебное пособие по этнографии народов Центральной Азии³. Ведущие вузы Узбекистана издают свои вестники, выпускаются национальные научные журналы «Узбекистон тарихи» («История Узбекистана»), «Эхо истории», «Таффакур», «Общественное мнение» и другие, в которых этнологи страны публикуют свои статьи.

¹ [Электронный ресурс] // URL: [HTTP://WWW.TAJ-HISTORY.TJ/RU/OB-INSTITUTE](http://www.taj-history.tj/ru/ob-institute) (дата обращения 20.02.2017).

² Аширов А., Атаджанов Ш. Этнология (Ўқув кўлланма). Тошкент, 2007.

³ Аширов А., Дониёров А., Буриев О. Марказий Осиё халқлари этнографияси, этногенези ва этник тарихи. Тошкент: Янги нашр, 2011.

Определенный вклад в координацию изучения богатого культурного наследия народов Центральной Азии вносит Международный институт центральноазиатских исследований ЮНЕСКО, созданный в 1995 году в Самарканде. Он является организатором международных конференций и выпускает свой журнал.

Весомый вклад в изучение проблем этнологии в Центральной Азии вносит Французский институт исследований Центральной Азии (IFEAC), созданный в 1993 году в Ташкенте. В настоящее время он функционирует в Бишкеке. Главной миссией IFEAC является поддержка исследований в регионе по всем дисциплинам социально-гуманитарной науки, включая этнологию. IFEAC выпускает периодический журнал под названием *Cahiers d'Asie centrale*.

В 2000 году в Бишкеке был учрежден частный светский Университет Центральной Азии (УЦА) при поддержке руководств таких стран как: Таджикистан, Киргизская Республика, Казахстан, а также Фонда Ага Хана. В составе университета есть Школа гуманитарных и точных наук, в которой одной из приоритетных дисциплин является антропология¹. Основные темы научных исследований сотрудников университета включают в себя: культурные традиции, обряды жизненного цикла и праздничные традиции; взаимосвязь местного ислама и традиционного ислама; роль женщины в семье и обществе; воздействие глобализации на культуры народов Центральной Азии и др.

Ряд этнологов — граждан стран Центральной Азии прошли стажировку в различных зарубежных антропологических институтах и центрах по международным программам: Фулбрайте (США), ДААД (Германия), Фонде Герды Хенкель (Германия), Фонде Гумбольда (Германия), Эрасмус (Бельгия), АЙРЕКС (США), Фонде Фольксвагена (Германия), Дидро (Франция) и др. Выпускники разных программ зарубежных вузов в области этнологии разных уровней способствуют внедрению зарубежной методологии в научных учреждениях своих стран.

Этнология в Республике Узбекистан

С обретением Узбекистаном независимости были созданы возможности переосмысления исторического прошлого и ознакомления с мировым опытом этнологических исследований. Государственная поддержка развития исторической науки и в том числе этнологии осо-

¹ [Электронный ресурс] // URL: <http://www.ucentralasia.org/About/AboutRussian> (дата обращения 20.02.2017).

бо проявилась после постановления Кабинета Министров Республики Узбекистан в 1998 году о совершенствовании деятельности Института истории АН РУз. Анализ развития этнологии в Узбекистане в годы независимости нашел свое отражение в публикациях А. Даниёрова¹, Д.А. Алимовой², З. Арифхановой³, А. Аширова⁴ и др.

Базовые направления этнологических исследований в Республике Узбекистан таковы: историческая антропология, этноистория, реликты религиозных верований, ислам, общество и ритуалы, трансформация материальной и духовной культуры, традиционные ремесла, межэтнические отношения, брак, семья и проблемы системы родства, этнопсихология, этнодемография и др.

Центральное место в изучении этногенеза узбекского народа занимают многочисленные исследования К. Шаниязова, последним капитальным трудом которого стал «Процесс формирования узбекского народа», изданный на узбекском языке. Из работ, вышедших в последнее время, выделяются публикации академика А. Аскарлова по теоретическим и научно-методологическим вопросам этногенеза и этнической истории узбекского народа⁵. В настоящее время ведутся исследования в области региональной этнической истории, охватывающей долины Сурхандарьи⁶ и Зерафшана (Зарафшона)⁷.

¹ Дониёров А.Х. Этнографические исследования в Узбекистане в XX веке: основные этапы, проблемы, перспективы развития: Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Ташкент, 2003; Дониёров А.Х., Историография этнографии независимого Узбекистана (1991–2001 гг.). Ташкент: Янги аср авлоди, 2003.

² Арифханова З., Алимова Д., Аширов А.А., Назаров Р. Ещё раз о проблемах этнологии в Узбекистане (в дополнение к дискуссии) // Этнографическое обозрение. 2006. № 3. С. 107–126.

³ Арифханова З. Изучение проблем этнологии в условиях независимого Узбекистана // Узбекистон тарихи. 2006. № 4. С. 51–62.

⁴ Аширов А. Ўзбек халқи этнологияси мустақиллик йилларида: ютуқлар, муаммолар ва уларнинг ечимлари // «Ўзбекистон этнологияси: янгича қарашлар ва назарий-методологик ёндашувлар»: мавзусидаги халқаро илмий анжуман материаллари. Тошкент, 2004. Б. 24–32; Аширов А. Ўзбекистонда замонавий этнология фани: ютуқлар, муаммолар ва ривожланиш истикболлари // Б.В. Лунин хотирасига бағишланган «Тарихшунослик ўқишлари» мавзусидаги анжуман материаллари тўплами. Тошкент, 2010. Б. 50–59.

⁵ Аскарлов А.А. Ўзбек халқининг келиб чиқиши масаласида баъзи бир мулохазалар // Узбекистон этнологиясининг долзарб муаммолари мавзусидаги IV Республика илмий-назарий конференция материаллари. Тошкент-Наманган, 2007; Аскарлов А. Ўзбек халқининг келиб чиқиш тарихи. Тошкент: O`zbekiston, 2015.

⁶ Каюмов А. Этническая ситуация на территории Южного Узбекистана в XIX — начале XX века (по материалам Сурхан-Шерабадской долины): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ташкент: ИИ АН РУз, 2011.

⁷ Маликов А.М. Узбеки группы кунграт долины Зерафшана в XIX — начале XX в. Самарканд, 2007.

Группа работ посвящена изучению традиционного быта, культуры узбекского народа¹, формированию новых традиций и обрядов, ритуальной практики². Часть исследований отражает практику свадебных обрядов³, погребальной и поминальной обрядности⁴. Исследуются вопросы изучения традиционных и новых праздников и обрядов, а также обычаев, связанных с исламом и религиозной обрядностью⁵, национальной кухней⁶. Следующая группа публикаций посвящена вопросам семейных традиций и обычаев⁷, семейного быта⁸. В ряду актуальных проблем, изучается организации общества — махалля, ее повседневная жизнь, семейно-брачные отношения и т.д.⁹

Проблема «Межнациональные и межэтнические отношения в Узбекистане» изучалась этнологами¹⁰, которые исследовали харак-

¹ *Джаббаров И.М.* Узбеки: (этнокультурные традиции, быт и образ жизни). Ташкент: Шарк, 2007.

² *Зунунова Г.* Из истории узбекских традиций (знаковая роль предметов материальной культуры) // *O'zbekiston tarixi*. 2000. № 3. С. 72–78; *Рахманов Ф.* Обычаи и обряды населения Кашкадарьинского оазиса, связанные с земледелием (конец XIX — начало XX в.). Ташкент, 2002.

³ *Соатова С.* Обрядовые комплексы в свадебном церемониале узбеков верхней части долины Зарафшон (конца XIX — начала XX в.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ташкент: ИИ АН РУз, 1999; и др.

⁴ *Холиков Д., Бўриев О.* Оилада дафн ва таъзия билан боглик урф-одат ва маросимлар. Тошкент, 2002; *Джанг Джун Хи.* Похоронно-поминальные обычаи и обряды корейцев Узбекистана (на материалах Ташкентского вилоята): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ташкент: ИИ АН РУз, 2006; и др.

⁵ *Аширов А.* Ўзбек халқининг қадимий эътиқод ва маросимлари. Тошкент: Алишер Навоий номидаги Ўзбекистон Миллий кутубхона, 2007; *Абдулахатов Н.* Место паломничества в жизни населения Ферганской долины (по материалам святых мест Ферганского вилоята): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ташкент: ИИ АН РУз, 2008; и др.

⁶ *Назаров Р.Р.* Национальная кухня Узбекистана: традиции и инновации: Материалы II Международного симпозиума. История еды и традиции питания народов мира. Вып. II [сб. ст.]. М.: МГУ, Центр по изучению взаимодействия культур, 2016. С. 172–182.

⁷ *Бўриев О., Шоймардонов И., Насриддинов К.* Ўзбек оиласи тарихидан. Тошкент, 1995; *Пайзиева М.* Ўзбекларнинг мотам маросими хусусиятлари (Тошкент махаллалари мисолида) // *Ozbekiston tarixi*. Тошкент, 2005. № 2. Б. 64–72; *Расулова З.* Семейно-брачные отношения узбеков Ташкента (конец XX — начало XXI в.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ташкент: ИИ АН РУз, 2009; и др.

⁸ *Ташбаева Т.* Современная семья и семейный быт узбекского сельского населения: Автореф. дисс. ... доктор. ист. наук. М.–Ташкент, 1994; и др.

⁹ *Дониёров А.Х.* Этнографические исследования в Узбекистане в XX веке: основные этапы, проблемы, перспективы развития: Автореферат дисс. докт. ... ист. наук. Ташкент, 2003.

¹⁰ *Абдуллаев Ш.* Этносоциальные и этнополитические процессы в Ферганской долине. (Основные проблемы, тенденции противоречия. 70-е — 80-е годы XX века.): Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Ташкент: ИИ АН РУз, 1994; *Қурбонова М.* Бухоро воҳаси ўзбек ва тожикларининг анъанавий таомлари (XIX аср охири — XX аср боши): Тарих фанлари номзоди илмий дар. олиш учун тақдим этилган дисс. автореф. Тошкент: ЎЗР ФА ТИ, 1995; *Абдуллаев У.* Межэтнические процессы в Ферганской долине (XIX — начало XX века): Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Ташкент: ИИ АН РУз, 2006; и др.

тер межэтнических отношений, национальный характер и менталитет и др.¹ В этнологической литературе весьма редки публикации по узбекским общинам за рубежом. В числе основных тем исследования отдела Антропологии и этнологии Института истории АН РУз можно выделить следующие: быт и культура современной городской семьи узбеков Ташкента, этнокультурные процессы в современном городе, этническая история и идентичность узбеков, традиции и инновации в культуре национальных диаспор современного Узбекистана, современный узбекский кишлак², трансформация одежды³ и жилища⁴ и др.

В Узбекистане ведутся исследования не только этнологии узбекского народа, но и таких народов, как арабы⁵, корейцы⁶, туркмены⁷, ирани⁸, русские⁹, дунгане¹⁰, цыгане¹¹ и др. Этнические меньшинства изучаются в рамках традиционного разнообразия культур и этнической толерантности. Сотрудниками Института истории изучались 6 этнических групп (узбеки, таджики, казахи, русские, корейцы, татары). С 2009 г. по проекту «Традиции и инновации в обрядовой культуре национальных диаспор современного Узбекистана» изучались 8 этнических групп (русские, армяне, уйгуры, дунгане, корейцы, немцы,

¹ Назаров Р.Р. Этнополитические процессы и межэтнические отношения в Республике Узбекистан (конец XX — начало XXI в.). Ташкент: Адабиёт учқунлари, 2015; Мустакиллик йилларида ўзбекларнинг миллий узилиши ва менталитети. Тошкент: Adabiyot uchqunlari, 2015.

² Миндон ва миндонликлар (Этносоциологик тадқиқот) / масъул муҳар. А.А. Аширов. Тошкент: Янги нашр, 2015.

³ Давлатова С. Қашқадарё миллий кийимлари: анъанавийлик ва замонавийлик. Тошкент: Янги аср авлоди. 2006.

⁴ Хужахонов И. Этнорегиональные особенности традиционного жилища сельского населения Ферганской долины (конец XIX — начало XX века): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ташкент: ИИ АН РУз, 2007.

⁵ Ражабов Р., Ўзбекистондаги араблар тарихи ва этнографияси (XIX аср ўрталари — XXI аср бошлари). Тошкент: Sharq, 2012.

⁶ Khan, V. The Korean Minority in Central Asia: National Revival and Problem of Identity in "International Journal of Central Asian Studies". Vol. 3. Seoul, 1998; Хан В.С., Сим Хон Ёнг. Корейцы Центральной Азии: прошлое и настоящее. М., 2014.

⁷ Маликов А.М. Туркмены долины Зерафшана: история и обычаи // Мирас. 2012. № 1(45). С. 73–84.

⁸ Алиева Ф. Иранцы Самарканда // Общественное мнение. Права человека. 2001. № 1(13); и др.

⁹ Абдуллаев Е.А. Об идентичности русских Средней Азии // Этнографическое обозрение. 2008. № 2.

¹⁰ Сауров М. Дунгане Центральной Азии: история и современность // Ўзбекистон халқининг дини, маданияти ва урф-одатлари: тарих ва ҳозирги ҳолат. Тошкент: Тошкент ислом университети нашрият-матбаа бирлашмаси, 2011.

¹¹ Атаханов Ш. Цыгане Ферганской долины (историко этнологическое исследование): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ташкент: ИИ АН РУз, 2005.

татары, крымские татары). Изучение корейской диаспоры осуществляется в сотрудничестве с коллегами из Южной Кореи.

Институтом истории АН РУз проводятся различные мероприятия в рамках страны: традиционные этнологические Шаниязовские чтения (с 2000 года), ежеквартальный действующий Республиканский семинар им. Я. Гулямова (проведено более 70 семинаров). На сегодняшний день проведено семь конференций этнологов Узбекистана¹. За этот период этнологами Института опубликованы десятки монографий². Некоторые сотрудники отдела опубликовали совместные статьи с зарубежными антропологами³, а также участвовали в подготовке фундаментальной работы «Узбеки»⁴. Специалисты из Узбекистана защищают докторские диссертации в ведущих научных учреждениях за рубежом⁵.

Этнологи Узбекистана участвуют в формировании и совершенствовании государственной концепции межнациональной политики. За эти годы в Узбекистане по направлению «Этнология» защитили 32 кандидатские и четыре докторские диссертации. Исследования этнографии населения южных регионов Узбекистана, в особенности Сурхандарьинской области, ведутся этнологами Термезского государственного университета⁶.

¹ Ўзбекистон этнологияси: янгича қарашлар ва назарий-методологик ёндашувлар. ЎЗР ФА академиги Карим Шониёзов таваллудининг 80 йиллигига бағишланган халқаро анжуман материаллари. Тошкент, 2004; Марказий Осиёда анъанавий ва замонавий этномаданый жараёнлар. 1 қисм. Тошкент, 2005; Ўзбекистон этнологиясининг долзарб муаммолари мавзудидаги Туртинчи Республика илмий-назарий конференция материаллари. Тошкент–Наманган, 2007; Этнос ва маданият: анъанавийлик ва замонавийлик. «Академик Карим Шониёзов ўқишлари» туркумида этнологларнинг V Республика илмий конференцияси материаллари. Тошкент: «Фан», 2010; Ўзбекистон этнологиясининг назарий-методологик муаммолари. «Карим Шониёзов ўқишлари» туркумидаги VI Республика илмий-амалий конференция материаллари. Тошкент, 2014.

² Тошкент маҳаллалари: анъанавийлик ва замонавийлик (Тарихий-этнографик тадқиқот). Тошкент: Янги аср авлоди, 2002.; Современные этнокультурные процессы в махаллях Ташкента. Ташкент: Фан, 2005; Зунунова Г. Материальная культура узбеков Ташкента: трансформация традиций. Ташкент: Extremum press, 2013; Убайдуллаева Б. Ўзбекларнинг ёш авлод тарбиясидаги анъаналари ва замонавийлик Тошкент: Yangi nashr, 2010; Қаюмов А. XX аср бошларида Ўзбекистон худудида этник ҳолат. Тошкент, 2015; и др.

³ Azimova N., Kandiyoti D. The communal and the sacred: women's worlds of ritual in Uzbekistan. The Journal of the Royal Anthropological Institute. Vol. 10. No 2. London, 2004. P. 327–349.

⁴ Узбеки / отв. ред. З.Х. Арифханова, С.Н. Абашин, Д.А. Алимова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Ин-т истории АН Республики Узбекистан. М.: Наука, 2011.

⁵ Turaeva R. Identification, Discrimination and Communication: Khorezmian Migrants in Tashkent. PhD diss. University of Halle–Wittenberg, 2010.

⁶ Турсунов С., Пардаев Т., Курбанов А., Турсунов Н. Ўзбекистон тарихи ва маданияти. Сурхондарё этнографияси. Тошкент, 2006.

Этнологи Узбекистана осуществили ряд проектов с зарубежными антропологическими институтами. Например, при научной и финансовой поддержке Института социальной антропологии Общества Макса Планка (Германия) проводилась работа над проектом по идентичности ходжей Центральной Азии, в ходе которого на основе современных теоретических подходов были проведены полевые исследования на территории трех государств¹.

В настоящее время сотрудники Института истории АН РУз совместно с антропологами Тюбингенского университета (Германия) и Кыргызстана проводят исследования по проекту Фонда Фольксвагена «Социальная жизнь реки: экологические истории, социальные миры и разрешение конфликтов по Нарыну — Сырдарье». В 2016 году сотрудники института по программе Эрасмус находились на стажировке в Антропологической лаборатории, в Католическом университете г. Лувен-ла-Нёв (Бельгия).

Свое место в этнологии Узбекистана занимают исследователи Каракалпакстана. Современную этнологию в Каракалпакстане характеризует определенный концептуальный плюрализм, а также предпринимаются некоторые попытки адаптации зарубежных теорий². Была опубликована работа, анализирующая развитие этнографии³. Одним из направлений современных исследований остается разработка проблем развития традиционной культуры каракалпакского народа⁴. В рамках данной проблемы изучается традиционное жилище каракалпачков⁵, а также такие темы, как традиционная одежда каракалпакского народа, роль религиозных верований в повседневной жизни народов Каракалпакстана. Исследователи изучают реликты религиозных верований⁶.

¹ *Malikov Azim*. Khoja in Kazakhstan: identity transformations in Max Planck Institute for Social Anthropology Department 'Integration and Conflict' Field Notes and research Projects VI CASCA — Centre for Anthropological Studies on Central Asia: Framing the Research, Initial Projects. Eds.: Peter Finke/Günther Schlee. Halle/Saale, 2013. P. 101–107.

² *Карлыбаев М., Курбанова З.* Этнографические исследования современного Каракалпакстана. [Электронный ресурс] // URL: <http://ia-centr.ru/expert/19534/> (дата обращения 22.02.2017).

³ *Курбанова З.И.* Становление и развитие этнографической науки в Каракалпакстане (1920–2000 гг.) // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Нукус, 2002.

⁴ *Утебаев М.* Этнокультурные особенности каракалпачков // «Вестник» КГУ им. Бердаха. 2009. № 2.

⁵ *Глеубергенова Н.А.* Традиционное жилище каракалпачков XIX — начала XX в.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Нукус, 1996.

⁶ *Карлыбаев М.* Роль зиярата в повседневной жизни каракалпачков // «Мир ислама: история, общество, культура»: Материалы Международной исламоведческой научной конференции. М., 2009. С. 126–133; *Камалова Р.С.* Традиционные верования в семейно-бытовой обрядности каракалпачков (XIX — начало XX в.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Нукус, 1996; *Есбергенова С.Х.* Почитание животных в культовой практике каракалпачков (конец XIX — середина XX в.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Нукус, 2001.

Отдельная тематика исследований связана с институтом семьи¹ в Республике Каракалпакстан. В историко-этнографическом аспекте изучаются города Каракалпакстана². Отдельное развитие получил процесс исследований по этноэкологии региона³.

Анализируя публикации этнологов в Узбекистане можно прийти к выводу о том, что в значительной части их доминируют подходы, следующие определенным традициям «советской этнографии», хотя существуют исследования, основанные на современной методологии.

Этнология в Республике Казахстан

В 90-х годах XX в. в этнографии Казахстана наблюдался переходный период от советской тематики исследований к современным проблемам⁴. Появляется ряд трудов, характеризующихся новыми подходами в осмыслении традиционной культуры казахов, расширением этнологической тематики⁵.

В 1990-е годы в казахстанской этнологии разрабатывались следующие темы: «Представления, культы, обряды у казахов (в контексте бытового ислама в Южном Казахстане (в конце XIX — XX в.))» Р. Мустафиной, «Современная сельская семья народов Казахстана», «Культура жизнеобеспечения казахского этноса»⁶, «Казахское шежире», «Народное искусство казахов: генезис, синкретизм, многообразие (этнологическое исследование)», «Этническая антропология казахов Алтая». Защищен ряд кандидатских и докторских диссертаций, изданы отдельные монографии. В 1998 г. впервые было осуществлено этнокультурное обследо-

¹ *Бижанова А.Е.* Семейно-бытовые обряды казахов низовья Амударьи (вторая половина XIX — середина XX в.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Нукус, 2001; *Есбергенова Т.Х.* Трудовое воспитание детей у каракалпаков (конец XIX — начало XX в.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Нукус, 1999.

² *Карлыбаев М., Курбанова З.* Этнографические исследования современного Каракалпакстана. [Электронный ресурс] // URL: <http://ia-centr.ru/expert/19534/> (дата обращения 22.02.2017).

³ *Баллиева Р.* Каракалпакский этнос и традиционное природопользование (нострификация): Автореф. дисс. ... доктор. ист. наук. Нукус, 2007.

⁴ *Косанбаев С.К.* История становления и развития этнографии Казахстана (XVIII—XX вв.). Алматы: Дайк-пресс, 2005.

⁵ *Масанов Н.Э.* Кочевая цивилизация казахов. Алматы, 1995; *Толеубаев А.* Қазақ халқы этнографиясының мәселелері. Алматы: «Қазақ университеті», 2013.

⁶ *Алимбай Н., Муканов М., Аргынбаев Х.* Традиционная культура жизнеобеспечения казахов: Очерки теории и истории. Алматы: Гылым, 1998.

вание республики во всех 14 ее областях¹. На этой основе появились публикации: фундаментальная монография С.Е. Ажигали «Архитектура кочевников — феномен истории и культуры Евразии (памятники Арало-Каспийского региона)» (Алматы, 2002) и др. С 1990-х годов под руководством С.Е. Ажигали особое развитие получило научное направление — этноархеология².

Немалое значение в развитии этнологии, ее эмпирической базы сыграла государственная политика по поддержке изучения прошлого населения Казахстана. В 2003 году была разработана Государственная программа «Культурное наследие». Она направлена на создание системы изучения культурного наследия Казахстана и т.д. Реализация программы была начата в 2004 году³.

Основные направления этнологических исследований Республики Казахстан включают в себя следующие направления: историческая антропология, антропология города, этноархеология, этническая история и этнокультурные процессы в современном Казахстане, религиозный фактор в Казахстане, казахская диаспора за рубежом⁴, оралманы в казахстанском обществе, проблемы семьи в Казахстане⁵, традиционные верования и обряды казахов, идентичность, генеалогии-шежире казахов⁶; и др.

В Казахстане всесторонне исследуются казахские диаспоры, в связи разрабатываются темы по таким направлениям, как: «Казахи Китая (историко-этнографическое исследование)», «Культура казахской диаспоры в современную эпоху: традиционные основы и происходящие инновации (на примере этнических групп в Китае и Монголии)». В 2012 г. проведен симпозиум «Казахи Монголии» в рамках Международной конференции «Казахстан и зарубежные казахи». Кроме этого, разрабатываются такие темы, как: религиозные верова-

¹ Обычаи и обряды казахов в прошлом и настоящем. Алматы: Гылым, 2001.

² *Аджиалиев С.* Генезис традиционной погребально-культовой архитектуры Западного Казахстана (на основе исследования малых форм). Алматы, 1994.

³ [Электронный ресурс] // URL: <http://www.madenimura.kz/ru/government-program-madenimura/programs-madenimura/> (дата обращения 22.02.2017).

⁴ *Мендикулова Г.М.* Исторические судьбы казахской диаспоры. Происхождение и развитие. Алматы: Гылым, 1997; *Калшабаева Б.К.* Орта Азия казактары (тарихи-этнографиялық зерттеу: Автореф. дисс. ... доктор. ист. наук. Алматы, 2010).

⁵ *Толеубаева К.М.* Қазактар және Орталық Азия халықтарының отбасы, отбасылық әдет-ғұрып, салт-саналары (салыстырмалы-этнографиялық зерттеу): Автореф. дисс. ... доктор. ист. наук. Алматы, 2010.

⁶ *Алтысбес М.А.* Шежире казахов: источники и традиции: учебник для вузовских и послевузовских спецкурсов. Астана, ИП «BG-Print», 2013.

ния¹, семья², региональные исследования³, культура этнических меньшинств⁴, культ коня⁵, и др.

В настоящее время в области этнологической науки Казахстана работают более 50 специалистов (докторов и кандидатов наук) и т.д. Ряд этнологов Казахстана защитили докторские диссертации в ведущих научных учреждениях за рубежом⁶.

Одним из активных организаторов этнологических исследований и конференций является Центральный государственный музей Республики Казахстан. Начиная с 2005 г. по 2014 г. музеем было всего реализовано 19 научно-прикладных проектов по истории и культуре Казахстана, 15 из которых — в рамках проекта «Культурное наследие»⁷. Под руководством Н. Алимбая была подготовлена 5-томная научная энциклопедия «Традиционная система этнографических категорий, понятий и названий у казахов»⁸.

В Казахстане наблюдается определенный разрыв между исследователями, имеющими опыт использования современных теоретических подходов, и этнологами, придерживающимися традиций «советской этнографии».

Этнология в Киргизской Республике

Базовые направления этнологических исследований Киргизской Республики включают в себя историческую этнологию, этническую

¹ *Ажигали С.Е.* Религиозность и обрядность сельчан Казахстана в ближайшей ретроспективе: Жетысу, середина 80-х // Обычаи и обряды казахов в прошлом и настоящем: сб. статей. Алматы, 2001. С. 35–96.

² *Кальшиев А.Б.* Семья и брак в современном Казахстане. Алматы, 2013.

³ *Бекназаров Р.А.* Казахи Северного Приаралья в XIX — начале XX в. (историко-этнографическое исследование): Автореф. дисс. ... доктор. ист. наук. Алматы, 2010.

⁴ *Савин И.С.* Этнический аспект современной социально-экономической ситуации в Казахстане (1993–1995 гг.) // Этнографическое обозрение. 1996. № 5. С. 39–57; *Джунусбаев С.М., Савин И.С.* Свой/чужой: мигранты из Узбекистана в узбекских селах Южного Казахстана // Этнографическое обозрение. 2015. № 6. С. 55–67; *Джалилов З.Г., Молотова Г.М.* Миропонимание уйгуров в устной традиции, обычаях и обрядах. Алматы: Дайк-Пресс, 1999; *Ибрашева Ш.О.* Казакстандагы түрік диаспорасы (этномадени дамуы): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Алматы, 2010; и др.

⁵ *Тоқтабай А.У.* Казак халкынын дәстүрлі мәдениетіндегі жылкы феномені: Автореф. дисс. ... доктор. ист. наук. Алматы, 2010.

⁶ *Bissenova A.* Post-Socialist Dreamworlds: Housing Boom and Urban Development in Kazakhstan. PhD diss. Cornell University, 2012; *Kudaibergenova Diana T.* Rewriting the Nation in Modern Kazakh Literature: Elites and Narratives. Lexington Books, 2017; и др.

⁷ [Электронный ресурс] // URL: <http://csmrk.kz/index.php/mnu-science-fond-activity/mnu-science-activity/mnu-science-priklad-proj> (дата обращения 22.02.2017).

⁸ [Электронный ресурс] // URL: <http://www.madenimura.kz/ru/government-program-madenimura/research-projects-madenimura/collections-central-state-museum/> (дата обращения 22.02.2017).

историю, этнические процессы на юге страны, антропологию гендера, антропологию города, разнообразие идентичности и религиозную ситуацию, святые места¹, изучение материальной культуры, киргизские генеалогии, киргизские диаспоры за рубежом, трансформация скотоводства², этнические меньшинства³. Немалое число исследований связано с изучением национального эпоса «Манас», в котором нашли отражение традиционные обычаи и ценности киргизского народа. Определенный анализ этнологических исследований в Кыргызстане содержится в диссертации Д. Гуллетта⁴.

Благодаря усилиям А. Асанканова в Кыргызстане была создана своя школа этносоциологов, в активе которой монографии по этносоциологии сельского, городского населения, межнациональных отношений, этнического самосознания⁵.

В Институте изучения Центральной Азии при Американском университете Центральной Азии для магистрантов преподаются такие предметы, как: империя, идентичность и современность, национализм и супранационализм, социология развития, изменений и трансформаций, Центральная Азия в глобальной политике и др.⁶

Специалисты из Кыргызстана защищают докторские диссертации в ведущих научных учреждениях за рубежом⁷. Одним из основателей Киргизской антропологической ассоциации является Р. Рахимов, который читает различные курсы на факультете антропологии АУЦА:

¹ *Aitpaeva G. et al. Mazar Worship in Kyrgyzstan: Rituals and Practitioners in Talas. Bishkek: Aigine Cultural Research Center, 2007.*

² *Жапаров А.З. Современное скотоводство в Кыргызстане // Этнографическое обозрение. 2016. № 2. С. 57–74.*

³ *Ибрагимов И.М. К проблеме изучения особенностей духовной культуры уйгурского населения СНГ (на примере Кыргызстана) // Центральная Азия: основные направления и перспективы развития в условиях глобализации: Материалы международной научной конференции. Тегеран–Бишкек, 2008.*

⁴ *Gullette David. Kinship, State, and “Tribalism”: The Genealogical Construction of the Kyrgyz Republic. Ph.D. thesis. University of Cambridge, 2006.*

⁵ *Кочкунов А. Проблемы этнологической науки в постсоветском Кыргызстане (постановка проблемы) http://www.history.krsu.edu.kg/index.php?option=com_content&task=view&id=282&Itemid=73&showall=1 (доступ 22 февраля 2017 года)*

⁶ [Электронный ресурс] // URL: https://www.auca.kg/en/master_of_arts_in_central_asian_studies/ (дата обращения 22.02.2017).

⁷ *Kuchumkulova E. Kyrgyz Nomadic Customs and the Impact of ReIslamization after Independence. PhD diss. University of Washington, 2007; Nasritdinov E. Regional Changes in Kyrgyzstan: Bazaars. Open Air Markets, and Social Networks. PhD diss. University of Melbourne, 2007; Botoeva G. The Local Drug Economy: The Case of Hashish in a Kyrgyz Village. PhD diss. University of Essex, 2014; Ismailbekova A. “The Native Son and Blood Ties”: Kinship and Poetics of Patronage in Rural Kyrgyzstan. PhD diss. Martin Luther University, 2012; Rakhimov R. Transformation of Kyrgyz Nomadism in the 1920–30s in the Works of Western Researchers. PhD diss. EHESS, 2011; Satybaldieva E. The Nature of Local Politics in Rural Kyrgyzstan: A Study of Social Inequalities, Everyday Politics and Neo-liberalism. PhD diss. University of Kent, 2010; и др.*

«История антропологической теории», «Экономическая антропология», «Визуальная антропология».

В 2014 году прошел Первый конгресс этнологов и антропологов Кыргызстана на базе АУЦА и КНУ им. Баласагына. Конгресс состоял из разных секций: историческая этнология; вопросы этноархеологии, номады Китая; этнические процессы на юге Кыргызстана; антропология гендера; разнообразие идентичности и религиозная ситуация; изучение материальной культуры народов и др. На конгрессе были затронуты проблемы современного состояния этнологии Кыргызстана, происхождение киргизской этничности. Было предложено перейти к западной терминологической модели, объединив все терминологические субдисциплины и терминологические обозначения в один термин «антропология». Были выделены несколько проблем в развитии этнологии: как проблемы нативной антропологии (изучение собственного общества) и изучения «другого» общества, а также проблему теоретического разрыва в национальной науке.

В 2017 году предполагается проведение 4-го конгресса Киргизской антропологической ассоциации, посвященное современной Центральной Азии в историческом и культурном контексте.

В Кыргызстане очевиден определенный разрыв между исследователями, следующими современным теоретическим подходам, и этнологами, придерживающимися традиций «советской этнографии».

Этнология в Республике Таджикистан

Анализ развития этнологии советского Таджикистана был проведен А.К. Писарчик¹, а двадцатилетний период независимости нашел отражение в работе Л. Додхудоевой², а также других публикациях, критично анализирующих современное состояние этнологии в стране³.

После обретения страной независимости и внутреннего вооруженного противостояния (1992–1997гг.) направленность этнографических исследований значительно изменилась. Базовые профили этнологических исследований Таджикистана включают в себя: этнографию таджиков и других народов республики, этнографические

¹ Писарчик А.К. Этнографическая наука в Таджикистане (1920–1990 гг.) / подг. текста к печати Н. Бабаевой. Душанбе, 2002.

² Додхудоева Л. Этнографическая наука Республики Таджикистан в годы независимости // Мероси ниёгон. 2011. № 14; Додохудоева Л.Н., Юсуфбекова З., Шоваилева М. Развитие этнографии Таджикистана в годы независимости // Муаррих. 2016. № 2. С. 49–53.

³ Усманова З. Об этнографии в Таджикистане // Антропологический форум. 2016. № 28. С. 129–132.

и историко-культурные проблемы истории таджикского народа¹, проблемы развития современного таджикского общества, Навруз как явление мировой культуры, гендерные проблемы², историческую антропологию, медицинскую антропологию³, памироведение, историко-этнографическое изучение культуры населения в Таджикистане и за его пределами XX–XXI вв.; освещение этнографии таджикского народа в трудах русских дореволюционных исследователей (XIX — начало XX в.); изучение этнографического наследия XX в.; культуру этнических меньшинств⁴, брак и семья⁵, календарные обычаи и обряды таджиков, трансформацию жилища таджиков⁶, региональные исследования⁷, семья и семейные отношения⁸, этнические меньшинства⁹, историческую этнологию¹⁰ и др. В последние годы проводились исследования по миграции населения в Таджикистане¹¹.

В 2014 году был выпущен сборник о многообразии культуры народов, населяющих современную Республику Таджикистан с участием группы российских и таджикских этнографов, востоковедов из ведущих научных учреждений Санкт-Петербурга, Москвы и Душанбе¹². Вместе с тем исследователи считают, что число этнологов в Таджикистане крайне мало¹³, что наряду с множеством других объективных и субъективных факторов, является одним из препятствий в развитии этнологии в стране.

¹ [Электронный ресурс] // URL: [HTTP://WWW.TAJ-HISTORY.TJ/OB-INSTITUTE](http://www.taj-history.tj/ob-institute) (дата обращения 22.02.2017).

² Юсуфбекова З. Гендерный баланс в многоженстве у таджиков: прошлое и настоящее // Муаррих. 2015. № 2. С. 113–117.

³ Каландаров Т., Юсуфбекова З. К проблеме традиционных медицинских знаний о женском бесплодии у шугнанцев Западного Памира // Медицинская антропология: проблемы, методы, исследовательское поле. М., 2015.

⁴ Додхудоева Л.Н. Диаспора казахов Хатлона в первой половине XX века // Муаррих. 2015. № 3. С. 25–30.

⁵ Шовалиева М. К вопросу о традициях семейно-родственных браков у таджиков // Муаррих. 2015. № 1. С. 138–143.

⁶ Джурабаев Д.Х. Из истории жилищной культуры таджиков: Автореф. дисс. ... канд.ист. наук. Худжанд, 2002.

⁷ Давыдов А. Этническая принадлежность коренного населения Горного Бадахшана (Памира). Душанбе, 2005; Неменова Р.Л., Мардонова А. Историко-этнографическое изучение Гиссарского края. Душанбе: Дониш, 2000.

⁸ Юсуфбекова З. Семья и семейный быт шугнанцев (конец XIX — начало XX в.). Душанбе, 2001.

⁹ Мадамиджанова З. Арабы Южного Таджикистана. Душанбе, 1995.

¹⁰ Валиев А. Историческая этнология таджиков (XI–XV вв.). Душанбе, 2009.

¹¹ Абдурашистов Ф.М. Проблемы миграции и миграциологии в новейшей истории Таджикистана. Душанбе, 2016.

¹² Таджики: история, культура, общество. СПб.: МАЭ РАН, 2014.

¹³ Усманова З. Об этнографии в Таджикистане // Антропологический форум. 2016. № 28. С. 129–132.

Историки и этнографы Института истории, археологии и этнографии Академии наук Республики Таджикистан участвовали в экспертизе ряда государственных законодательных актов, указов и постановлений: закона «По упорядочению обычаев и обрядов в Республике Таджикистан», закона «О свободе вероисповедания и религиозных объединений», законопроекта от 18 июня 2015 г. «О запрете родственных браков», который был утвержден Парламентом Республики 16 марта 2016 г.¹

Публикации таджикистанских этнологов показывают, что в подавляющей части их доминируют определенные теоретические подходы «советской этнографии».

Этнология в Республике Туркменистан

Основные направления деятельности этнологов Туркменистана включают в себя следующие: материальные и духовные ценности туркменского народа²; национальные традиции и духовное своеобразие туркменского народа, его культурное наследие³, этнокультурные связи, этногенез и этнические связи туркмен⁴, их расселение по миру и вклад в культуру местных народов, обряды, традиции и духовные ценности туркменского народа.

Институт культурного наследия народов Туркменистана, Центральной Азии и Востока при Президенте Туркменистана вел разработки различных научных проблем культурного наследия народов региона: по археологии, этнологии, ковроделию, коневодству, военному искусству, этнической истории и др.

В задачи Института археологии и этнографии Академии наук входит проведение фундаментальных научных исследований в области археологии и этнографии⁵, в том числе анализ сведений, касающихся материальных и духовных ценностей туркменского народного творчества, изучение национальных традиций и духовного своеобразия

¹ Додхудоева Л.Н., Юсуфбекова З., Шоваилева М. Развитие этнографии Таджикистана в годы независимости // Муаррих. 2016. № 2. С. 52.

² Балтаев А., Джикиев А. Новруз — национальный праздник туркменского народа. Ашгабат, 2013.

³ [Электронный ресурс] // URL: [HTTP://SCIENCE.GOV.TM/ORGANISATIONS/ARCNEO_INSTITUTE/](http://science.gov.tm/organisations/arcneo_institute/) (дата обращения 22.02.2017).

⁴ Формирование туркменского народа и история мировой культуры: Материалы международной научной конференции. Ашгабат, 2011.

⁵ Атаев К. К вопросу о поселениях и жилищах туркмен Атека в конце XIX — начале XX в. // Этнография Туркменистана. Ашгабат, 1993.

туркменского народа¹, этноэкологии², изучение истории становления и развития Туркменистана; изучение истории туркмен мира и др. Отдельная тема исследований была связана с туркменами за пределами Туркменистана³. Институт поддерживает связи с Обществом истории Турции, научными центрами по изучению истории и культуры России, Италии, Индии, Ирана и других стран.

В 2013 г. была выдвинута инициатива организации фольклорно-этнографических экспедиций. В 2015 г. была принята Государственная программа сбора, исследования и сохранения национального нематериального культурного наследия на 2015–2020 гг.⁴ Публикации исследователей института охватывают различную тематику, например, религиозные верования⁵, женщины в истории Туркменистана⁶, культурное наследие Туркменистана⁷, национальные игры туркмен⁸, национальные ремесла⁹, этническая история¹⁰, одежда¹¹ и др.

Сотрудничество туркменских специалистов и российских антропологов, усилившееся в последние годы, способствовало публикации фундаментальной книги «Туркмены», в которой обобщаются исторические, этнографические, антропологические материалы по различным аспектам истории, культуры, этнографии туркменского народа¹². Дальнейшее развитие этнологии в стране требует более тесных связей с ведущими научными центрами зарубежных стран и более глубокого изучения современных теоретических подходов.

¹ *Мурадов Р.Г.* Культурные места в долине Мургаба // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 5. М., 2014.

² *Атдаев С.* Экология в традициях туркмен // Политический собеседник. 1997. № 2.

³ Туркмены зарубежного Востока: Очерки о туркменах Ирана, Афганистана, Сирии, Турции и Китая. Ашхабад, 1992; *Бабаева А.Г.* Туркмены Афганистана / под ред. М. Дурдыева. Ашхабад, 1992.

⁴ [Электронный ресурс] // URL: [HTTP://SCIENCE.GOV.TM/ORGANISATIONS/CULTURAL_LEGACY/](http://SCIENCE.GOV.TM/ORGANISATIONS/CULTURAL_LEGACY/) (дата обращения 22.02.2017).

⁵ *Атдаев С.* Обряд вызывания дождя в традициях туркмен // Мирас. Ашхабад. 2008. № 1. С. 114–126.

⁶ *Гундогдыев О.А., Байрамов К.* Туркменистан в женских ликах. Ашхабад, 2000.

⁷ Культурное наследие Туркменистана (глубинные истоки и современные перспективы): Материалы международной научной конференции. Ашхабад; Санкт-Петербург, 2000.

⁸ *Гундогдыев О.А., Джикиев А.* Национальные игры туркмен. Ашхабад, 2002.

⁹ *Гундогдыев О.А.* Из истории туркменского ковроделия. Ашхабад, 2008.

¹⁰ *Диванкулиева Б.* Туркмены-гарадашлы XIX — начала XX в.: Автореф. дисс. ... канд.ист. наук. Ашгабат, 1994; *Курбанов А.* Эфталиты (исторический очерк). СПб., 2007.

¹¹ *Байриева А.* Народный костюм туркменок Ахала в конце XIX — XX в.: Историко-этнографический очерк: Дисс. ... канд. ист. наук. Ашхабад, 1994.

¹² Туркмены / отв. ред. Н.А. Дубова, А.Т. Байлиев. Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Наука, 2016.

Выводы

На наш взгляд, в настоящее время в развитии этнологии в странах Центральной Азии наблюдаются различные тенденции при доминировании «советских традиций» этнографических исследований и подходов, определенные группы исследователей используют современные методы исследований. Наблюдается определенный разрыв между сторонниками «советской школы этнографии» и последователями более современных подходов исследований. Влияние современной социальной антропологии на развитие этнологических исследований в странах Центральной Азии проявляется в трудах исследователей, обучавшихся или стажировавшихся в ведущих научных центрах зарубежных стран. В их публикациях заметно применение новых теоретических подходов, используются различные современные концепции, меняется научная терминология, растет число междисциплинарных исследований и др.

В некоторых странах определенные направления этнологических исследований преследуют цель легитимизации титульной нации, политических элит и национальной государственности. Роль и влияние государства на характер этнологических исследований в государствах Центральной Азии имеет свои отличия и особенности в зависимости от целого ряда факторов. Наблюдается усиление прикладного характера исследований, связанных с поиском решения современных проблем, имеющих как общие черты, так и специфику, характерную для того или иного государства.

Д.Б. САЙФУЛЛАЕВ

ТРАДИЦИОННЫЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ДИПЛОМАТИИ

Как показывает анализ исследований и научных изданий последнего времени, новые научные подходы становятся причиной серьезных дебатов, потому что они не раскрывают в достаточной степени существующих проблем.

По мнению З. Бжезинского, США «стали действительно первым и единственным по-настоящему светским государством». Вместе с тем он признавал, что на Востоке появляются несколько претендентов на завоевание властного статуса в мировой политике. По этой же причине сегодняшний мир не так уж и склонен подчиняться такому государству-гегемону (даже по военно-стратегическому аспекту), как Соединенные Штаты, имеющему мощь и сильное политическое влияние¹. Генри Киссинджер считал, что «новая модель глобального экономического порядка во многом исходит из особенностей китайско-американских отношений в ближайшие годы. ...Основной задачей современного мирового порядка является превращение России в неотъемлемую часть мировой системы»². При этих условиях огромное значение приобретает анализ классических и традиционных подходов к изучению дипломатии.

¹ Бжезинский З. Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис. М., 2014. С. 101.

² Киссинджер Г. Дипломатия / пер. с англ. В.В. Львова. М.: Ладомир, 1997.

Классические подходы к изучению дипломатии

Подходы к изучению дипломатии зависят от понимания ее роли в осуществлении внешней политики на современном этапе. Вне всякого сомнения, в данном процессе существуют как традиционные подходы, так и современные. Традиционные подходы, как правило, направлены на изучение классической, или, если быть точнее, профессиональной дипломатии, которая отличается тем, что выстроена на строгой организационно-правовой основе, как институт государства. По мнению ряда современных ученых, роль профессиональной дипломатии в осуществлении внешней политики снижается. Идет становление новой модели дипломатии — динамичной, многогранной, по словам Р. Хейла и П. Внитлима¹, которой необходимо стать институтом, который постоянно эволюционирует, переосмысливает свое значение и как бы изобретает себя заново. Основной задачей дипломатии в XXI в. являются укрепление сотрудничества и развитие межгосударственного диалога, а также совместный поиск решения возникающих проблем, связанных с урегулированием конфликтов и споров, борьбой с международным терроризмом, укреплением региональной и глобальной безопасности и т.п.²

Есть мнение, что современная дипломатия во многом будет зависеть от того, по какому пути пойдет становление нового мирового порядка XXI в. Выдвигаются различные варианты политической структуры мира: от однополярного/многополярного мира до мирового правительства и т.д. На международной арене будет возрастать роль негосударственных акторов, вместе с тем продолжится процесс размывания национального суверенитета. В связи с этим традиционную дипломатию ждут серьезные испытания на прочность, ей придется приспосабливаться к современным условиям, а также выполнять связующую функцию между государственными и негосударственными участниками международных отношений. Другие исследователи утверждают, что дипломатия останется основным инструментом управления международными процессами. Накопленный опыт дипломатии в укреплении межгосударственного диалога сослужит полезную службу государству и другим новым акторам на международной арене в формировании нового, более безопасного и предсказуемого мира в XXI в.³ В сущности, речь идет о классическом, традиционном

¹ Hale R. and Wnitlam P. Towards the virtual organization. Maidenhead: McGrawHill, 1997.

² Мехдиев Э.Т. Роль многосторонней дипломатии в условиях глобализации на примере ОБСЕ // Вестник Пермского университета. 2009. № 3(10). С. 93.

³ Мехдиев Э.Т. Роль многосторонней дипломатии в условиях глобализации на примере ОБСЕ. С. 93–94.

подходе к изучению дипломатии. Ярким представителем такого подхода является Г. Никольсон¹.

Анализ работ Г. Никольсона показывает, что некоторые его выводы легли в основу целого ряда современных теорий международных отношений и дипломатии. Они широко используются в современной научной литературе. Наиболее популярным выступает его вывод о том, что «задачи дипломатии — поддерживать связь между двумя суверенными государствами при помощи переговоров. Профессиональный дипломат — слуга верховной власти государства. В демократических странах верховная власть принадлежит большинству в парламенте, которое вручает исполнительную власть правительству или кабинету министров»². По сути, этим высказыванием он предрекает переход к так называемой «новой дипломатии», которую также называли — «открытой».

Появление концепции «новой дипломатии» объясняется тем, что профессионализация, создание бюрократической системы организации и осуществления дипломатической работы повлекли за собой усиление информационно-аналитической работы, использование научных подходов и методов. Новая дипломатия уходила от скрытых методов работы, тайных переговоров и тем более отвергала нечестные приемы и методы по принципу «цель оправдывает средства». Ее сторонники были уверены, что лучшим условием для переговоров является доверие партнеров. По мнению Ф. Кальера, «Дипломат должен делиться информацией, за исключением той, которую он должен держать при себе в силу своей должности, т.е. секретными сведениями»³. Информацию необходимо получать не путем кражи, шантажа и обмана, а от партнеров на основе доверия. Только так можно добиться долгосрочного расположения партнеров и достигать больших результатов с реальной перспективой.

Концепция «новой дипломатии»

В концепцию «новой дипломатии» хорошо укладывается тот факт, что сегодня на ее трансформацию влияет глобальный процесс информатизации, развитие цифровых технологий. Характерные особенности современной дипломатии выделяли еще К. Гамильтон и

¹ Никольсон Г. Дипломатия. М.: ОГИЗ, 1941. С. 4.

² Никольсон Г. Дипломатия. С. 55.

³ Кальер Ф. О способах ведения переговоров с государями / пер. с фр. и коммент. Л.А. Сифуровой, предисл. О.О. Хохлышевой. М.: Гендальф, 2000. С. 7.

Р. Лангхорн, которые, говоря об особенностях современной дипломатии, выделяли два ключевых момента¹. Во-первых, большую ее, по сравнению с прошлым, открытость. С одной стороны, это означает, привлечение к дипломатической деятельности представителей различных слоев населения, а не только аристократической элиты, как это было ранее, с другой — широкое освещение в СМИ соглашений, подписываемых государствами. Во-вторых, интенсивное развитие многосторонней дипломатии. XXI век, который назван «веком глобального информационного общества», вместе с его новыми информационно-коммуникационными технологиями (ИТ), Интернетом и компьютеризацией связи способствует быстрому обмену информацией, а также меняет прежние представления о времени и пространстве. Сегодня «информационная революция» оказывает непосредственное влияние на развитие дипломатии². Современное развитие международных отношений переживает период турбулентности, эпоху неопределенности, противоречивости. Многие исследователи отмечают растущую неспособность национальных государств, адекватно реагировать на новые вызовы современности. Под сомнение ставится сама система международных отношений как межгосударственных, поскольку процессы глобализации подрывают суверенитет национальных государств.

Сегодня часто звучит мнение о том, что современная дипломатия находится в конфликте с пропагандой и во многом от нее зависит. «Тайная дипломатия» стала фактически невозможна со стереотипизацией сознания и созданием идеологий. Как отмечает А. Казанцев, дипломатия в современном мире не может избавиться от пропаганды, но она одновременно не может и эффективно осуществляться, будучи «скована» пропагандой. Когда дипломатия была искусством тайных сношений, направленных на защиту государственных интересов путем приобретения себе союзников, она, тем не менее, не была единственным инструментом реализации тайных интересов³. Во внешней политике, наполненной сложными противоречиями и небогатым набором дипломатических средств, всегда был такой фактор, как военная сила. Поэтому, когда исследовали дипломатию XVIII–XIX вв.,

¹ *Hamilton K., Langhorne R. The Practice of Diplomacy: Its Evolution, Theory and Administration. L.: Routledge, 2000. P. 18.*

² См.: *Hamilton K., Langhorne R. The Practice of Diplomacy: Its Evolution, Theory and Administration; Sharp P. Who Needs Diplomats // International Journal. 1994. Vol. 52. № 4 (Autumn). P. 609–634; Лебедева М.М., Мельвиль А.Ю. «Переходный возраст» современного мира // Международная жизнь. 1999. № 10. С. 76–84.*

³ *Казанцев А. Пропганда и современная дипломатия взаимосвязаны. [Электронный ресурс] // URL: <http://newdaynews.ru/propaganda/14/04/2015/>*

в первую очередь анализировали военно-политические отношения между государствами. Широкое распространение получил научный подход также в поиске методов и способов осуществления дипломатии. Анализируя эпоху господства в европейской дипломатии теории «равновесия сил», Т.В. Зонова отмечала, что еще влюбленный в математику австрийский государственный деятель Венцель Антон Каунитц выдвинул идею применения в дипломатии «геометрического метода» расчета союзов и коалиций. Обширная литература того времени, пишет Т.В. Зонова, рассматривает межгосударственные отношения по аналогии с неким бесстрастным инженерным устройством, обеспечивающим функционирование мировой политики.

Прусский правитель Фридрих II любил сравнивать международные отношения с часовым механизмом. Во многих исследованиях той эпохи содержится вывод о необходимости создания науки о дипломатии и международных отношениях, сведенной к перечню общих закономерностей. Предполагалось, что по мере взросления человечества в принятии внешнеполитических решений личностные и случайные факторы неизбежно будут играть не менее существенную роль»¹.

После Второй мировой войны, или, если быть точнее, после появления ядерного оружия, которое практически свело на нет возможность военного решения международных проблем между крупными мировыми ядерными державами, внешнеполитические институты этих стран сделали упор на поиск новых методов и механизмов в решении внешнеполитических задач любой сложности. Дипломаты эпохи «кабинетной дипломатии», которые составляли замкнутую группу и были тесно связаны между собой, постепенно уходят в прошлое. О них в свое время Бомарше говорил: «Дипломат — это тот, кто делает вид, что не знает то, чего знают все, но при этом делает вид, что знает то, чего не знает никто»². Хотя тайная дипломатия до сих пор служит образцом для «ученых-реалистов» в духе ее основателя Ганса Моргентхау, вместе с тем она перестала быть главенствующей уже в эпоху ухода абсолютных монархий XVIII века и с ростом демократических тенденций. Демократизация была связана с возникновением массовых обществ современного типа (испанский мыслитель Ортега-и-Гассет назвал это революцией масс). Эти процессы привели к тому, что закрытая от общества дипломатия стала невозможна³.

¹ Зонова Т.В. Дипломатия: Модели, формы, методы: учебник для вузов. М.: Аспект Пресс, 2013. С. 50.

² Цит. по: Казанцев А. Пропаганда и современная дипломатия взаимосвязаны. [Электронный ресурс] // URL: <http://newdaynews.ru/propaganda/14/04/2015/>

³ Казанцев А. Пропаганда и современная дипломатия взаимосвязаны. [Электронный ресурс] // URL: <http://newdaynews.ru/propaganda/14/04/2015/>

С рождением информационного общества эта тенденция усилилась. Появляется новая форма дипломатии — цифровая. Последнюю еще называют «интернет-дипломатией», «дипломатией социальных сетей», «Web 2.0 дипломатия» и т.п. Это хотя и технологический, но довольно действенный инструмент, опирающийся на идейные основания либерализма и, в частности, на принципы безграничной свободы слова, благодаря которым развиваются такие компании, как Facebook, Twitter и др.¹

В «старой дипломатии» одной из основных доктрин был принцип равновесия сил, заключавшийся в том, что в Европе одна держава не должна превосходить другую по силе. Поэтому государства Европы стремились к созданию союзов, чтобы сдерживать вырвавшуюся вперед страну. Этот принцип действовал вплоть до создания НАТО. Но в последние десятилетия он перестал работать. Например, дипломатия Англии от него полностью отказалась².

Еще одним признаком перехода к новой дипломатии стал фактический уход от понимания дипломатии как европейского явления к пониманию ее как мировой. В меньшей степени этому способствовали создание таких структур, как ООН, и в целом процесс глобализации, расширивший возможности дипломатии и, в сущности, выведший её из рамок классического определения, а также и новые возможности по обмену информацией, ускоренный темп общественных отношений, требующий принятия немедленных решений. Новые информационные технологии сделали доступными прямые контакты официальных лиц. Политический аспект дипломатии перестал быть ее исключительной прерогативой.

По мнению ряда исследователей, современную дипломатию также иногда называют «конференциальной», а по сути — «многосторонней». Многие специалисты критикуют данную форму и метод дипломатической работы прежде всего потому, что процесс согласования результатов — долгая и утомительная рутина, которая не всегда приносит ожидаемые результаты. Чаше страны возвращаются к надежным двусторонним переговорам, с тем чтобы для себя и соседа решить ту или иную проблему.

С другой стороны, без данного формата в современном мире не обойтись, так как в условиях роста процессов глобализма не учитывать данный фактор невозможно. Так же как невозможно обойтись и без таких организаций, как ООН, особенно если речь идет об установ-

¹ См. подробнее: *Цветкова Н.* Программы Web 2.0 в публичной дипломатии США // США и Канада: Экономика, политика, культура. 2011. № 3. С. 109–122.

² *Попов В.И.* Современная дипломатия: теория и практика: курс лекций. Ч. 1: Дипломатия — наука и искусство / ДА МИД РФ. М.: Научная книга, 2000. С. 71.

лении мира, предотвращении войны и урегулировании острого конфликта, затрагивающего страны и регионы.

Экономическая дипломатия – новая тенденция в мировой политике

В современных условиях в подходах по изучению дипломатии укоренились и такие определения, как «торговая» и «экономическая» дипломатия, которые необходимо рассматривать также как фактор развития теории и практики современной многосторонней дипломатии. Как отмечает И. Мавланов: «В условиях экономической и информационно-коммуникационной глобализации и процессов политической трансформации мирового порядка большинство исследователей заявляет о формировании и развитии новых направлений и форм дипломатии, часто называя это “новой” дипломатией»¹.

Как утверждает Т. Зонова, экономическая дипломатия сформировала свой особый универсум, в котором происходят многосторонние форумы и действуют различные институты, регулирующие функционирование современной мировой экономики. Наконец, как бы исподволь, появилось осознание того, что экономическая дипломатия должна заниматься глобальными проблемами и что цель ее – всемирная организация устойчивого экономического роста. Действительно, в условиях продолжающейся в мире глобализации дипломатическая деятельность главных акторов государства в вопросах управления и координации внешними экономическими вопросами будет лишь усложняться по мере усложнения самих международных отношений и их задач, а также количества задействованных акторов и форм дипломатии. И в этом смысле скорее следует говорить не об упадке, а о расцвете дипломатии и дипломатии в экономическом направлении².

Исторические аспекты изучения дипломатии в Узбекистане

Изучение дипломатии Центральной Азии с древнейших времен привлекло внимание других исследователей страны. Центральная Азия была одним из центров развития мировой дипломатии. Обшир-

¹ Мавланов И.Р. Экономическая дипломатия Индии в условиях трансформации мирового порядка. Т.: УМЭД, 2010. С. 96.

² Зонова Т.В. Дипломатия: Модели, формы, методы: учебник для вузов / Т.В. Зонова. М.: Аспект Пресс, 2013. С. 199.

ные сведения об истории узбекской дипломатии и сохранившихся дипломатических документах приведены в книге «Узбек дипломатияси тарихидан» (Из истории узбекской дипломатии) под общей редакцией академика М.М. Хайруллаева. Книга охватывает историю дипломатии на территории Узбекистана и Центральной Азии с древнейших времен¹.

Из истории известно, что международные связи и дипломатия Центральной Азии имеют многовековую историю. Согласно мнениям Э. Ретвеладзе и А. Саидова, дипломатические отношения на территории Узбекистана начались с самых древних времен. Согласно договору, парфийцы на практике сохранили свою независимость. Данный договор считается первым международным договором, известный науке в истории дипломатии Центральной Азии².

Античные и ранние средневековые источники по дипломатии делятся на древнегреческие, согдийские, древнетюркские, арабские и персидские источники по языковым аспектам³. В ранних средних веках Самаркандский правитель Диваштич направляет Фатуфарна в качестве согдийского посла и с ним специальное письмо, написанное в 712–714 годах. В данном письме через посланника, побывавшего у правителя Чача и Ферганы, поставлена специальная дипломатическая задача, в ней есть призыв вместе бороться против арабских завоевателей⁴.

В редких источниках, относящихся к дипломатии Средних веков, наряду с методами управления государством, политикой, законами-правилами, обычаями-церемониями и принципами морали также прописаны качества, необходимые посланнику. Низам ал-Мулк отмечает, что государи, отправляя послов друг к другу, преследуют не только явные, но и тайные цели. В качестве послов отправляются два лица — одно принадлежит к числу придворной знати, другое выбирается из ученых мулл. Как классический пример можно привести мнения древнейшего ученого Средней Азии Юсуфа Хасса Хаджиба Баласагуни в произведении «Благодатное знание». В этом же произведении указывается, что «среди прочих людей самые лучшие долж-

¹ Узбек дипломатияси тарихидан (Из истории дипломатии Узбекистана) / под общей редакцией М.М.Хайруллаева. Ташкент: ЖИДУ, 2003 (на узб. яз.).

² Ретвеладзе Э., Саидов А. Ўзбекистон худудида энг қадимги даврда дипломатик муносабатларнинг ривожланиши. Тошкент: Инсон ҳуқуқлари бўйича ЎзР Миллий маркази, 2001. Б. 40.

³ Отахўжаев М. Антик ва илк ўрта асрлардаги дипломатик муносабатларнинг манбаларда ёритилиши. // Ўзбекистонда элчилик хизмати тарихидан: талкин ва таҳлил. Республика илмий-амалий материаллари тўплами. Тошкент: Адабиёт учқунлари, 2016. Б. 13.

⁴ Узбек дипломатияси тарихидан. Тошкент: ЖИДУ, 2003. Б. 41.

ны стать послами, они должны быть грамотными, чуткими...». Автор также дает советы по поводу назначения послами обеспеченных людей, а жадных и гонящихся за богатствами советует не допускать к делам, связанным с зарубежными отношениями. Авторитетный ученый Низам ал-Мулк в своей работе «Книга о правлении» дает советы правителям: «Посол также должен быть служивым у правителей, храбрым в общении, познающим мир, с сильной памятью, воспитанным и симпатичным. Если посланник старшего возраста или ученый — это к лучшему, такой посланник заслуживает доверия»¹. Вышеприведенные труды дают возможность понять, что и в далеком прошлом дипломатия тюркских народов опиралась на высокие духовные основы. Дипломатию Амира Тимура справедливо можно оценить как «достойнство и славу, приобретенные мужеством и мудростью»².

Ценные сведения об истории дипломатии Центральной Азии также встречаются в произведениях, изданных в США, Англии, Индии, Турции, Иране. Например, если в монографии Э. Олворта «Узбеки», изданной в США, встречаются только некоторые мнения об «узбекской дипломатии», в ряде научных изданий, опубликованных в странах зарубежного Востока, содержатся ценные сведения об отношениях Центральной Азии с этими государствами, записи разных эпох. В исследовании изложены исторические события с древних времен до XIX века.

Современные подходы узбекских исследователей к дипломатии

В современных условиях первым направлением исследования является изучение становления и развития внешней политики и дипломатии Республики Узбекистан и ее приоритеты. Характеризуя состояние современных международных отношений, актуальность которых сохраняется и сегодня, первый президент Республики Узбекистан И.А. Каримов отмечал ряд факторов, которые коррелируются с задачами дипломатии. Во-первых, это процесс глобализации. «В международных отношениях постоянно появляются новые факторы неопределенности и глубоких перемен, распадаются старые и появляются

¹ *Агзамова Г.* Элчи йирокни якин, якинни меҳрибон килгучидир...// Ўзбекистонда элчилик хизмати тарихидан: талқин ва таҳлил. Республика илмий-амалий материаллари тўплами. Тошкент: Адабиёт учқунлари, 2016. Б.135.

² *Хидоятлов Г.А.* Основы дипломатии. Ташкент: УМЭД, 2002. С. 18.

новые взаимосвязи, меняются стратегические парадигмы. Все чаще стирается грань между международной и внутренней политикой. Все шире нормы международного права имплементируются в национальные правовые системы»¹. Во-вторых, тенденция формирования многополюсного мира, в ходе которой меняется структура международных отношений, усиливается значение региональных организаций. В-третьих, появление новых вызовов и угроз глобальной, региональной и национальной безопасности, в числе которых религиозный и политический экстремизм, международный терроризм, распространение оружия массового уничтожения и рост транснациональной преступности, а также производство наркотиков и торговля ими, незаконная торговля оружием, людьми и др. Кроме того — неурегулированные региональные кризисы и конфликты; рост социальной напряженности; массовые миграции населения и т.д.

Среди исследований по дипломатии необходимо выделить работы Г.А. Хидоятова «Основы дипломатии»², «История дипломатии»³. Книга об основах дипломатии включает главы о государственном суверенитете и современной дипломатии, международном праве, внешней политике, дипломатическом протоколе и церемониале, консульской службе. Кроме того, в работе освещаются вопросы истории дипломатии и современных дипломатических отношений Республики Узбекистан. В частности, рассмотрены основные принципы дипломатической профессии. Ярко представлены живые исторические примеры деятельности великих дипломатов — Цезаря, Талейрана, Бисмарка, Горчакова и лорда Солсбери, т.е. наиболее популярных во всей истории дипломатов. Критерием их выделения является сила воздействия их дипломатического мастерства на судьбы своей страны и международные отношения. Показаны и проанализированы основные приоритеты внешней политики Республики Узбекистан, разработанные первым президентом И.А. Каримовым, первые шаги узбекской дипломатии. В книге широко использованы новые исследования по этому предмету. Работа отличается оригинальностью. В нее включены материалы, широко раскрывающие дипломатическое искусство Центральной Азии.

В труде по истории дипломатии показана ее роль в Центральной Азии, в частности Тимура и Бабура, а также в мировой дипломатической истории. В данной работе ценным является отношение к историческому методу исследования, который автор использует в качестве

¹ Основные направления внешней политики и дипломатии Республики Узбекистан в трудах И.А. Каримова. Ташкент: УМЭД, 2006. С. 6.

² Хидоятов Г.А. Основы дипломатии. Ташкент: УМЭД, 2002.

³ Хидоятов Г.А. История дипломатии. Ташкент: УМЭД, 2002.

теоретической основы. «Невозможность разработать сколько-нибудь точную теорию международных отношений, — отмечает Г.А. Хидояттов, — побуждает обратиться к историческому опыту, который даст возможность сделать соответствующие выводы и заключения и использовать их в практической работе современного дипломата. История — великий учитель жизни, и, нет сомнения, таким же учителем может стать история дипломатии. Яркие страницы истории дипломатии, дела знаменитых дипломатов, великие дипломатические победы и поражения могут стать незаменимым учебником для будущих дипломатов и в равной степени заменить теории, которые отражают потребности определенной эпохи»¹.

Теоретическую и методологическую ценность при изучении дипломатии Узбекистана представляют исследования современной дипломатии. В данной связи необходимо отметить работы А. Расулова, А. Вахидова, И.Р. Мавланова и других².

Богатый срез представляют собой исследования содержательной стороны дипломатической работы, которая строится на основе реализации национальных интересов, интересов региональной и глобальной безопасности³. Национальные интересы в практическом своем воплощении представляют совокупность конкретных политических и экономических приоритетов, целей и средств их реализации. Национальные интересы существенным образом определяются геополитическим положением государства в регионе и в мире в целом, расстановкой и соотношением (балансом) сил в системе международных отношений и в регионе, потребностями в сфере социально-экономического развития⁴.

Одним из важнейших направлений изучения дипломатии выступает исследование правовых основ. В данной связи заслуживает внимание работа Л. Саидовой «Правовые основы дипломатической деятельности Республики Узбекистан»⁵.

¹ Хидояттов Г.А. История дипломатии. Ташкент: УМЭД, 2002.

² Расулова А. Становление и формирование дипломатии и дипломатической службы Республики Узбекистан и подготовка дипломатов в современных условиях: Материалы круглого стола на тему: «Вопросы формирования и развития узбекской школы дипломатии». Ташкент: УМЭД, 2012. С. 38-43; Вахидов А. Роль системного повышения квалификации дипломатических кадров. Там же. С. 17-20; Мавланов И.Р. Развитие экономической дипломатии Республики Узбекистан, современные вызовы и некоторые подходы к их преодолению. Там же. С. 23-32.

³ Алимов Р.М. Центральная Азия: Общность интересов. Ташкент: Шарк, 2005.

⁴ Хасанов У.А. Национальные интересы Республики Узбекистан и проблемы безопасности в Центрально-Азиатском регионе: Дисс. ... к.полит.н. М., 2003.

⁵ Саидова Л. Правовые основы дипломатической деятельности Республики Узбекистан. Ташкент: Национальный центр Республики Узбекистан по правам человека, 2001.

Одними из направлений исследований развития дипломатии Республики Узбекистан являются дипломатический протокол и этикет. В данной связи следует отметить труд Л.М. Абдуллаевой «Особенности дипломатического протокола и этикета: практика Республики Узбекистан». В работе раскрываются основные закономерности исторической и современной теории и практики дипломатического протокола и этикета. Особое место отведено становлению протокольной практики в Республике Узбекистан. Через всю работу проходит главная мысль исследователя, что нормы национального протокола — это укоренившиеся обычаи, нормы поведения, сложившиеся между людьми и доказавшие свою необходимость и полезность. В нашем протоколе можно встретить отдельные элементы британской или американской протокольных практик, что ни в коей мере не означает копирование — это умелое сочетание международных норм и национальных традиций. Характерной чертой протокола Республики Узбекистан является его приверженность традициям восточного гостеприимства. В протоколе Республики Узбекистан отсутствует излишняя помпезность, он строг, демократичен, а главной его отличительной чертой является уважение традиций чужой стороны. Заметная роль в работе отведена церемониальным нормам, проблеме дипломатических иммунитетов и привилегий.

Большое место в изучении дипломатии занимает проблема личности дипломата, воспитание необходимых качеств. В данной связи следует выделить работы А. Файзуллаева¹, в которых раскрывается мотивация и личность дипломата, психологические аспекты дипломатической деятельности, личностные качества дипломатического работника. Ценность работ А. Файзуллаева заключается в разработке критериев дипломата применительно к требованиям Республики Узбекистан. Практически во всех трудах предмет освещается, исходя из принципов и приоритетов внешней политики Республики Узбекистан. Как политический инструмент, дипломатия занимает центральное место среди средств внешней политики. Она регулируется широким спектром норм международного права и нормами внутреннего законодательства. Дипломатия обладает привилегиями, которые ей необходимы для осуществления внешнеполитических функций на иностранной территории. Она наделена важнейшими функциями дипломатического представительства, защиты интересов государства и граждан, ведения переговоров, подготовки и заключения договоров,

¹ Файзуллаев А. Мотивация и личность дипломата // Международные отношения. 2004. № 2. С. 62–70; Он же. Психологические аспекты дипломатической деятельности // Международные отношения. 2003. № 3. С. 50–57.

обеспечения широкого сотрудничества между странами и т.д. Чтобы быть успешной в выполнении данных функций, дипломатия должна опираться на науку. Как отмечает узбекский ученый М. Рахимов, «с момента объявления государственной независимости Узбекистаном и другими странами бывшего Союза накоплен и в определенной степени осмыслен обширный эмпирический материал в области двусторонней и многосторонней дипломатии. Научное осмысление складывающихся взаимоотношений Узбекистана и стран Центральной Азии с ведущими государствами, международными и региональными организациями в обеспечении стабильности в регионе имеет весьма важное значение как в научно-исследовательском, так и в практическом плане, поскольку данная проблема в силу её новизны ещё слабо исследована, что также определяет несомненную актуальность нашего исследования»¹.

Таким образом, традиционные и современные теоретические и методологические подходы изучения дипломатии связаны с теорией внешнеполитических отношений, объясняют международные процессы, помогают извлекать новые знания, рождают новые подходы к их изучению. Все они не являются исключительно односторонними, проникая, дополняя и обогащая друг друга, неизменно трансформируясь в системный анализ.

¹ Рахимов М.А. Международное сотрудничество Узбекистана в контексте обеспечения стабильности и устойчивого развития в Центральной Азии. Ташкент, 2011.

Р.Ф. ФАРМОНОВ, С.М. АЛ-ЛАВАТИ

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН И СУЛТАНАТА ОМАН

Любой здравомыслящий человек понимает, что будущее не должно строиться на основе взаимной вражды народов, в столкновении культур и цивилизаций, будущее должно зиждиться на основе диалога и сотрудничества между народами и цивилизациями. В этой связи международные отношения, сотрудничество, диалог, а также взаимопонимание приобретают особый смысл в эпоху глобализации. Именно в эпоху глобализации все отчетливее обострились такие угрозы, как терроризм, религиозный фундаментализм, экстремизм, великодержавный шовинизм, агрессивный национализм. Все вышеперечисленные угрозы можно решить исключительно сообща, учитывая их планетарный характер.

Наша статья посвящена узбекско-оманским международным отношениям в период Новейшей истории. В ней мы попытались проследить исторические, культурные, духовные и политические связи в отношениях между народами Омана и Узбекистана.

Установление международных отношений

Населения Омана и Аравийского полуострова в целом испокон веков находились в тесном контакте и сотрудничестве с Туркестаном благодаря Великому шелковому пути. Великий шелковый путь помимо сухопутных маршрутов, имел и морские пути. Морская торговля проходила через Красное море, Персидский залив и Индийский оке-

ан. Еще за тысячи лет до Великих географических открытий арабы пользовались морскими маршрутами по Индийскому океану. Они доходили до берегов Индии и Китая. Ведущими мореплавателями по указанному морскому маршруту были оманцы. Индия была связующим звеном между арабами и древним Тураном. С распространением ислама в Туркестане связи с Аравийским полуостровом еще больше расширились. Необходимо отметить, что именно караванные пути связывали и объединяли народы различных культур и цивилизаций. Общая культура, вера, наличие единого арабского языка, образование способствовали дальнейшему развитию и сотрудничеству между народами Арабского Востока и Туркестана.

Велика в истории роль Амира Темура и Темуридов в расширении связей и сотрудничества между двумя регионами. Созидательная миссия Амира Темура способствовала дальнейшему развитию международных отношений не только стран Востока, но и Запада.

Более 130 лет назад, после того как Туркестан превратился в колонию царской России, а затем вошел в состав Советского Союза в виде отдельных республик, контакты и международные связи народов Центральной Азии с арабским миром сузились, а позже и вовсе прекратились. После обретения независимости и создания суверенных государств в Центральной Азии многовековые культурные, экономические, духовные и политические отношения с арабским миром возобновились. Более того, были установлены дипломатические отношения между независимыми государствами Центральной Азии и странами Арабского Востока.

Изучая взаимоотношения между Республикой Узбекистан и Султанатом Оман, необходимо отметить, что у этих государств очень много общего. Несмотря на то, что страны расположены друг от друга за тысячи километров, они тем не менее развиваются в тесном контакте и сотрудничестве. Обе страны успешно проходят процесс интеграции в мировое сообщество.

В Султанате Оман с приходом к власти Кабуса бин Саида в 1970 году началось возрождение страны. За короткий исторический срок Оман добился впечатляющих успехов во всех сферах общественной жизни. Коренным образом изменился его облик. Благодаря миролюбивой и дальновидной политике Кабуса бин Саида началась модернизация, и страна шаг за шагом успешно преодолевает имеющиеся трудности.

Не менее впечатляющих успехов достигла Республика Узбекистан за четверть века. Несмотря на мировой финансово-экономический кризис, произошедший в 2008 г., ВВП в Узбекистане демонстрирует стабильность, ежегодный показатель которого не менее 8%. Стабильность

в социально-экономическом и политическом развитии Узбекистана — это результаты реализации «Узбекской модели», которую в настоящее время изучают и обобщают ученые, эксперты и политические деятели мирового сообщества. Внутреннее стабильное развитие Узбекистана соответствует его активной внешней политике. Именно Республика Узбекистан выступала и далее намерена выступать с инициативами в решении сложных международных проблем. Так, молодая республика инициировала реформирование ООН, решение афганской проблемы, превращение Центральной Азии в безъядерную зону и т.д.

Историография узбекско-оманских отношений

В исследовании нашего аспекта наблюдается дефицит научных трудов, освещающих международные отношения Республики Узбекистан и Султаната Оман. Необходимо отметить, монографию С.М. Гафурова на тему: «Стратегия безопасности: государств Центральной Азии и арабских государств Персидского залива», подготовленную на узбекском языке¹. Есть еще одна работа Б. Ибрагимова, также написанная на узбекском языке, под названием: «Узбекистан и Султанат Оман: единомыслие, согласие, сотрудничество»².

В 2015 г. появилось очень содержательное монографическое исследование трех отечественных профессоров-арабистов З.М. Мунавварова, Б.А. Абдухалимова и Р.М. Бахадирова под названием «Султанат Оман: история, цивилизация, экономика, внешняя политика». Ценность данного исследования заключается в том, что оно выполнено на основе первоисточников, написанных на арабском языке³.

Что же касается других научных работ, то они по отдельности освещают различные аспекты общественной жизни Узбекистана и Омана. Имеющаяся научная литература подготовлена на узбекском, арабском, персидском, русском и английском языках.

Оман считается одним из самых авторитетных государств в арабском мире. Сотрудничество с этим государством открывает для Узбекистана большие перспективы. В свою очередь и Оман считает Узбекистан ведущим государством в Центральной Азии. Сотрудничество Омана с Узбекистаном расширяет возможности развития отношений

¹ Гафуров С.М. Хавфсизлик стратегияси: Марказий Осиё республикалари ва Форс кўрфази араб давлатлари амалиёти. Тошкент, 2007.

² Иброҳимов Б. Ўзбекистон ва Ўмон Султонлиги: ҳамфикрлик, ҳамжихатлик, ҳамкорлик. Тошкент, 2010.

³ Мунавваров З.М., Абдухалимов Б.А., Бахадиров Р.М. Султанат Оман: история, цивилизация, экономика, внешняя политика. Ташкент, 2015.

с другими странами Центрально-Азиатского региона. Можно заключить, что сотрудничество с Оманом предоставляет Узбекистану новые возможности для укрепления отношений с арабскими странами.

Политические отношения Узбекистана и Омана

Узбекистан и Оман налаживают плодотворное сотрудничество в рамках ООН и других международных и региональных организаций. Позиции обоих государств по важным современным проблемам, таким как разоружение, безопасность, борьба с терроризмом, реформирование ООН, права человека и многим другим, близки или даже идентичны. Необходимо указать на эффективную поддержку, которую оказывал Оман инициативе президента Республики Узбекистан Ислама Каримова по вопросу создания в Центральной Азии зоны, свободной от ядерного оружия. Кроме того, Султанат Оман поддерживал и его инициативу урегулирования афганской проблемы, предложив формат «6+3». Оман считает, что эту инициативу должны приветствовать все стороны конфликта. Султанат Оман согласен с позицией Узбекистана, по которой афганскую проблему невозможно решать только военными средствами, в ее решении должны принять активное участие сами афганцы, а также государства, граничащие с Афганистаном. Как видим, позиции по урегулированию афганской проблемы Омана и Узбекистана полностью совпадают.

Султан Кабус бин Саид твердо проводит политику мира и сотрудничества с другими государствами, солидарными с Оманом. Султанат Оман способствует укреплению связей между народами и налаживанию отношений Узбекистана со всеми странами мира путем активного участия в международных и региональных организациях. Международные отношения Узбекистана с Оманом отличаются своеобразием, так как они позволяют увеличить доверие в отношениях султаната к странам, имеющим с ним исторические, географические, религиозные и национальные связи. В этом плане Республика Узбекистан относится к тем государствам, которые занимают особое место в отношениях с Султанатом Оман. Узбекистан, как и Оман, имеет древнюю историю, издавна входил в исламскую цивилизацию.

Двадцатилетнее сотрудничество между Султанатом Оман и Узбекистаном продолжает динамично развиваться. Взаимное посещение делегаций двух государств за последнее время активизировалось. Руководители различных министерств и ведомств двух государств, посещая Султанат Оман и Республику Узбекистан, наметили перспективы развития и сотрудничества двух дружественных стран. По

приглашению султана Кабуса бин Саида 4–5 октября 2009 г. страну посетил президент Узбекистана Ислам Каримов. На официальном приеме присутствовали председатели Государственного Совета и Меджлиса Ал-Шура, министры-советники, командующий вооруженными силами султаната и Королевской полиции Омана, почетные и действующие члены Госсовета и парламента, представители дипкорпуса, руководители МИД, ряд шейхов и высокопоставленных чиновников губернаторства города Маската, руководители СМИ и другие. На встрече главы государств обменялись мнениями о будущем развитии двустороннего сотрудничества, расширении торговли, а также по решению ряда международных и региональных проблем. Ислам Каримов заявил, что Узбекистан высоко ценит возобновившиеся отношения с Султанатом Оман и встреча на высшем уровне увеличивает возможности для решения проблем, представляющих взаимный интерес. Кабус бин Саид в свою очередь сообщил, что государственный визит президента Узбекистана в Оман является историческим событием.

Во время визита состоялось подписание коло двух десятков соглашений между государствами, правительствами и управлениями двух сторон, а также соглашений по различным экономическим направлениям. В конце государственного визита президента И. Каримова в Султанате Оман было опубликовано совместное коммюнике, в котором обе стороны договорились об открытии посольств в Ташкенте и Маскате. Кроме того, в результате переговоров были подписаны соглашения между правительствами, которые представляют основу отношений между странами по торгово-экономическому сотрудничеству, а также относительно воздушного транспорта, помимо этого было подписано более 10 договоров касающихся нефти и газа, химического сектора, строительства, сферы высшего образования, туризма и инвестиций.

Историческая встреча двух лидеров — Кабуса бин Саида и Ислама Каримова 4–5 октября 2009 г. на земле Омана открыла новую страницу в оmano-узбекских отношениях. С этого времени встречи руководителей министерств, ведомств, научных и культурных учреждений стали носить систематический характер.

После успешного официального визита президента Узбекистана в Султанат Оман контакты между государствами получили новое развитие. 20–23 марта 2010 г. в Узбекистане побывала делегация деловых людей и предпринимателей Омана во главе с министром торговли и промышленности Омана Макбулем бин Али бин Султаном, который был принят президентом И.А. Каримовым. 14 мая 2010 г. президент Узбекистана принял государственного министра по иностранным де-

лам Омана Юсефа бин Алави бин Абдаллаха, прибывшего в Узбекистан с официальным визитом. Все эти и другие контакты между высокопоставленными должностными лицами двух стран способствуют развитию отношений между двумя государствами. Посольство Султана Оман в Ташкенте на сегодняшний день — единственная внешнеполитическая структура такого уровня в регионе Центральной Азии, оно успешно выполняет роль опорного регионального дипломатического представительства своего государства.

Главный интерес Султаната Оман связан с перспективами строительства транспортного коридора между Центральной Азией и султанатом. Переговоры по этому крупному проекту, в которых участвовали представители пяти государств — Султаната Оман, Катар, Ирана, Туркменистана и Узбекистана, завершились подписанием 25 апреля 2011 г. Ашхабадского соглашения о создании транснационального транспортного коридора для перевозки товаров и пассажиров по указанному выше маршруту. Главная цель Ашхабадского соглашения — создание международного транспортного коридора, обеспечивающего транзит товаров и пассажиров между государствами Центральной Азии и портовыми городами Ирана, а также арабскими государствами Персидского залива, в том числе Султанатом Оман. Коридор должен привлечь транзитные грузы других государств, способствовать развитию международных транспортных систем, а также облегчить доступ на мировые рынки товаров стран — участниц проекта на основе международных стандартов. Соглашение предусматривает равные права и единые правила использования создаваемого транспортного коридора всеми его участниками, что послужит росту объемов инвестиционной деятельности и торговли между партнерами. Важно указать, что проект был объявлен открытым и для других стран, которые пожелают к нему присоединиться¹.

Следует отметить, что посол Мохаммед бин Саид ал-Лавати в ноябре 2012 г. вручил верительную грамоту в качестве первого посла-резидента Султаната Оман Его Превосходительству Первому Президенту Узбекистана Исламу Каримову². Развивающаяся дипломатия Омана, по мнению Джереми Джонса и Николаса Редута, придерживается во внешней политике четырех принципов:

- улучшение и развитие добрососедских отношений со всеми соседними с Оманом странами;

¹ См.: Мунавваров З.М., Абдухалимов Б.А., Баходиров Р.М. Султанат Оман: история, цивилизация, экономика, внешняя политика. Ташкент, 2015. С. 204–205.

² Из автобиографии Мохаммеда ал-Лавати.

- всесторонний учет интересов Омана как морского государства и с точки зрения самой страны, и с международных позиций;
- приоритет геостратегических и двусторонних прагматических отношений во внешней политике над идеологическим воззрением;
- отказ от разногласий в пользу мира и сотрудничества, с целью обеспечения безопасности и баланса сил в стране и регионе¹.

Историческая близость и культурно-духовная основа развития

Оманско-узбекские отношения имеют тысячелетнюю историю. И хотя Узбекистан расположен в Центральной Азии, а Оман — на Аравийском полуострове, в истории их судьбы не только соприкасались, но и переплетались.

Историческая значимость Узбекистана как самобытного очага цивилизации ассоциируется с тем, что эта земля является родиной великого Заратуштры. Именно на хорезмской земле была написана книга «Авеста». Центральная Азия и Узбекистан являются родиной ал-Фараби, ал-Фергани, ал-Бируни, ал-Хорезми, Авиценны, ал-Бухари, ат-Тирмизи, Рудаки, Махмуда Замахшари, Матруди, Маргилани, Насира Хосрова, Накшбанди, Амира Темура, Мирзо Улугбека, Алишера Навои, Ахмада Йасави, Захир ад-дина Бабур и многих других выдающихся ученых и мыслителей.

В далеком прошлом Султанат Оман внес весомый вклад в общественную жизнь своего и близлежащих регионов, а оманские мореплаватели — в распространение исламской религии в странах Африки и Азии. В свою очередь учёные из Мавераннахра стали первооткрывателями в области естественных и гуманитарных наук в период расцвета исламской цивилизации.

Большую роль в обмене знаниями сыграл Великий шелковый путь, который стал связующим звеном между Центральной Азией и странами Персидского залива. Такие города, как Багдад, Мерв, Маскат, Самарканд, Бухара, Ургенч, Фергана, Шаш, Мекка и Медина, Исфахан, Дофар, Низва и другие, по праву названы жемчужинами стран Ближнего, Среднего и Центрального Востока.

И если Центральная Азия расположена на сухопутных перекрестках Великого шелкового пути, то Оман, как и Аравийский полуостров в целом, — на морском маршруте того же Великого шелкового пути.

¹Jones J. and Ridout N. Oman, Culture and Diplomacy. Edinburgh, 2012. P. 4.

В течение почти двухтысячелетней истории Великого шелкового пути два региона, т.е. Центральная Азия и страны Персидского залива, взаимно обогащали друг друга, находились в постоянной связи в культурно-экономической, социальной и духовной сферах. Оман — страна мореплавателей, родина знаменитого Ахмада ибн Маджида — автора лодий, моряка, географа и писателя — сыграл выдающуюся роль в развитии связей и сотрудничества между различными цивилизациями.

Оманские ремесленники считались мастерами по добыче морского жемчуга и хрусталя. По свидетельству нашего великого соотечественника Насира Хосрова, еще в XI веке мореплаватели добывали хрусталь из Красного моря. Этот хрусталь, отмечал Насир Хосров, в отличие от хрусталя магрибских стран был гораздо мягче и прозрачнее¹. Впоследствии, в период правления Бабуридов в Индии, из Омана в Делийский Султанат отправлялись для обмена мастерством не только плотники-судостроители, но и ловцы жемчуга для освоения жемчужных банок Малабарского побережья. Отметим, что и оманцы, и туранцы еще до возникновения ислама входили в состав сасанидского государства Ирана. Государственной религией Сасанидов был зороастризм, а их священная книга «Авеста» была «настольной» книгой иранцев и оманцев.

Что касается распространения ислама, то в Омани население приняло ислам еще при жизни пророка Мухаммада мирным путем, а в Туране — исторической Согдиане, или Мавераннахре, — религия распространялась как мирными, так и военными средствами.

С возникновением и распространением в арабских странах и Туране исламской религии сотрудничество между народами двух регионов поднялось на новый уровень. Именно ислам лежал в основе единого мировоззрения между государствами, в результате чего были установлены тесные культурные и духовные контакты. Так, великий ал-Фараби являлся признанным основателем исламской философии — философии всего Востока.

Общность наблюдается не только в мировоззрении, но в образе жизни, традициях и религиозных праздниках двух народов, которые относятся к исламской цивилизации.

IX–XII века в истории народов Ближнего и Среднего Востока признаны периодом исламского Ренессанса. На перекрестках исламской цивилизации возникли различные научные и культурные центры. Так, например, в тогдашней столице Арабского халифата — Багдаде в IX–XII веках функционировал «Бейт ал-Хикма» («Дом мудрости»). Арабский язык стал официальным языком всех народов, которые

¹ *Nosir Xisrav*. Safarnoma. Toshkent, 2010. S. 55.

входили в состав Арабского халифата. В результате распространения и активного использования арабского языка народы, входившие в состав халифата, имели тесное сотрудничество между собой в области науки и культуры. Не случайно в устном народном творчестве туркестанцев воспевался сад Ирам — родина прекрасных пэри. Как было установлено археологами, Ирам располагался на территории современного Омана.

Отметим тот факт, что узбекско-оманские отношения никогда не прекращались даже несмотря на то, что Туркестан и Оман на различных исторических витках входили в состав различных государств и империй. Важно сегодня дать научное освещение этим международным отношениям на различных этапах развития.

В настоящее время благодаря проводимой политике Султанат Оман достиг больших успехов в наведении мостов дружбы со многими странами мира. Оманская дипломатия в первую очередь стремится укреплять и расширять сферу сотрудничества и общих интересов с братскими и дружественными странами для служения целям национального развития и установления мира и стабильности не только в регионе, но и во всем мире. Вручение Его Величеству Султану «Международной премии мира» института Картера и «Премии Неру по международному сотрудничеству» Индийского совета по культуре в 2007 г. являются доказательством международного и регионального признания мудрой и мирной внешней политики, которую проводит Султанат Оман¹.

Все это способствовало появлению более широких возможностей по привлечению инвестиций и открытию рынков для оманской продукции, а также созданию совместных проектов как на правительственном уровне, так и на уровне бизнесменов и частного сектора в султанате и в других странах мира.

Известно, что оманская дипломатия, проявляя активность, преследует цель установления более тесных отношений, прежде всего с братскими и дружественными странами, и стремится привлечь представителей торгово-промышленной палаты и частного сектора Омана в число членов делегаций, посещающих другие страны, а также стремится к налаживанию отношений между ассоциациями бизнесменов. Следовательно, это даёт возможность открытия новых каналов связей и развития совместных проектов в султанате. Эти шаги способствуют поощрению туризма и перспективных инвестиционных возможностей во всех секторах экономики Омана.

¹ Из лекции Мохамеда ал-Лавати в пакистанском институте «Стратегических исследований Азии» на тему «Внешняя политика Омана и оманско-пакистанские отношения». Исламабад, 13.01.2009 г.

Султанат установил дипломатические отношения с более чем 150 странами мира и стал членом 105 региональных и международных организаций¹. Султанат продолжает увеличивать свои дипломатические представительства за счет установления дипломатических отношений со странами мира, в этом большая заслуга Его Величества Султана, который пользуется высоким уважением со стороны мировых политических лидеров.

После обретения независимости Узбекистаном узбекско-оманские международные отношения поднялись на новый качественный уровень. И Республика Узбекистан, и Султанат Оман являются полноправными членами ООН, ОИС и многих других авторитетных как региональных, так и международных организаций. И Узбекистан, и Султанат Оман вносят большой вклад в укрепление мира и безопасности, в сотрудничество между своими народами. Руководство обеих стран активно выступает с мирными инициативами по урегулированию конфликтных ситуаций в мире, будь то регион Центральной Азии, Персидского залива или Ближнего Востока.

Оман пребывает сегодня в состоянии неоренессанса. За сравнительно короткий исторический срок (45 лет) он вошел в список процветающих стран мира и, как и Узбекистан, признан мировой общественностью как одно из успешных государств в области социально-экономического развития, конечной целью которого является повышение благосостояния оманского народа.

Следовательно, в основе интенсивного развития оманского и узбекского обществ лежит культурная и духовная составная. Это связано с тем, что и в Туркестане, и на территории Омана в течение длительного исторического периода шло формирование духовно-культурных центров, ставших важной составляющей общечеловеческой цивилизации. Интенсивному обогащению культурного сегмента в развитии оманской государственности способствовало также географическое расположение страны на оживленном международном перекрестке. Характерной чертой этого сегмента был мультикультурализм, базирующийся на синтезе наиболее продвинутых элементов и выдающихся достижений различных культурных феноменов, имеющих мусульманские, индийские, китайские, южноазиатские и прочие корни»².

¹ Информационные публикации МИД Омана.

² Мунавваров З.М., Абдухалимов Б.А., Баходиров Р.М. Султанат Оман: история, цивилизация, экономика, внешняя политика. С. 208–209.

Заключение

Таким образом, необходимо подчеркнуть важность установления узбекско-оманских международных отношений, в основе которых лежит взаимовыгодное сотрудничество. Помимо этого, следует выделить основополагающие моменты в данном сотрудничестве:

— Оман считается одним из самых авторитетных государств в арабском мире.

— Сотрудничество с Оманом открывает для Узбекистана перспективные возможности укрепления отношений с соседними с Оманом арабскими государствами.

— В свою очередь Оман рассматривает Узбекистан как ведущее государство в Центральной Азии. Сотрудничество Омана с Узбекистаном будет способствовать расширению отношений с другими странами Центрально-Азиатского региона.

— Два государства осуществляют плодотворное сотрудничество в рамках ООН, ОИС и других международных и региональных организациях.

— Усилия обоих государств направлены на разрешение важных современных проблем, среди которых — разоружение, безопасность, борьба с терроризмом, реформирование ООН, права человека и т.д.

— Оман активно поддержал инициативы Узбекистана по созданию в Центральной Азии зоны, свободной от ядерного оружия, а также по урегулированию афганской проблемы.

— Открытие в Ташкенте первого в регионе Центральной Азии посольства Султаната Оман стало важным историческим событием в общественно-политической жизни народов Центральной Азии.

— Официальный визит первого президента Узбекистана И.А. Каримова в Оман, состоявшийся в октябре 2009 г. открыл новые перспективы сотрудничества между двумя странами и заложил правовую основу для дальнейшего его развития.

С.А. РАХИМОВ

**ИССЛЕДОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ И ФАКТОРОВ СТАБИЛЬНОСТИ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

За короткий исторический период независимого развития в Узбекистане проведена значительная работа по становлению республики как суверенного государства. Став полноправным членом мирового сообщества, Республика Узбекистан начала самостоятельно вести свою внешнеполитическую деятельность, придав при этом особое значение сотрудничеству с ведущими государствами как на двусторонней основе, так и в рамках различных структур многостороннего сотрудничества.

Осуществляя всесторонне взвешенную, базирующуюся на национальных интересах внешнюю политику, одним из приоритетных направлений деятельности Узбекистана и других стран Центральной Азии является сохранение и укреплению мира и стабильности, а также создание условий для устойчивого развития региона.

Вместе с тем динамично меняющаяся военно-политическая обстановка в мировом пространстве, новые тенденции в международных отношениях, активное развитие процессов глобализации, а также выход на международную арену новых независимых государств требуют сегодня поиска новых подходов для обеспечения стабильности стран и выработки новых моделей безопасности. В свою очередь проблемы стабильности и устойчивого развития отдельных стран в современных условиях имеют большое значение в интересах обеспечения региональной и глобальной безопасности.

История развития человеческой цивилизации показывает, что государства успешно развивались именно тогда, когда в них обеспечивалась стабильность. Стабильность государства предполагает устойчивость и упорядоченность всех его социальных сфер, в числе которых особое место занимает экономическое, политическое, социальное, экологическое и межнациональное постоянство.

В современном мире с развитием информационных технологий, международных транспортно-коммуникационных и различных интеграционных процессов наблюдается резкий рост влияния глобализации на состояние стабильности государства.

Термин «глобализация» происходит от *лат. globus* — «земной шар» и обозначает реально идущие процессы планетарного характера, т.е. интернационализацию рынков товаров и услуг, рост финансовой взаимозависимости различных стран и регионов, униформизацию политических режимов, распространение общей культурной модели и модели потребления, а также современные средства информатизации и коммуникации, позволяющие сокращать пространственно-временные границы между людьми, народами и государствами.

Глобализация во всех её проявлениях — политическом, финансовом и технологическом — имеет неоднозначные последствия. С одной стороны, она укрепляет взаимосвязи между государствами и регионами и способствует экономическому процветанию развитых стран, усиливая их интеграцию, способствует появлению глобального сообщества¹. С другой стороны, глобализация таит новые опасности: конфликты в нестабильных регионах могут дестабилизировать международный порядок и оказать негативное влияние на международную, региональную и национальную безопасность².

В условиях нового мира стали очевидными сложность и многообразие форм новых угроз безопасности, которые подстерегают современные общества. Экономические кризисы, рост численности населения и уровня бедности, а также различные вооруженные конфликты породили массовую миграцию населения, рост организованного криминала и напряженности между государствами.

Для нетрадиционных угроз безопасности в условиях глобализации государственные границы перестали являться препятствием. Такие транснациональные явления, как международный терроризм, политический и религиозный экстремизм, контрабанда наркотиков, незаконная торговля оружием, деградация окружающей среды,

¹ The Globization readers. By Lechner F. and Boli J. USA. 2006. P. 2.

² Рахимов М. Международное сотрудничество Узбекистана в контексте обеспечения стабильности и устойчивого развития в Центральной Азии. Ташкент, 2001. С. 41.

мигранты и беженцы, изменили традиционные представления о государстве, его безопасности, национальных ценностях и интересах. Нетрадиционным угрозам безопасности не в состоянии противостоять собственными усилиями ни одно государство в мире. В этой связи участие суверенных государств в международных институтах и организациях необходимо рассматривать «как мощный фактор устойчивости, стабилизации как отдельных регионов, так и в целом — в масштабе всей планеты»¹.

Весьма логичным следствием подобной заинтересованности является внешнеполитический курс Узбекистана, направленный на межгосударственное сотрудничество как на двусторонней основе с ведущими зарубежными странами, так и в рамках международных и региональных организаций (ООН, СНГ, ШОС, ОБСЕ, ЕС, НАТО, СВМДА, ОИС, ЭКО, АБР и др.), основываясь на принципах «суверенного равенства государств, неприменения силы или угрозы силой, нерушимости границ, мирного урегулирования споров, невмешательства во внутренние дела других государств и иных общепризнанных принципов и норм международного права»².

Кроме того, в разработанной по инициативе президента Узбекистана Шавката Мирзиёева Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017–2021 годах обеспечение безопасности, межнационального согласия и религиозной толерантности, осуществление взвешенной, взаимовыгодной и конструктивной внешней политики, направленной на создание вокруг Узбекистана пояса безопасности, стабильности и добрососедства, является одним из важных направлений развития страны³.

Взаимовыгодное сотрудничество с международными и региональными организациями также занимает особое место во внешней политике других стран Центрально-Азиатского региона. Так, в своем послании народу страны стратегия «Казахстан-2050» президент Республики Казахстан Н. Назарбаев отметил, что приоритетами модернизации внешней политики являются всемерное укрепление региональной и национальной безопасности, активное развитие экономической и торговой дипломатии, а также международного сотрудничества в культурно-гуманитарной, научно-образовательной и других смежных

¹ Каримов И.А. Узбекистан на пороге XXI века. Угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса. Ташкент, 1997. С. 290.

² Конституция Республики Узбекистан. Ташкент, 2014. Ст. 17.

³ Указ Президента Республики Узбекистан от 7 февраля 2017 г. «О Стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан». [Электронный ресурс] // URL: <http://uza.uz/ru/documents/o-strategii-deystviy-po-dalneishemu-razvitiyu-respubliki-uzb-08-02-2017> (дата обращения 14.02.2017).

сферах. «Наша страна должна и дальше поддерживать все прогрессивные международные инициативы и вносить свой вклад в глобальную безопасность» подчеркнул президент Казахстана¹.

Таким образом, в современных условиях обеспечение стабильности Центральной Азии и развитие странами региона международных отношений оказываются неразделимы.

Актуальность теоретического подхода

Комплексное исследование современных наук требует системности и междисциплинарности. Например, международные отношения, их анализ, прогнозирование возможных направлений и сценариев — важная тема исследования в широком комплексе таких наук, как история, политология, международные отношения, экономика, социология и др., которые значительно различаются по методике и дают характеристику различным аспектам теории и практики международных отношений².

На уровне практической методологии исследователь современности соприкасается с двумя аспектами получения нового знания — теоретическим и эмпирическим. Приобретение информации непосредственно восприятием осуществляется эмпирически, то есть на основе собственного опыта. Обработка же имеющейся в наличии информации для получения нового знания производится теоретическими методами. Реализация этого уровня напрямую связана с информационной работой, исходя из чего можно провести грань между первичной и вторичной информацией. Первичная информация появляется в результате непосредственного наблюдения и фиксации событий и явлений международной жизни. Вторичная же информация означает работу со сведениями, уже прошедшими обработку, таким типом данных наиболее часто и располагает специалист³.

На общенаучном уровне среди эмпирических методов можно выделить наблюдение, изучение документов и сравнение. К теоретическим методам этого же уровня относятся анализ, обобщение, системный подход и др.

¹ Послание Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева народу Казахстана «Стратегия “Казахстан-2050”». [Электронный ресурс] // URL: [HTTP://WWW.AKORDA.KZ/RU/OFFICIAL_DOCUMENTS/STRATEGIES_AND_PROGRAMS](http://www.akorda.kz/ru/official_documents/strategies_and_programs) (дата обращения 21.11.2016).

² Рахимов М. Международное сотрудничество Узбекистана в контексте обеспечения стабильности и устойчивого развития в Центральной Азии. Ташкент, 2001. С. 42.

³ Косов Ю.В. Мировая политика и международные отношения. М., 2012. С. 46.

Важная роль в получении первичной информации принадлежит методу наблюдения. В международных исследованиях подразумевается два типа наблюдения — включенное (осуществляемое непосредственным участником определенного международного события) и инструментальное (реализуемое посредством непрямого наблюдения за событием или объектом). В качестве результатов включенного наблюдения можно использовать мемуары известных политиков и дипломатов, которые представляют собой важнейший источник для изучения международных отношений. В то же время, учитывая скоротечность происходящих мировых процессов и наличие современных информационных технологий, в настоящее время исследователями в основном используется инструментальное наблюдение с помощью технических средств. Например, происходящие важные события мирового уровня (встречи лидеров государств, международные конференции и саммиты, деятельность международных и региональных организаций, происходящие вооруженные и иные конфликты и принимаемые меры по их урегулированию и т.п.) можно отслеживать посредством телевидения и получения информации через Интернет. В частности, с использованием метода инструментального наблюдения можно проследить, что за последние годы интенсивность официальных встреч на уровне глав государств между Республикой Узбекистан и Китайской Народной Республикой, Российской Федерацией, Республикой Корея, Республикой Казахстан, Киргизской Республикой, Туркменистаном и Японией отмечается больше, в то время как двусторонние встречи главы Узбекистана с руководителями других государств происходят гораздо реже или проходят в основном в период проведения заседаний международных и региональных организаций.

Метод изучения документов выступает принципиально важным способом для получения информации о внешнеполитической деятельности государств и установления истинных намерений международных акторов.

Важное место в анализе международных отношений отводится методу сравнения. Данный метод используется для выявления соответствия изучаемого объекта или его части с другими объектами и представляет собой комплексное исследование на основе разноплановых данных, и исследовательская ценность его обычно выше, так как позволяет добиться получения нового знания об изучаемом объекте.

При использовании в исследовательской работе теоретического метода необходимо учесть, что его применение становится возможным только на базе материала, полученного эмпирическим путем, т.е. полноценная научная работа в своем содержании должна иметь как фактическое изучение, так и теоретическое осмысление имеющейся информации.

К общенаучным теоретическим методам можно отнести методы анализа, обобщения, системного подхода и другие. Так, метод анализа заключается в разделении целого на составные функциональные части для выявления структуры объекта исследования и основных характеристик его элементов; обобщение дает возможность определить схожие черты в рассматриваемых объектах для выявления их подобия в остальных характеристиках. Использование системного подхода в международных исследованиях позволяет добиться комплексного видения объекта в рамках среды его существования и во всей совокупности составляющих его элементов, в их постоянной взаимозависимости и взаимодействии¹.

В качестве примера можно привести использование теоретических и эмпирических методов исследования в вопросах обеспечения стабильности и безопасности новых стран Центрально-Азиатского региона. В частности, с прекращением существования СССР, номинальные административные границы бывших советских республик Центральной Азии стали важнейшим атрибутом государственного суверенитета, и создание новой государственности требовало от новых независимых стран оформления территориальных рамок действия суверенитета и создания условий, обеспечивающих достаточный уровень пограничной и национальной безопасности страны.

Серьезным стимулом для обеспечения пограничной безопасности² новых независимых государств Центральной Азии стали военно-политическое обострение в Афганистане и его влияние на эскалацию гражданской войны в Таджикистане, проведение международно-террористическими группами подрывных акций на таджикско-узбекской и таджикско-киргизской границах, а также активизация наркотрафика из Афганистана через территорию региона.

Следует отметить, что территория Узбекистана на севере и северо-востоке граничит с Казахстаном, на востоке и юго-востоке — с Кыргызстаном и Таджикистаном, на юге — с Афганистаном, на западе — с Туркменистаном. Для Узбекистана вопросы правового оформления государственных границ с сопредельными государствами, т.е. проведение делимитации и демаркации³ границы является стратеги-

¹ Косов Ю.В. Мировая политика и международные отношения. М., 2012. С. 46.

² Пограничная безопасность — состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства в пограничном пространстве.

³ Делимитация границы (от *lat. delimitatio* — установление границ) это определение линии прохождения государственной границы по картографическим и другим документам. Демаркация границы (от *lat. demarcatio* — разграничение) — определение линии прохождения государственной границы непосредственно на местности с обозначением ее специальными и пограничными знаками.

чески важным и направленным на определение и закрепление государственной территории, в пределах которой действует суверенитет Республики Узбекистан. Данный вопрос также был отмечен и в важных правовых документах страны. В частности, в статье 17 Конституции Узбекистана отмечается, что ее внешняя политика исходит из принципов суверенного равенства государств, неприменения силы или угрозы силой, нерушимости границ, мирного урегулирования споров, невмешательства во внутренние дела других государств и иных общепризнанных принципов и норм международного права¹.

В начале нулевых годов начался процесс межгосударственного оформления границ между самими республиками Центральной Азии, а с Афганистаном государственная граница была определена еще в советский период. В целях организованного проведения мероприятий по определению и закреплению межгосударственных границ была образована правительственная комиссия Республики Узбекистан по делимитации государственной границы с Республикой Казахстан, Киргизской Республикой, Туркменистаном и Республикой Таджикистан. В ее состав вошли представители центральных и местных исполнительных органов. К работе были привлечены специалисты и эксперты различного направления.

Необходимо отметить: в ходе работы вышеуказанной межправительственной комиссии было установлено, что история создания национальных советских республик прошлого века оставила новым независимым государствам Центральной Азии большое количество проблем, включая также проблему межгосударственных границ. Несмотря на это, Узбекистаном совместно с сопредельными странами была проведена огромная работа в этом направлении, и, параллельно разрешая многочисленные требующие уточнения вопросы, в основном удалось решить проблему делимитации границ. В то же время результаты данной работы одинаково оценить нельзя. Так, сравнительный анализ проведенных мероприятий по делимитации межгосударственных границ показывает, что если вопросы юридического определения узбекско-казахской и узбекско-туркменской границы по картографическим материалам в целом были решены, то определение линии прохождения границы Узбекистана с Таджикистаном (общая протяженность 1333 км, делимитировано более 80%²) и Кыргызстаном (общая протяженность 1378 км, делимитировано около 85%³) ещё требует продолжения работы.

¹ Конституция Республики Узбекистан. Ташкент, 2014. Ст. 17.

² <http://ru.sputniknews-uz.com/world/20161114/4118728.html> (дата обращения 21.11.2016).

³ <http://kabar.kg/politics/full/70494> (дата обращения 20.11.2016).

Следовательно, результаты теоретического исследования межгосударственного сотрудничества показывают, что современная наука имеет в своем арсенале большое количество различных методов исследования, в совокупности которые образуют методологию соответствующей научной дисциплины. Но, в то же время, успех проводимого комплексного исследования происходящих исторических процессов в Центральной Азии в значительной мере зависит от того, каким образом, по каким критериям мы выбираем методы для проведения того или иного конкретного исследования и в какой комбинации мы используем эти методы.

Многосторонний формат сотрудничества как фактор укрепления стабильности в Центральной Азии

Важным фактором обеспечения стабильности и устойчивого развития государств Центральной Азии является противодействие таким скрытым угрозам безопасности, как международный терроризм, экстремизм, незаконный оборот наркотиков и др.

Терроризм — сложное социально-политическое явление, которое относится к числу самых опасных и трудно прогнозируемых явлений, существующее в разных формах и угрожающих масштабах. Современный международный терроризм представляется иным, более сложным и многогранным явлением, специфические черты которого можно выделить в следующем.

Во-первых, главной целью современного международного терроризма является переустройство мира на иных, более справедливых, по мнению террористов, началах. Таким образом, транснациональный терроризм является методом реализации альтернативного глобального проекта политического развития.

Во-вторых, сегодня главными акторами международного терроризма являются формально негосударственные организации и группы. В основном они осуществляют свою деятельность на территории нескольких государств и располагают достаточно развитой инфраструктурой, включающей органы управления, лагеря подготовки боевиков и т.д.

В-третьих, на современном этапе своей деятельности международный терроризм представляет угрозу международному правопорядку и безопасности, что всегда наносит ущерб нескольким государствам. Примером такой деятельности могут служить захваты заложников, среди которых находятся граждане разных государств, или угоны самолётов.

В-четвертых, за последние полтора десятилетия между отдельными террористическими организациями было налажено постоянное сотрудничество. Все больше расширяется практика оказания террористическими организациями взаимной помощи друг другу кадровым составом, опытом, военно-техническими средствами и т.д.¹

Первой причиной активизации на территории Центральной Азии угроз международного терроризма и экстремизма является влияние нестабильной обстановки в Афганистане, на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Происходящие там события подтверждают, что террористические угрозы имеют международный характер и требуют переосмысления имеющихся представлений о нем как о глобальной угрозе. В этих условиях на обеспечение национальной безопасности новых государств важную роль будет иметь построение многоуровневой системы региональной и глобальной безопасности, что может быть достигнуто в результате эффективного многостороннего сотрудничества.

Говоря о конкретных проектах в области региональной безопасности, можно отметить созданный 21 июня 2000 г. Антитеррористический центр (АТЦ) государств — участников Содружества Независимых Государств, который является постояннодействующим специализированным отраслевым органом Содружества и предназначен для обеспечения координации взаимодействия компетентных органов государств — участников СНГ в области борьбы с международным терроризмом и иными проявлениями экстремизма. На заседании Совета глав государств Содружества в декабре 2000 г. было утверждено Положение об Антитеррористическом центре государств — участников СНГ, где определены правовой статус, основные задачи, функции, состав и организационные основы деятельности АТЦ СНГ².

В рамках Шанхайской организации сотрудничества приняты Конвенция против терроризма, сепаратизма и экстремизма (июнь 2001 г.), Концепция сотрудничества государств — членов ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (июль 2005 г.), Конвенция ШОС против терроризма (июнь 2009 г.)³, в соответствии с которыми члены ШОС (*членами Организации являются все государства ЦА, за исключением Туркменистана*) взаимодействуют в деле пре-

¹ Современные международные отношения / под ред. А.В. Торкунова, А.В. Мальгина. М., 2012. С. 511–512.

² Официальный сайт Исполнительного Комитета СНГ. [Электронный ресурс] // URL: www.cis.minsk.by/page.php?id=13828 (дата обращения 14.09.2016)

³ Сайт национального антитеррористического комитета [Электронный ресурс] // URL: <http://nac.gov.ru/content/3899.html> (дата обращения 15.10.2016)

дупреждения, выявления и пресечения противоправных деяний, согласовывают позиции по борьбе с ними, обмениваются информацией, а также, учитывая произошедшие изменения в содержании терроризма, масштабах и характере террористических актов, принимают меры по повышению эффективности сотрудничества против подобных угроз. Для содействия координации и взаимодействию компетентных органов государств-членов в борьбе с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом 7 июня 2002 г. учреждена Региональная антитеррористическая структура (РАТС)¹, а 17 июня 2004 г. в Ташкенте, в период проведения саммита глав государств — членов ШОС, состоялось официальное открытие Исполнительного комитета Региональной антитеррористической структуры ШОС².

В целях построения многоуровневой системы безопасности Организация Объединенных Наций также призывает координировать борьбу с терроризмом на глобальном уровне. В этой связи в рамках системы ООН были разработаны восемнадцать документов по борьбе с международным терроризмом, касающихся конкретных видов террористической деятельности. В сентябре 2006 года государства — члены ООН приняли Глобальную контртеррористическую стратегию Организации Объединенных Наций. Впервые государства — члены ООН согласовали общий стратегический и оперативный подход к борьбе с терроризмом³. В качестве органов по борьбе с терроризмом в рамках ООН были созданы: Контртеррористический комитет, Комитет по санкциям против Аль-Каиды, Комитет по санкциям против Талибана и Комитет 1540 (по предотвращению распространения ядерного, химического или биологического оружия и средств его доставки)⁴.

Вместе с тем в вопросах обеспечения глобальной безопасности ООН выделяет особое значение координированных действий региональных организаций. В частности, на состоявшемся 28 октября 2016 г. заседании Совета Безопасности ООН, посвященном сотрудничеству ООН с Содружеством Независимых Государств, Шанхайской организацией сотрудничества и Организацией Договора о коллективной безопасности, Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун отметил важную роль указанных организаций в деле обеспечения мира и безопасности в Центральной Азии. Пан Ги Мун заявил, что СНГ, ШОС

¹ Соглашение о РАТС от 2002 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://infoshos.ru/> (дата обращения 15.10.2016)

² Ташкентская Декларация ШОС от 17.06.2004 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://archive.mid.ru/bdomp/ns-rasia.nsf/> (дата обращения 15.08.2016).

³ Сайт ООН: <http://www.un.org/ru/sections/what-we-do/maintain-international-peace-and-security/> (дата обращения 31.10.2016).

⁴ <http://www.un.org/russian/news/focus.asp?focusID=4> (дата обращения 31.10.2016).

и ОДКБ регулярно обмениваются с Региональным центром ООН по превентивной дипломатии в Центральной Азии информацией по вопросам борьбы с терроризмом, воинствующим экстремизмом, незаконным оборотом афганских наркотиков и по другим вопросам, а также активно поддерживают реализацию Глобальной антитеррористической стратегии ООН в Центральной Азии.

В своем выступлении Генеральный секретарь ООН также отметил, что «глобальный ландшафт мира и безопасности стал более сложным за последнее десятилетие. На Ближнем Востоке и за его пределами бушуют жестокие войны, которые ведут к гибели огромного числа людей, вынуждают миллионы людей пускаться в бегство и уничтожают экономику». «Самые разные участники вооруженных столкновений пользуются преимуществами современных технологий и глобализации с тем, чтобы посеять хаос», и «эти проблемы выходят за рамки национальных границ и требуют коллективного ответа со стороны международного сообщества». В этой связи он призвал руководителей региональных организаций наращивать сотрудничество в деле предотвращения конфликтов¹.

Как выше отмечалось, в условиях глобализации для нетрадиционных угроз безопасности границы отдельно взятой страны не являются препятствием. За последние годы международные террористические организации, используя социальные сети Интернета, приманивают в свои ряды большое количество молодых людей по всему миру, в том числе из стран Центральной Азии, для последующего использования их в своей террористической деятельности на территории Сирии и в других «горячих точках». И в этих условиях эффективность деятельности международных и региональных организаций по формированию системы безопасности, как в Центральной Азии, так и за её пределами имеет большое значение. В качестве положительного примера многостороннего сотрудничества в антитеррористической деятельности можно отметить информацию директора Исполнительного комитета РАТС ШОС, в которой отмечается, что «спецслужбами пресечен канал вербовки в международные террористические организации в поездах, следующих из стран Центральной Азии в Россию». По данным директора ИК РАТС ШОС «в 2015 году ФСБ России в сотрудничестве с коллегами из стран Центральной Азии задержали около 80 граждан, являющихся членами различных террористических организаций. В частности, в 2015 году в России, по информации Службы национальной безопасности Узбекистана, были задержаны восемь граждан республики, в отношении еще четырех членов организаций

¹ www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=26881 (дата обращения 31.10.2016).

были возбуждены уголовные дела по статье «терроризм». В прошлом году ФСБ России совместно с органами Таджикистана установлены и задержаны 50 членов различных террористических организаций, совместно с киргизскими коллегами была пресечена деятельность 20 террористов»¹.

Вместе с тем количество граждан центральноазиатских республик, участвующих в боевых действиях на территории охваченных войной арабских государств, остается высоким. Так, по информации секретаря Совета безопасности Республики Казахстан Н. Ермакбаева, «только из Казахстана в сирийско-иракскую зону, подконтрольную террористической группировке, так называемой ИГИЛ (запрещена в РФ) выехало, по официальным данным Комитета национальной безопасности, около 400 наших граждан с членами семей», а общее количество боевиков из Центральной Азии превышает уже 2 тыс. человек². Поэтому серьезным вызовом для региона может стать возвращение этой категории людей, которые, пройдя соответствующую боевую подготовку и идеологическую обработку, могут стать активными участниками различных террористических структур.

Таким образом, в условиях влияния процессов глобализации обеспечение стабильности и безопасности Центрально-Азиатского региона неразрывно связано с эффективностью многостороннего взаимовыгодного сотрудничества, направленного на построение многоуровневой системы региональной и глобальной безопасности.

Афганская проблема в системе региональной стабильности

Значение Афганистана в системе региональной и глобальной безопасности имеет ряд факторов, связанных наличием на его территории вооруженных конфликтов, в том числе с использованием иностранного воинского контингента, размещением на афганской территории лагерей и баз различных террористических организаций, производством наркотиков, контрабандой оружия и др. История развития человеческой цивилизации, в особенности с учетом процессов глобализации, показывает, что нестабильность в одном государстве не может не оказывать негативного влияния на состояние стабиль-

¹ [Электронный ресурс] // URL: <http://kommersant.ru/doc/3127068/> (дата обращения 28.10.2016).

² Совбез РК: Воевать в сирийско-иракскую зону из Казахстана выехали уже 400 человек. [Электронный ресурс] // URL: <https://zonakz.net/view-sovbez-rk-voevat-v-sirijsko-irakskuju-zonu-iz-kazakhstanu-vyekhali-uzhe-400-chelovek.html> (дата обращения 21.11.2016).

ности всего региона. В частности, в условиях нестабильности в Афганистане данная проблема рассматривается в качестве одного из основных источников угрозы как для государств Центральной Азии, так и для всего мира. Постоянные попытки экспорта с афганской территории терроризма, воинствующего экстремизма, контрабанды оружия и наркотиков являются серьёзным источником дестабилизации обстановки в Центральной Азии и прилегающих к данному региону государствах. В качестве примера можно привести непосредственное влияние афганской нестабильности на вооруженные конфликты на территории Таджикистана в начале 90-х годов, а так же происходящие вооруженные инциденты на афганско-туркменской¹ и афганско-таджикской² границах.

Особую тревогу в афганской проблеме вызывает незаконный оборот наркотиков³, имеющий планетарный масштаб, а полученная прибыль от наркоторговли является одним из главных источников финансирования международного терроризма и воинствующего экстремизма.

Как отмечал директор Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков (ФСКН) России Виктор Иванов, «транзит афганского героина масштабно затрагивает почти 100 государств мира — членов ООН на всех континентах. То есть 154 тысячи гектаров опийного мака (данные за 2012 год. — С. Р.) в Афганистане являются источником поражающего фактора для 10 млрд гектаров территорий упомянутых стран и их населения». По данным ФСКН России, в период с 2001 по 2012 г. «от афганского героина в мире погибло более миллиона человек, более того, в транснациональную организованную преступность от продажи героина инвестировано более триллиона долларов»⁴.

В целях осуществления организованного противодействия незаконному обороту наркотиков страны Центральной Азии тесно со-

¹ Рванет ли Афган? [Электронный ресурс] // URL: https://lenta.ru/articles/2016/07/14/afgan_tadj/ (дата обращения 06.11.2016).

² Таджикиско-афганская граница: к чему готовится Душанбе. [Электронный ресурс] // URL: <http://inosmi.ru/sngbaltia/20150203/226003012.html> (дата обращения 06.11.2016).

³ Незаконный оборот наркотиков — это осуществляемая в глобальных масштабах незаконная коммерческая деятельность, включающая в себя культивирование, изготовление, распространение и сбыт веществ, подпадающих под действие запретительных законов о наркотиках.

⁴ Выступление директора ФСКН России Виктора Иванова на Международной конференции «Афганистан после 2014 года: вероятные сценарии развития региональной обстановки и стратегия России». [Электронный ресурс] // URL: http://fskn.gov.ru/includes/periodics/speeches_fskn/2013/0403/111323333/detail.shtm (дата обращения 31.10.2016).

трудничают с Управлением ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН). Региональное представительство УНП ООН расположено в г. Ташкенте и имеет офисы в Бишкеке (Кыргызстан), Душанбе (Таджикистан), Ашхабаде (Туркменистан), Астане и Алматы (Казахстан). Региональное представительство УНП ООН в Центральной Азии посредством реализации различных проектов оказывает содействие пяти центральноазиатским государствам «в области сокращения потребления и торговли незаконными наркотиками, борьбы с организованной преступностью, а также предупреждения терроризма и наказания за преступления, связанные с терроризмом». В частности, «в 2011 г. была запущена Региональная программа по поддержке усилий в области борьбы с наркотиками в Афганистане и соседних странах на 2011–2016 гг., которая является комплексным рекомендательным документом для государств региона по достижению высоких результатов в области борьбы с незаконным оборотом наркотиков». Участниками данной программы являются Афганистан, Казахстан, Кыргызстан, Иран, Пакистан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан¹.

Вместе с тем каких либо позитивных изменений по пресечению наркопроизводства непосредственно на территории Афганистана не отмечается. Так, в подготовленном УНП ООН в 2010 г. Всемирном докладе по наркотикам «на мировой рынок ежегодно поступает 380 тонн героина и морфина, произведенного исключительно из афганского опия. Около 5 тонн потребляется и изымается в Афганистане, большая же часть — оставшиеся 375 тонн — развозится по всему миру». Одним из основных каналов незаконного оборота героина является Северный маршрут, который связывает Афганистан с огромными рынками Российской Федерации и Европы. Данный «маршрут проходит в основном через Таджикистан и Кыргызстан (а также Узбекистан или Туркменистан) в Казахстан и Российскую Федерацию. Годовой объем этого рынка оценивается в 13 млрд долларов США»².

Согласно данным Обзора по производству опийного мака в Афганистане, подготовленные Министерством по борьбе с наркотиками Афганистана и Управлением ООН по наркотикам и преступности, «в 2016 году производство опийного мака в Афганистане выросло на 43 процента и составило 4800 метрических тонн по сравнению с 2015 годом. Посевные площади опийного мака увеличились на 10 процентов, а именно с 183 тысяч га в 2015 году до 201 тысячи га в

¹ Сайт МИД Республики Узбекистан: [Электронный ресурс] // URL: <http://www.mfa.uz/ru/cooperation/international/601/> (дата обращения 25.10.2016).

² Всемирный доклад о наркотиках УНП ООН 2010. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.unodc.org/unodc/ru/drug-trafficking/index.html> (дата обращения 30.10.2016).

2016 году». В то же время на увеличение производства афганских наркотиков также повлияла высокая урожайность опийного мака с гектара. Так в 2016 г. «средняя урожайность опийного мака составляет 23,8 килограмма с гектара — это на 30 процентов больше, чем в 2015 году, когда эта цифра составила 18,3 килограмма с гектара».

Сложными остаются также кампании по уничтожению территорий, засеянных опийным маком. В частности, если в 2015 году на территории Афганистана было уничтожено 3760 гектаров опийного мака, то в 2016 году — в общей сложности 355 гектаров. «В 2016 году состоялось уничтожение в 7 провинциях, когда в 2015 году — в 12»¹.

С учетом вышеизложенного можно сделать вывод, что афганская проблема в настоящее время продолжает иметь свое непосредственное отношение к угрозам стабильности и безопасности Центрально-Азиатского региона. Проведенный сравнительный анализ наркопроизводства на территории Афганистана показывает, что обстановка в этой области складывается не очень благоприятно. Данное обстоятельство связано как с увеличением посевных площадей и урожайности опиумного мака, так и со снижением эффективности борьбы афганских официальных властей с её производством.

Таким образом, применение различных методологических подходов в изучении международных отношений государств Центральной Азии позволяет шире рассмотреть происходящие в регионе различные процессы. В частности, в ходе анализа практической деятельности международных и региональных организаций по обеспечению стабильности и безопасности Центрально-Азиатского региона можно проследить ряд позитивных тенденций, например создание при ООН в качестве органов по борьбе с терроризмом Контртеррористического комитета и комитетов по санкциям против Аль-Каиды и Талибана; формирование в рамках ШОС и СНГ постоянно действующих антитеррористических структур для обеспечения координации взаимодействия компетентных органов государств-участников в области борьбы с международным терроризмом и экстремизмом; проведение совместных антитеррористических действий стран Центральной Азии и России по пресечению каналов вербовки международные террористические организации граждан из стран региона; сотрудничество государств Центральной Азии с Управлением ООН по наркотикам и преступности в вопросах противодействия незаконному обороту наркотиков, борьбы с организованной преступностью и др.

¹ Производство афганского опийного мака выросло на 43 процента: Обзор. [Электронный ресурс] // URL: http://www.unodc.org/unodc/ru/frontpage/2016/October/afghanopium-production-up-43-percent_-survey.html?ref=fs1 (дата обращения 31.10.2016).

Вместе с тем складывающаяся обстановка в Афганистане продолжает иметь существенное влияние на нарушение стабильности и безопасности как в Центрально-Азиатском регионе, так и за его пределами, которое проявляется в усилении таких нетрадиционных угроз, как международный терроризм, экстремизм и незаконный оборот наркотиков. При этом необходимо отметить, что основная нагрузка по противодействию исходящим из территории Афганистана угрозам приходится в первую очередь на те государства Центральной Азии, которые имеют общую границу с ним — это Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан, а для двух других государств региона — Казахстана и Кыргызстана — главной проблемой являются распространение идей воинствующего экстремизма и использование их территории в качестве транзита афганских наркотиков.

В этой связи, одновременно активизируя противодействие указанным угрозам усилия самих стран региона и региональных организаций, необходимо также на глобальном уровне, прежде всего при главенствующей роли ООН, дальнейшее совершенствование механизмов совместных действий, в которых предусматривались бы разработка и реализация целевых действенных программ, направленных на обеспечение политической стабильности и социально-экономического развития Афганистана, а также поэтапная ликвидация производства наркотиков на его территории, так как наркобизнес является одним из основных источников финансирования терроризма и экстремизма. Практическая реализация международными и региональными организациями предусмотренных мероприятий по обеспечению социально-экономической и политической стабилизации Афганистана в конечном счете будет иметь положительное влияние на обеспечение стабильности и безопасности как в региональном, так и в мировом масштабе.

М.С. ТУХТАЕВА

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ТРАДИЦИИ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ИСКУССТВА УЗБЕКИСТАНА СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Изучение истории искусства в годы советской власти тесно связано с исторической наукой данного периода и было подчинено влиянию марксистской идеологии, в основе которой лежал формационно-классовый принцип. В оценках историко-культурных явлений преобладала идеологическая составляющая, что ограничивало возможности их всестороннего исследования.

История художественной жизни в основном была представлена специализированными искусствоведческими публикациями — биографиями художников, каталогами выставок, тематическими альбомами. Таким образом, преобладал отраслевой подход, который не давал возможности охватить всю глубину развития и трансформации изобразительного искусства.

Первые эпизодические историко-культурологические исследования по изобразительному искусству Узбекистана происходят в начале 1930-х годов.

Именно в это время происходит утверждение основной политики в искусстве, получившей название «социалистический реализм». 11 марта 1931 года было принято решение ЦК ВКП(б), в котором поднимался вопрос о «повышении идеологического качества художественной продукции». В это время еще функционировали различные художественные школы и направления. Но 23 апреля 1932 года

вышло постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций», все существующие группировки и объединения упразднились, образовался единый союз художников. Сначала в Москве, а затем и в других городах СССР появляются союзы художников, которые должны были объединить разобщенное художественное сообщество.

Ответственный редактор журналов «Искусство» и «Творчество» О. Бескин, один из ярких критиков формализма 1936 г., сформулировал это требование в мае 1937 г. на собрании в МОСХе следующим образом: «...настал тот момент, когда художники, тяготеющие друг к другу по своим творческим симпатиям, должны группироваться в объединения. Совершенно ясно, что все эти творческие объединения должны создаваться внутри единого союза и должны исходить из общих всему союзу стремлений к социалистическому реализму»¹.

В этом же направлении происходило и изучение развития искусства. В научных статьях П. Корнилова, Б. Денике², Б. Никифорова³, В. Чепелева, Н. Колина⁴ давалось краткое описание основных видов и жанров декоративно-прикладного искусства Узбекистана. По мнению авторов данных работ, искусство народов Узбекистана тесно связано с процессом формирования узбекского народа в социалистическую нацию. Неизменно подчеркивается ведущая роль русских художников и ведущая роль партии.

В статье Б.М. Никифорова «Узбекистан и Таджикистан в борьбе за пролетарское искусство» сделана попытка отразить состояние изобразительного искусства Узбекской республики к моменту открытия выставки художников Узбекистана в 1934 году в Москве. И здесь в определении мастерства художников выступает именно их способность отразить победу социализма.

С середины 30-х годов XX века, начинается систематическое и целенаправленное изучение изобразительного искусства именно советского Узбекистана. Первую монографию, посвященную этой теме, написал В.Н. Чепелев⁵. Несмотря на то, что он механически прикладывает политические определения к неадекватным политике явлениям художественного творчества, вместе с тем данная работа дает

¹ Советское искусство. 1937. 17 мая.

² Искусство Средней Азии: сборник статей. М., 1930.

³ Никифоров Б.М., Веймарн Б.В. Узбекистан и Таджикистан в борьбе за пролетарское искусство // За пролетарское искусство. 1932. № 3; Никифоров Б.М. Живопись художников советского Узбекистана // Литературный критик. 1934. № 11.

⁴ Колин Н. Изобразительное искусство Узбекостанской Республики. М., 1937.

⁵ Чепелев В. Искусство Советского Узбекистана. Л.: Изд-во Ленинградского областного Союза советских художников, 1935.

обобщение творчества художников советского Узбекистана за первое десятилетие его развития, подчеркивается роль художников Узбекистана в строительстве социализма, отражение ими сельскохозяйственных, хлопковых подвигов народа.

В годы Второй мировой войны основной упор прессы сосредоточился на освещении участия художников в общенародной борьбе с фашизмом.

На территории бывшего Советского Союза в годы войны на фронт ушло 70% художников и 90% рабочих, занятых в кооперативах. Их места на 80% заняли женщины, которые прежде не имели к художественным занятиям никакого отношения и которых всему приходилось учить с нуля.

Узбекистан же, напротив, занимал в это время особое положение. Эвакуированные в Ташкент и Самарканд из Москвы, Ленинграда, Киева искусствоведы и художники активно работали и делились профессиональным опытом с представителями местной интеллигенции. В этот период большое значение приобретает плакатная живопись. Искусство советского Узбекистана освещалось в большом количестве журнальных и газетных статей, во вступительных статьях каталогов выставок. Всё искусство должно было поднимать патриотический дух народа. «Всё для фронта — всё для победы» — этот лозунг касался не только промышленности и сельского хозяйства, но и творчества. И в критических и обзорных статьях газет и журналов оценивалось, насколько данное произведение отражает фронтовой и тыловой подвиг народа.

Следует отметить, что художественная пресса эпохи сталинизма (газета «Советское искусство», журналы «Искусство» и «Творчество», научно-популярная литература, каталоги) использовала легко узнаваемый чрезмерно политизированный язык. Обращение к специальной лексике, терминологии, аргументации в художественной пропаганде было скорее исключением, чем правилом. Конечно же, профессиональные тонкости обсуждались в своем кругу, но публичной демонстрации речевых особенностей субкультуры старались избегать.

С начала 1948 г., по мере нарастания борьбы с космополитизмом, формализмом и импрессионизмом, усиливается давление на художественную критику, приезжие искусствоведы стали в первую очередь проверять идейно-эстетическую благонадежность художников. Характерна фраза, прозвучавшая на совещании в Оргкомитете ССХ 9 апреля 1953 г.: «Собственно говоря, что такое изобразительное искусство? Это ведь не просто художник сидит у себя дома и рисует то,

что ему взбредет в голову. Изобразительное искусство, как и литература — это же пропаганда»¹.

При советском режиме профессионализм и политическая благонадежность были неотделимы друг от друга. Постановления по вопросам культуры 1946–1948 гг. санкционировали применение различных дисциплинарных практик в отношении лиц творческих профессий. Институциональным следствием «ждановских» постановлений явилась организация системы политучебы работников искусств: всевозможных кружков и лекториев по изучению краткого курса истории ВКП(б), биографий Ленина и Сталина, «основ марксизма-ленинизма». С этого времени обязательным пунктом отчетных документов творческих организаций становится информация о количестве лиц, прошедших идейную переподготовку. Каждому виду искусств соответствовала своя система лекториев, в рамках которой столичные специалисты приезжали в провинцию с тем, чтобы объяснить и «продвинуть в массы» решения партии и правительства.

В послевоенный период деятельность по изучению изобразительного искусства советского Узбекистана сосредоточивается в Научно-исследовательском институте искусствознания Узбекской ССР в Ташкенте и в Научно-исследовательском институте теории и истории изобразительного искусства при Академии художеств СССР.

Именно здесь был выпущен коллективный труд сотрудников Института искусствознания, который представлял собой очерки по истории живописи, графики, скульптуры² и охватывал развитие изобразительного искусства Узбекистана с древних времен до начала 50-х годов XX века. Следует отметить, что авторы также рассматривают отдельные этапы развития изобразительного искусства в Узбекистане от 20-х до начала 50-х годов, подчиняя их односторонней схеме, некоему условному реалистическому эталону, навязанному политической системой.

В таком же стиле выпускали и работы отдельные авторы, историки, искусствоведы и художники, которые освещали отдельные периоды и жанры изобразительного искусства. К ним можно отнести

¹ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 3189 (Оргкомитет Союза художников СССР). Оп. 1. Д. 424. Л. 73.

² *Абрамова Н.М., Кедрин В.Н., Круковская С.М. и др. Изобразительное искусство Советского Узбекистана: очерки истории живописи, графики, скульптуры.* Ташкент: Гослитиздат УзССР, 1957. 180 с.

работы Г.А. Пугаченковой, М.В. Мюнц, А. Подковырова¹, Т.Н. Кары-Ниязова², С.М. Круковской³, Л.И. Ремпель⁴, Л.В. Шостко, Л.А. Жадовой⁵, А.Р. Умарова⁶, Р.Х. Такташа⁷ и др.

Интересными, с точки зрения искусствоведов, являются различные иллюстративные альбомы, так, например, наглядным материалом и иллюстративным источником изобразительного искусства рассматриваемого периода является альбом, изданный в конце 50-х годов. Вступительный текст к альбому, авторами которого были М. Мюнц и Л. Ремпель⁸, представляет собой краткий, популярно изложенный и не претендующий на глубину охвата и изложения материала очерк истории изобразительного искусства советского Узбекистана.

Большой интерес в иллюстративно-обзорном плане представляет альбом⁹ с кратким вступительным текстом А.Д. Чегодаева, в небольшом тексте которого высказаны глубокие наблюдения и обобщения современного состояния графики в республиках Средней Азии и Казахстана.

В 1959 году в Ташкенте появляется сборник творческо-биографических очерков художников Узбекистана¹⁰. Особенно подчеркивается ра-

¹ Мюнц М.В. Кайдалов В.Е. Ташкент: ГослитиздатУзССР, 1954; Мюнц М.В. Искусство республики на новом этапе // Искусство. 1959. № 9; Мюнц М.В. Певец родного края (У. Тансыкбаев) // Звезда Востока. 1964. № 2; Подковыров А. Выставка работ художников Узбекистана // Литература и искусство Узбекистана. 1941. № 1; Подковыров А. Творчество Урала Тансыкбаева // Литература и искусство Узбекистана. 1941. № 2.

² Кары-Ниязов Т.Н. О культурном наследии узбекского народа. Ташкент, 1960.

³ Круковская С.М. Народный художник Узбекистана Искандер Икрамов. Ташкент, 1955; Круковская С.М. Усто-Мумин (А.В. Николаев). Жизнь и творчество. Ташкент, 1973; Круковская С.М. В мире соколовиц. Ташкент, 1982.

⁴ Ремпель Л.И. Искусство советского Узбекистана. 1917–1972. М., 1976.

⁵ Жадова Л.А. О главном, о новом // Звезда Востока. 1959. № 9; Жадова Л.А. Современная живопись Узбекистана. Ташкент, 1962; Шостко Л. Пути творческих исканий (о художниках-юбилярах) // Звезда Востока. 1960. № 8.

⁶ Умаров А.Р. Народный художник Лутфулла Абдуллаев // Звезда Востока. 1952. № 5; Умаров А. Закир Иногамов // Искусство. 1959. № 4; Умаров А. П. Беньков – выдающийся художник Узбекистана // Искусство. 1961. № 4; Умаров А.Р. Лутфулла Абдуллаев. Ташкент, 1964. Умаров А., Шостко Л. Искусство Узбекистана // Искусство. 1968. № 4; Умаров А. Абдулла Абдуллаев. М., 1971.

⁷ Такташ Р.Х. Творческая судьба М. Курзина // Искусство. 1962. № 8; Такташ Р., Шостко Л. Оганес Татевосян // Искусство. 1966. № 5; Такташ Р. Никифоров П. // Искусство. 1957. № 1; Он же. Изобразительное искусство Узбекистана. Вторая половина XIX – 60-е годы XX в. Ташкент, 1972; Он же. Молодые художники Самарканда // Общественные науки Узбекистана. 1971. № 2; Он же. Н.В.Кашина. 1889–1977. Жизнь и творчество. Ташкент, 1982; Он же. Фаррук Кагаров. Плакат. М., 1985.

⁸ Мюнц М., Ремпель Л. Изобразительное искусство Узбекской ССР: Альбом. М., 1957.

⁹ Художники-графики Узбекской, Казахской, Киргизской, Туркменской, Таджикской ССР. М.: «Советский художник», 1967.

¹⁰ Художники советского Узбекистана: сборник статей. Ташкент, 1959.

бочее-крестьянское происхождение художников, желание мастеров показать социалистические успехи, «несгибаемая воля советских людей»¹.

К первым фундаментальным исследованиям по изобразительному искусству Узбекистана можно отнести работы Б.В. Веймарна² и Р.Х. Такташа. В очерках Б.В. Веймарна и Н.В. Черкасовой³ «Искусство советского Узбекистана» подчеркивается появление кризисных явлений в русском дореволюционном искусстве конца XIX — начала XX века, отход в сторону буржуазных направлений — модернизма, постимпрессионизма, футуризма, кубизма т.д. и большая роль со стороны партии и правительства в формировании духовного облика советского человека. Отмечается, что в первые годы советской власти в творчестве некоторых художников нашли тенденции формализма, но «передовые мастера искусства Узбекистана боролись с извращенным пониманием задач создания нового национального искусства Узбекистана и стремились в своем творчестве к укреплению связей с реалистическим советским искусством народов СССР»⁴.

Отмечается большая роль выставок именно для развития социалистического искусства, выставки, как правило, были тематические, с заранее утвержденным планом, отражающие «социалистический труд узбекского народа». В исследовании подчеркивается «реалистичность» образов в работах П. Бенькова, О. Татевосяна, З. Ковалевской, В. Рождественского, У. Тансыкбаева и других художников, которые «укрепляют связь узбекского изобразительного искусства с народной жизнью». И вместе с тем они критикуют узбекских художников: «...за последние годы в Узбекистане создан ряд серьёзных тематических картин, в которых образ — драматический или лирический — решен с большой идейной насыщенностью и внутренней одухотворенностью. Жаль, что таких произведений пока мало. В некоторых тематических работах художников Узбекистана преобладает пассивно-созерцательное начало, которое, лишая образ глубины и содержательности, мешает искусству быть активным, действенным средством коммунистического воспитания»⁵.

¹ Художники советского Узбекистана: сборник статей. Ташкент, 1959. С. 20.

² Веймарн Б.В. Живопись молодых художников Узбекистана // Творчество. 1935. № 11; Он же. Выставка художников Узбекистана // Творчество. 1935. № 11; Он же. Искусство Средней Азии. М.—Л., 1940; Он же. Выставка изобразительного искусства Узбекистана (живопись, скульптура, графика) // Искусство. 1952. № 1; Он же. Урал Тансыкбаев. М., 1958; Он же. Современное изобразительное искусство Казахстана и республик Средней Азии. XXVI Международный конгресс востоковедов: сборник докладов. М., 1963.

³ Веймарн Б.В., Черкасова Н.В. Искусство советского Узбекистана. М., 1960.

⁴ Там же. С 18.

⁵ Там же. С. 110.

В работе «Всеобщая история искусств» Б.В. Веймарна и Ю.Д. Колпинского¹ определены общие закономерности функционирования изобразительного искусства в советский период: смены ее исторических типов, возникновение общественно-управленческих организаций культуры и искусства в связи с изменением социально-политической и социально-психологической обстановки.

Л.А. Жадова теоретически осмыслила процессы, происходившие в живописи Узбекистана в 40-х, 50-х и начале 60-х годов, в их связи с предшествующим этапом развития узбекского изобразительного искусства в 20-х и 30-х годах².

Научная литература по изобразительному искусству отражает процессы развития художественного творчества, искусствоведческой науки, охватывая различные виды искусства Узбекистана.

Портретной живописи Узбекистана посвятил свою кандидатскую диссертацию А. Умаров. Его исследования являются первым достаточно серьезным опытом обобщения, развития портретного жанра в живописи советского Узбекистана.

Из искусствоведческих работ, обобщающих творческий путь отдельных художников республики прежде всего следует назвать монографии: Б.В. Веймарна³, посвященную У. Тансыкбаеву, и Б.М. Никифорова⁴ — П.П. Бенькову. Оба исследования основаны на глубоком многолетнем изучении творчества и вклада этих двух ярких представителей в советское изобразительное искусство Узбекистана.

В работе Маргариты Халаминской «Искусство молодых»⁵ прослеживаются «сложный процесс» формирования изобразительного искусства в Узбекистане, подчеркиваются темы хлопководства и дружбы народов. Однако отмечается, что «наряду с отдельными бесспорными удачами в этой области довольно много было еще незрелых, поверхностных произведений»⁶.

В искусствоведческих исследованиях Р.Х. Такташа освещены важные стороны художественных процессов, жизнь и творчество художников, а также дан общий исторический обзор художественной жизни в советском Узбекистане. В своей обобщающей монографии автор указывает, что изобразительное искусство Узбекистана имеет

¹ Всеобщая история искусств: В 6 т. / под. ред. Б.В. Веймарна и Ю.Д. Колпинского. Т. VI. Кн. 2. М., 1962.

² Жадова Л.А. Современная живопись Узбекистана. Ташкент, 1962.

³ Веймарн Б.В. Урал Тансыкбаев. М., 1958.

⁴ Никифоров Б.М. Павел Петрович Беньков. М., 1967.

⁵ Халаминская М. Искусство молодых: Очерки о художниках республик Средней Азии и Казахстана. М., 1967.

⁶ Там же. С. 101.

древнее наследие, а его изменения отражают политическую, экономическую, религиозную и культурную среду. В работе Р.Х. Такташа¹ присутствуют историко-культурологические материалы, раскрывающие своеобразие местной культуры, развитие которой сопровождалось преодолением общественных противоречий. Однако автор не углубляется в суть проблемы и лишь поверхностно затрагивает эти моменты.

В монографии коллектива авторов под редакцией Л.И. Ремпелья² показаны общие закономерности и региональные особенности развития изобразительного искусства Узбекистана в 1917–1972 годы. Раскрывая тенденции его становления в данный период, авторы не стремились описать всю историю этого вопроса, а лишь показали основные направления различных видов и жанров. В сборнике подчеркиваются характерные особенности развития искусства Узбекистана: интеграция узбекского национального искусства и русского искусства; синтез узбекского современного и национального наследия; народный колорит и национальный характер искусства.

Анализ научных трудов по культурной истории советского общества показывает, что взгляды ученых на вопрос о развитии изобразительного искусства носят чисто искусствоведческий характер, а исходные методологические положения являются общими.

В советский период политизация и идеологизация науки привели к тому, что социальные проблемы и противоречия в области изобразительного искусства всегда обходились стороной. Факты, свидетельствующие о низком качестве художественных произведений, замалчивались и нередко рассматривались в политических рамках «борьбы с вредителями».

С началом перестройки и крахом советской системы, историческая наука освобождается от идеологической заданности, и значительно расширяется методологическое поле исследования. Появляются работы на стыке научных дисциплин.

На современном этапе изучения истории культуры преобладает представление о культуре как целостной системе, включающей помимо классических областей (литература, искусство, музыка и т.д.) такие сферы культурной жизни, как наука и религия, политическая и правовая культура, образование, моральные и нравственные нормы

¹ Такташ Р.Х. Художественно-критические этюды: пути и проблемы становления узбекского советского изобразительного искусства. Ташкент, 1992.

² Искусство советского Узбекистана. 1917–1972. Живопись. Скульптура. Графика. Декоративно-прикладное искусство. Театрально-декорационная живопись. Художники кино. Архитектура и градостроительство / науч. ред. Л.И. Ремпель. М.: Советский художник, 1976.

поведения людей и государства, изучение участия общественности в культурном движении. Среди наиболее актуальных проблем в историко-культурных исследованиях — общественный быт, культура повседневности и подробное изучение социальной истории искусства. Наиболее подходящими в этом случае являются принципы институционального анализа и концепция социального поля П. Бурдьё. Первое время в исторической науке было принято считать, что искусство в годы сталинизма существовало в рамках жесткой единообразной системы, которая в свою очередь породила одинаковость художественных приемов, тем, стилевых решений. Характер содержания и форм художественных объектов определялся партийно-политическими инстанциями. А то, что получило «официальное» название «социалистический реализм», отличалось монолитностью, однородностью и стабильностью, но и вместе с тем имело много общего с официальным искусством стран с тоталитарными политическими режимами. Это искусство было сформировано в 1930-е гг. и продолжало существовать без особых изменений вплоть до середины 1950-х годов.

Но в данное время изучение только политических процессов данного периода и истории развития художественных направлений не дает ответов, как именно протекала в СССР художественная жизнь, почему она принимала именно те или иные организационные и творческие формы.

Институциональный подход открывает в этом отношении новые возможности. Он подразумевает, что искусство есть социальный институт, функционирующий в пространстве производства, распространения и восприятия визуальных художественных объектов. Институциональная теория искусства рождается в середине 1960-х гг. в американской эстетике и сопрягается с рядом концепций в различных отраслях гуманитарного знания.

С институциональной точки зрения искусство включает в себя многочисленные практики: 1) организации творчества (кто и на каких условиях заказывает произведение искусства, поставляет художественные материалы, обучает ремеслу); 2) его публичной оценки (кто и посредством каких средств коммуникации формирует мнения об искусстве); 3) репрезентации (по каким критериям строятся экспозиции музеев и галерей, каким образом художественные образы тиражируются или дидактически используются в системе образования); 4) продвижения художественных произведений (как организован художественный рынок, кто является посредником между художником и потребителем).

В изучении всех этих проблем методологическую основу дополняет концепция социального поля П. Бурдьё, которая находит немало

последователей среди историков художественной культуры. В рамках теории социального поля искусство (равно как и любые другие области художественной жизни — литература, музыка, театр и т.д.) трактуется как динамичный и автономный социальный универсум, не сводимый к сумме действующих в этом поле сил (агентов).

Среди ключевых идей концепции социального поля («позиция», «легитимность», «символическая власть и символический капитал») особую значимость представляет тезис о том, что произведение искусства — это символический объект, ценность которого формируется не только его непосредственным создателем (художником или писателем), но также «целым ансамблем агентов и институтов» — критиками, историками искусства, издателями, арт-дилерами, коллекционерами, канонизирующими инстанциями (академиями, жюри конкурсов и т.п.), политическими и административными органами, уполномоченными заниматься делами искусства и т.д. Иначе говоря, в рамках концепции социального поля необходимо анализировать «характеристики поля» — социальное взаимодействие максимально широкого спектра сил, участвующих в производстве ценности произведения искусства «посредством производства веры в ценность искусства вообще и веры в отличительную ценность того или иного шедевра».

В Узбекистане пока еще нет подобных комплексных работ, однако существует ряд серьезных публикаций, заслуживающих внимания и освещающих художественное искусство без ограниченности методологических приемов марксизма.

Из наиболее значительных публикаций отечественных авторов, посвященных общим тенденциям развития изобразительного искусства, прежде всего следует отметить монографию Н.Р. Ахмедовой¹. В монографии исследованы проблемы формирования и развития художественной культуры Центральной Азии, в том числе Узбекистана. На основе новых методологических подходов показана актуальность историко-культурных трансформаций в искусстве региона. В главе книги, посвященной проблемам адаптации и синтеза художественной культуры Центральной Азии, раскрыты генезис и специфика преемственности изобразительного искусства 1920–1950-х годов. Автор подчеркивает: тот факт, что генезис изобразительного искусства данного региона был «инспирирован историко-политическими факторами, а не внутрисюжетными процессами, объяснялся строительством социалистического общества».

¹ Ахмедова Н.Р. Живопись Центральной Азии XX века: традиции, самобытность, диалог. Ташкент, 2004.

В содержании книги подвергается критике постулат о том, что советское искусство должно быть «национальным по форме и социалистическим по содержанию». По мнению автора, эта догма не может быть всеобъемлющей идейной формулой, определяющей сущность национального, так как на ее основе разделялось то, что нельзя делить, — форма и содержание художественного произведения.

В ракурсе искусствоведения изучению основных социально-динамических аспектов посвящена книга Б.А. Абдурахимова¹. Автор указывает, что отличительной особенностью художественной культуры Узбекистана 20–50-х годов является ускоренный ход развития новых для местного художественного опыта видов и жанров изобразительного искусства. Содержание искусства данного периода определялось социальными условиями, имеющими масштабный характер (коллективизация, индустриализация, гигантские стройки, досрочное выполнение пятилеток).

Работа А.А. Хакимова², опубликованная накануне 20-летия независимости Узбекистана, посвящена истории искусств Центрально-Азиатского региона в целом, и в том числе Узбекистана. Хронологически книга охватывает историю искусств республики с древности до наших дней. Освещение такого обширного периода в одной монографии историография отечественного искусствознания не знает. При этом автор демонстрирует одинаково глубокое знание и материала по истории искусств, и современной художественной практики.

Особый интерес представляет глава «Живопись XIX–XX веков: миф и реальность в искусстве», в которой рассматриваются проблемы становления и развития станковой живописи Узбекистана. В ней дан анализ явлений искусства, рассмотрено творчество ведущих художников-живописцев. Автор утверждает, что, несмотря на идеологическую цензуру и засилье соцреализма, в эти десятилетия создано немало замечательных произведений.

В этих работах впервые наряду с непосредственным анализом изобразительного искусства 20–50-х годов XX века исследуются историко-социальные явления, объясняются многие трансформации творчества художников Узбекистана в этот период.

Монография Д.А. Алимовой³ посвящена актуальным проблемам истории Узбекистана XX века, а также вопросам места и роли исторической науки на современном этапе, поиска новых подходов в методо-

¹ Абдурахимов Б.А. Художественная культура Узбекистана: XX век. Ташкент: Узбекистан, 2000.

² Хакимов А.А. Искусство Узбекистана: история и современность. Ташкент, 2011.

³ Алимова Д.А. История как история, история как наука. Ташкент, 2008.

логии изучения истории. В специальной главе «Основные проблемы культуры Узбекистана в историографии 20–30-х годов», автор отмечает, что 20–50-е годы XX века являются самым противоречивым и сложным периодом в развитии культуры страны. В связи с этим автор считает правомерным разделение историографии этого периода на два этапа: с 1917 г. до конца 30-х годов и с 40-х до 50-х годов XX века.

По мнению автора, 20-е годы весьма противоречивы: прогрессивные явления смешаны с явлениями трагизма, «всплеск энтузиазма масс в области образования и в то же время необдуманные реформы; образование большого корпуса новой интеллигенции и истребление ее старых кадров; повышение уровня грамотности и утверждение бюрократизма и конформизма; продвижение к техническому прогрессу, организация научных учреждений, обусловившие развитие науки, и в то же время усиление механизма торможения, приведшего к задержке духовного развития общества и даже откату назад, к регрессу в определенных его гранях»¹. Автор характеризует основные действия советской власти по развитию советской культуры и последствия, к которым привели эти половинчатые и необдуманные действия.

В 30-е годы вопрос к культуре ослабевает, в связи с «решенностью» данной проблемы. И если в годы Второй мировой войны освещение развития культуры было лишь публицистикой, отражающей вклад в победу, то в начале 50-х годов усиливается именно научное осмысление истории культуры Узбекистана. Однако хочется заметить, что это научное осмысление, хотя и проводилось с привлечением архивных материалов, все же было зажато в рамки советской идеологии.

Не так много и зарубежных ученых, занимающихся этим вопросом. В наше время известны работы Бориса Чуховича, исследователя Монреальского университета, и Элеоноры Шафранской, преподавателя МГПУ. В своих работах они обращаются к реконструкции жизни и творчества одного из самых противоречивых и загадочных художников Узбекистана — Александра Васильевича Николаева, вошедшего в историю под именем Усто Мумин.

В книге «А.В. Николаев — Усто Мумин: судьба в истории и культуре»², Э. Шафранская попыталась воссоздать биографию и характер художника, делая упор на его своеобразное творчество, увлечение Востоком. Работа написана в ярком художественно-описательном стиле и вместе с тем на конкретных исторических архивных фактах. К этой же теме она обращается в своем исследовании «Ташкентский

¹ Алимova Д.А. История как история, история как наука. Ташкент, 2008. С. 207.

² Шафранская Э. А.В. Николаев — Усто Мумин: судьба в истории и культуре. СПб.: Свое издательство, 2014.

текст в русской культуре»¹, описывая Ташкент и его культурную среду из художников, она упоминает только А.В. Николаева, потому что, по её мнению, «именно этот русский художник — Александр Васильевич Николаев — и своей судьбой, и картинами предстал выразителем именно *Ташкентского текста*, вобрав все перипетии, знаки и образы рассматриваемого феномена»².

Исследование судьбы А. Николаева в работах Э. Шафранской было детально проанализировано в статье «Искусство в Узбекистане: очерки внутреннего изгнания» Б. Чуховичем. По его мнению, автор, несомненно, проделала очень большую работу, поскольку сведения о нем крайне малочисленны и неоднократно цензурированы. Несмотря на свое некоторое разное видение этой личности, обе работы представляют собой весьма разносторонние исследования. Они свободны от идеологической однобокости, видят в художнике прежде всего человека, со своими слабостями, проблемами, страстями и, несомненно, отмечают влияние политических событий, происходивших в этот период, идеологического диктата, социального окружения и социальных проблем, оказывавших влияние на его творчество. В этих работах дается характеристика всей художественной среды того периода, весьма подробно освещена художественная и творческая атмосфера Узбекистана, подчеркивается её своеобразие и уникальность, складывающаяся из переплетения местных художественных традиций, русской дореволюционной художественной стилистики, художественных метаний первых лет революции и идеологического диктата 30-х годов.

В результате анализа историографического материала можно сделать вывод о расширении применяемых методов в изучении истории культуры и несомненном интересе историков и искусствоведов к данной теме.

Изучение жизни и творчества художников перестает быть объектом только искусствоведов и не рассматривается с ограниченной точки зрения: когда жил — что нарисовал. В систему анализа включается окружение художников, семейная и творческая среда, политическая обстановка, взаимодействие с властными структурами, бытовые условия, экономическая ситуация.

Вместе с тем необходимо отметить, что проблема социальной истории изобразительного искусства Узбекистана исследуется представителями искусствоведческой науки фрагментарно, в историческом контексте таких трудов чрезвычайно мало, они носят в основном именно искусствоведческий, а не историко-социальный характер.

¹ Шафранская Э.Ф. Ташкентский текст в русской культуре. М.: Арт Хаус медиа, 2010.

² Там же. С. 319.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдуллаев Равшан Маджидович — доктор исторических наук, директор Института истории АН РУз, Ташкент (Узбекистан). E-mail: ravshan56@mail.ru

Адылходжаева Сурайё Махкамовна — доктор юридических наук, профессор кафедры Международного публичного права Ташкентского государственного юридического университета, Ташкент (Узбекистан). E-mail: a.surayyo.law@mail.ru

Алаев Леонид Борисович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва (Россия). E-mail: alaev_leonid@mail.ru

Аликберов Аликбер Калабекович — кандидат исторических наук, заместитель директора Института востоковедения РАН, заведующий Центром изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья ИВ РАН, Москва (Россия). E-mail: alikberov@mail.ru

Исакова Мухаё Сиражиддиновна — доктор исторических наук, старший научный сотрудник Центрального Государственного архива Республики Узбекистан, старший научный сотрудник Института истории АН РУз, Ташкент (Узбекистан) E-mail: muhayo.isakova@gmail.com

Ал-Лавати, Саид Мухаммад (Оман) — соискатель Университета мировой экономики и дипломатии, Ташкент (Узбекистан).

Маликов Азимжон Маннонович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела «Этнологии и антропологии» Института истории АН РУз, Ташкент (Узбекистан). E-mail: azim_malikov@yahoo.com

Мармونتова Таисия Викторовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры Регионоведения Евразийского Национального Университета им. Л.Н. Гумилева, Астана (Казахстан). E-mail: marmontova@rambler.ru

Мухамедов Шухрат Бахронович — кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора по науке Института истории АН РУз, Ташкент (Узбекистан). E-mail: shukhrat.mukhamedov@gmail.com

Назаров Равшан Ринатович — кандидат философских наук, заместитель заведующего Отделом «Новой и новейшей истории» Института истории АН РУз, Ташкент (Узбекистан). E-mail: Shon2002@yandex.ru

Рахимов Мирзохид Акрамович — доктор исторических наук, профессор, заведующий отделением общественно-гуманитарных наук АН РУз, директор Центра новейшей истории АН РУз, руководитель отдела «Современной истории и международных отношений» Института истории АН РУз, Ташкент (Узбекистан). (E-mail: mirzohidr@mail.ru, mirzonur@yahoo.com)

Рахимов Садриддин Акрамович — докторант Института истории АН РУз, Ташкент (Узбекистан). E-mail: sadriddin.r@mail.ru

Сайфуллаев Дурбек Бахтиёрович — доктор философии (PhD), заведующий кафедрой «мировая политика и международные отношения» Ташкентского государственного института востоковедения, Ташкент (Узбекистан). E-mail: s.durbek@mail.ru

Саломов Жасур Ботирович — докторант Института истории АН РУз, Ташкент (Узбекистан). (E-mail: jasur_uwed@mail.ru)

Серикбаева Айжан Темирболатовна — доктор политических наук, доцент Евразийского Национального Университета им. Л.Н. Гумилева, Астана (Казахстан). E-mail: a.serikbaeva@mail.ru

Татыбаев Азиз Суюнович — кандидат исторических наук, доцент Национального университета Узбекистана, Ташкент (Узбекистан). E-mail: tatybaevaz@mail.ru

Турсунова Ранохон Юсубжановна — кандидат исторических наук, доцент Университета мировой экономики и дипломатии, Ташкент (Узбекистан). E-mail: turrena72@mail.ru

Тухтаева Малика Саидахроловна — докторант Института истории АН РУз, Ташкент (Узбекистан). E-mail: artgirl83@list.ru

Фармонов Рахмон Фармонович — доктор исторических наук, профессор Университета мировой экономики и дипломатии, Ташкент (Узбекистан). E-mail: rfarmonov@uwed.uz

Фукалов Иван Алексеевич — кандидат исторических наук, Кыргызский национальный университет им. Жусупа Баласагуна, Бишкек (Кыргызстан). E-mail: fukalov1988@mail.ru

Хан Валерий Сергеевич — кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Отдела «Этнологии и антропологии» Института истории АН РУз, Ташкент (Узбекистан). E-mail: khanval@yahoo.com

Научное издание

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Проблемы теории и методологии

Ответственные редакторы и составители:

А.К. Аликберов, М.А. Рахимов

Редактор-корректор: А.А. Конькова

Разработка оформления и компьютерная верстка: С.Н. Чеботарев

Подписано в печать 14.02.2018

Формат 60х90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная

Гарнитура «Октава».

Тираж 300 экз. Заказ №

Институт востоковедения РАН

107031, Москва, ул. Рождественка, 12

Тел./факс (495) 621-18-84

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
электронного оригинал-макета в типографии филиала

ОАО «ТАТМЕДИА» «ПИК «Идел-Пресс»

420066, г. Казань, ул. Декабристов, д. 2

E-mail: idelpress@mail.ru